

Анатолий ВОСТРИЛОВ

«УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ...»

История села Давыдова

Нижний Новгород
2005

«Перевозчик, перевозчик,
Водовозчик молодой,
Перевези меня на ту сторону,
На ту сторону — домой!»

Александр Твардовский

«УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ...»

История села Давыдова

Фото А.В. Вострилова

Анатолий ВОСТРИЛОВ

«УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ...»

История села Давыдова
Вачского района
Нижегородской области

Издательство....
Нижний Новгород
2005

Судьба этой книги непростая. Наш отец, Анатолий Васильевич Вострилов, работая журналистом в районной газете «Борская правда», по ночам, «во вторую смену» (как он сам говорил), готовил к публикации эту книгу. Книгу, которую он считал самой главной, итоговой в своей жизни. По его замыслу, она должна была представлять собой историческое исследование в художественной обработке автора. Это делало бы книгу памятной для многих читателей. К сожалению, отец не успел написать (или рассказать нам) о том, какова должна была быть структура книги, сколько в ней планировалось глав... Некоторые из них он не успел по-редакторски обработать. Мы нашли и изучили дневники отца, в которых он записывал отдельные высказывания по поводу создания книги. Именно выдержки из этих дневников и стали эпиграфами для глав произведения. Очерк отца «Моя родословная» лег в основу книги. Некоторые главы пришлось представить в виде отдельных отрывков на заданную тему. Мы ничего не хотели (и не имели права) менять в книге о Давыдове. Если бы отец сам ее составлял, то она, наверняка, получилась бы другой...

рилова

Сергей и Татьяна - дети А.В. Вост-

Выражаем благодарность за редакторскую помощь Зыкову Владимиру Павловичу, Чеботареву Игорю Гурьевичу, Юнонину Анатолию Николаевичу, Скульскому Алексею Михайловичу, Востриловой Ольге Борисовне, Малиновскому Алексею Владимировичу.

Третья встреча

С Анатолием Васильевичем Востриловым я много раз беседовал по телефону. А вот встретиться с ним мне посчастливилось только дважды.

Первый раз мы с ним лично увиделись на презентации моего первого персонального сборника «Ожидание счастья». Автор этих строк был немало обрадован тем, что поздравить молодого автора с первой книгой приехал широко известный журналист и поэт, чьи стихи попали в антологию нижегородских поэтов (под одну обложку с незабвенным Алексеем Максимовичем Горьким! – сборник «Родники», ВВКИ, 1961 год), автор двух поэтических сборников и бесчисленных публикаций в областной и районной печати.

Мы виделись в первый раз, но встретились как старые добрые знакомые. Анатолий Васильевич очень доброжелательно отнесся к моей первой книге, но это не мешало ему разумно критиковать мои творческие неудачи. Тактичный, взаимоуважительный обмен мнениями продолжался между нами на протяжении более чем десяти лет. Приятно сознавать, что и к моему мнению в отношении его творческих работ Анатолий Васильевич неизменно прислушивался. Мы нередко спорили, но наши споры никогда не перерастали в ссору – хотя характер у нас обоих легким никак не назовешь.

Во второй раз мы увиделись спустя почти шесть лет – на этот раз Анатолий Васильевич побывал у меня в гостях – поздравил с выходом второй книги. Было это летом 1999 года.

В скором времени пролетел и 2000-й год, наступил новый 21 век. Мы часто шутили в ту пору: когда увидимся в новом тысячелетии?

Но годы летели быстро – и вот наступило роковое лето 2003 года, когда моего старшего товарища по литературному труду не стало.

Едва ли не каждый наш телефонный разговор последних лет касался грандиозного замысла Анатолия Васильевича написать подробную летопись его родного села Давыдова. Он не раз говорил:

— Эту работу могу проделать только я, и эта книга – главное дело моей жизни!

Замысел остался незавершенным – но еще и не родился тот человек, который бы успел претворить в жизнь все задуманное!

Со времени кончины нашего дорогого «Вострилыча» (как в шутку его прозвали товарищи из журналистской братии) прошло больше года.

И вот – неожиданно для меня состоялась моя третья встреча с Анатолием Васильевичем. Нет, это не был спиритический сеанс, и его дух не являлся ко мне в ночи из потустороннего мира.

Но читая рукопись его «лебединой песни», я ощущал живое присутствие автора, слышал его голос с неподражаемыми востриловскими интонациями, ощущал на себе его дыхание.

А, когда, читая книгу, ощущаешь живого автора - значит, книга сия - вещь несомненно талантливая!

Крупное прозаическое произведение А.В. Вострилова заслуживает отдельного издания: эта книга бесспорно привлечет к себе внимание широкого круга самых разных читателей. В добрый час, дорогой Анатолий Васильевич! Мы помним о Вас – а значит, памятуя слова Пушкина, «Вы умерли не весь» – и Ваша «душа в заветной лире» не прервала свой творческий полет!

Я поздравляю читателей будущей книги со знаменательным открытием в духовной жизни – страницами новой книги Анатолия Васильевича Вострилова.

*С уважением и благодарностью -
Игорь Чеботарев,
Член Союза журналистов РФ,
член Российского Союза Профессиональ-
ных
литераторов, автор трех книг,
сертифицированный номинант
Международной премии «Филантроп»*

22 ноября 2004 года.

ЗАЧИН

Из дневника А.В. Вострилова

...Я работаю над книгой о Давыдове и о себе как крепостной крестьянин или колхозник «во вторую смену». И так же, как у крепостного, именно эта сверхурочная работа, а не колхозно-барицкая, у меня настоящая...

...Для меня Давыдово (не сегодняшнее, а то, ушедшее, которое я еще застал) — это (не только воспоминание и родовые корни) та опора (в жизни и в этой книге) — нравственная опора, которая является для меня фундаментом, альфа и омегой в сегодняшнем хаосе — не только экономическом, но и духовном. И когда я что-то делаю по совести — это мать, это предки, сидящие в моей душе, побеждают, а когда пакость — это от нынешних веяний, человек я, и ничего человеческого...

7 ноября 2003 года.

...Копаясь в прошлом, в жизни предков, я как бы всматриваюсь в себя (это я был в их облике).

...Писать книгу о Давыдове, как садовый участок возделывать: не через силу, а с отдыхом, с разных концов, продолжая накопление фактов, деталей и напоминая о себе и т. д. Беспрерывная чистка и шлифовка...

...Бесконечность села я не мог объять, но свой кирпичик положил! Пусть другие сделают больше - если смогут.

17 июня 1996 года.

...Сначала придется писать хроникально-документальный вариант, а уж только потом документально-художественный...

12 ноября 1993 года.

...Всю книгу надо привязать к стыку тысячелетий, эксперимента Тоталитаризма в России. Зло усложняется и становится все больше походить на правду, размывая эти понятия.

18 января 1998 года.

...Всего просто нельзя написать — даже если бы известен был день и час первого человеческого колышка в Давыдове и последней заколоченной избы...

Неизмеримо бездонна даже душа одного человека (и его внешняя жизнь), не то, что целого села...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СРЕДИ МУРОМСКИХ ЛЕСОВ...

ДАВИДОВО – СЕЛО СТАРИННОЕ

«По реке Сережа назвал сына...»
Из дневника А.В. Вострилова

Родился я 6 марта 1937 года в городе Электросталь Московской области, где мои родители работали на военном заводе. В октябре 1941-го, когда завод встал, и его оборудование стали грузить на железнодорожные платформы для отправки на восток, вместе с подавляющим большинством других мужчин, работавших на заводе, мой отец, Василий Егорович Вострилов, был призван в армию и погиб в боях под Москвой.

Мать, Федосья Уваровна, в те же дни, спасаясь от непрерывных бомбежек, вместе с другими беженцами (в основном по ночам) за две недели пришла пешком из Электростали на «малую родину» отца — в село Давыдово Вачского района Горьковской области (куда еще за месяц до подхода фронта к Москве и Электростали были отправлены мы с бабушкой). Там и прошло мое детство.

В 1954 году окончил Вачскую среднюю школу, в 1959 году — филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. С 1960-го по 1997 год (с двумя небольшими перерывами) работал в газете «Борская правда» (г. Бор Нижегородской области). Член Союза журналистов России с момента его основания (октябрь 1961 года), печатался во многих центральных и областных изданиях, журналистских и поэтических коллективных сборниках.

Выпустил в Волго-Вятском (Горьковском) книжном издательстве две книги своих стихов: «На районных дорогах» (1967 г.) и «Отцовский узелок» (1987 г.). В 1995 году был составителем и главным редактором сборника стихов борских поэтов-фронтовиков «Не молчала муза на войне», вышедшего в свет к 50-летию Победы.

Хотя все мы, как утверждает Библия, произошли от Адама и Евы, во все времена находились пытливые, любознательные люди, которых интересовала более конкретная и подробная история своего рода-племени. В высших кругах разных стран, в том числе и России, в старину утверждались родовые гербы, велись специальные геральдические книги, в которых поименно перечислялись персональные звенья родословных цепочек за многие столетия.

Причем, дело тут было даже не в любопытстве и честолюбии, чаще всего этот интерес к собственным корням носил не столько престижный и познавательный характер, сколько имел огромное практическое значение. Сплошь и рядом вовсе не от ума, трудолюбия и способностей человека, а именно от того, кем были его предки, чья кровь текла в его жилах, напрямую зависели его сегодняшнее положение в обществе и благополучие, размеры пожалованных ему поместий, чинов и наград, его приближенность или отдаленность от сильных мира сего.

Потом пришли времена, когда Единственно Верное Учение взяло на свое вооружение дарвиновский тезис о происхождении человека от обезьяны — и за одну только принадлежность к так называемым благородным сословиям стало можно заплатить собственной жизнью. По скоропалительным приговорам полуграмотных трибуналов и без таковых не успевшие убежать за кордон представители этих сословий даже не поштучно, а целыми «слоями» отправлялись к своим титулованным предкам: дворянство, духовенство, буржуи, кулаки, подкулачники... Стало модным отречься не только от живших при царе Горохе несознательных дедов-прадедов, а и от выпустивших тебя на белый свет родителей, доносить на собственного отца.

А на смену выкорчеванным с корнем прежним привилегированным российским родам приходила новая знать — называвшая себя «рабоче-крестьянской», а на самом деле — аппаратно-номенклатурная. Составленная не по признакам древности рода или чистоты кровей, а по одному только принципу безоговорочной преданности своим возмнившим себя всемогущими богам вождям и всей разноплеменной интернационально-безродной банде, завоевавшей власть в стране и мертвой хваткой вцепившейся в горло несчастной России. Да еще, пожалуй, по выработывавшемуся годами умению в любых обстоятельствах, при любых зигзагах «генеральной линии» своей бандитской партии оставаться в ее «авангарде», на плаву.

Вот и в нынешнее, еще небывалое ни в российской, ни в мировой истории Смутное Время Семибанкирщины и номенклатурно-уголовного беспредела практически вся эта выпестованная чуть ли не за восемь десятилетий Советской власти новая знать (особенно в провинции, на местах) в полном составе осталась в своих руководящих креслах. Только пришлось ей в угоду «новым веяниям», да лелеющему ее Западу немного удлинить поводки на шеях редакций газет и телеканалов, а также впервые за семь с лишним десятилетий чуть-чуть приоткрыть двери... нет не по-прежнему остающихся за семью замками секретных спецхранов, а «обыкновенных» государственных архивов.

Ну, да, для нас и это уже неслыханное достижение! И вот уже появились в читальных залах чуть-чуть приоткрытых государственных архивов бородатые фанатики с горящими юношеским огнем глазами, готовые перерыть любые горы покрытых толстым слоем пыли древних фолиантов в поисках своих дворянских корней. Или уж, на худой конец, кого-нибудь из недавних родичей, отмеченных в советское время золотой звездой Героя соцтруда. Да хотя бы и значком «Ворошиловский стрелок».

Ну, а нам-то, подавляющему большинству остальных, у которых нет ни малейших надежд ни на то, ни на другое, — нам-то что искать в этих, наконец-то приоткрытых архивах? Какой смысл разыскивать свои родословные по архивным следам давно умерших предков, когда нынче и живым-то цена — копейка за пучок?

Так думал и я до тех пор, пока не вышел на пенсию и не решился во искупление вольных и невольных, журналистских и всяких иных моих грехов написать историю родного своего села Давыдова, Вачского района, Нижегородской области — историю, которую никто, кроме меня, не напишет. Была изначальная мысль сделать доброе дело для всех своих земляков-односельчан, а особенно для тех, кто когда-нибудь будет жить в селе после нас. И просто в голову не приходило мне как-то специально выделять при этом собственный, востриловский род, а тем более свою персону.

Но вот окунулся я в море старинных документов и книг, добрался и до более чем двухсотлетней давности ревизских сказок и исповедных росписей — и как бы сама собой, безо всяких усилий с моей стороны, встала передо мной многоколенная череда крепостных моих дедов и прадедов... Впрочем, начинать надо все-таки именно с истории села, в котором они с самого его возникновения проживали.

А возникло наше Давыдово по сравнению с другими окрестными селениями довольно поздно, — скорее всего только в середине XVIII века, уже после смерти Петра Первого. Произошло это так поздно потому, что суждено было ему возникнуть в самых глухих дебрях северо-восточной окраины тогда еще непроходимых муромских лесов, вдалеке не только от больших городов и дорог, но и от пригодных для лесосплава рек. Кстати, до административной реформы Екатерины Второй, в соответствии с которой в 1779 году были образованы Горбатовский и другие нижегородские уезды, только что возникшее Давыдово (так же как Вача, Березовка, Чеванино, Ганино и другие соседние с ним села и деревни) входило в состав Муромской округи Владимирской губернии.

До Оки от наших мест 16 верст, до старинного большого тракта (а позднее — железной дороги) Москва–Казань — 30. До оставшегося уездным вплоть до 1918 года, на протяжении полутора веков, города Горбатова — 75, до губернского Нижнего Новгорода — 112 верст. Недаром и называли тогда наше Давыдово Дальним — в отличие от Ближнего Давыдова, нынче почти сросшегося с городом Павловым-на-Оке. А также от села Давыдова, до Октябрьской революции тоже входившего в бывший Горбатовский уезд, а потом оказавшегося в Сосновском районе.

«Нижегородские губернские ведомости», 1839 год, № 9–11 (март)

Статистическое описание городов Нижегородской губернии.

Уездный город Горбатов

Находится при реке Оке, жители берут воду из нее и 20 колодцев. В городе 2 деревянных моста, 15 улиц и переулков (из них мощены деревом две), два кладбища. В городе церковь соборная каменная, 6 каменных и 505 деревянных домов. Частным людям принадлежат 250 садов и огородов, в коих заключается 65,684 квадратных сажен. В 1838 году случились два пожара, во время которых сгорели одна баня и один дом.

В конце 1838 года в городе было 6 священников и 33 церковнослужителя, 95 благородных лиц военного и гражданского ведомства (еще трое в отставке), 49 разночинцев, 214 купцов (второй гильдии — 10, третьей — 204), 1 784 мещан и посадских, 174 нижних воинских чинов, 94 дворовых,

живущих при домах господ, 16 казенных и 4 помещичьих крестьянина, 5 учителей и 24 чиновника. Всего 1 140 мужчин и 1 336 женщин (2 476 человек).

За 1838 год заключено 19 браков, родилось 87 человек (незаконнорожденных — 5, подкидышей — 4). Умерло 78 человек (далее разъясняется, что «умирали в 1838 году большею частию от простуды», СПИДа тогда еще не было! — А.В.). Скоропостижно умерший от пьянства — 1, найдено выплывшее мертвое тело мужского рода — 1.

На собственное продовольствие жителей убито в течение 1838 года: быков и коров — 390, баранов — 500, телят — 415. Полагая средним числом в быке и корове весу 6 пудов, в баране — 25 фунтов, а в теленке — 30 фунтов, в городе Горбатове потреблено в течение 1838 года: свежей говядины — 2 340, баранины — 306, телятины — 350 пудов. Далее: муки ржаной — 5 000 кулей, пшеничной — 4 500 кулей, овса — 2 860 четвертей, круп разных — 946 четвертей. Вина хлебного, водки и спирта ввезено в город 24 850 ведер (из них сам город — до 5 000 ведер). Наибольшее (его) количество расходится в январе и декабре месяцах — по причине зимнего времени и многолюдного съезда во время торговых дней.

Цены: куль ржаной муки (9-пудовый) — 11 руб. 10 коп., пшеничной — 18 руб. 25 коп., четверть крупы гречневой — 15 руб. 25 коп., овса — 42 руб. 76 коп. Пуд свежей говядины — 4 руб. 3 1/2 коп., пуд сена — 35 коп., сажень дров березовых — 6 руб. (дров за год в город завозится 8 000 возов, в сажени — 4 воза). В 1838 году продовольствие жителей города Горбатова особенных затруднений не встретило. Особенного возвышения цен на хлеб, говядину и прочие жизненные припасы, а равно и сено, не было.

Лавок с красным товаром в городе — 6, погреб с винами — 1, питейный дом — 1. Заводов — 6: три канатных (на них около полусотни рабочих вили веревки из пеньки, а ни конторщиков, ни бухгалтеров-счетоводов еще и в помине не было! — А.В.), 2 стальных (5 рабочих) и кирпичный (4 человека). В числе жителей — 2 портных, 12 сапожников, 25 кузнецов, 2 оловянщика, 2 слесаря, 50 прядильщиков.

В городе имеется светское казенное училище (5 учителей, 29 учащихся). Градская благотворительная больница (1 врач и 2 служителя) за год призрела 76 лиц (за исключением одной женщины, все — мужчины). Имеется тюрьма, в которой в течение года содержалось 90 мужчин и 10 женщин, выпущено 76 мужчин и 9 женщин, умер 1. Осталось в 1839 году 13 мужчин и 1 женщина. Из числа содержащихся: за воровство и мошенничество — 25, за побеги — 26, за корчемство — 3, за убийство — 2 (в том числе одна женщина — А.В.), за поджигательство — 1, за буйство и неповиновение — 1, за неимение письменного вида — 14, за бродяжничество — 22, за соращение в раскол⁰ — 4, за прелюбодеяние — 1, за членовредительство — 1.

Примечание первое: в числе содержащихся в тюрьме собственно жителей города не было. <...> Примечание четвертое: для прокормления арестантов добровольные приношения были съестными припасами на 245

⁰ Так тогда называли проповедь старообрядческой веры. Со времен протопопы Аввакума к этим годам прошло более полутора столетий — а старая вера в людях крепко жила. — Ред.

руб. 90 коп., из имеющейся при тюремном замке кружки высыпано в течение 1838 года 7 руб.49 коп.

«Нижегородские губернские ведомости», 1846 год, № 59 (17 августа):

Из рек, впадающих в Тешу, по величине своей более других замечательна Сережа, которая получает начало в Нижегородском уезде, Тетюшевской волости в дачах деревень Таможникова и Каменок. Она течет на запад по Нижегородскому уезду, потом по границам Арзамасского с Нижегородским и Горбатовским, а потом по этому последнему уезду. На границах его с Муромским, между деревнями Горицами и Натальиной, она впадает в Тешу. Ширина Сережи от 3 до 7 сажень, глубина от 1/2 до 4 аршин, грунт русла иловый и местами песчаный. Берега отлогие с небольшими крутизнами, покрытыми кустарником. Весенний разлив бывает до 40 сажень. Перевозы бывают только во время весенних разливов, а в остальное время сообщения производятся посредством мостов, бродов и мельничных плотин. Мельниц девять: при селениях Панине, Соловаре (речь о Салавари нынешнего Навашинского района — А.В.), Румасове, Костинове, Пустыне, Левине, Лесунове, Рожках и Чернухе.

Первые постоянные жители на месте будущего села Дальнего Давыдова появились после того, как одна из царствовавших после Петра Первого императриц подарила здешние леса сыну всем известного военного сподвижника Петра фельдмаршала Б.П. Шереметева (1652–1717 гг.) генерал-аншефу П.Б. Шереметеву. Сперва граф Шереметев поселил там 12 караульщиков леса, которые жили первое время в лесу в собственноручно вырытых ими землянках, будучи приписанными к приходу расположенной от них в восьми верстах Мещёрской церкви. Потом возвели первые рубленые дома, перевезли на новое место свои семьи.

Вскоре была построена в Давыдове и своя деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, но где-то на стыке восемнадцатого и девятнадцатого веков она сгорела от грозы. Чудом сохранились от нее только три старинных деревянных иконы (их потом перенесли в новую церковь, каменную). Да еще большим чудом оказавшаяся в фондах Государственного архива Нижегородской области клировая ведомость за 1790 год, составленная первым давыдовским священником иереем Петром Алексеевым. Из сей бесценной клировой ведомости видно, что имелось в том 1790 году при оной Давыдовской Покровской церкви 39 приходских дворов, в которых проживали 154 души «мужеска пола». Наверно, примерно столько же было и женских душ.

И поныне существующая в селе легенда гласит, что примерно в те же времена, на рубеже XVIII-го и XIX-го столетий, старый граф П.Б. Шереметев (1713–1788 гг.) проиграл в карты половину поселенных им в селе Дальнем Давыдове крепостных крестьян другому могущественному в ту пору феодалу - генерал-фельдмаршалу (а впоследствии тоже графу, военному губернатору ряда губерний, командующему русскими войсками на Кавказе и главнокомандующему Москвы) И.В. Гудовичу (1741–1820 гг.). С тех пор вплоть до Советской власти существовали в Давыдове две независимые друг от друга крестьянских общины. А оба главных порядка села состояли из «графских» и «гудовских»

дворов, почти поровну разделенных Гришиным (или, на другом порядке, Климовым) проулком. Еще во времена моего военного и послевоенного детства мы, «графские», нередко сходились на Покров или на Троицу для беспощадных драк с «гудовскими».

В другой широко известной легенде рассказывается о том, как в 1783–1774 годах, во время крестьянского восстания под предводительством Е.И. Пугачева, в дремучем лесу возле озера Кутюрева, в пяти верстах от села Давыдова и Давыдовского лесничества располагался один из пугачевских отрядов, которым командовал некий Суюль (башкир что ли?). Еще ближе к селу жил со своими сообщниками его ближайший помощник Савой. Оба они были, по устным преданиям, высокие ростом, широкоплечие, молодцы, оба носили за поясами широкие ножи, в руках пики, а на головах барашковые шапки. Жили Суюль и Савой со своими братьями-разбойниками в шатрах, раскинутых в лесу и покрытых лошадиными попонами; перед шатрами постоянно костры.

Жителям села Дальнего Давыдова, гласит далее легенда, никуда нельзя было в то время надолго отлучаться из своих домов, так как пугачевцы, сразу же узнававшие о каждой отлучке мужиков из села, во время их отсутствия уводили из села лошадей, резали коров, брали соты из ульев. Нередко обижали они также женщин и детей, а тех, кто осмеливался сопротивляться открытому грабежу, мучили или даже убивали.

В другой раз отряд пугачевцев, возглавляемых Суюлем и вооруженных вилами, чекушками, косами и просто дубинами, под Кулебаками, напротив деревни Шилокши, напал на состоявший из 12 троек и идущий из Оренбурга в Москву через Муром транспорт сибирского золота. Охранная стража была положена на месте, а золото и серебро разбойники не то закопали в горе возле деревни Шилокши, не то опустили на дно озера Кутюрева. Уже и в наше время находилось немало охотников это золото отыскать.

Видимо, этот случай и послужил причиной того, что уже в начале 1775 года, одновременно с поимкой и казнью Пугачева, пришел черед расправы с его оставшимися в давыдовских лесах споспешниками. По всей дороге, ведущей из Давыдова в Муром, на протяжении 35 верст, в лесу были расставлены постоянно обитавшие там пикеты вооруженных казаков. А вскоре отряд регулярных войск под командованием полковника Дрейвица, прибывший из Мурома, почти возле самого села Давыдова настиг и ватагу пугачевцев, возглавляемую Суюлем и Савоем. Произошла жестокая битва; по свидетельству предания, вся окрестность была обагрена кровью убитых, тела которых предоставлялись на съедение зверям. В конце концов, почти все пугачевцы были уничтожены, пикеты на дорогах сняты, и спокойствие снова воцарилось в дремучих давыдовских лесах. Но многие еще долго и после этого не осмеливались далеко углубляться в лесные чащи. Стережущие лошадей в ночном нередко рассказывали о случавшихся с ними приключениях: им слышались стрельба и разговоры на непонятных языках, треск и падение срубаемых деревьев. Разговорам и легендам о разбойниках не было конца.

ОЗАРЕНИЕ ОТЦА СЕРАФИМА

го

ного

шой

«...Написать историю Давыдовско-

монастыря нельзя без собствен-

преображения (возрождения) ду-

и телом — чтоб встать в ряд с

давыдовскими подвижниками

прошлого».

Из дневника А. В. Вострилова

7 декабря 1993

г.

Но разговоры разговорами, легенды легендами, а никогда бы мне не узнать настоящей, основанной на подлинных документах истории села, если бы не было в испокон веков нищем, безграмотном Давыдове трех очень удачных «зацепок», выгодно отличающих его в отношении точности исторических событий от многих и многих «беспамятных» окрестных и отдаленных селений.

Во-первых, в шереметевской вотчинной конторе, располагавшейся в селе Панине (ныне Сосновского района) и в волостном правлении, полтора ста лет находившемся в селе Пустынь на реке Сереже (его иногда называли еще и Серёжей), регулярно составлялись так называемые ревизские сказки, установленные еще Петром Первым в 1718 году. По существу, ревизские сказки были поголовными переписями населения, на основании которых с крестьян взималась подушная подать.

Во-вторых, как я уже раньше говорил, почти сразу же после возникновения Дальнего Давыдова была построена деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы (Покров и поныне является главным религиозным праздником в селе). И хотя где-то на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий та деревянная Покровская церковь сгорела от грозы, а от имевшейся в ней церковной документации почти ничего не осталось (уцелели только три деревянных иконы), уже в ноябре 1813 года взамен той сгоревшей деревянной церкви была построена церковь каменная, воздвигнутая во имя Рождества Христова.

Наконец, в-третьих, с февраля 1858-го и почти до самого конца двадцатых годов XX-го века действовал в селе Дальне-Давыдовский женский монастырь, в котором к моменту закрытия и разгона насчитывалось более полутора сотен монахинь и еще не посвященных в монашеский сан инокинь. А ведь и в вотчинной волостной конторе, и в сельской церкви, и в монастыре на протяжении десятков и сотен лет велась необходимая документация, оформлением которой занимались грамотные люди — не чета моим бесправным и безграмотным прадедам!

В июле 1903 Русская православная церковь канонизировала — то есть причислила к лику святых — великого старца и подвижника Серафима Саровского. Впервые в Сарове были открыты его мощи для всеобщего поклонения. Это необычное событие взволновало всю огромную страну. В российской прес-

се тех дней приводилось множество примеров пророчеств Преподобного Серафима. Из всего великого множества рассказов о необыкновенных подвигах, пророчествах и чудесах Серафима Саровского, опубликованных в газетах и журналах тем памятным летом 1903 года, я приведу здесь только один эпизод, относящийся к самому началу его многотрудного пути, к самой ранней юности. Напечатан был рассказ об этом пророчестве совсем ещё молодого Серафима Саровского в девятом номере «Нижегородских епархиальных ведомостей». Вот он, этот рассказ, почти слово в слово переписанный мной из названного номера журнала и озаглавленный «Предсказания преподобного отца Серафима Саровского об основании Дальне-Давыдовского монастыря» (по народным сказаниям, из рукописной летописи монастыря):

«К концу второй половины XVIII века, когда Муромские леса на западной окраине Нижегородской губернии сливались с саровскими, одна только большая дорога с Урала через Муром в Москву прорезала эти дремучие дебри, населенные дикими зверями и лихими людьми.

Вот по этой-то лесной дороге в один из летних жарких дней (как увидим ниже, было это в 1785 году — А.В.) по пути к Сарову из Мурома шли два инок. Оба они были еще молоды, но в подвигах духовной жизни достигшими большого совершенства. Оба были известны народу как люди святой жизни. Это были Саровский инок Серафим и Муромский — Антоний.

Дошли они до местечка, называемого Кряжева Сечь (или Мокрое), остановились и сели отдохнуть на дубовых пнях. Отец Серафим сказал отцу Антонию:

— На этом самом месте, отче, будет женский монастырь, его оснует девица. Она будет людям на посмеяние, а Царице Небесной на прославление. Здесь будет храм во имя Матери Божией «Утоли моя печали»!

Сказав это, отец Серафим встал и топориком, который он имел обыкновение всегда носить при себе, срубил два дубка. Заострил один из них и, обращаясь к спутнику, сказал:

— А ты, отче, этот крест утверди!

Отец Антоний утвердил поперечную часть креста. Ямку для водружения креста тем же топориком вырыл отец Серафим. Потом, пропев тропарь кресту: «Спаси, Господи, люди Твоя!», водрузил крест между кустарниками и снова запел тот же тропарь, поклоняясь кресту. И оба благочестивых спутника вместе снова, в третий раз, запели тот же тропарь, продолжая молиться.

Объятый духовным восторгом, отец Серафим сказал:

— Вот на этом самом месте будет соборный храм!

Случайным свидетелем этого разговора и молитвенного восторга иноков был крестьянский мальчик из деревни Натальина, по фамилии Дубов. Еще до прибытия иноков к этому месту он проехал мимо него с железом из Мурома. Недалеко от этого места у него сломалась оглобля, а потому ему невольно привелось остановиться, чтобы сделать новую оглоблю. Он пошел по лесу приискать подходящее дерево и, услышав разговор подошедших к месту спутников, притаился в кустах.

Окончив молитву и обращаясь в ту сторону, где был мальчик, отец Серафим, совершенно не зная его, назвал его по имени и, подозвав к себе, сказал:

— Ты думаешь, когда это будет? Это будет тогда, когда меня в живых не будет. А ты доживешь до того времени, когда будет устроена обитель. Доживешь и до освящения храма!

Предсказание отца Серафима исполнилось: в 1858 году, после утверждения монастырской общины, основанной на этом месте, 2 октября был освящен храм во Имя Всех Святых, и на этом торжестве привелось быть престарелому Дубову. Он плакал от умиления и после литургии, обливаясь слезами, рассказал первоначальнице общины, матери Вере Соколовой и всем тут бывшим о предсказании батюшки Серафима и о своем случайном подслушивании этого предсказания. Возвратившись домой, Дубов вскоре заболел и помер...

⟨...⟩

А за два года до своей кончины отец Серафим одной пришедшей к нему страннице сказал:

— Зачем ты странствуешь? Иди в монастырь, тебе готовится новая обитель!

Потом, помолчав, добавил:

— Когда я ходил в 1785 году по сбору в Муром (вот, значит, когда было все описанное выше! — А.В.), то на пути, в лесу, видел место, избранное Божией Матерью для монастыря. Я сам сидел на дубовом пне, и этот пенек попадет под первую церковь, туда пойдешь в монастырь и ты!

— Когда я там был первый раз, — продолжал отец Серафим, — то удостоился, грешный, видеть, как на том месте, где будет соборный храм, опустилась икона Божией Матери «Утоли моя печали». Я успел только поклониться опустившейся иконе, встал, а икона уже исчезла. Я был тогда еще молод. Место это святое, его возлюбила Царица Небесная!

Странница послушалась совета прозорливого старца: впоследствии, когда был основан Дальне-Давыдовский монастырь, она поселилась в нем и жила до самой смерти в 1889 году, рассказывая о предсказании отца Серафима. Это была старица Марфа Артемьевна. В 1870 году рассказы эти (были) занесены (ею) в монастырскую летопись.

Протоиерей Николай Фиалковский¹.

БЛАЖЕННАЯ НЕОНИЛЛА, МАТЕРЬ ДВУХ ОБИТЕЛЕЙ

«...Отсутствие интереса к людям, помыслы только о себе, о своей гордыне (а не о читателях и их душах) – вот главная беда большинства пишущих, в отличие от автора безымянной монастырской летописи...»

Из дневника

А.В.Вострилова.

21 августа 1998

года.

В родном Давыдове

Начнем с самого начала — с даты рождения Неониллы Борисовны Захаровой. В «Летописи Дальне-Давыдовского женского монастыря» о времени появления на свет его основательницы сказано:

«В 1813 году уже тогда престарелый Кузьма Григорьевич Кербенев (тот самый, у которого не раз останавливался в Давыдове на ночлег во время своих странствий из Сарова в Муром и обратно преподобный старец Серафим Саровский — А.В.) посетил (в Дивееве — А.В.) преп. Серафима, и тот ему радостно сказал:

**— Тому три дня (назад) родилась в Давыдове девочка; имя ей — Ни-
линька (по другим текстам: Нишенька — А.В.). Людям она будет на посмея-
ние, Царице Небесной — на прославление!**

**Это и была Неонилла, внучка К.Г. Кербенева от его дочери Стефани-
ды, которая была замужем за крестьянином Борисом Федоровым — буду-
щая основательница Дальне-Давыдовской пустыни»,** - говорится далее в «Летописи».

При всем уважении к составителям «Летописи» и нисколько не сомнева-
ясь в достоверности приводимого ими рассказа о разговоре великого саровско-
го старца с Кузьмой Григорьевичем Кербеневым, нам все-таки думается, что
происходил этот разговор не в 1813-м, а в 1814 году. Во всяком случае, в обна-
руженной автором этих строк в фондах Государственного архива Нижегород-
ской области (ГАО) метрической книге Христорождественской церкви села
Дальнего Давыдова за 1814 год имеется документально точная запись о том,
что **«26 октября 1814 года у крестьянина Дальне-Давыдовской вотчины
графа Кириллы Ивановича Гудовича Бориса Федорова (Захарова — А.В.)
родилась дочь Неонилла.**

При крещении новорожденной восприемниками были той же вотчи-
ны крестьянин Авдей Александров и вдова Екатерина Семионова. Мо-
литвование направлял и крещение совершал иерей Павел Матфиев». То
есть первый священник новой, каменной Дальне-Давыдовской церкви во имя
Рождества Христова, построенной и освященной без малого за год до этого, 9
ноября 1813 года, — Павел Матвеевич Черняев². Не знали об этой записи со-
ставители Монастырской летописи или сознательно «делали» Неониллу Бори-
совну ровесницей новой Дальне-Давыдовской приходской церкви, которую она
впоследствии так прославила? (А.В.)

Далее в монастырской «Летописи» говорится:

**«Отец Неониллы скоро умер, и она жила с матерью, братом Захаром и
сестрами. Это была дружная, благочестивая и трудолюбивая семья, но
очень бедная. Неонилла особенно любила деда своего Козьму Григорьевича
Кербенева (впоследствии ставшего старостой Дальне-Давыдовской церкви —
А.В.), слушалась его советов. Кроткая и молчаливая, она сторонилась сво-
их сверстниц, а оне считали ее дурочкой и постоянно обижали. Между тем
эта «дурочка» всячески старалась услужить бедным и беспомощным, и хо-
тя была неграмотной, знала на память всю Псалтирь и праздничные сти-
хиры и любила их петь. Бедным она отдавала все, что могла. Много моли-**

лась в церкви и дома, летом работала в поле, а зимой пряла и вязала четки».

«Раз она увидела во сне, что с колокольни летит по воздуху прямо в алтарь икона Божией Матери с Ангелами. В это время в царских вратах появилась в сиянии Пресвятая Богородица, которая повелела Неонилле взять эту икону и украсить ее. Неонилла ответила, что она дурочка и не знает, как это сделать. Тогда Владычица велела ей сказать об этом священнику и односельчанам. Но священник Неонилле не поверил. Однако же, сон этот еще дважды повторился. Тогда священник рассердился и, чтобы избавиться от Неониллы, послал ее на жнитво в деревню Валтово за 12 верст от Давыдова.

Там явился ей Святитель Николай и сказал: «Приступай к делу, тебе Царицей Небесной порученному, а то будешь наказана!» На следующую же ночь явилась ей Сама Пресвятая Богородица и еще более строго сказала: «Если ты из боязни не исполнишь мое повеление, то будешь наказана смертию!» Тогда Неонилла поспешно вернулась домой в село Давыдово и опять обратилась к священнику, сказав ему о строгом повелении Владычицы и угодника Божия Святителя Николая. Рассказала также о том матери своей благочестивой Стефаниде и брату своему Захару Борисову.

Вместе с дедом Неониллы, церковным старостой Кузьмой Григорьевичем Кербеневым, пошли они все вместе в церковный амбар, где хранились оставшиеся после прежней, сгоревшей от молнии, деревянной церкви три иконы: Спаса Нерукотворённого, Рождества Христова и старая доска, на которой виднелся лик Богоматери. Но там они нашли только две первые иконы, а последней не оказалось, ее отыскивали уже на колокольне. Как и кем она была туда занесена — неизвестно. Неонилла с благоговением взяла эту икону к себе, обмыла и в тот же день отправилась с нею в село Фотинино, где поручила поновить икону жившему в том селе живописцу, известному своим благочестием и трезвою жизнью.

Двенадцать дней постилась и молилась Неонилла, по ее просьбе постился и молился и живописец. Через 12 дней на иконе сама собой появилась рука Владычицы, прижатая к Лику, и надпись, обозначающая, что это икона Божьей Матери «Утоли моя печали». Когда живописец окончил свою работу, Неонилла возвратилась в Давыдово и в первый же воскресный день пошла к обедне в свою сельскую церковь. Когда она принесла икону в храм, во время пения Херувимской песни, ей явились Божия Матерь и Святитель Николай. Божия Матерь стояла в царских вратах, а угодник Божий Николай Чудотворец — в северных. Неонилла, не вынеся ослепившего ее света, упала и слышала голос Владычицы: «Неонилла! Укрась мой образ «Утоли моя печали» — и тогда ты будешь разумна. Я Сама тебе помогу!» А Святитель Николай строго сказал ей: «Неонилла! Скажи всем, чтобы здесь поминали усопших и молились бы за них!»

Многие из стоявших рядом с Неониллой видели, как она упала, слышали, как она разговаривала с Божией Матерью, заметили, как побледнело ее лицо. Она как бы впала в забытие, однако вскоре оправилась, встала и со слезами продолжала молиться. А когда по окончании божественной литургии ее дед, церковный староста К.Г. Кербенев, и брат Захар подошли к ней и спросили ее, почему она упала и с кем разговаривала, она все рассказала им и просила их о помощи в исполнении повеления Пресвятой Бо-

городицы. Кузьма Григорьевич и Захар обещали оказывать ей в этом святом деле всемерную помощь.

С того времени Неонилла Борисовна перестала юродствовать, а односельчане перестали называть ее дурочкой. Многие, по внушению свыше, стали приносить ей деньги, холсты и другие вещи, оставляя их на ее окне. От одних Неонилла эти приношения принимала, а другим отказывала.

Однажды к проживавшему в Муроме тогда уже слепому старцу Антонию (когда-то бывавшему вместе с преподобным Серафимом Саровским в Давыдове! — А.В.) пришла одна богатая, благочестивая женщина из села Карачарова и спросила его, где находится село Дальнее Давыдово. Тот указал ей путь. Приехав в село, женщина нашла Неониллу Борисовну и, входя к ней, сказала: «Неонилла! По повелению Матери Божией я принесла тебе свой жемчуг, принесу вскоре и бархат!» Что по возвращении в Муром и обратно в Давыдово и исполнила.

Из принесенных ею драгоценностей была заказана для Давыдовской иконы Божией Матери «Утоли моя печали» богатая риза в Озябликовском погосте, где проживали в то время хорошие мастерицы. Уплачено было и живописцу, куплены свечи, ладан, церковное масло, вино и деревянное масло для неугасимой лампы. Когда риза для святой иконы была готова, облаченную в нее икону крестным ходом понесли в Дальнее Давыдово, причем при входе сопровождавших её в село сами собой зазвонили колокола. Когда же вносили икону в Дальне-Давыдовскую церковь, сразу семь человек получили исцеление от своих болезней».

Далее в «Монастырской летописи» рассказывается о том, что слава обо всех этих необыкновенных свершениях, а также об обнаружившихся у Неониллы Борисовны Захаровой способностях к пророчеству и исцелению самых разных недугов начала привлекать к ней народ со всей округи. Принимать всех этих страждущих в родительском доме, где Неонилла жила вместе с престарелой матерью и многодетной семьей брата Захара, стало ей затруднительно, и с помощью одного крестьянина она построила себе возле церкви небольшую келию.

Вместе с Неониллой поселились в этом домике-келии две близкие ей подруги, крестьянские девицы - Агриппина Петровна Васильева из деревни Якунихи и совсем еще молодая Дарья Зайцева из Березовки³. Впоследствии число сестер, вместе с Неониллой стремившихся к отшельнической жизни, все увеличивалось.

Сама Неонилла целыми днями молилась и принимала народ, Агриппина и Дарья тяжелым трудом добывали пропитание и читали Псалтырь по покойникам — независимо от того, были ли преставившиеся люди знатными и богатыми или никем не знаемыми и бедными, были ли внесены деньги за их поминание или нет. Все были довольны и счастливы, ибо, как сказано в «Книге притчей Соломоновых»: «У кого сердце весело, у того всегда пир».

«Но не обошлось и без скорбей, — говорится далее в летописи. — Священник отец Иоанн стал преследовать Неониллу, отгонял народ от ее домика, неоднократно жаловался становому приставу, который поверив священнику, взял Неониллу с братом Захаром под арест и отправил в острог. Спасла их Сама Божия Матерь. Во сне она явилась жене станового пристава и сказала ей: «Зачем засадил твой муж невинную девицу и ее брата в острог?» Проснувшись, женщина рассказала о том своему мужу, и

он, пораженный сном жены, тотчас же приказал без замедления выпустить узников на свободу и в его собственном экипаже возвратить их в село Дальнее Давыдово с предписанием в волостное управление - ничем не притеснять Неониллу и допускать к ней всех приходящих. Это очень обрадовало крестьян, и рассказ об этом стал переходить из уст в уста.

Одновременно явилась Пресвятая Дева к приходскому священнику отцу Иоанну и сказала ему: «За что ты гонишь Неониллу?» Вскоре после этого он сильно заболел и перед своею кончиною послал за Неониллой, просил у нея прощения, и как только получил его, вскоре умер. Неонилла три дня и три ночи молилась у его гроба. На третьи сутки он явился ей во сне и благодарил ее, говоря: «Твоими святыми молитвами я получил облегчение: я буду в хорошем месте!».

Многие из этих сведений, сообщаемых монастырской летописью, подтверждаются архивными документами. В частности, из метрических книг каменной Дальне-Давыдовской сельской церкви, сохранившихся в фондах Государственного архива Нижегородской области (ГАО), за период с 1810 по 1916 годы, известно, что построена взамен прежней, деревянной, сгоревшей от грозы, и освящена она была 9 ноября 1813 года — меньше, чем за год до рождения Неониллы Борисовны Захаровой. Однако, уже **«1808 года мая 22 дня»** (видимо, когда новая церковь еще только строилась) священником в нее был назначен 23-летний выпускник Нижегородской духовной семинарии Павел Матвеевич Черняев, прослуживший в этой должности почти 33 года - до начала 1841 года, когда он был «уволен за штат по слабости здоровья». Умер Павел Матвеевич 10 мая 1856 года от водянки в 70-летнем возрасте.⁴

Именно отец Павел Черняев в свое время крестил Неониллу Борисовну при рождении, к нему приходила она в 1840 году с рассказами о своих видениях Пресвятой Богородицы, повелевавшей ей найти, обновить и украсить неведомо как оказавшуюся на колокольне старинную икону Божией Матери «Утоли моя печали». Еще в период служения Павла Матвеевича Черняева после проведенной стараниями Неониллы Борисовны реставрации икона «Утоли моя печали» была торжественно, с крестным ходом, внесена в Давыдовскую сельскую церковь и заняла там подобающее ей место. А для себя Неонилла Захарова заказала обновлявшему ее живописцу точную копию этой судьбоносной для нее иконы.

Но 1 марта 1841 года «уволенного за штат» престарелого отца Павла Черняева сменил в должности давыдовского духовного пастыря только что окончивший курс семинарских наук «села Павлова. Покровской церкви дьячка Андрея Осипова сын» 22-летний Иван Андреевич Орлов. Как и полагалось в таких случаях, за месяц с небольшим до этого, 26 января того же года, в переходившей под его дальнейшее попечение Дальне-Давыдовской сельской церкви состоялось венчание отца Иоанна Орлова с младшей дочерью Павла Матвеевича Черняева Марией. И с первых же дней своего пастырского служения в Давыдове молодой священник начал ревностную борьбу с поселившейся в своей келье прямо возле приходской церкви Неониллой Борисовной Захаровой и проживавшими с ней в одной келье ее подругами-отшельницами.

Истоки этой неприязни были не только в том, что слава о необыкновенных исцелительских способностях и чудесной действенности молитв Неониллы Борисовны Захаровой отвлекала давыдовских прихожан от посещения своей церкви, лишала церковь определенной части доходов. Помимо этого, в соот-

ветствии с Уставом Духовной Консistorии, священник отец Иоанн Орлов по долгу своей службы обязан был неусыпно надзирать за тем, чтобы никто из подопечных ему православных христиан не впал в какую-либо ересь, а тем паче - в раскол, отвращать их от всяческих суеверий и обращения в другие веры. А ведь молитвенные собрания, происходившие по воскресным и праздничным дням в келье Неониллы Захаровой, не были официально разрешены ни духовным, ни светским начальством. Никто, в том числе и новый приходский священник, не знал, по каким книгам и какие молитвы читала в доме Неониллы Борисовны собиравшимся там «сестрам» ее владевшая церковной грамотой верная подруга Агриппина Петровна Васильева!

В Государственном архиве Нижегородской области сохранилось 35-страничное «Дело о имении села Дальнего Давыдова крестьянской девкою Неониллою Борисовой молитвенного дома», начато оно было 19 марта 1841-го, а окончено 15 октября 1845-го года.⁵

За эти пять с лишним лет в его разбирательство были втянуты не только все церковные инстанции вплоть до тогдашнего Епископа Нижегородского и Арзамасского Иоанна, но и всё уездное и губернское гражданское начальство, включая нижегородского губернатора Максима Максимовича Панова, а также военного (!) губернатора (фамилия в документах неразборчива). Дважды, в 1842-м и в 1845-м годах, оно заслушивалось на заседаниях Нижегородской Духовной Консistorии.

Поскольку «главная сообщница» Неониллы Борисовны Агриппина Петровна Васильева (читавшая на собраниях в ее келье «келейное правило») была родом из недалекой от Давыдова деревни Якунихи, входившей в Муромский уезд Владимирской губернии (см. сноску к с .16), посылались соответствующие грозные «представления» также во Владимирское губернское правление и Муромский земский суд. Доходило и до ареста Неониллы Борисовны Захаровой и во всем помогавшего ей родного ее брата Захара.

А закончилась вся эта многолетняя тяжба, как мы уже знаем, освобождением «смутьянов» из тюрьмы и полным оправданием Неониллы Борисовны Захаровой в октябре 1845 года - как по церковному, так и по гражданскому ведомствам. Видимо, поэтому 1845 год впоследствии и стал считаться годом основания Дальне-Давыдовского женского монастыря — хотя свой официальный статус он получил гораздо позднее, только через двенадцать с лишним лет. А отец Иоанн Андреевич Орлов, давший первый толчок этому следственному делу и успевший перед смертью попросить прощения у Неониллы Борисовны Захаровой, умер от чахотки в апреле 1846 года в 28-летнем возрасте, оставив сиротами двоих малолетних детей.

Однако вернемся к монастырской летописи.

Она рассказывает о том, что еще в 1835 году, через два года после смерти преподобного Серафима, Неонилла ходила в Саровскую пустынь, стоявшую от Давыдова в ста пяти верстах, и приняла там тайное пострижение, при котором наречена была Надеждою. Есть основания утверждать, что пострижение приняла она от старца саровского Иллариона, перешедшего в Саров в 1818 году из

Валаама вместе с игуменом Назарием. Во время пребывания Неониллы Борисовны в Сарове в Давыдове скончалась ее мать.

И вот теперь, через десять лет после пострижения и через пять лет после ухода из родительского дома, после того, как были сокрушены многочисленные преграды и козни недоброжелателей на пути ее служения Богу и людям, после того, как всю предыдущую жизнь считавшаяся деревенской «дурочкой» неграмотная крестьянская девушка вдруг, по воле Божьей и вопреки известной половице, стала как бы пророком в своем отечестве и последней надеждой для пришедших в ее убогую келью со всей округи больных и страждущих, — казалось бы, можно было и почтить на лаврах, пользоваться заслуженной славой и почетом. Но Неонилла Борисовна не только не радовалась всеобщему уважению, а и с каждым днем все более тяготилась кипевшей вокруг нее мирской суетой и многолюдьем.

С детства душа ее жаждала уединения и молитвы, и теперь всем сердцем чувствовала великая затворница и молитвенница, что подходит время исполнения главных земных деяний, орудием совершения которых избрал ее Господь. Об этом свидетельствовало и новое знамение Пресвятой Богородицы, которая как раз в ту пору однажды снова явилась ей во сне и сказала:

— Неонилла! Устрой монастырь во имя Мое! Обещаю тебе мою помощь! Я Сама буду управлять этим делом!

Все чаще уходила Неонилла Борисовна из села на находившуюся примерно в полуверсте от Давыдовской церкви Кряжеву Сечь — мокрое, болотистое место в лесу, где когда-то по пути из Сарова в Муром отдыхал на пне (и предсказал появление Дальне-Давыдовского женского монастыря) преподобный отец Серафим Саровский. Ее неудержимо тянуло к этому нетронутому людьми уголку дремучего давыдовского леса, где можно было целыми днями молиться без помех, не опасаясь ничьего постороннего взгляда или слова.

Особенно любила она бывать возле большого оврага, на дне которого били из земли холодные родниковые ключи. Не раз взрослые и ребятишки, ходившие в лес за грибами и ягодами, замечали около этого оврага невысоко над землей небольшое пламя в виде неизвестно кем зажженной горящей свечи. В народе старались обходить стороной это место.

Много раз видела нерукотворное пламя и Неонилла Борисовна Захарова. А однажды она привела туда своего деда по отцу Феодора Захарова и, показывая ему на горящее пламя, сказала:

— Здесь, на этом месте, дедушка, будет монастырь во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали»! Но мне не придется в нем умереть, мне придется выехать из него для основания другой обители! Так повелевает мне Владычица, я не свое говорю тебе, дедушка, а передаю волю Пречистой!

Вскоре после этого, повинуясь велению свыше, Неонилла с помощью местных крестьян перенесла свой домик-келью от сельской церкви на Кряжеву Сечь и окончательно поселилась на том краю оврага, где часто загоралось похожее на свечку пламя, и вытекали из земли холодные ключи. Рядом с ее кельей были построены еще два домика, в которых поселились Агриппина Петровна Васильева, Дарья Зайцева и другие сестры. Всего их вместе с Неониллой было тогда 10 человек. Произошло это в 1845 году.⁶

Трудной была жизнь новой обители в то первое время. И сама Неонилла, и другие сестры молились в основном по ночам, а днем они занимались тяжелым крестьянским трудом и обустройством своей обители: заготавливали в лесу

дрова, работали на огородах, добывали себе пропитание и одежду в селе, читая Псалтирь по покойникам, собирали милостыню. Старица Неонилла своими руками очистила в овраге место, где когда-то они с дедом Феодором видели горящую свечу, раскопала родник на аршин в глубину — и оттуда забил холодный обильный ключ. Излишняя вода стекала в овраг и скоро образовала проточный пруд.

Потом Неонилла Борисовна указала сестрам на другое место, сказав: «А здесь вода откроется на глубине сажени!» И сама первая стала копать. Оба эти колодца стали снабжать водой весь монастырь, а раньше приходилось ходить за ней на село. Что же касается домашнего скота, то и его нередко приводили Неонилле и ее сожительницам благодарные крестьяне села Давыдова и окрестных селений, получавшие от нее исцеление от болезни или добрый совет.

Например, в первое время своей жизни на Княжевой Сечи сильно нуждались сестры в дойной корове. Ведь были среди них и дети — по крайней мере, одна девочка, шестилетняя любимица Неониллы Борисовны Верочка, поступившая на жительство в монастырь вместе со своей матерью, а впоследствии ставшая известной в Давыдове монахиней Валентиной. Но денег на покупку коровы отшельницы не имели. Пришли они к Неонилле со своей скорбью. Она их успокоила и стала вслух молиться: «Матерь Божия! Дай нам коровушку, молочка хочется, нечем и странников кормить!» И что же? На другое утро мужичок привел в дар монастырю коровушку с теленком. Таких случаев было много.

В монастырской летописи говорится, что с 1845-го до 1849-го года Неонилле с первыми сестрами жилось на Кряжевой Сечи тихо, мирно, спокойно. Но это было не совсем так. Та же летопись сообщает, например, что в 1848 году вместе с Наталией Андреевной Загребинной, проживавшей в недалекой от Давыдова деревне Новой, Неонилла Борисовна Захарова побывала в Киево-Печерской Лавре, где великий старец иеромонах Парфений в присутствии Н.А. Загребинной вручил ей икону Успения Божией Матери, сказав при этом:

— Велика у вас слава будет, вторая будет Лавра!

С 1854 года постоянно поддерживала Неонилла Борисовна плодотворные деловые связи с когда-то бывавшим вместе с Серафимом Саровским в Давыдове известным всей России старцем Антонием Муромским.⁷ Вплоть до своей кончины, случившейся в городе Ардатове 29 июня 1861 года в 83-летнем возрасте, бывший сподвижник отца Серафима помогал нарождавшемуся Давыдовскому монастырю мудрыми советами и молитвами.

Дело было за тем, что, как говорится далее в летописи, **«средств не только на сооружение обители, но и на покупку земли под оную не было»**. Подвинуть его вперед могло только чудо — и это с непоколебимой верой в Божию помощь ожидавшееся Неониллой Борисовной Захаровой и ее сподвижницами чудо в 1849 году действительно произошло: неожиданно-негаданно появилась в Давыдове никому незнакомая странница, пешком пришедшая из Сибири на поклонение иконе Божьей Матери «Утоли моя печали».

Записанное в монастырской летописи предание гласит, что звали неожиданную странницу Дарьей Артамоновой, была она родом из дворян Иркутской губернии, всю жизнь прожила в городе Иркутске. Там была она замужем за иркутским казначеем, имела и собственный капитал, которым муж был распоряжаться не волен. Жили они между собой «не дружно», так что когда муж ее, проиграв в карты часть казенных денег, захотел возместить их из капиталов

своей жены, она, захватив с собой все, что имела, бежала от него в центральную Россию и по Оренбургской дороге добралась до села Дальнего Давыдова.

Помолившись в Дальне-Давыдовском сельском храме тогда уже известной своей чудодейственной силой иконе Божией Матери «Утоли моя печали», побывав на Кряжевой Сечи в келье Неониллы Борисовны Захаровой и переночевав в селе в доме Ивана Дмитриевича Кербенева, принимавшего странников, Дарья Артамонова отправилась было утром по дороге в Муром. Но, проплывав целый день в тогда еще дремучих давыдовских лесах, и думая, что ушла уже далеко от Давыдова, к вечеру она снова оказалась в селе и опять пришла в келью к Неонилле Борисовне Захаровой. Утомившись и простудившись в пути, странница слегла в постель, а через две недели скончалась, передав Неонилле весь свой капитал на построение будущей обители.

Теперь можно было приступать к практическому возведению будущего Дальне-Давыдовского женского монастыря. По просьбе Неониллы Борисовны Захаровой внешним его обустройством занялся помещик села Кирюшина⁸, коллежский асессор Валериан Владимирович Аристов. В частности, поскольку как такового (мы бы теперь сказали: как юридического лица — А.В.) монастыря еще не существовало, то землю под него (на деньги, оставленные Дарьей Артамоновой) Валериан Владимирович должен был приобрести на свое имя. А уж потом, когда монастырь будет утвержден официально, оформить общине на эту землю дарственную.

Неонилла Борисовна ни на минуту не сомневалась ни в искренности добрых намерений, ни в порядочности этого человека. Но уже при решении этого первого практического вопроса — где покупать землю? — между нею и В.В. Аристовым возникли непримиримые разногласия. Дело было в том, что В.В. Аристов хотел обосновать обитель не на болотистой Кряжевой Сечи, а совсем в другом месте - в лесном урочище Романовке, расположенном в более отдаленном (версты за две) от села, а главное - более возвышенном, сухом месте к северу от Давыдова, в противоположной от Кряжевой Сечи стороне. Напрасно Неонилла со слезами доказывала ему, что именно там, где стоит на Кряжевой Сечи ее убогая келья, преподобный Серафим Саровский предсказал быть будущей женской обители, что это место было избранно для нее самой Божией Матерью. Никакие ее доводы на Валериана Владимировича не действовали.

Неониллу Борисовну в этих спорах с В.В. Аристовым горячо поддерживала ее соседка (и подруга?) Матрона Васильевна Загарина, хорошо знавшая Серафима Саровского.⁹ Однажды вечером, в самый разгар этих споров, помолившись перед сном Богу, М.В. Загарина (как нередко и раньше делала) мысленно обратилась к преподобному Серафиму с просьбой точно указать, где он благословит устроить обитель. Уснув, она увидела преподобного Серафима молящимся на том самом месте на Кряжевой Сечи, где потом был построен соборный монастырский храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

Матрона Васильевна подошла к нему и прямо спросила, где он благословит соорудить предсказанную им обитель. Старец ответил:

— Матушка, не беспокойся, здесь, здесь, здесь (он повторил это слово трижды), на этом месте благословил Бог быть обители!

Тотчас же М.В. Загарина проснулась в слезах и, возблагодарив в душе Бога и преподобного Серафима, стала всем рассказывать о своем сновидении. Но В.В. Аристов и после этого не дал веры ее словам и просьбам Неониллы. Окончательно избрав местом для обители Романовку, он уже начал возить туда

строительные материалы, выстроил там сперва маленькую деревянную часовню, потом стал ставить амбар с погребом.

Далее в летописи говорится:

«Неонилла уже более не спорила, но убеждений своих не оставляла и наложила на себя и на своих сестер пост и молитву. Двенадцать дней продолжалась эта искренняя молитва, слезы ручьями лились из очей Неониллы. Она взывала к Матери Божией с мольбой открыть Аристову Свою волю и указать ему место, избранное для основания обители. И вот в двенадцатую ночь над Кряжевой Сечью спустился с неба свет, и стало там так светло, что на селе можно было читать. Свет этот был виден издалека, так как ночь была темная, осенняя.

В это же время поставленный Аристовым (в Романовке — А.В.) амбар разрушился, стал рушиться и погреб, а погребная яма мгновенно залилась водой. Тогда Аристов понял, что это наказание свыше. На следующий день он пошел с сестрами на Кряжеву Сечь. День был ясный, теплый, а то место, где ныне монастырь, было покрыто росой. После долгой общей молитвы кругом стало сыро, а место, назначенное для (главного монастырского — А.В.) храма, стало совсем сухое.

Тогда не только Аристов, но и все тут бывшие изумились и опять начали молиться. Неонилла Борисовна в молитве призывала вслух преподобного Серафима, просила его помощи, а потом все вместе стали петь тропарь: «Утоли болезни многовоздыхающие души моя, утолившая всяку слезу от лица земли». Тут Неонилла обрела между кустами тот самый крест, который в присутствии мальчика Дубова преподобный Серафим водрузил (на этом месте — А.В.) в 1785 году. Неонилла при этом сказала Аристову:

— Вот здесь, умна голова (так она его обыкновенно называла), будет собор во имя Матери Божией «Утоли моя печали»!

Этот крест оставался тут долгие годы и был прикреплен к длинному шесту, а впоследствии по распоряжению Начальства водружен на месте закладки соборного монастырского храма. Его не снимали с постройки до водружения пяти металлических крестов, а потом по распоряжению начальницы общины он был положен под престолом придельного храма (придельного к главному храму монастыря — А.В.), который именно в память этого события был освящен во имя Воздвижения Креста Господня в 1872 году».

Кряжева Сечь и Романовка принадлежали тогда двум сестрам-помещицам — коллежской регистраторше Авдотье Ивановне Суровцовой и надворной советнице Клавдии Ивановне Лазаревой. В 1850 году В.В. Аристов приобрел у них эти земли, а 27 марта 1851 года он обратился к Преосвященнейшему Иеремии, Епископу Нижегородскому и Арзамасскому, с покорнейшим прошением «на вечные времена, безусловно и безвозвратно, принять в дар бесприютным вдовам и девицам, ищущим своего душевного спасения в монастырском уединении», триста девять десятин приобретенной им земли, в том числе 80 десятин пахотной и 229 десятин лугов и дровяного леса. В свой черед Преосвященнейший Иеремия вошел с соответствующим доношением об утверждении этого дара в Правительствующий Синод Русской Православной Церкви¹⁰.

Еще сразу после чудесного знамения, решившего их с Неониллой Борисовной Захаровой спор о месте возведения Дальне-Давыдовского женского мо-

настыря, В.В. Аристов перенес из Романовки на Кряжеву Сечь уже было поставленные там деревянную часовню и амбар с погребом. Теперь он выстроил на Кряжевой Сечи двухэтажный корпус, в котором устроил молельню, возвел кирпичный сарай и гумно с овином, обнес территорию будущего монастыря деревянным забором. Сестры под руководством Неониллы занимались корчевкой леса, разводили плодово-ягодный сад.

Но главными заботами основательницы монастыря оставались добывание денег на дальнейшее строительство и хлопоты об официальном признании обители. С этими целями Неонилла Борисовна в 1850 году побывала в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре под Москвой, где много раз встречалась с прославленным открывателем расположенных там Гефсиманских пещер Филиппушкой (в монашестве — Филаретом). При его посредничестве в 1854 году она познакомилась в Москве с широко известной тогда своим благочестием и связями в высшем обществе фрейлиной баронессой Аглаидой Григорьевной Розен (в тайном монашестве — Алексией).¹¹

«Эта опытная и всесильная особа, глубоко уважаемая Митрополитом Московским Филаретом, — говорится далее в монастырской летописи, — просила его подвинуть дело об утверждении Дальне-Давыдовской общины, начатое еще в 1851 году. И вот в 1857 году, стараниями баронессы А.Г. Розен и благодаря мощному влиянию Митрополита Филарета, Дальне-Давыдовская обитель была Высочайше утверждена. Первый вклад в размере 1 000 рублей, поступивший из Москвы пустынножительницам на сооружение храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», был прислан баронессой Розен. Именно поэтому в первом синодике общины род баронессы Аглаиды Григорьевны Розен был записан под № 2 — после рода Валериана Владимировича Аристова».

«17 февраля 1858 года Высочайше утвержденная община была открыта; первоначальницей ея была назначена рясофорная послушница Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Антония (в миру — Вера Ивановна Соколова), получившая всестороннее образование в Петербургском Смольном институте. В то время рясофорной послушнице Антонии Соколовой было всего 28 лет, но, несмотря на свою молодость, она вела себя строго и взялась за дело, порученное ей начальством, с усердием».

В первом списке послушниц вновь открытого монастыря, включавшего в себя 44 человека, Неонилла Борисовна Захарова названа под номером четвертым — сразу вслед за именами первоначальницы монастыря Веры Ивановны Соколовой, казначеи (то есть заведующей финансами и хозяйством — А.В.) Александры Степановны Варгасовой, а также в свое время поступившей в монашки из нижегородских мещан, а теперь тоже ставшей одной из ближайших помощниц молодой хозяйки нового монастыря, благочинной Агафьи Даниловской. Вместе с самой Верой Ивановной (ставшей отныне матерью Антонией) обе они были присланы в Давыдово из Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря.

В этом же первом списке, датированном 17 февраля 1858 года, вместе с Неониллой Борисовной Захаровой мы видим верную ее сподвижницу Агриппину Петровну Васильеву, Дарью Михайловну Зайцеву из Березовки (тогда, в начале 1858-го, в момент открытия монастыря, ей исполнилось 25 — значит, в 1845-м, когда она впервые поселилась с Неониллой и Агриппиной в домике

возле Давыдовской церкви, ей было всего 13 — А.В.), а также родную сестру Неониллы Захаровой Александру Борисовну, которой было тогда 30 лет.

В далекой Кутузовке

Как мы уже знаем, еще в 1845 году, перед переселением Неониллы Борисовны Захаровой из кельи возле Давыдовской приходской церкви на Кряжеву Сечь, Пресвятая Богородица возвестила ей, что, став основательницей Дальне-Давыдовской женской общины во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали», она потом оставит Давыдово и выедет из него для основания другой обители. Об этом Неонилла сама рассказывала своему деду по отцу Феодору Захарову в тот памятный для обоих день, когда она показывала ему на Кряжевой Сечи пламя в виде горящей свечи.

Это предсказание Пречистой сбылось уже вскоре после официального утверждения Дальне-Давыдовской женской общины. Назначенная ее первоначальницей 28-летняя бывшая рясофорная послушница Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря мать Антония (в миру — Вера Ивановна Соколова) с первых же дней своего начальствования начала ревностно преобразовывать стихийно возникшую Дальне-Давыдовскую обитель в уставной общежительный монастырь, живущий по всем канонам православного монашества. Поскольку до нее там не существовало строгой монашеской дисциплины, а молитвенные правила, как общие, так и келейные, по неграмотности первоосновательницы, исполнялись произвольно, эти нововведения показались многим сестрам чрезмерно строгими и странными. Они-то и стали вызывать частые недоразумения и несогласия между матерью Антонией и давней сподвижницей Неониллы Борисовны Захаровой Агриппиной Петровной Васильевой, которая до прихода Веры Ивановны Соколовой к руководству обителью была главной помощницей основательницы монастыря по части молитвенных правил.

В конце концов, дальнейшее совместное проживание матери Антонии и Агриппины Петровны стало невозможным. А без Агриппины не могла дальше оставаться в созданной ею же самой обители и Неонилла Борисовна Захарова. Кстати, необходимость своего ухода из дорогих для нее давыдовских лесов, где с юности столько молитв, слез и трудов было положено ею для прославления Пресвятой Богородицы, она восприняла совершенно спокойно и благодушно — как давно уже ожидавшееся указание свыше основать еще одну обитель и исполнить возложенное на нее Божией Матерью предназначение до конца.

«При прощании с нею были плач и рыдания, — говорится далее в монастырской летописи. — Первоначальница Антония до трех раз при всех сестрах кланялась ей до земли, просила не оставлять обители, обещала ей всевозможный покой и сама плакала, провожая ее. Но Неонилла (в инокинях — Надежда) сквозь слезы смиренно отвечала:

— Простите, сестры, не моя воля, а воля Царицы Небесной: мне надо основать еще другую обитель!»

Произошло это, по одним данным, уже в первые месяцы (или даже недели) после торжественного открытия Высочайше утвержденной обители, по другим — через два года, в 1860 году. Но второй вариант нереален, и тому есть документальное подтверждение: уже в «Ведомости о монашествующих Дальне-

Давыдовской женской общины за 1859 год»¹² нет имен ни самой Неониллы Борисовны, ни ее родной сестры Александры, ни Агриппины Петровны. Их в обители (а может, и вообще Давыдове?) уже не было.

Вообще, сведения об уходе Неониллы Борисовны Захаровой и ее сподвижниц из ею же созданной и только что официально признанной Дальне-Давыдовской женской общины, об их дальнейшей жизни, сообщаемые монастырской летописью, крайне скудны, отрывочны и даже противоречивы. Так что читатель вполне может представить себе сам, как в одно прекрасное или хмурое утро (все-таки скорее всего 1858-го, а не 1860-го года, как гласят другие источники! — А.В.) Неонилла Борисовна Захарова, Агриппина Петровна Васильева и родная младшая сестра Неониллы, Александра, одетые во все черное, встав посреди родной обители на колени, до земли поклонились тому месту, где со временем должен был встать монастырский соборный храм, и отправились, трижды перекрестясь, в самом им неведомый путь.

Кроме узелков со сменой белья и хлебом на дорогу, захватили с собой уходившие только копию иконы Пресвятой Божией Матери «Утоли моя печали», которую по просьбе Неониллы Борисовны Захаровой снял для нее когда-то живописец из села Фотинина.

Со времени переселения из родительского дома на Кряжеву Сечь Неонилла Борисовна бережно хранила эту икону завернутой в чистую тряпицу вместе со св. Евангелием и Псалтырем на самом дне оставшегося после смерти матери деревянного сундучка в своей келье. Это была именно ее, личная копия иконы, а не та, большая, которая предназначалась для будущего соборного храма будущего Дальне-Давыдовского женского монастыря и висела теперь в переднем углу нынешней молельни во главе других святынь обители...

Сперва отправились спутницы в село Кирюшино, к давно уже помогавшему их святому делу помещику Валериану Владимировичу Аристову¹³, в имении которого и прожили около двух лет (?), до 1864 года. Потом Неонилла Борисовна и ее попутчицы нашли себе приют у другого давнего своего доброжелателя и покровителя — князя Дмитрия Федоровича Звенигородского, имевшего свободные земли верстах в двадцати от уездного города Ардатова. Там, в глухом лесном урочище, крепостной человек князя Д.Ф. Звенигородского, по фамилии Кутузов, когда-то начал было строить помещение для скотного двора, да что-то не достроил и забросил. Местные жители с тех пор так и называли это место — Кутузовский двор, или Кутузовка. Никто его не занимал.

Более благоприятного, удаленного от людских явлений и удобного места для совместного проживания и молитв уже утомившимся в странствиях по чужим углам женщинам трудно было и придумать. Свято место не бывает пусто! Тем более, что ни сам князь Д.Ф. Звенигородский, ни окрестные жители не имели ничего против того, чтобы Неонилла Захарова и ее сподвижницы поселились в недостроенном и никем не используемом Кутузовском дворе. А поскольку слава об их регулярных молениях и чудесных исцелениях, производимых Неониллой Борисовной Захаровой перед святым ликом иконы Божией Матери «Утоли моя печали», разнеслась далеко за пределы имения князя, сразу же стали сходиться сюда верующие со всей округи. Сказано же в Евангелии, что «сила Божия в немощи совершается!».

Неонилла Борисовна и здесь возглавила стихийно возникавшую общину, а хозяйственными делами будущей обители по-прежнему умело занималась Агриппина Петровна Васильева. Благодаря щедрой поддержке князя Д.Ф. Зве-

нигородского и искреннего стремления приходивших в Кутузовку верующих посылить помочь доброму делу, Кутузовка все разрасталась и обновлялась. Сначала она стала именоваться молитвенным домом, потом - богадельней с возникшим при нем общежитием. В 1869 году молитвенный дом был преобразован в церковь. А еще через несколько лет, в 1886 году, по ходатайству Преосвященного Модеста, Епископа Нижегородского и Арзамасского, Кутузовская женская община была Высочайше утверждена. Правда, произошло это только через 11 лет после кончины Неониллы Борисовны Захаровой.

Еще при жизни Неониллы Борисовны произошло другое важное событие: ее верная давняя сподвижница Агриппина Петрова Васильева, которая и здесь, в Кутузовке, была незаменимой для Неониллы Захаровой во всех хозяйственных, строительных и многих других делах разраставшейся новой общины, в конце концов, по милости Божией, осознала свою вину перед первоначальницей Давыдовской общины матерью Антонией и, к общей радости давыдовских и кутузовских сестер, незадолго до своей кончины примирилась с нею.

Произошло это примирение неожиданно для них обеих, в пути: Агриппина ехала по делам Кутузовской общины из Якунина, а первоначальница Давыдовской обители мать Антония — из Нехайки. **«Минута была очень трогательная, — говорится в давыдовской монастырской летописи. — Обе остановили своих лошадей, вышли из колясок, обе со слезами на глазах поклонились друг другу в ноги, прося прощения друг у друга. Примирение произошло в присутствии послушницы Дальне-Давыдовской общины Пелагеи Алексеевны, монахини Павлы и казначеи обители. С Агриппиной Петровной была одна из послушниц Кутузовской общины».**

Вскоре после этого Агриппина Петровна скончалась — и тоже внезапно, в дороге. Вместе с одной из своих послушниц, сидевшей на козлах повозки за кучера, 10 августа 1872 года отправилась она в Нижний Новгород, в епархию, хлопотать о разрешении основать разраставшейся Кутузовской женской общине собственное кладбище. А путь из Кутузовки в Нижний, составляющий более двухсот верст, занимал в то время на лошадях вместе с ночлегами около трех дней. Агриппина Петровна знала, что в Нижнем в ту пору свирепствовала холера, но это грозное известие не остановило ее.

Добившись разрешения на открытие своего монастырского кладбища и завершив все другие дела общины, она уже была недалеко на обратном пути от Кутузовки, когда почувствовала себя совсем плохо. Уже и Вязовка была проехана, но в соседней с ней деревне Бугры пришлось остановиться и зайти в один из домов, где больной удалось особороваться маслом, помолиться, отдохнуть. О ночлеге «в двух шагах» от Кутузовки Агриппина Петровна и говорить не желала. Но стоило ей только снова сесть в коляску, как она застыла навек. Можно представить ужас молодой послушницы, сразу же обнаружившей это и с бездыханным телом Агриппины Петровны одной гнавшей лошадей во весь опор до самой Кутузовки. Нетрудно представить и лица других сестер, с плачем окруживших «мертвую» повозку, как только она остановилась...

Узнав об этой неожиданной-негаданной смерти, матушка Антония специально приезжала из Давыдова поклониться могиле Агриппины Петровны и снова прилюдно просила Рабу Божию Неониллу Борисовну вернуться в Дальнее Давыдово. Но сестры Кутузовские непустили ее, особенно родная сестра Александра Борисовна, жившая с ней в одной келье, сильно тому противилась.

А Неонилла Борисовна на предложение матери Антонии возвратиться в Давыдово отвечала пророчески:

— Ты и сама скоро выедешь оттуда, тебя ожидает великая скорбь, и это будет вскоре после моей кончины. А в Давыдове будет начальницей монахиня, при которой, перед концом ее правления община наша будет утверждена монастырем!

Так и случилось. После внезапной кончины Агриппины старица Неонилла стала быстро дряхлеть, у нее началась водянка, стали пухнуть ноги. В январе 1874 года она, уже совсем больная, в последний раз приезжала в Давыдово на праздник иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и пришедшим к ней за благословением сестрам рассказала про свой сон:

— После молитвы я уснула и вижу перед глазами моими две обители, между ними протекает золотая речка, соединяющая их. Я по ней ходила взад и вперед от одной обители к другой!

Сон обрадовал старицу до слез, она объясняла его так, что созданные ею обители соединятся любовью и духовным родством. В последний раз благословляя давыдовских сестер, она говорила им:

— У вас будет монастырь, все вы будете монахини. Духом живу я всегда с вами, а вы со мной, и в будущей жизни все будем вместе. Плачу о дорогой мне (Давыдовской — А.В.) обители, но возвратиться не могу!

А кутузовским сестрам, уже напутствованная святыми Тайнами, перед самой своей кончиной она сказала:

- Я поручила вас Заступнице мира; живите так, как жили при мне; во всем помогайте друг другу и любите друг друга. Не покидайте Кутузовскую обитель и молитесь о упокоении моей многогрешной (! — А.В.) души. А я, если буду иметь дерзновение перед Господом, буду молиться за всех вас!

Последние дни и часы измученной водянкой и другими болезнями Неониллы Борисовны были особенно тяжкими: кожа на ее распухших ногах полопалась, и открывшиеся страшные язвы при каждом движении приносили ей невыносимую боль. Умерла святая подвижница в окружении кутузовских сестер 27 января 1875 года — официально на 62-м году своей жизни (на самом деле, как мы знаем, на 61-м году — А.В.) из которых монашествовала 40 лет; из них 25 лет прожила сперва на селе, потом в Давыдовской обители; 4 года странствовала, а 11 лет провела в Кутузовке...

А 3-го июля того же 1875 года (как и предсказывала перед своей кончиной Неонилла Борисовна Захарова) матушка Антония вынуждена была окончательно передать управление Дальне-Давыдовской женской общины монахине Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Филарете и вскоре навсегда покинула обитель, первоначальницей которой была более 17 лет.

Можно к этому добавить, что, например, в 1896 году в официальном списке 232 монахинь Кутузовской Богородицкой женской общины сестра Неониллы Захаровой, Александра Борисовна уже не числилась. Скорее всего, к тому времени ее уже не было в живых. Зато названа в «Ведомости о монашествовавших» за этот год 52-летняя Неонилла Захарьевна Борисова — родная племянница основательницы Дальне-Давыдовского и Кутузовского монастырей, дочь ее брата Захара.

В «Ведомости» сказано, что родом эта новая Неонилла Захарьевна из крестьян села Дально-Давыдова, «обучена читать и писать». В Кутузовскую общину под искус поступила 16 января 1864 года, то есть со дня ее создания, вместе

со своей теткой, основавшей обитель. Да вполне возможно, что и назвали ее при рождении, в 1845 году, в честь Неониллы Борисовны Захаровой.

Взгляд через века

Я смотрю на чудом дошедший до наших дней фотопортрет Неониллы Борисовны Захаровой, на котором запечатлена она в обычном своем черном монашеском одеянии, со сложенными, как в гробу, на груди руками и с ожерельем черных же гарусных четок, свисающим с одной из рук. Два главных цвета жизни контрастируют, борются между собой на этом старинном портрете — цвета света и тьмы. Все во внешнем облике блаженной Неониллы по-монашески черно и темно, как ночь, но изображена она на ослепительно белом, девственно чистом фоне — светлом, как утреннее небо в великий день Воскресения Христова. Таком светлом, что даже черные, гарусные четки на ее руке в его отблесках тоже кажутся светлыми, прозрачными.

У великой старицы безукоризненно чистое, вдохновенное лицо, озаренное радостью предстоящей встречи с Пресвятой Богородицей, и не по-крестьянски белые, одухотворенные руки. А больше всего поражают и лишают покоя необыкновенно живые, не по-человечески выразительные глаза моей давно перешедшей в мир иной знаменитой односельчанки. Их прямой, строгий взгляд и сегодня, через разделяющие нас с ней полтора столетия, переполненные морями человеческой крови, страданий и слез, как на Страшном Суде, вопрошает меня:

— Како веруешь, по-христиански или по-басурмански живешь? Кому бьешь поклоны и свечи ставишь? Спасаясь ли свою бессмертную душу или потешаешь Дявола и греховную, ненасытную свою утробу?

По одним тропкам и дорожкам ходили мы с Неониллой Борисовной Захаровой в Давыдове и Кряжевой Сечи — только в разное время. В самом большом здании созданного ею Дальне-Давыдовского женского монастыря — 2 1/2-этажном каменном жилом корпусе, где когда-то располагались сестринские покои и монастырская домовая церковь во имя всех Святых, начиная с 1932 года, разместилась Давыдовская неполная средняя школа. Она и поныне действует там, только в мое время в ней занимались три с половиной сотни учеников из самого Давыдова, Верхней и Нижней Березовок, Чеванина, Шероновки и Замчаловки (Федоровки), а теперь их можно по пальцам пересчитать.

В 1944 году, когда я начал учиться в Давыдовской школе-семилетке, в оборудованных из бывших сестринских келий классах со старинными полукруглыми окнами и цветными стеклами в них, еще не выветрился десятилетиями впитавшийся там в каждую щель запах лампадного масла и ладана. На физкультурной площадке, устроенной между бывшим соборным храмом и домовою церковью (как потом оказалось, на месте бывшего монашеского кладбища!), занимались мы на уроках физкультуры и играли в перерывах между уроками.

Еще кое-где цела была когда-то полуторасаженная монастырская стена, хотя во многих местах уже и разобранная на кирпичи. Еще красовался перед окнами школы дивный монастырский столетний дубняк, простиравший сразу от школы и остатков стены в сторону села, в нем мы прогуливали уроки и прятались от учителей. Еще не был погублен монастырский (объявленный потом

колхозным) пчельник. Еще чисты были монастырские пруды и колодцы, а в более чем десятке двухэтажных и одноэтажных каменных и полукаменных бывших монашеских рукодельных, хозяйственных и жилых корпусах располагались Давыдовский сельсовет, правление Давыдовского колхоза «Передовик», контора Давыдовского лесничества, почта, здравпункт, детские ясли и другие сельсоветовские и колхозные учреждения. В отличие от самого села, расположенного в полуверсте вокруг приходской церкви, все это называлось «городком» или «колхозом» (потом — «совхозом»).

В детстве я пил воду из колодца, вырытого руками Неониллы Борисовны Захаровой — вся школа из него пила! А окончив школу и в ранней юности покинув родное Давыдово, я так же, как когда-то основательница нашего монастыря, всю жизнь носил потом в своем сердце никогда не старевшую с годами память об этом единственном, самом дорогом для меня месте на Земле. Это она, никогда не умиравшая во мне память об общей нашей с Неониллой Борисовной Захаровой «малой родине», давала мне все новые и новые силы на всех дорогах моей жизни, помогала мне выживать и устоять на ногах в минуты слабости и отчаяния.

Я еще застал почти первозданной, с гордо возвышавшейся полтора века над селом колокольной (хотя уже и не действовавшей с 1937 года, полуразрушенной и оскверненной), ровесницу Неониллы Борисовны Захаровой — нашу Давыдовскую сельскую церковь, которую когда-то прославила она чудесным обретением и возрождением старинной иконы Божией Матери «Утоли моя печали». В годы своего военного детства я вместе со сверстниками видел с высоты этой колокольни родное село и окружавшие его леса — сверху они казались совсем не такими, как снизу.

Церковь заставили замолчать в год моего рождения, но и обезображенная, искалеченная, она еще долго продолжала оставаться главным стержнем села, его уже не бьющимся, но еще живым сердцем.

Здесь, на церковном бугре, в звонком мае 45-го навзрыд голосили гармошки Победы. В судьбоносные первые мартовские дни 1953-го мы с моей первой любовью, 16-летние, тесно прижавшись друг к другу, на том же церковном бугре, в центре села, до глубокой ночи слушали разносившиеся на весь мир из висевшего на столбе радиорепродуктора траурные мелодии по случаю вчера еще казавшейся невозможной смерти самого жесткого в истории человечества Земного Бога, Вождя и Отца всех Времен и Народов. Отсюда же, от еще стоявшей в центре села церкви, тот же репродуктор разносил потом ошеломившую весь мир весть о полете Юрия Гагарина.

А когда при вошедшем в тысячи анекдотов неистовом Никите-богоборце и кукурузнике ретивые его подручные на местах все-таки решили поднять простоявшую полтора столетия Давыдовскую церковь динамитом на воздух, то от грохота удара ее колокольни о землю содрогнулись не только сердца живых, но и души тех, кто давно покинул этот грешный мир. Это был смертельный удар в самый главный жизненный центр села, с того черного дня наше не одну сотню лет разраставшееся и молодевшее Давыдово с каждым годом стало все больше дряхлеть и умирать.

Сначала прекратилось новое строительство, потом начало становиться все больше опустевших, с заколоченными окнами изб, потом и они без хозяйского глаза стали разваливаться, а вместо них появлялись пустыри и глубокие ямы, зарастающие репейником и крапивой. Снова леса ринулись на когда-то возде-

лываемые поля, снова дикие звери стали заходить в зимние ночи на обезлюдившие улицы. Поразлетались из родительских гнезд и только разве иногда уже в гробу возвращаются в село когда-то самые молодые и сильные, те, кому надлежало в нем жить, кому принадлежало его будущее.

Не пощадило многобурное время и монастырский «городок», все эти разрушительные полтора века (давно уже без охранительной высокой стены) стоявший на той же грешной земле, что и Давыдово. Опустели бывшие монастырские строения, прослужившие людям многие десятки лет без ремонтов и хозяйского пригляда: в них стало опасно заходить. Так что теперь, когда они вообще остались безо всякого надзора, их естественное разрушение многократно усиливается самым беззастенчивым, наглым грабежом, ненасытной человеческой алчностью.

И так же, как невозможным после всего дьявольского святотатственного разора, совершенного в двадцатом веке в освященном многими святынями укладе жизни и душах людей, стало возвращение Божией благодати на обезглавленное и оскверненное Давыдово, так вдруг необратимо безвозвратной, все более удалявшейся от меня стала моя первая, мальчишеская любовь, еще вчера казавшаяся мне самой нерушимой, единственной на свете. Далеко вперед смотрела прозорливая Неонилла Борисовна Захарова, свято верившая в то, что только любовь к Богу бывает вечной, а все земное суетно и преходяще. Во имя этой вечной, небесной любви со всем земным расставалась она безо всяких сожалений!

И совсем уж неожиданно, через много лет после того, как навсегда покинул я родное Давыдово, на исходе собственной жизни, привелось мне через времена и пространства ощутить живое дыхание основательницы Дальне-Давыдовского женского монастыря на моей личной судьбе. Дело в том, что покойная жена моя, с которой вместе прожили мы тридцать лет и вырастили двоих детей, была не давыдовской, а городской, из атеистической семьи.

В молодости моя жена окончила педагогический институт и потом многие годы работала преподавателем русского языка и литературы в городской вечерней школе, директором которой была ее мать. Однако, так же, как неграмотная давыдовская крестьянка первой половины XIX века Неонилла Борисовна Захарова, была моя покойная жена, по официальным советским меркам, «не совсем нормальной», человеком «не от мира сего».

Прежде всего потому, что при таком-то воспитании в детстве, да еще работая в «самой передовой в мире» советской школе, всю свою сознательную жизнь была она глубоко, искренне верующим человеком. Всю жизнь старалась жить по-божески, по совести, тайно крестила наших с ней детей, в дни больших религиозных праздников посещала собрания верующих (не в церкви, конечно, где зорко следили за тем, кто приходит молиться, венчается и крестит детей, а по частным домам). Не могла пройти мимо ни одного нищего, не подав ему милостыни — даже если невооруженным глазом видно было, что просит он не на хлеб, а на очередную бутылку.

Так вот, когда безо времени умерла моя несмотря на все запреты веровавшая в Бога жена, ни для меня самого, ни для кого-либо из других знавших её людей, не было вопроса о том, следует ли ее хоронить по-советски, с духо-

вым оркестром, или, как положено по-христиански, отпевать со священником. Вся проблема заключалась в другом: в том, что отец ее, неутомимый лектор-антирелигиозник, дал ей при рождении «отвечавшее духу времени» имя: Нинель. Позже он сам не раз разъяснял, откуда пришло ему в голову это имя: если прочитать его справа налево, то получится «Ленин».

И вот теперь, после того, как всю жизнь не скрывавшая своей веры в Бога жена моя скончалась, некоторые богомольные ее подруги, пришедшие ко гробу помолиться за спасение ее души (да и сам я) встали в тупик: как ее помянуть? В святцах нет такого имени — Нинель! Даже, мол, идти в церковь с заказом на поминание человека с таким именем неудобно.

Все сомнения разрешила ныне тоже уже покойная тетя Нюра Дегтярева, чаще других ходившая с моей женой на молитвенные собрания.

— Как это нет такого имени в святцах? — удивленно спросила она. — Есть там Нелино имя, старинное русское имя — Неонилла! Многим его задолго до нас на Руси давали!

Вот так! Всю жизнь прожил я с женщиной, ставшей матерью моих детей - и только после ее смерти узнал, что звали ее, оказывается, Неониллой. Так и записали в поминанье, так поминаем и до сих пор.

Воистину неисповедимы пути Господни, и блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕРА СОКОЛОВА, ПЕРВОНАЧАЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ

« ...Когда в меня вошли В. Соколова,
И. Тихонравов и другие, я стал еще бо-
лее
многоголосым, многоликим (как ор-
кестр)».

« ...Я не только крестьянин, но и мо-
нах.

Монахи были тоже из крестьян. И
святыми они тоже не были от рожде-
ния».

Из дневника А.В.Вострилова
21 августа 1998года

Из столицы — в Муромскую глушь

Все в этой молодой женщине (вернее, девице) было необыкновенным — все, начиная с ее происхождения и выбора ею жизненного пути. Что могло заставить 20-летнюю потомственную дворянку, воспитанницу привилегированного Петербургского Смольного института Веру Ивановну Соколову, к двадцати годам владевшую (кроме русского) также французским, английским, немецким и итальянским языками, «обученную пению, музыке, рисованию и разным

рукоделиям» — что ее заставило вдруг отвергнуть открывавшиеся перед нею необозримые жизненные просторы и поступить пусть и в первоклассный, но все-таки провинциальный Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь? Несчастливая любовь, разочарование в радостях светской жизни, рано осознанное призвание к службе Богу?

Официальные документы Нижегородской духовной консистории, по которым мы теперь лишь и можем судить о земном пути и мирских поступках героини нашего рассказа, ответов на эти вопросы не дают. Архивы только свидетельствуют о том, что в Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь (стоявший когда-то в Нижнем Новгороде на нынешней площади Лядова) Вера Ивановна Соколова поступила 2 декабря 1850 года. Только через пять с лишним лет, 14 января 1856 года, была определена она послушницей названной обители. (А кем же числилась все эти годы? Вольно проживающей? — А.В.)

Послушание Вера Соколова проходила клиросное, каноническое, в образной рукодельной, преподавала науки в монастырском сиротском училище для девиц духовного звания, за что самим Преосвященным Иеремией, Епископом Нижегородским и Арзамасским, награждена была книгою с надписью: «Вере Ивановне Соколовой, послушнице Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря за труд и усердие в наставлении сирых девиц духовного звания дарствую. 1855 год, июня 23-го. Преосвященный Иеремия».

Столь же непонятен и другой судьбоносный шаг отмеченной архипастырской наградой молодой послушницы Крестовоздвиженского монастыря — ее согласие стать начальницей только что официально утвержденной Дальне-Давыдовской женской общины, променять Нижний Новгород на глухие давыдовские леса. При этом официальное объяснение такого, скорее всего, неожиданного и для самой Веры Ивановны Соколовой поступка выглядело, пожалуй, не менее фантастично, чем обязательно единогласное (как всегда, 100-процентное!) голосование будущих сталинских колхозников за «спускавшихся» им через много лет «сверху» номенклатурных председателей будущего Давыдовского колхоза «Передовик», располагавшегося более чем через полвека в зданиях Дальне-Давыдовского женского монастыря: «вследствие единодушного избрания г-ном Аристовым¹ и всеми сестрами Д.-Давыдовской общины».

Как позднее и с колхозниками, непонятно было, откуда узнали только что собранные в Давыдове «сестры» о существовании в Нижегородском Крестовоздвиженском монастыре такой горячо любимой ими «всеми» (заочно) особы!

О том же, с каким настроением сама Вера Ивановна Соколова решилась на такой поворот своей судьбы, свидетельствует опять-таки официальный документ, написанный ею самой накануне этого решительного шага:

**«Его Преосвященству,
Преосвященнейшему Антонию,
Епископу Нижегородскому и Арзамасскому
и Кавалеру
Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго Первокласнаго
Девичьяго Монастыря**

¹ Помещик Валериан Владимирович Аристов, на имя которого была приобретена земля для будущего Дальне-Давыдовского женского монастыря. Проживал в селе Кирюшине. Селения с таким названием есть ныне в Городецком и Варнавинском районах нашей области. Ближе от Давыдова — нет. — А.В.

послушницы Веры

всепокорнейшее прошение.

Согласно соизволению Вашего Преосвященства, я осмотрела вновь предполагаемую завести Общину в имении г-на Аристова и из повиновения к Вам, Архипастырь, готова принять на себя управление этой Общины. Но для поощрения моего на этот труд и в награду за безукоризненную прошедшую службу мою в Крестовоздвиженском монастыре я испрашиваю у Вашего Преосвященства милость: пред выездом моим из здешней Обители для принятия начальства над вышеуказанной Общиной удостоить меня пострижением в Рясофор и обязать настоящее и будущее начальство Крестовоздвиженского Монастыря, в случае моего желания оставить (Дальне-Давыдовскую — А.В.) Общину и возвратиться в (Крестовоздвиженскую — А.В.) Обитель, принять меня обратно в число указанных Сестр сего Монастыря.

Повергаю сие к стопам Вашего Преосвященства и всепокорнейше прошу удостоить мое желание всемилостивейшей Архипастырской резолюцией.

Вашего Преосвященства нижайшая послушница Вера».

В этом же архивном деле подшит и рапорт Наместника Нижегородского Печерского монастыря игумена Досифея все тому же Епископу Нижегородскому и Арзамасскому Антонию - о том, что «сего **30 января Крестовоздвиженскаго Монастыря послушница Вера Соколова мною в рясофор пострижена без переименования. 1858 года января 31 дня**». Официальный же Указ Нижегородской Духовной Консистории за № 636 и Покорнейший Рапорт Веры Соколовой Епископу Антонию о вступлении в должность начальницы Дальне-Давыдовской женской общины были подписаны даже раньше ее посвящения в рясофор — **29 января 1858 года**.

В названных материалах также сообщается, что при вступлении в должность начальницы Вера Ивановна Соколова внесла в Нижегородскую Гражданскую Палату из собственных средств 250 (по некоторым другим документам — 1250) рублей серебром, требовавшихся для совершения акта на землю, подаренную В.В. Аристовым вновь создаваемой Дальне-Давыдовской женской общине. За это несколько позднее (27 октября того же 1858 года) ей была объявлена Архипастырская благодарность.

Все только что процитированные документы взяты нами из сохранившегося в фондах Государственного архива Нижегородской области 240-страничного «Дела об учреждении Горбатовского уезда в селе Дальном Давыдове (далее вписано другими чернилами: «на пожертвованной помещиком Аристовым земле») женской общины». Начато было «Дело» 27 марта 1851-го, окончено 30 июня 1867-го года. Еще раз повторяю: в нем 240 плотно исписанных листов толстой старинной бумаги — целая документальная повесть!²

---

² ГАНО, ф. 570-й, оп. 558, ед.хр. 161

На страницах 161–162 «Дела об учреждении» помещен «Имянной список монашествующих Дальне-Давыдовской женской общины», составленный в день ее официального открытия, 17 февраля 1858 года. В главе о первоосновательнице Дальне-Давыдовского женского монастыря Неонилле Борисовне Захаровой мы уже говорили о том, что в этот первый список монашествующих вошли 44 человека.

Открывался «Имянной список» фамилией только что назначенной первоначальницы монастыря Веры Ивановны Соколовой, ставшей в последствии матерью Антонией. Далее «по рангу» в списке шли 46-летняя «девица из военного звания», «дочь кандидата» Александра Степановна Варгасова, назначенная казначеей (то есть заведующей финансами и хозяйством), а также «происходившая из нижегородских мещан» и, скорее всего, принявшая на себя обязанности «благочинной» (то есть старшей из сестер) Агафья Васильевна Данилова. Обе они вместе с Верой Ивановной Соколовой (вероятнее всего, по ее выбору и просьбе) были «перемещены» в Дальнее Давыдово из Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря и должны были стать ее ближайшими помощницами.

Из прежнего состава обитательниц до той поры официально не утвержденного Дальне-Давыдовского женского монастыря, существовавшего в Давыдове до назначения и приезда сюда матери Антонии Соколовой, в первую «Ведомость о монашествующих» вошли уже упоминавшаяся выше первоосновательница обители Неонилла Борисовна Захарова, ее давние и неразлучные сподвижницы Агриппина Петровна Васильева из деревни Якунихи и Дарья Михайловна Зайцева из Березовки, а также родная младшая сестра Неониллы Борисовны Александра Захарова, которой было в ту пору 30 лет.

Что же касается остальных четырех десятков молодых женщин и девиц, поселившихся в деревянных кельях за пока еще деревянной оградой только что Высочайше утвержденной общины, то крепко ошибается современный читатель, если думает, что все они, подобно не раз устаивавшейся видеть и слышать саму Пресвятую Богородицу Неонилле Борисовне Захаровой или окончившей Санкт-Петербургский Смольный институт Вере Ивановне Соколовой, действительно по знамению свыше или по велению сердца и души решили посвятить себя высокому служению Богу. Наверняка, не было среди новоявленных невест Христовых ни прославившихся необыкновенными чудесами прорицательниц будущего, ни умудренных знанием Священного Писания тонких толкователей Слова Божия, ни укрепленных силою подлинной веры подвижниц, готовых с именем Бога и улыбкой на устах взойти на костер.

Почти все будущие послушницы происходили из крестьянских семей соседнего с Давыдовом Муромского уезда Владимирской губернии и Мордовии, почти все не умели даже читать или расписываться. Многих привели в монастырь раннее сиротство или увечие, одиночество, бедность и другие жизненные обстоятельства. И хотя все проживавшие в пока еще убогих деревянных кельях, огороженных от прочего мира высокой, но тоже пока что тесовой, а не каменной стеной, ходили теперь в одинаковых черных монашеских клобуках и рясах, в подавляющем своем большинстве это были еще не искушенные годами суровой отшельнической жизни, достойные кандидаты в святые, а вполне мирские, живые и грешные люди.

Еще вчера не знакомые друг с другом, они уже называли друг друга сестрами, но были совершенно разными по всему: по возрасту, местам прежнего

жительства, социальному происхождению, жизненному опыту и воспитанию, грамотности, характерам и способностям, материальному и семейному положению до прихода в монастырь, причинам этого прихода. Вообще, по всему, чем отличаются живые, состоящие из живой, грешной плоти люди от канонизированных мощей и мумий!

Вот, например, возраст. Самая старшая в обители — 65-летняя Домна Васильева³, неграмотная старая дева из деревни Искусово Муромского уезда, в монастыре стала заниматься пряжей льна... Всего на три года моложе ее неграмотная же солдатская вдова Орина Давыдьева, приставленная к обслуживанию приходящих и приезжающих в странноприемном покое обители. А рядом с ними — 12-летняя Наталья Иванова, сирота из деревни Крестелевой того же Муромского уезда, проходящая послушание в рукодельной, и 15-летняя Дарья Евфимова. Эта — из самого села Дальнего Давыдова, рано лишилась родителей и еще до официального утверждения монастыря пристала к монашкам, которые выучили ее грамоте. Прислуживает взрослым в трапезной.

Это, конечно, самые старшие и самые младшие. А если уж совсем точно говорить, то старше шестидесяти в этом первом монастырском наборе были только две названные выше старицы. От 60-ти до 50-ти — тоже двое, от 50-ти до сорока — семеро, от сорока до тридцати — опять же семеро. От тридцати до двадцати (считая и саму начальницу монастыря) больше всего — семнадцать человек! Моложе двадцати лет — девятеро. В целом же — пять-шесть в разные годы овдовевших уже немолодых женщин и примерно столько же малолетних сирот. А все остальные — старые девы (каковыми считались тогда все не вышедшие замуж до 20-ти лет).

Как уже было сказано, подавляющее большинство первых послушниц официально утвержденного Дальне-Давыдовского женского монастыря были набраны из крестьянских и осиротевших духовных семей окрестных селений Муромского и других ближайших уездов Владимирской губернии, окружавшей Давыдово с трех сторон. Каждая третья, или даже вторая, не умела ни петь молитвы, ни читать, ни писать. Послушание им можно было проходить разве только на полевых или лесных работах да на скотном дворе. Ну, еще на сборах подаяний для монастыря.

Впрочем, встречались среди новообращенных сестер и исключения — как в смысле мест происхождения, так и в отношении знания различных ремесел и искусств. Вот, например, рядом с крестьянскими дочерьми, пришедшими из соседних сел и деревень, стоят в списке две залетные мещанки: 37-летняя Ксения Никитина аж из самого Санкт-Петербурга и 26-летняя Ефимия Михайлова из славного города Владимира. Обе обучены петь молитвы, читать и писать, послушание проходят при ризнице, на клиросе и в образной рукодельной, где по специальным трафаретам пишут иконы.

52-летняя Марфа Ивановна прибыла из Олонецкой губернии, служит при сестринской домашней аптеке, разбирается в лекарствах и травах. 28-летняя Акилина Никитина родом из Пензенской губернии, занимается изготовлением восковых свеч. А 48-летняя солдатская вдова Мария Лаврентьева из Вязников,

---

³ В «Ведомостях монашествующих» рядовым послушницам и монахиням (так же, как крестьянским «душам» в ревизских сказках) фамилий не полагалось. Так что слово «Васильева» обозначает здесь не фамилию, а сокращенную запись отчества: «Домна, Васильева дочь». Так же -и у всех остальных в списке (кроме монастырского начальства) — А.В.

хотя и не постигла грамоту, зато незаменима в охране и в соблюдении должного порядка в обительских погребах и амбарах.

Конечно, для самой Веры Ивановны Соколовой самыми верными и надежными из всего этого перечня первых монашествующих вверенной ей Дальне-Давыдовской женской общины были прибывшие вместе с ней в Давыдово из Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря теперешняя ее казначея Александра Степановна Варгасова и благочинная Агафья Васильевна Данилова — воистину, правая и левая рука молодой начальницы!

Обеим уже за сорок, да и тогда, когда 2 октября 1850 года 20-летней выпускницей Смольного прибыла Вера Ивановна из Санкт-Петербурга в перво-классный Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, обе эти женщины уже не только в старшие сестры, а и в матери и по возрасту, и по опыту ей годились. Видимо, они-то и стали ее первыми наставниками во взрослой монастырской жизни. Сколько за прошедших с тех пор семь с лишним лет с обеими было прожито вместе в сестринских кельях Нижегородского Крестовоздвиженского, сколько сказано было друг другу по ночам, наедине, самого сокровенного и потаенного!

Но то было, когда все три они являлись равноправными сестрами Крестовоздвиженского монастыря, когда каждая из них отвечала только за себя. Теперь — совсем другое дело. Теперь вчерашняя юная послушница Вера Ивановна Соколова — уже и не Вера, а всемогущая мать Антония, единовластная хозяйка новой, самостоятельной обители. Ее назначение на этот высокий пост возвело между нею и оставшимися рядовыми сестрами стену повыше монастырской, ее же не преjdeши во веки веков. Как нельзя преступить грань между духовным и мирским, между живым и мертвым. Богу — Богово, а Кесарю — кесарево!

Даже перед бывшими своими старшими наперсницами не может начальница обители выказать дозволенную для других человеческую слабость или бессилие, а тем более — открыто признаться в какой-либо своей ошибке. Потому что, невзирая на свою физическую молодость и неопытность в житейских делах, теперь она для всех обитающих здесь, в этих отделенных от всего остального мира высокой тесовой оградой пределах — всемилостивейшая матушка Антония, духовный пастырь вверенного ей стада, самое близкое к Богу и начальству лицо.

Только в одинокой ночной молитве, обращенной к Господу, может признать не подвластная людскому суду начальница обители какие-то дневные свои слова и деяния недостойными принятого ею на себя сана, неугодными Богу. Только перед Ним может она горько раскаяться в вольных и невольных своих заблуждениях и прегрешениях, попросить у Вседержителя милостивого прощения за них, совета и помощи.

Больше не с кем посоветоваться, не от кого ждать подмоги в этих непроходимых, еще не тронутых цивилизацией, дремучих давыдовских лесах. До ближайшего славного города Муром — 40, до уездного города Горбатова — 70, до губернского города Нижнего Новгорода, епархии и Крестовоздвиженского монастыря — 105 верст, до родного Санкт-Петербурга — как до Царствия Небесного.

Одна она здесь за все в ответе перед Богом и людьми. И все ее упования и надежды — только на милость Всевышнего да на Пресвятую Богородицу, чей нерукотворный образ «Утоли моя печали» является главной святыней Дальне-Давыдовской женской общины!

В уже упоминавшемся выше «Деле об учреждении Дальне-Давыдовской женской общины»⁴ сохранилась многостраничная «Опись имущества Дальне-Давыдовской женской обители», составленная благочинным монастырей Горбатовской округи, ворсменским протоиереем Иоанном Архангельским 17 февраля 1858 года — в день официального открытия обители, всего через две недели после вступления Веры Ивановны Соколовой в должность ее начальницы. Перечисление всех пунктов этой описи заняло бы слишком много места, поэтому назовем здесь только некоторые из них.

В начале описи говорится:

«Дальне-Давыдовская женская община находится на южной стороне села Дального Давыдова, в Горбатовском уезде, Нижегородской губернии, в 300 сажнях от церкви упомянутого села — на земле (специально) купленной коллежским асессором Валерияном Владимировичем Аристовым и пожертвованной им во всегданнее владение и неотъемлемую собственность оной обители. Этой земли 309 десятин. Она община обнесена кругом тесовой (еще тесовой! — А.В.) оградой.

Внутри общины:

I. Кресты:

1. Серебряный, вызолоченный, четырехвершковый, с круглыми оконечностями — в котором части Животворящаго Древа, Ризы Пресвятой Богородицы, жезлов Моисея и Аарона, камни Гроба Господня и горы Фаворския, мощи мучеников Феодора Стратилата, Феодора Тирона, Ионы, Моисея, Иоанна и чудотворцев новгородских, великомучеников Прокопия, Пантелеймона, Параскевы, Екатерины, св. мучеников севастейских, Иакова Боровицкаго Чудотворца, Великого Георгия, Димитрия Солунскаго (о которых — надпись на обороте креста).

2. Серебряный двухвершковый, позлащенный, с вычеканенным Спасителем, внутри онаго (креста) - часть мощей св. великомученицы Варвары.

3. Серебряный с таковою же 5 четв. цепочкою в 1/2 вершка с круглыми оконечностями; внутри креста — 5 частей св. мощей.

4. Литый, чугунный — в поларшина.

II. Четыре колокола:

первый — (весом) в 1 пуд и 16 фунтов; второй — 1 пуд 13 фунтов; третий — 31 фунт и четвертый - 2½ фунта.

Кадила — медная, посеребренная.

III. Иконы:

Господа Вседержителя, Николая Чудотворца, Покрова Пресвятой Богородицы, Пресвятая Богородицы «Утоли-моя-Печали» и другие — всего 46 икон.

---

⁴ ГАНО, Фонд 570, опись 558, ед. хр. 161

IV. Церковное облачение:

6 риз парчовых и бархатных, 5 подризников бархатных и шелковых, 4 епитрахили парчовые и шелковые, 15 пелен (бархатные, шелковые, глазетовые), покровы и воздухи, занавески, ковры.

V. Книги:

Евангелие и Апостол в одном плисовом переплете, второй экземпляр — в кожаном, Минея за сентябрь 1704 года, Псалтырь 1750 года и т. д.

VI. Строения внутри общины:

1. Деревянный на каменном фундаменте двухэтажный корпус - длиною 8 сажен, шириною 4½ сажени, в котором 22 окна с двойными рамами, крытой тесом; внутри онаго внизу — три комнаты с печами, холодный коридор и три чулана; вверху — молельня с двумя печами, в оной — перечисленные выше кресты.

2. Кельи одноэтажные о двух жильях длиною 22, шириною — 8 аршин, крытые тесом, в них 9 окон с двойными рамами.

В ограде же:

115. Два хлебных амбара.

116. Сельница, погреб, в котором алебастру 1 000 пудов, извести 15 пудов.

117. Кирпича 40 тысяч.

118. Два колодца.

Вне ограды:

119. Гостиный двор длиною 22, шириною 9 аршин, крытый тесом, 9 (?) окон с двойными рамами.

120. При нем — конюшни и сарай. Десять лошадей в возрасте около 10 лет (перечислены масть и возраст каждой — А.В.)

121. Экипажи зимние: возок двухместный и возок троечный с кибиткою. Летние: крытая пролетка, парный тарантас и кожаная парная повозка.

130. Скотный двор. Келья двухэтажная — длиною 20, шириною 9 аршин, с семью (?) окнами, крытая тесом.

131. Еще келья длиною — 12, шириною — 7 аршин о двух окнах.

132. Крытые тесом три сарая для скота и при них — две конюшни (два конских стойла? — А.В.)

133. Сельница длиною 13, шириною — 9 аршин. Погреб, колодезь.

134. В этом скотном дворе: коров — 19, подтелков — 20 штук.

135. За оградю же находятся красильное заведение и баня, в недалеком расстоянии от ограды — пруд с карасями и разводится плодовый сад.

136. Рига, овин. При них сельница длиною 9-ти и шириною 4-х (?) аршин.

137. Молотильная машина с сараем — длиною 9 и шириною 4 сажен.

138. Веельная машина.

139. Бревен крупного (от 6 до 9 вершков) деса — 400.

140. Половного тесу — 100 досок, вершковаго тесу — 50 досок.

Начальник — это тот, кто начинает

В предыдущей главе (названной нами «Блаженная Неонилла...») мы подробно рассказывали о подвижнической жизни основательницы Дальне-Давыдовской женской общины во имя иконы Пресвятой Божией Матери «Утоли моя печали», неграмотной давыдовской крестьянки Неонины Борисовны Захаровой (по деду со стороны матери — Кербеновой).

О том, как еще в 1845 году, за 12 лет до официального открытия и утверждения общины, повинаясь воле Царицы Небесной и не страшась противодействия и преследований властей, 33-летняя Неонилла Борисовна ушла из родительского дома и со своими немногими сподвижницами поселилась на избранном самой Пресвятой Богородицей и указанном великим чудотворцем Серафимом Саровским святом месте — покрытой глубокими оврагами и зыбучими болотами Кряжевой Сечи, в полуверсте от Давыдова. Что и послужило началом Высочайше утвержденной 17 февраля 1858 года Дальне-Давыдовской женской общины.

Архивы свидетельствуют, что всего лишь через полгода с небольшим после Высочайшего утверждения и торжественного открытия официально признанной Дальне-Давыдовской женской обители во имя иконы Пресвятой Божьей Матери «Утоли моя печали», 15 сентября того же 1858 года, на имя Преосвященнейшего Антония, Епископа Нижегородского и Арзамасского, поступило в Нижегородскую епархию письмо родного брата (неграмотной) Неониллы Борисовны, крестьянина села Дальнего Давыдова Захара Борисовича Захарова, который (задним числом?) жаловался Владыке на начальницу Дальне-Давыдовской женской общины мать Антонию Соколову, выжившую его сестер Неониллу и Александру из самой же старшей сестрой созданной обители.

Наверняка не без предварительных согласований с новой начальницей общины резолюция на это письмо была наложена такая: **«Если сестры просителя Неонилла и Александра дадут обязательство в том, что будут повиноваться начальнице общины (она рекомендована г. Аристовым) и что не будут иметь никакого общения с сим лицом (то есть В.В. Аристовым — А.В.), то предписать начальнице означенных девиц принять в общину. В противном же случае не принимать и следствие по этому делу не производить».**⁵

Одним словом, с первых же своих шагов мать Антония Соколова решительно отмела любых возможных «предшественников» и советчиков на своем посту.

О дальнейшей судьбе Неониллы Борисовны Захаровой читатель уже знает. Мы же здесь отметим только, что письмо ее брата Захара Борисовича Епископу Нижегородскому и Арзамасскому было, может быть, только первой, но далеко не последней жалобой начальству на первую настоятельницу Дальне-Давыдовской женской обители мать Антонию Соколову. Уж такой она была человек: практически все 17 лет управления Веры Ивановны Дальне-Давыдовской женской общиной регулярно шли на нее самые разные жалобы «наверх»!

---

⁵ ГАНО, ф. 570-й, оп. 558, ед. хр. 250.

Говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. А вот первой начальнице Дальне-Давыдовской женской общины 28-летней матери Антонии (в мире — Вере Ивановне Соколовой), назначенной на эту высокую должность на другой день после посвящения в рясофорные послушницы Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря и одновременно с официальным открытием только что Высочайше утвержденной обители, 17 февраля 1858 года, вопреки веками сложившейся поговорке, с первых же шагов своей настоятельской деятельности предстояло опровергать нерушимо справедливую истину о своем и чужом монастырском уставах.

Более того, Указом Нижегородской Духовной Консистории, который возводил мать Антонию Соколову в столь высокий сан, ей фактически прямо предписывалось создать вместо существовавшей уже более десятка лет на оврагах и кочках болотистой Кряжевой Сечи беспорядочно застроенной деревянными избушками-кельями полумирской убогой слободки - совершенно другой монастырь. Настоящий, классический, общежительный: с только что Высочайше утвержденным новым нерушимым Уставом, расписанным по всем монастырским и церковным канонам. Со златоглавым соборным храмом и празднично украшенной домовою церковью, с оглашающим всю окрестность звоном посеребренных и медных колоколов. С многоэтажным кирпичным общежительным корпусом, теплой, уютной трапезной, иконописной и рукодельной мастерскими, собственной ветряной мельницей, скотным двором, конюшней, складами, амбарами, плодовым садом, пчельником и прудами. С гостиним двором, кузницей, пожарным сараем и неприступной каменной стеной по всей окружности обители.

Но Вера Ивановна Соколова выросла в потомственной дворянской семье в Санкт-Петербурге, обучалась в столичном Смольном институте, знала четыре иностранных языка и еще многое другое, что положено было знать особам ее круга. Более семи лет прожила она в привилегированном Нижегородском Крестовоздвиженском первоклассном монастыре, где была преподавателем школы молодых воспитанниц монастыря. Она прекрасно знала, что даже и с Божьей помощью такие современные оплоты православия, каким уже представлялась ей будущая Дальне-Давыдовская женская обитель, сами собой, как грибы после дождя, не вырастают. Для их возведения и благоустройства требуется, во-первых, много-много денег, а во-вторых, еще больше упорного, самоотверженного, от сердца, а не из-под палки идущего труда тех, кто эти цитадели Божьего духа населяет. А откуда их взять таких — готовых душой и телом отречься от грешного, суетного мира и от себя для Бога?

Во все времена приходили и поныне приходят к монастырским воротам люди, которые добровольно отказываются от радостей и без того короткой земной жизни и заживо хоронят себя в монастырских стенах. Причины этого добровольного, досрочного ухода в мир иной всегда были разными. Одни хотели сознательно посвятить себя Богу, спасти свою бессмертную душу. Другим нужно было замолить уже содеянные грехи, ошибки или преступления. Третьи не могли смириться с потерей близких людей или с крушением личной, плотской жизни. Всегда немало было и таких, которые уже по роду своего воспитания, а также по складу характера постоянно были связаны со служением Богу или склонны к размышлениям о Нем. Особенно среди тех, которые выросли в духовной среде или рано осиротели.

Но, во-первых, в любом случае этот приход к Богу должен быть добровольным, осознанным, а, во-вторых, одного только желания посвятить себя Богу (пусть даже и вполне добровольного, искреннего!) далеко не достаточно. Много званых, да немного избранных! Потому-то любой человек, переступивший монастырский порог, подвергается длительному, порой многолетнему испытанию на верность однажды принятому решению и на способность при любых обстоятельствах оставаться приверженным ему. Это многолетнее испытание перед Богом, собой и людьми, как многоступенчатое восхождение на самую высокую, единственную во Вселенной вершину, состоит из нескольких труднейших, не каждому посильных этапов-подъемов.

Первая, самая доступная ступень восхождения к Богу — послушание. Его проходит каждый человек, получивший благословение на поступление в монастырь, и, как правило, дается оно всегда с учетом индивидуальных склонностей, способностей и возможностей человека: одного определяют на полевые работы, другого — на ферму, третьего — в трапезную или рукодельную. Нередко через полгода или через год порученная человеку трудовая повинность меняется — это чтобы послушник все испробовал, все умел.

И, конечно же, независимо от того, какое послушание проходит человек, он обязательно должен участвовать во всех монастырских службах и общих работах, неукоснительно исполнять все заповеди Божьи, предписываемые каждому испытываемому монастырским уставом. А особенно Первую из них: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумением твоим!»

В послушниках можно проходить полгода, а можно и несколько десятков лет. За это время, с одной стороны, человек сам для себя решает, правильную ли он стезю выбрал в жизни. С другой — монастырь испытывает его: насколько искренне и прочно у него решение посвятить себя Богу? Тем более, что в монастыре ведь (как и в тюрьме!) ничего нельзя скрыть ни перед другими, ни перед собой: слишком узок каждодневный круг общения. Все тайное он делает явным.

За послушничеством следует посвящение в иночество, которое отличается от первой стадии монастырского испытания, прежде всего, обязанностью испытываемого уже не просто исполнять законы обители и каждый день делать что-то полезное для нее, но и стараться вести не мирской, а евангельский образ жизни. Это означает, что надо научиться не просто веровать в Бога, Его необходимо чтить всем сердцем, по мере сил во всем подражать Ему. Ибо сказано в Священном Писании на все времена: «Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва». А дела человека, посвятившего себя Богу — это и есть его жизнь по заповедям Христовым.

Есть и еще одно различие между послушником и иноком, определяемое разницей между трудом физическим и трудом духовным. В отличие от труда физического, которым по преимуществу занимается послушник, иноческий духовный труд обычно заключается в борьбе человека с самим собой, со своими низменными страстями и привычками. От него невозможно отделаться даже ночью, во время сна, его нельзя свалить на кого-нибудь другого.

От колки дров или пахоты земли можно отдохнуть, сделав перерыв или сменив занятие, а попробуй-ка отдохнуть от обуревающей тебя по ночам плотской похоти или от искушения хотя бы тайком, хотя бы только языком лизнуть скромное во время бесконечного семинедельного Великого поста! Попробуй

искренне, по-сестрински, улыбнуться утром соседке по келии, всю ночь ни на минуту не дававшую тебе сомкнуть глаз своим лошадиным храпом!

Даже после окончания не только послушничества, но и иночества, испытываемый еще имеет возможность выбора — вступить или не вступить в монастырь. Все колебания, как с его стороны, так и со стороны монастыря, кончаются в день торжественного пострига в монахи или монахини. Этот заключительный, окончательно определяющий судьбу человека обряд в Дальне-Давыдовской женской общине еще не совершался ни разу — поскольку совершаться он должен в соборном храме обители во имя иконы Пресвятой Божией Матери «Утоли моя печали», которого пока что даже еще и в заделе нет. Возвести его — первая задача вновь созданной общины. Да только вот пока еще не на что.

Но и сама мать Антония Соколова, и живущие вместе с ней сестры твердо уповают на то, что в свой срок станут они в этом предреченном Пресвятой Богородицей и великим святым провидцем Серафимом Саровским соборном храме «невестами Христовыми»!

О том, какой монашество бесконечный, тяжелый труд, посильный далеко не каждому, можно судить хотя бы по ежедневному нерушиму распорядку, установленному матушкой Антонией Соколовой сразу же после своего приезда в Дальне-Давыдовскую женскую общину. Например, как это и положено по монастырско-церковным канонам, каждый воскресный день в общине теперь начинается с вечера субботы — со всенощного бдения, которое длится пять часов, с пяти до десяти вечера. Ежедневное же, кроме воскресного, богослужение начинается в полшестого утра. Заканчивается в девять. После утреннего богослужения — послушание. В двенадцать — трапеза, затем - снова послушание, до пяти вечера. С пяти до восьми-девяти — вечернее богослужение. По его окончании - ужин и вечерняя молитва. Освобождаются сестры от дневных занятий примерно к десяти вечера. А в пять утра — снова подъем.

С тех пор, как настоятельницей общины стала мать Антония Соколова, монастырь никогда не спит. День и ночь, сменяя друг друга, читают сестры перед Неугасимой лампадой Неугасимую псалтирь. А днем и ночью земные поклоны бить, после которых спина болит так, как будто в нее гвоздей понабивали! Кто их считает? А кто измерит, сколько часов и минут во время молитв сестры стоят на ногах? Да, ведь и на послушаниях они не в холодке под березами прохлаждаются!

Пища в монастыре в постные дни — винегрет, постные щи, постная же каша, тушеная капуста, картофельное пюре, иногда соленые грибы, овощи. В праздничные дни возможны рыбные щи, пирог с капустой или с луком, компот. Мясо из монашеского рациона исключено навсегда. Так же, как и любые развлечения: даже «в гости» ходить друг к другу у сестер не принято. Форма одежды и зимой, и летом у всех одинаковая — черная. Ибо белый цвет — это цвет смерти!

Вера Ивановна не сомневалась в том, что после ухода из вставшей на путь преобразования общины бывшей ее основательницы и ее соратниц вряд ли кто из оставшихся «прежних» сестер будет открыто протестовать против установления нового, строгого распорядка монастырской жизни и точного его исполнения. Главными препятствиями на пути введения правильных ритуалов и обрядов теперь могут стать разве только их незнание да еще многолетняя привычка к необязательности строгой монашеской дисциплины, к произвольному, «домашнему» исполнению общих и келейных правил.

Новая настоятельница хорошо понимала, что эта выработавшаяся годами привычка к «приблизительному», «вольному» исполнению монастырского устава, а также хозяйственных и бытовых дел прочно сидит в душе каждой из сестер, и главный способ «выдавить» (или выбить!) ее оттуда — это личный пример самой главы общины.

Все новое должно приходить не откуда-то с неба, а именно от нее, начальницы. Недаром же слово «начальник» обозначает в буквальном смысле того, кто «начинает» дело, дает «начало» всему. Вот и ей придется каждый день и каждый час «переступать» через себя, через свое раздражение, озлобление и усталость. В первую очередь, не приказывать и наказывать, а показывать, разяснять и помогать.

Описывая первые дни, недели и месяцы жизни матери Антонии Соколовой в обители, авторы монастырской летописи только искренне удивлялись: «откуда у нее берутся силы на все, когда она спит, когда отдыхает?! Двенадцатый час ночи никогда не просыпала, сама вычитывала полунощницу и акафист Божией Матери, а в 4 часа утра ходила звонить к утреннему правилу и первую являлась в храм. Сама читала, сама образовала хор и в церкви всегда сама пела, строго следя, чтобы все сестры вставали на молитву. Неимущим помогала в их нуждах — иногда со своих ног снимала обувь и подавала нуждавшейся сестре. Когда случалось обидеть кого словом, то после того горько плакала, просила прощения и старалась, чем только могла, утешить оскорбленную».

«В келии любила простоту, занималась чтением духовных книг, часто собирала к себе сестер и читала им вслух, увлекаясь чтением отеческих творений, плакала и внушала сестрам подражать подвижникам благочестия, роскоши себе никакой не позволяла ни в пище, ни в одежде. В трапезе мать Антония так же установила должный порядок и чтения житий святых, чего до нее не было. Пищу улучшила, установила единую форму одежды. Устроила рукодельную, образную, цветочную, что умела сама, тому научила и сестер. Испросила общине штатного священника, учредила стройное пение и внятное чтение, выучила коноаршить. Озаботилась устроить домовую церковь, которая была освящена уже 20 октября 1858 года во имя «Всех святых».

«Когда в 1862 году задумала строить (соборный — А.В.) храм во имя иконы Матери Божией «Утоли моя печали», имея вначале на ту пору на постройку всего только 4 000 рублей, то завела сперва свой кирпичный завод. Нередко вместе с сестрами подносила на поёмках кирпич каменщикам. То же самое было и с болотами, окружавшими обитель. Только благодаря ее личным заботам и трудам были осушены болота путем устройства канав на протяжении 2 638 сажень и расчищено 50 десятин лугов. В 1873 году у общины было уже 79 десятин (2 096 сажень) засеваемой пашенной

земли, 28 десятин (962 сажени) лугового покоса и 200 десятин (556 сажени) кустарника и смешанного дровяного леса. А всего удобной к обработке земли — 308 десятин (1 914 сажени)».

«Бывало, придет с работы в мокром до колен сарафане... куда девались нежность воспитания, привычка к роскоши. Наденет на себя кафтан мужицкий, сапоги высокие, и впереди сестер-тружениц идет она, начальница-труженица, ободряя во время отдыха и разделяя с ними скудную пищу. Многие ее осуждали, но она, как благовоспитанная особа, не обращала внимания на все эти насмешки. Она в часы труда была труженица-крестьянка, в часы богослужений и приема посетителей держала себя как подобало благовоспитанной особе и настоятельнице. И везде она была сама собой...»

Здесь, наверное, будет уместно отметить, что деятельность матери Антонины Соколовой не ограничивалась только пределами Дальне-Давыдовской женской монастырской общины. С 1870 года, например, она бессменно являлась попечительницей единственного на всю округу церковно-приходского училища в волостном селе Пустыни (Засережье тож), расположенном в десяти верстах от села Дальнего Давыдова, на лесной речке Сереже. При самой общине постоянно проживали и воспитывались три малолетних девочки-сиротки из духовного и четыре — из крестьянского сословия, которые обучались чтению, письму, церковному пению, краткой священной истории, первым четырем правилам арифметики, шитью, вязанию, и прочим женским рукоделиям.

В зимние месяцы ввиду отдаленности волостного церковно-приходского училища к девочкам сироткам, обучающимся в самой общине, по просьбам местных родителей присоединяются сельские девочки, которые не имеют возможности проживать в Пустыни и здесь, на месте, изучают Азбуку и Псалтырь. Всего вместе с монастырскими их набирается до девятнадцати человек.

В своем рапорте в епархию за 1873 год Вера Ивановна Соколова также доносит, что **«со дня своего основания (то есть официального открытия — А.В.) община оказывает бесплатную медицинскую помощь крестьянам соседних селений, в которых, ввиду их отдаленности от культурных центров, нет никаких врачебных заведений. Так, в 1873 году за советами и получением домашних лекарств в обитель обратились 209 больных всех возрастов и обоих полов. Во время случавшихся эпидемий ею, настоятельницу Верою, в дома заболевших крестьян были отправлены опытные сестры с лекарствами, которые подавали первую помощь больным. Врачевание наружных болезней — как-то ушибов, ожогов, костоедов, опухолей, разного рода ран и нарывов — производится различными пластырями, мазями и примочками, составленными по соответствующим медицинским руководствам».**

«Две из сестр обители очень искусно исправляют вывихи рук и ног и связывают их в лубки. Другие ставят желающим кровеносные (кровососные? — А.В.) банки и делают перевязки различных ран и ушибленных частей тела. В летнее время несколько опытных сестр ежедневно собирают в окрестностях обители необходимые для лечебницы целебные травы и корни и готовят из них различные домашние лечебные средства».

«Для помощи крестьянам в агрономии, садоводстве и разведении пчел используются советы, регулярно печатаемые в выписываемом обителью журнале «Нижегородские епархиальные ведомости».⁶

Не духом святым единым

Монастырь — место святое, но, как и любое другое большое хозяйство, оно требует неустанных земных, повседневных забот, материального расчета, строгого учета, контроля и отчетности. Живут в монастырских стенах живые, грешные люди, а не ангелы, и питаются они не святым духом, ходят по земле, а не летают на крыльях. Об этом невольно думаешь, перелистывая хорошо сохранившиеся в архивах толстенные, аккуратно переплетенные «Книги для записи прихода и расхода общинных сумм Дальне-Давыдовской женской общины» за различные годы, плотно, но четко исписанные рукой Веры Ивановны Соколовой.

Вот, например, приходно-расходная книга за 1869 год⁷. Все здесь учтено до мелочей, до малых долей копейки. Приводим отдельные выдержки из книги.

Январь, 1-е. Остаток от декабря месяца 1868 года состоит в одном рубле и двадцати трех копейках серебром — 1 руб. 23 коп.

3-го. За упокой р. б. (рабов божьих — А.В.) Михаила, Анастасии получено от крестьянина Феофана Федорова пять рублей серебром — 5 руб.

5-го. От старшей сестры Александры Феокистовой получено в пользу общины сто тридцать пять рублей девяносто копеек серебром — 135 руб. 90 коп.

6-го. От Федора Трофимова за сено получено десять рублей — 10 руб.

14-го. У г-жи Тоболиной Дарьи Ивановны, вдовы надворного советника, взято заимообразно на покупку ржи для обители с отдачей по первому требованию триста рублей серебром — 300 руб.

31-го. Доходу получено из больничной церкви:

От продажи просфор — 3 руб. 01 коп. Собрано кошельковых — 1 руб. 40 коп. серебром. На Неугасимую лампаду к Иконе Божией Матери и для псалтырного чтения — 4 руб. 75 коп. Высыпано из кружек: у крыльца — 19 коп., у часовни — 21 коп., у Иконы Божией Матери — 5 коп. А всего суммою девять рублей и шестьдесят одна копейка — 9 руб. 61 коп.

В течение всего января поступило за чтение псалтири от разных лиц шесть рублей и девяносто копеек серебром — 6 руб. 90 коп.

В январе продано свеч в Больничной церкви: белого воску — 1/2 фунта — 45 коп, желтого воску — 2 фунта по 75 коп. — на 1 руб. 50 коп. А всего на сумму два рубля и тридцать шесть копеек — 2 руб. 36 коп.

В течение января в приход всей суммы вместе с заимообразными деньгами поступило в кассу общины всего четыреста восемьдесят один руб. — 481 руб. За расходами в январе на экономические нужды в числе 447 руб. 65 коп. к 1 февраля имеется остаток наличо всего — тридцать три рубля и тридцать семь копеек серебром — 33 руб. 37 коп.

Подписали: Начальница Вера, казначея Акилина Федорова, ризничая Прасковья Парфенова, благочинная Александра Введенская.

13 марта. За проданный лен получено от крестьянина Михаила Антонова тридцать (30) рублей.

17 марта. Рясофорной монахиней Александрой Александровой Введенской внесен вклад за келию в малом корпусе, что близь церковного корпуса в верхнем этаже на левой стороне для всегдашнего пользования оной кельей с условием, чтобы начальство общины не имело права никому оную келью продать другому лицу или лишать Введенскую права на владение сей кельи во все время ее жизни в сей обители — и получено от нея суммою всего пятьдесят рублей серебром – 50 руб.

23 апреля. Сестрой Матреной Васильевой в с. Новоселках продан теленок и получено за него два рубля — 2 руб.

8 мая. Продана лошадь рабочая крестьянину села Дальнее Давыдово Петру Рошину за двадцать четыре рубля серебром по неспособности ея.

12 мая. Казначеей Акилиной Федоровой получено из Муромского уездного казначейства проценты по билету непрерывно доходному за № 24752 за 1-ю половину 1869 года в сумме двадцать рублей сер. - 20 руб.

16 мая. Сестрой Матреной Васильевой продано лишнего картофеля 16 мер по 14 коп. за меру. Получено всего 2 рубля 72 коп.

Расход общинных сумм:

Январь. Крестьянину деревни Левиной Петру Маркееву за купленные у него угли для кузницы 100 кулей по 10 коп. за куль — 10 руб. На Озябликовском базаре старшей сестрой Александрой Александровной Введенской куплено: свеч сальных 1 пуд 20 фунтов по 6 руб. — на 9 руб., свежей рыбы 31 фунт по 12 коп. — на 3 руб. 92 коп. сер., стелек (для обуви — А.В.) 10 штук по 25 коп. за штуку — на 2 руб. 50 коп., кренделей 20 фунтов на 1 руб. серебром, овса для пары лошадей в течение суток на 3 руб. 80 коп., елею для караульной лампы 2 пуда 25 фунтов по 5 руб. 70 коп. за пуд — на 15 рублей серебром, чаю 2 фунта по 1 руб. 30 коп. — на 2 руб. 60 коп. А всего израсходовано на сумму 42 руб. 58 коп.

Февраль. Жалованье кузнецу Евстигнею Аникину – три руб. (3 р.), полесовщику Василию Федорову – четыре рубля (4 руб.)

24 февраля. Старшей сестрой благочинной Александрой Введенской для обительской экономии куплено в г. Муроме: сандалу 2 пуда по 2 руб. 75 коп. за пуд на 5 руб. 40 коп. сер., чаю 3 фунта по 1 руб. 50 коп. на 4 руб. 50 коп., сахару два пуда на 11 руб. 23 коп. сер., купоросу 20 ф. на 1 руб. 80 коп., магнезии на 1 руб. 80 коп., селитры 5 ф. на 1 руб. 30 коп., клещей для хомутов на 2 руб. 60 коп. На овес лошади израсходовано 1 руб. 75 коп., а всего суммою 30 руб. 23 коп.

11 марта. Выдано жалованье священнику о. Александру Введенскому за февраль и март всего шесть рублей серебром (6 руб).

13 марта. Куплено для просфор муки 2 мешка, заплачено 21 руб. 85 коп. Соли куль — 10 руб. 25 коп., елею для ламп — 1 пуд 20 ф. на 8 руб. 25 коп. За уделку самовара общего выдано мастеру 3 руб. 15 коп. За почтовых лошадей со станции Гороховской до Озябликова выдано за тройку лошадей 12 руб. 75 коп.

16 мая. Выдано пастуху сельскому Лариону задатку на лето 1869 года за монастырскую скотину 1 руб.

7 августа. Косцам Михайле Петрову с товарищами выдано задельной платы за козьбу монастырских лугов всего 26 руб. 80 коп.

Из отчета в Епархию за 1873 год

Приход общинных сумм в 1873 году:

1. Остаточной суммы от 1872-го к 1873 году было 30 руб. 30 коп.
  2. Получено по сборной книге - 446 руб. 55 коп.
  3. За поминовение чтение псалтыря - 1 026 руб. 79 коп.
  4. Пожертвовано на сооружение иконостаса - 62 руб.
  5. Пожертвовано на масло для неугасимых лампад перед иконами - 27 руб. 10 коп.
  6. Заимообразной суммы получено и собрано - 70 руб.
  7. Пожертвовано в пользу общины - 976 руб. 30 коп.
  8. Процентом с билета в 1 000 рублей получено - 80 руб.
  9. Получено за рукоделье образное и рукодельную работу сестер общины - 67 руб. 42 коп.
  10. Получено от продажи восковых свеч - 39 руб. 71 коп.
  11. Получено от продажи просфор - 47 руб. 3 коп.
  12. Собрано кошелевых - 40 руб. 94 коп.
  13. Высыпано из разных кружек - 9 руб. 78 коп.
  14. Выручено от продажи льна, скота и других продуктов - 198 руб. 14 коп.
- Итого в 1873 году — 3 121 руб. 79 коп.

Расход сумм в 1873 году:

1. Употреблено на канцелярские и почтовые расходы - 38 руб. 38 коп.
  2. Выдано жалованье священнику общины - 36 руб.
  3. Употреблено на строительные материалы для каменной церкви - 256 руб. 51 коп.
  4. Выдано мастерам за церковную постройку - 468 руб. 91 коп.
  5. Плата рабочим и поденщикам при церковной постройке - 277 руб. 79 коп.
  6. Употреблено на экономические предметы по содержанию сестер - 1 467 руб. 66 коп.
  7. На постройку одежды и обуви для сестер общины - 107 руб. 98 коп.
  8. На покупку материалов для разных рукоделий - 70 руб. 85 коп.
  9. Куплено лекарств для монастырской больницы и лечебницы для приходящих - 112 руб. 51 коп.
  10. На проезды Настоятельницы и сестер по делам общины - 25 руб. 45 коп.
  11. За восковые свечи, деревянное масло, ладан, церковное вино, муку на просфоры и угли для кад - 137 руб. 82 коп.
  12. С билета в 1 тыс. руб. послано в правление Нижегородской Семинарии за 1873 год - 60 руб. 15 коп.
  13. За «Нижегородские Епархиальные ведомости» за 1873 год в редакцию оных ведомостей послано 10 руб. 78 коп.
  14. За книги и журналы - 7 руб. 22 коп.
- Итого в 1873 году - 3 078 руб. 1 коп.
- Начальница Дальне-Давыдовской общины Вера.⁸

Соборный храм и сборные книги

Как уже говорилось выше, главной заботой матери Антонии Соколовой со дня вступления ее в должность было материальное обновление и расширение общины, особенно строительство соборного храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали», домово́й общинной церкви во имя «Всех Святых», а также общежительных корпусов.

Домовая церковь во имя «Всех Святых» была освящена уже 20 октября 1858 года, всего через полгода с небольшим после приезда Веры Ивановны Соколовой в Дальнее Давыдово. С 1858 года ее стараниями были также построены сестринский двухэтажный корпус, кирпичный завод, ветряная мельница, пожарный сарай, кузница, дом для священника общины, положено начало будущему пчельнику. Продолжались работы по строительству деревянной ограды вокруг обители и осушению близлежащих болот.

Вот как, например, докладывала мать Антония в своем «покорнейшем репорте» Преосвященнейшему Нектарию, Епископу Нижегородскому и Арзамасскому, от 9 июля 1864 года, о введении в строй действующих двухэтажного общежительного корпуса для сестер общины:

«Вашим Преосвященством еще в 1862 году было мне замечено, что наши сестры имели весьма тесное помещение в кельях. Между тем, лес, пожертвованный нашей общине графом Дмитрием Николаевичем Шереметевым, нарубленный и напиленный, лежал в горах безо всякого употребления. Все это заставило меня, при всех грустных обстоятельствах, весною 1864 года употребить все зависящие от меня средства для того, чтобы из этого леса сделать необходимое и полезное дело для обители.

Частью из экономических (то есть поступивших в доход — А.В.), частью из своих собственных денег я выстроила (за минувшие полгода — А.В.) новый двухэтажный деревянный корпус длиною в 9 сажень 2 аршина, шириною 3 саж. и 1 арш., по фасаду восемь окон, в нем устроены четыре большие, светлые и удобные помещения для сестер. В настоящее время, с помощью Божию, к 1 июля в сем корпусе столярная, печная и прочия работы совершенно окончены, рабочие люди получили окончательный расчет, а сестры, в числе 20-ти человек, мною переведены в оный корпус на жительство сего 8 июля.

О чем Вашему Преосвященству честь имею и донести

Вашего Преосвященства

нижайшая послушница

Начальница Вера.

Июля 9 дня 1864 года».⁹

Однако, еще за полгода до процитированного «репорта» в канцелярию епархии на имя все того же Преосвященнейшего Нектария, Епископа Нижегородского и Арзамасского, поступила бумага, написанная на 20 полноформатных листах и подписанная муромским мещанином Иваном Ефимовичем Зво-рыкиным.¹⁰ Вот что в ней было сказано:

«В истекшем 1863 году на монастырском кирпичном заводе Дально-Давыдовской общины моими людьми производилась работа 200.000 (штук) кирпича, и с Мая месяца по 1 число Августа того 1863 года я в разное время получал некоторую часть денег от Начальницы Веры. В сентябре меся-

це при сдаче всех партий кирпича я потребовал полного расчета, так как я обязан был и сам удовлетворить моих рабочих людей... Но настоятельница Вера совершенно отказывается мне платить за кирпич, (отписываясь?) неимением денег. Прошу понудить ее выдать мне по расчету деньги сполна».

Из репорта начальницы Веры в Нижегородскую Духовную Консисторию от 23 июля 1864 года:

«Когда выдавались общине сборные книги, я аккуратно платила всем производившим работы в обители — как по постройке каменного храма, так и по кирпичному мастерству (производству? — А.В.). Например, за 14 сработанных в 1863 году партий кирпича заплатила. Но с того времени, как прекратилась выдача сих сборных книг, то, естественно, прекратился и источник платежа. Несмотря на стесненные (денежные — А.В.) обстоятельства вверенной мне обители, я из разных приходящих сумм, как сборных, так и экономических, удовлетворяла в разные времена подрядчика Ивана Ефимова Зворыкина и из числа причитающейся ему суммы за 200.000 (штук) кирпича по 7 руб. серебром, то есть из 1 400 руб. серебром, я осталась ему должною только 103 руб. По 1 июля 1306 руб. сер. мною ему, Зворыкину, в разное время уже уплачены.

Как только епархиальное начальство выдаст обители сборную книгу на сооружение храма и собрана будет необходимая сумма, то я долгом поставлю себе выдать господину Зворыкину следующую ему по расчету сумму 103 рубля и тем окончить наши долговые отношения. Кроме того, как сказано в нашем с ним договоре, если окажется кирпичу больше 200.000 (штук), то за сей излишек обязуюсь я, начальница, также уплатить по расчету, когда все партии кирпича будут от завода монастырского перевезены внутрь обители и поставлены в двухсаженные клетки около строящегося храма. В настоящее время перевозка онаго производится, и если окажется, что выбито кирпичу г-ном Зворыкиным более 200.000, то я немедленно уплачу ему за оказавшийся излишек кирпича по условию».¹¹

Читатель, наверное, заметил, что два только что процитированных документа — «покорнейший репорт» начальницы Дальне-Давыдовской женской общины и жалоба на нее влиятельного муромского купца И.Е. Зворыкина — поступили в Нижегородскую епархию почти одновременно, в первой половине 1864 года. Думается, что это было не случайное совпадение. Скорее всего, первой в руки Преосвященнейшего Нектария, Епископа Нижегородского и Арзамасского, попала написанная ранее, в самом начале года, жалоба купца И.Е. Зворыкина на начальницу Веру, не платящую ему долги. Узнав об этой жалобе, настоятельница Дальне-Давыдовской общины немедленно предприняла ответные меры для отражения нависшего над нею неминуемого удара. Причем, своим «покорнейшим репортом», посланным в епархию вскоре же после жалобы И.Е. Зворыкина, она предпринимала сразу два, даже три ответных хода.

Во-первых, выдвигалась всякая объективная причина для задержки с расчетами за произведенный людьми И.Е. Зворыкина кирпич: надо было, прежде всего, расплатиться со строителями жилого корпуса для сестер, построившими его так быстро и хорошо.

Во-вторых, это был удобный повод лишний раз напомнить начальству о том, что вот уже не первый год молодой и еще бедной Дальне-Давыдовской общине не выдаются епархией так называемые сборные книги, позволявшие открыто, на законном основании, собирать средства на возведение соборного монастырского храма во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Обычно такие сборные книги выдавались монастырям и церквам, ведущим строительство храмовых зданий, один раз в год — с точным обозначением количества содержащихся в них страниц, соответствующими подписями и печатями епархиального начальства.

В сборных книгах записывалась каждая пожертвованная на святое дело копейка, указывалось, кем именно и когда пожертвовано что-либо для обители. Утаить или присвоить что-либо было совершенно невозможно. А за попытки выпрашивать или собирать что-либо без таких книг можно было угодить в полицию, такие случаи рассматривались гражданскими властями как незаконные поборы, попрошайничество или вымогательство — и строго наказывались.

В монастырской летописи говорится, что в 1862 году состоялась торжественная закладка соборного храма Дальне-Давыдовской женской общины во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Между прочим, на торжестве вместе с другими муромскими купцами присутствовал и тоже жертвовал на построение нового храма Михаил Козьмич Зворыкин — видимо, родственник того И.Е. Зворыкина, с жалобы которого началась эта главка. Так что сборная книга Давыдовской обители тогда, с началом этого строительства, несомненно, выдавалась. Да и сама начальница Вера в ответе на жалобу И.Е. Зворыкина подтверждает это: «Когда выдавались общине сборные книги, я аккуратно платила (в 1863 году) всем производившим работы в обители».

А в монастырской летописи сразу после упоминания о торжественной закладке соборного храма и успешном начале работ на нем идет загадочная фраза: **«Но с прекращением сбора на три года эти работы должны были временно остановиться»...**

Что случилось? За что только что начавшую главное свое строительство новую обитель лишили основного источника этого строительства — сборных книг? Чем успела провиниться за это короткое время перед начальством молодая настоятельница Дальне-Давыдовской женской общины Вера Ивановна Соколова, никогда не боявшаяся высказывать свое собственное мнение и даже вступать в пререкания с начальством?

Обо всем этом мы можем только догадываться по тому, о чем речь пойдет впереди. Известно нам и то, что сборные книги на строительство главного храма все-таки снова стали выдаваться общине с нового, 1865 года.

А вот в ответе Веры Ивановны Соколовой Епископу Нектарию, кроме желания оправдать задержку возвращения долга муромскому купцу И.Е. Зворыкину срочным строительством многокелейного жилого корпуса и отсутствием сборных книг на возведение главного монастырского храма, безо всякого сомнения, была еще и третья, самая важная цель — попытаться отвлечь внимание начальства от бурных событий, как раз в это время, в первой половине 1864 года, потрясавших всю обитель и тоже связанных со сборными книгами. Впрочем, не только с ними и не только в первое полугодие 1864-го.

В епархиальном архиве эти события были изложены на 149-ти (!) огромных листах плотной старинной бумаги под общим названием: «Дело о неблагопристойных поступках начальницы Дальне-Давыдовской женской общины Веры», происходило описанное в пухлом архивном формате с 30 января 1864-го по 15 марта 1867 года.¹² Но, повторяем, главные-то события состоялись именно в первой половине 1864 года, все остальное было только их отголосками, еще почти целых три года время от времени возникавшими как в епархии, так и в самом Давыдове.

Суть дела заключалась сразу в нескольких коллективных жалобах на Веру Ивановну Соколову, поступивших в епархию. Жалобы эти были написаны в разных местах самыми разными людьми — по просьбам в основном молодых, неграмотных сестер Давыдовской общины, по их словам, терпевших великий произвол и унижения от своей начальницы. Например, в зимнее, свободное от полевых и лесных работ время, рассказывалось в жалобах, она незаконно, безо всяких казенных сборных книг, под видом поездок на побывку к родным или по хозяйственным делам общины, рассылает сестер по разным губерниям (но не по своей, не по Нижегородской!) для сбора денег, продуктов и разных других вещей, строго наказывая за возвращение в обитель с пустыми руками или легкими котомками.

Сама она, говорилось далее в письмах, в общине в общих трапезах не участвует, а вместе с приближенными ей лицами они едят отдельно — не то, что остальные. С сестрами, особенно молодыми, настоятельница ведет себя высокомерно и заносчиво, постоянно обзывает их полуименами, а то и бранными словами. Они вынуждены днем и ночью терпеть от нее это грубое, а подчас и жестокое обращение. За любые незначительные проступки хозяйка общины на день, а то и на два лишает виноватых трапезы, заставляет подолгу бить поклоны, стоя на коленях. За малейшееслушание или самовольную отлучку посылает на самые тяжелые и грязные работы или сажает на хлеб и воду под замок, приговаривая при этом: **«Безпрекословное послушание — паче поста и молитвы. Я у тебя из головы дурь-то выветрю!»**

Потребовалась бы огромная отдельная книга для того, чтобы подробно изложить здесь все написанное в этих прямо-таки слезных сестринских письмах, рассказать о материалах дознания, собранных в пухлом архивном фолианте и продолжавшемся более трех лет настоящем следственном деле — с допросами под присягой и очными ставками десятков людей, с побегами авторов писем из-под замка и их добровольными возвращениями в обитель, с доставками «бунтарок» по этапу в уездный город Горбатов или соседнее с ним село Павлово (от Давыдова до того и другого — более 60 верст), а потом обратно в Давыдово, с содержанием непокорных сестер в Павловском полицейском управлении и в давыдовских кельях-одиночках и многом другом. Было это трехгодовое следственное дело ничем не хуже современных детективных романов!

Участвовали во всех этих всенародных и тайных следственных действиях десятки и даже сотни людей — начиная практически со всех сестер и священника Дальне-Давыдовской женской общины отца Василия Паченского до благочинного церковей Горбатовского уезда отца Николая Либединского (он был главным следователем и не раз приезжал в Давыдово для допросов и очных ставок), благочинного города Горбатова протоиерея отца Михаила Тихонравова, станового пристава Павловского стана Сергея Степанова, и вплоть до самого Преосвященнейшего Нектария, Епископа Нижегородского и Арзамасского.

Не будем утомлять читателя подробным описанием хода самого этого следствия, хотя об отдельных его эпизодах просто нельзя не упомянуть. Например, в своих объяснениях, поданных благочинному города Горбатова протоиерею Михаилу Тихонравову, две «бывшие» 19-летние сестры Дальне-Давыдовской общины, активные жалобщицы Анастасия Еремина и Мария Петрова не только подтвердили ранее поданные ими в епархию описания того, как по приказанию своей настоятельницы много раз безо всяких сборных книг (с одними только ею подписанными проездными билетами, заменявшими паспорта) ездили они в Пензенскую, Саратовскую и Владимирскую губернию за сбором денежных и иных средств для своей обители.

В этих же объяснениях они рассказали о том, как, добиваясь от них отказа от ранее поданных в саму епархию показаний об этих незаконных поездках, начальница общины то сутками держала их без пищи по отдельности взаперти в одиночных кельях в самом монастыре, то отправляла под конвоем для допросов в Павловское полицейское управление, где они, опять же запертые под замок и полуголодные, ночевали семь суток на голом, холодном полу.

Наконец, 13 июня 1864 года в Павлово к становому приставу Сергею Петровичу Степанову пожаловала (разумеется, на монастырской тройке лошадей) и сама Вера Ивановна Соколова. Уж о чем там они с ним за чайком в его кабинете беседовали, «бывшие» сестры не знают, но в тот же день исправник выдал им (не имевшим при себе ни гроша денег, ни своих личных вещей, оставшихся в Давыдове) свидетельства на свободный пропуск в места своего рождения: Анастасии Ереминой — в село Свищевку Чинбарского (наверное, Чембарского! — А.В.) уезда Пензенской губернии, а Марии Петровой — в село Ставрово Владимирской губернии.

Девичам не оставалось ничего другого, кроме как, помолившись Богу, налегке отправиться из Павлова по Муромской дороге, по направлению к своим домам. Но не успели они пройти и нескольких верст от Павлова, как их вновь догнала полицейская коляска станового пристава С.П.Степанова. Прямо среди поля он отобрал у них только что выданные свидетельства о разрешении пробираться на родину, после чего возвратил их сначала в Павлово, а затем и снова в Дальне-Давыдовскую обитель — на новые расправы своей начальницы.

«По моему крайнему разумению, — пишет далее от себя, переправляя эти объяснения «смутьянок и клеветниц», Епископу Нектарию не побоявшийся высказать свое мнение благочинный города Горбатова, отец протоиерей Михаил Тихонравов, — В.И. Соколова специально сделала все это для того, чтобы чрез демонстрацию такого своего могущества произвести как в названных, так и в других сестрах обители панический страх и заставить всех их единодушно изменить свои показания в ее пользу».

Да, уж в выборе средств для отражения нависшей над ней опасности умная и находчивая мать Антония не стеснялась, подставляя для удара свою правую щеку ударившим ее по левой не собиралась! Скажем, о третьей, главной «смутьянке», 23-летней девице Елизавете Александровой, не побоявшейся при всех сестрах и общинном священнике отце Василии Паченском открыто, в лицо, высказать настоятельнице общины правду об ее «материнских» издевательствах над своей «паствой», Вера Ивановна безапелляционно заявляет, что Елизавета и до поступления в обитель много раз бегала от своей бывшей госпожи, ей не привыкать бунтовать и бродяжничать.

С сестрами попроще и «потемнее» у начальницы общины и разговор другой, особенно когда он идет без посторонних свидетелей. «Вы сами должны понимать, — разъясняет она более старшим сестрам общины перед их поочередными, одиночными вызовами на беседы с глазу на глаз с очередным следователем из губернии или уезда, — сами должны понимать, кому из нас с вами у него больше веры будет: я к нему приду с полными карманами, а вы — с одними своими длинными языками! Ведь не первые кляузы на меня разбираем за шесть-то лет!»

В объяснениях же начальству Вера Ивановна Соколова стояла на своем: никаких посылок за сбором денег без сборных книг не было и нет, были поездки по моим поручениям по разным хозяйственным общинным делам, а также по моим же отпускным в родные места для свиданий с родными! А если по пути иная сестра и примет от какого благодетеля скромное пожертвование в пользу общины или посильную плату за помин души усопшего — так разве это запрещено? Этим и куда более богатые обители, чем наша, не пренебрегают! Да ведь и я принимала эти добровольные дары от приезжающих и приходящих со стороны сестер не лично для себя, а для Бога!

Однако, при всем ее уме и изворотливости, сухой выйти из этой на шумевшей истории Вере Ивановне Соколовой на этот раз так и не удалось. В заключительном определении Нижегородской Духовной Консистории, вынесенном по этому делу 15 марта 1864 года, было сказано:

1. Девицу Елизавету Александрову, оказавшуюся виновной в дерзости и оскорблении Начальницы, считать уволенной из общины по причине, прописанной в ее билете Начальницею (за дерзость и не послушание — А.В.).

2. Девицу Анастасию Еремину, оказавшуюся виновной в самовольной отлучке из общины и в оскорблении ее Начальницы, из общины уволить и вновь не принимать.

3. Сестру Марию Петрову, оказавшуюся виновной в самовольной отлучке из общины, отдать на один год под строгий надзор Начальницы.

4. Так как в рапорте Начальницы Дальне-Давыдовской общины Веры Соколовой, присланном в Духовную Консистирию 7 января 1864 года, позволены ею себе неуважительные и оскорбительные отзывы о действиях Епархиального Начальства по оному делу, обнаруживающие в ней характер заносчивый, склонный к дерзостям, то на основании п. 322 ст. XV ч. 1 Свода законов изд. 1857 г. сделать ей, Соколовой, чрез местнаго Благочиннаго монастырей строгий выговор с внесением онаго в послужной ее список. А для наблюдения за ее поведением в отношениях к сестрам общины предписать тому же Благочинному иметь над нею, Соколовой, в продолжение двух лет строгий надзор и доносить об ее поведении Его Просвященству на Архипастырское Благоусмотрение особыми рапортами пополуголично.

Снят был этот особый надзор с В.И. Соколовой только с официальным окончанием дела почти через три года — 15 марта 1867 года.

После нашумевшего следственного дела 1864 года и прекращения выдачи епархией официально заверенных сборных книг положение со строительством соборного храма Дальне-Давыдовской женской обители стало совсем безнадежным. Вере Ивановне Соколовой оставалось только в безутешных ночных слезах и страстных молитвах перед иконой Божьей Матери «Утоли моя печали» денно и нощно обращаться к Пречистой за помощью — и ее вопиющий глас был услышан. Не иначе, как по внушению свыше именно в это время из Петербурга на постоянное жительство к ней в общину приехала очень любившая ее родная тетка, вдова надворного советника Дарья Ивановна Таборина.

Дарья Ивановна имела хороший собственный капитал, с ней дело с возведением соборного храма общины сразу пошло полным ходом. Уже после первых двух лет ее жизни в обители каменный пятиглавый красавец-храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» был не только внешне готов, но и оштукатурен внутри и снаружи. Как уже нами сообщалось ранее, торжественное открытие и освящение этой главной монастырской святыни состоялось в 1869 году при огромном стечении гостей и жителей Дальнего Давыдова и окрестных сел и деревень.

Более того, за последующие три года возведен был еще и правый придел к главному соборному храму во имя Воздвижения Креста Господня — на том самом месте, где основательница общины, блаженная Неонилла Захарова сразу после своего переселения на Кряжеву Сечь, по велению Божию, обрела когда-то тот самый деревянный крест, который поставили в 1785 году на месте будущей обители святые подвижники Серафим Саровский и Антоний Муромский. Еще тогда по просьбе Неониллы Борисовны, снова нашедшей этот крест, его прикрепили к длинному деревянному шесту, и он был водружен на месте закладки будущего соборного храма.

Этого креста не снимали с постройки вплоть до вооружения над соборным храмом всех пяти металлических крестов, а потом, как передавала старица Марфа Артемьевна (одна из вероятных составительниц монастырской летописи? — А.В.), по распоряжению первоначальницы общины он был положен под престолом придельного храма, который именно в память этого события и был освящен во имя Воздвижения Креста Господня в 1872 году. В числе немногих построек Дальне-Давыдовского монастыря этот придельный к соборному храм был варварски разрушен уже в первые (20-е или 30-е) годы Советской власти.

И еще одно важное событие произошло в конце 1860-х годов в жизни настоятельницы Дальне-Давыдовской женской общины матери Антонии, продолжавшей во всех официальных документах называть себя Верой Ивановной Соколовой. Казалось бы теперь, после более чем десяти лет начальствования над вверенной ей обителью, после того, как столько было сделано по духовному и материальному обновлению общины, пришло для нее время торжества. Епархиальное начальство давно уже отменило свой особый надзор за ней и было довольно ее управлением. Сборные книги снова исправно выдавались ей с 1865 года. Соборный храм и домовая церковь во имя «Всех святых» бесперебойно действовали, успешно возводился придельный к соборному храм во имя Воздвижения Креста Господня. Несмотря на все эти и текущие расходы, обитель не имела ни перед кем никаких долгов. А Вера Ивановна, с помощью беззаветно преданной ей тетки Дарьи Ивановны Табориной, устранив многочисленные преграды и обвинения, стоявшие на ее пути, вдруг почувствовала себя к сорока годам старухой.

«Крест несла она тяжелый, — говорится в монастырской летописи, — и наконец стала тяготиться множеством дел, которые отвлекали ее от молитвы и чтения. Но теперь, когда ее уже нет в живых, мы дерзаем сказать, что 1868 года в ночь на 8 сентября, в Савинской Звенигородской обители под Москвою у паки преподобного Саввы, она была пострижена в схиму настоятелем этой обители преосвященным епископом Леонидом, викарием Московским, впоследствии архиепископом Ярославским. Имя ее осталось то же — Антония. Исповедовал ее сам преосвященный, 8 числа он совершил торжественную литургию в том же храме, на которой сам ее приобщал св. Христовых Таин... Сколько слез было ею пролито в эту священную для нее ночь!

С тех пор она особенно тяготилась житейскими заботами, она желала монашествовать и умереть в своей обители. Но Господь судил иначе».

Читатель, наверное, помнит, что еще основательница Дальне-Давыдовской женской общины Неонилла Борисовна Захарова познакомилась в 1854 году с известной всей Москве своими связями при дворе фрейлиной императрицы, баронессой Аглаидой Григорьевной Розен (в тайном монашестве — Алексией), которая через митрополита Московского Филарета способствовала Высочайшему утверждению в 1857 году Давыдовской обители. К ее официальному открытию 17 февраля 1858 года именно она, баронесса А.Г. Розен, прислала из Москвы новым пустынножительницам первый вклад на сооружение в Дальнем Давыдове соборного храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», вклад составлял 1000 рублей. По всему по этому в первом синодике общины род Аглаиды Григорьевны Розен был записан вторым после рода Валериана Владимировича Аристова (на имя которого покупалась земля под будущий монастырь).

Еще больше оснований для регулярных встреч и искренней дружбы с баронессой А.Г. Розен было у первой настоятельницы Высочайше утвержденной Дальне-Давыдовской женской общины Веры Ивановны Соколовой, которая и по происхождению, и по образованию, и по возрасту, и по образу жизни и привычкам была куда более близкой к баронессе, чем неграмотная давыдовская крестьянка Неонилла Борисовна Захарова. Да, как впоследствии оказалось, и во взглядах на способы служения Богу, а также в характерах и отношении к людям у В.И. Соколовой и А.Г. Розен обнаружилось очень много общего.

Как и Вера Ивановна Соколова, будущая фрейлина императорского двора Прасковья (видимо, это было ее настоящее имя — А.В.) Григорьевна Розен родилась в привилегированной дворянской семье генерал-адъютанта барона Розена. Случилось это в 1825 году — она была на пять лет старше В.И. Соколовой. В детстве у нее обнаружился талант к рисованию, она увлекалась спортом, а повзрослев, с головой окунулась в светскую жизнь. Но все это продолжалось у нее только до определенного возраста.

Незадолго до тридцати в душе еще молодой, блестящей баронессы вдруг произошел глубокий переворот, резко изменивший всю ее жизнь. Она вдруг перестала выезжать из дома, порвала со своим светским окружением, стала интересоваться жизнью монастырей, помогать им материально. В 1854 году (29-ти лет!) она (сначала тайно) постриглась в монахини, а в 1861 году уже вполне

открыто была посвящена в игумении Серпуховского женского монастыря под Москвой. К этому времени ею уже была создана целая сеть благотворительных учреждений, с ведома и под покровительством светских и церковных властей оказывавших большую материальную помощь многим монастырям.

В том месте летописи Дальне-Давыдовской женской общины, где рассказывается о том, как трудно приходилось ее первой настоятельнице Вере Ивановне Соколовой, особенно в первые годы жизни в Давыдове, фактически в одиночку бороться с окружающими ее косностью, непониманием и невежеством, говорится и о том, что единственной ее опорой и утешением были отчаянные ночные молитвы и слезы, обращенные к Господу, да еще кратковременные поездки по делам службы в Нижний, Муром и Москву, где она не только находила новых благодетелей для своей обители, но и освежалась телом и душой, могла поговорить и посоветоваться с умными, культурными людьми. А в минуты откровенных бесед с одной особенно близкой ей особой, проживавшей в Москве, говорится далее в летописи, она, безо всякой утайки рассказывая о бедах и невзгодах, переносимых ею в Давыдове, могла и не скрывать душивших ее при этом горьких слез.

Думается, что именно частые встречи с баронессой П.Г. Розен, носившей теперь имя серпуховской игумении матери Митрофании, и были такой живой отрадой сердца для ее младшей коллеги и подруги из Дальнего Давыдова. По всей вероятности, продолжались они, эти полезные и приятные для обеих встречи, все более чем полтора десятка лет пребывания матери Антонии — Веры Соколовой в Давыдове, а матери Митрофании — баронессы П.Г. Розен — в Серпухове...

И вдруг разразился скандал, потрясший не только Москву, но и всю Россию. Обнаружилось вдруг, что известная всей стране своими благодеяниями и связями в высшем обществе серпуховская игумения Митрофания, бывшая императорская фрейлина баронесса П.Г. Розен уличена в целом ряде крупных подлогов, вымогательств и других мошеннических действий, связанных с «подпольными» финансовыми операциями, главной вдохновительницей и организатором которых она являлась на протяжении многих лет.

С 5-го по 19 ноября 1875 года в Московском окружном суде, при доотказа переполненном зале, с участием присяжных заседателей, рассматривалось дело игумении Митрофании. «Гвоздем процесса» должна была стать (и стала!) речь знаменитого своей неподкупностью и ораторским искусством адвоката того времени, «московского златоуста» Ф.Н. Плевако. Изложив суть тяжелых обвинений против главной подсудимой (подлинность большинства которых она и не думала отрицать), Федор Никифорович с пафосом восклицал:

— Вместо храма — биржа; вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра — приготовление к ложным показаниям — вот что скрывалось за (монастырскими) стенами. Стены монастырские в наших древних обителях скрывают от монаха мирские соблазны, а у игумении Митрофании — не то... Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!

— Игуменья говорит: «Не для себя — для Бога я делала все это!» Я не знаю, для чего совершали это ограбление. Ей это известно лучше нас! Так пусть же не прикрывается она этим, пусть кощунством не обморочивает умы!¹³

Присяжные заседатели, оправдав всех подсудимых, обвинявшихся в соучастии с главной обвиняемой, признали игумению Митрофанию единственной виновной по этому громкому делу. Она была присуждена к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке в Енисейскую губернию. Конечно, далековата Енисейская губерния от Москвы, Серпухова и Дальнего Давыдова, но вы, дорогой читатель, не унывайте: мы еще встретимся на страницах этой книги с бывшей игуменией Митрофанией и бывшей баронессой П.Г. Розен!

Дело игумении Митрофании разбиралось в Московском окружном суде в ноябре 1875 года, а над давыдовской ее единомышленницей и подругой Верой Ивановной Соколовой очередная нежданная гроза разразилась еще более чем за год до знаменитого московского процесса. После многошумных разборок 1864 года о незаконных сборах средств на возведение соборного храма без сборных книг прошло почти десять лет относительного благополучия и затишья, во время которых имя настоятельницы Дальне-Давыдовской женской общины в епархиальных «верхах» почти не упоминалось. И вдруг как гром с небес — в канцелярии епархии появилось «Дело о жестоком обращении Начальницы Дальне-Давыдовской женской общины Веры Соколовой с послушницами».¹⁴

На этот раз все началось с заявления бывшей послушницы Лукерьи (Гликерии) Автономовой, уволенной Верой Ивановной Соколовой из Дальне-Давыдовской женской общины. Заявление поступило 5 сентября 1874 года не в епархию, а в Нижегородский окружной суд. В отличие от коллективных жалоб 1864 года о сборных книгах и произволе настоятельницы, это письмо было единственным, подписано оно было одной только Лукерьей Автономовой, и занимало «дело» не полторы сотни, а всего лишь тридцать страниц. Но говорилось в заявлении уже не просто о своеволии, а также о грубом и оскорбительном обращении матери Антонии Соколовой с подвластными ей «возлюбленными чадами», а о самых настоящих уголовных делах.

Изгнанная из общины Лукерья Автономова утверждала, например (и называла тому свидетелей), что от жестоких побоев настоятельницы обители в разное время умерли послушницы Ольга Ермолаева и Екатерина Харитоновна, а у «питолнеи» Софьи Матвеевой по той же причине горб. Приводились в ее заявлении и некоторые другие подобные факты, якобы годами творившиеся в Дальне-Давыдовской женской общине. В святой обители!

«По распоряжению прокурора Нижегородского окружного суда, — говорится далее в архивном документе, — приступлено было к производству предварительного следствия. Причем, указанные Лукерьей Автономовой свидетели отчасти подтвердили ее заявление, а Софья Матвеева показала, что горб у нея начал расти вскоре после нанесенного ей настоятельницею удара в бок.

Произведено было судебно-медицинское вскрытие трупов Ермолаевой и Харитоновой. И хотя на черепе у последней врач и нашел весьма подозрительныя кровавыя пятна, но о происхождении этих пятен, а равно и причине смерти Ермолаевой и Харитоновой высказать положительное мнение отказался, потому что трупы их более 4-х лет лежали в земле и весьма сильно разложились. По освидетельствованию Софьи Матвеевой врач пришел к заключению, что причину появления у нее горба следует

отнести скорее к продолжительному действовавшему в организме болезненному рахитическому процессу, нежели к травматическому случаю.

А потому, за необнаружением достаточных улик, Настоятельница Дальне-Давыдовской обители Вера Соколова в качестве обвиняемой по сему делу не привлечена, и самое дело определением Нижегородского окружного суда, состоявшимся 15 ноября 1874 года, на основании 247-й ст. Уголовного Судопроизводства, дальнейшим производством прекращено».

Копии данного постановления Нижегородского окружного суда посланы Обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Дмитрию Андреевичу Толстому и секретарю Нижегородской Духовной Консistorии Василию Громову, каждая из них подверглась в сих духовных учреждениях соответствующему обсуждению. В частности, определением Нижегородской Духовной Консistorии от 3 января 1875 года было заключено, что «поскольку «Дело о жестоком обращении Начальницы Дальне-Давыдовской женской общины Веры Соколовой с послушницами», как не подлежащее разбирательству светского суда, осталось без расследования, то Благочинному монастырей, настоятелю Благовещенского монастыря отцу Архимандриту Лаврентию предписано от 8 сего января произвести обстоятельное дознание об образе обращения настоятельницы Дальне-Давыдовской обители Веры Соколовой во вверенной ее смотрению обители и по исполнении представить все делопроизводство к Его Преосвященству».

Во исполнение предписания Нижегородской Духовной Консistorии архимандрит Лаврентий лично приезжал в Давыдово, где 27-го и 28-го января 1875 года беседовал с послушницами обители: с большинством — наедине, иногда — с двумя-тремя. Отвечали все одинаково: что управлением своей начальницы все они довольны, все ее заботливость и материнское попечение о них одобряли чрезмерно. Всех мать Антония содержит в строгости и порядке, а за нарушение правил по-матерински строго наказывает, «но не побоями, а поклонами».

Что же касается поведения бывшей послушницы Лукерьи Автономовой, то все сестры отзывались о ней с неодобрительной стороны, говорили, что удалена она из обители не напрасно. И решительно никто из опрошенных не участвовал с нею в подаче жалобных просьб на Начальницу Веру ни Епархиальному, ни Гражданскому Начальству. Сказанное сестрами свидетельствовал также общинский священник отец Александр Петрович Введенский, который в обители священствует семь лет, а в целом у Престола Господня — 52 года.

О самой Лукерье Автономовой сведений в описываемом деле нет никаких, но в предыдущих архивных материалах она упоминалась довольно часто. В частности, уже в первом списке послушниц Дальне-Давыдовской женской общины, составленном в день ее официального открытия, 17 февраля 1858 года, под № 22-м значилась Лукерья Автономова, родом из деревни Вечкиной, Меленковского уезда, Владимирской губернии. От рода ей было тогда 28 лет — ровесница Начальницы обители! Числилась послушницей при общинской больнице (где фактически сама Вера Ивановна Соколова была, так сказать, по совместительству, «главным врачом»).

Вообще, по документам чувствуется, что с первых же месяцев существования Высочайше утвержденной общины Гликерия Автомонова (иногда и так ее называли) пользовалась немалым доверием матери Антонии Соколовой. Например, в описывавшемся нами разбирательстве о незаконных сборах средств на Дальне-Давыдовскую обитель в 1864 году, в числе прочего рассказывалось и о том, что когда осенью 1863 года три сестры обители — Лукерья Автономова, Мария Петрова и Матрена Васильева нелегально посылались Начальницей за сбором денежных средств во Владимирскую губернию, то старшей среди них была назначена именно Лукерья Автономова.

Собранные всеми тремя послушницами деньги Лукерья из крупных городов и с почтовых станций время от времени отсылала в Давыдово Начальнице. А при возвращении из поездки Лукерья Автономова прилюдно, в присутствии многих других сестер обители, не пересчитывая собранных всеми тремя послушницами сумм, молча подала матери Антонин увесистый кошелек — и так же молча, даже не заглянув в него, положила его в карман.

В той же, десятилетней давности, «смуте» был эпизод, когда именно Лукерья Автономовой настоятельница обители поручила запереть по разным камерам-кельям только что привезенных из Павлова с допросов главных молодых «смутьянок» (после долгих мытарств и издевательств изгнанных тогда из обители) — Елизавету Александрову и Анастасию Еремину. Когда Лукерья Автономова, проявляя собственное исключительное рвение, запирала Елизавету Александрову, кроме внутреннего, еще и *наружным* замком, молодая сестра, лишаемая этим самым возможности даже по естественной надобности выйти из наглухо запертой кельи без разрешения Лукерьи, вне себя от обиды при свидетелях кричала из-за двери, что у них не обитель, а непотребный дом, что она, Лукерья, тайно пятерых детей уже родила, а сейчас тяжела шестым.

Все слышавшие и видевшие это молчали — никто даже и не подумал улыбнуться. Так что и сама-то Вера Ивановна Соколова слишком поздно, только теперь поняла, что Лукерью Автономову надо было выгонять из общины не в 1874-м, а, как минимум, на десять лет раньше!

Сам архимандрит Лаврентий в рапорте по расследованному им делу присоединил свое мнение к единодушному утверждению всех допрошенных им в Давыдове людей: на этот раз нет оснований обвинять в чем-либо мать Антонию Соколову. Виновата она разве только в том, что слишком долго согревала возле своей груди ту, которая теперь клеветает на свою бывшую благодетельницу.

Но выработка справедливого решения по заявлению Лукерьи Автономовой теперь зависела уже не от отца Лаврентия и даже не от Нижегородской Духовной Консистории, а аж от самого Священного Правительствующего Синода, до которого на этот раз дошло дело настоятельницы Дальне-Давыдовской женской общины, изложенное в виде одной из копий постановления Нижегородского окружного суда. А Священный Синод главное свое внимание сосредоточил почему-то не на только что сделанные нижегородскими губернскими светской и духовной властями выводы, а на давнишние «грехи» Веры Ивановны Соколовой, записанные в ее послужной список более десяти лет назад.

«Хотя по определению Нижегородского окружного суда, — говорилось в принятом 20 февраля 1875 года Указе Святейшего Правительствующего Синода, — дело по обвинению настоятельницы Дальне-Давыдовской женской общины производством прекращено, но так как Соколова в 1865 году обвинялась Епархиальным Начальством в неодобрительном поведении, по

каковому обвинению ей было сделано внушение вести себя соответственно своему званию и быть в обращении с сестрами сколько возможно умеренной; причем, за допущенные в официальной бумаге оскорбительные для Епархиального Начальства отзывы сделан был ей строгий выговор с внесением в послужной список и с поручением ее строгому надзору благочинного; по сему в настоящее время не представляется возможности оставлять ее в должности настоятельницы».

Вот когда, через десять с лишним лет, снова припомнили Вере Ивановне «неуважительные и оскорбительные отзывы о действиях своего Епархиального Начальства», высказанные в рапорте от 7 января 1864 года и «обнаруживающие в ней характер заносчивый, склонный к дерзостям»! Тогда, десять лет назад, за «дерзкую» попытку высказать свое мнение строгий выговор в личное дело закатали, а теперь вот, на основании все того же выговора за «дерзость», отстраняют от должности настоятельницы обители, которую, по существу, она же и создала.

На Указ Священного Правительствующего Синода жаловаться было некому. Нижегородской Духовной Консистории оставалось только, почти слово в слово повторив Указ Синода, в своем постановлении от 27 февраля того же 1875 года сделать формальное распоряжение об увольнении Веры Соколовой от должности.

Вере Ивановне Соколовой было тогда 45 лет, 17 из которых она отдала неизвестно преобразенной ею Дальне-Давыдовской женской общине. Даже после того, как сдала она обитель своей преемнице — монахине Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Филарете, Вера Ивановна почти целый год оставалась в общине, надеясь в ней же и умереть. И только уже в 1876 году, помимо своей воли, покоряясь совету благочинного монастырей архимандрита Лаврентия и стремясь успокоить своих недоброжелателей, решила навсегда покинуть Дальнее Давыдово, ставшую ей такой дорогою обитель.

Монастырская летопись пишет об этом так:

«Выехала она из оной, сама не зная куда. Посетила разные монастыри, и в последнюю русско-турецкую войну (1877–1878 гг. — А.В.) трудилась на перевязочных пунктах, была сестрою милосердия. Наконец пришлось ей умереть в с. Кубанки по Смоленской железной дороге 28 мая 1882 года. Перед кончиною была соборована св. Елеем, исповедована и приобщена св. Христовых Таин священником того же села. Вообще, кончина ее была мирная, истинно христианская.

Сестра, находившаяся при ней, писала потом в Давыдовскую общину: «Я сроду не видела таких больных — лежала она, как смиренная агница, вся была углублена в Бога, а эта болезнь продолжалась 4 месяца. Дня за два перед кончиною слышно было, что она все с кем-то разговаривала. Вдруг подозвала меня и говорит: «Дуня! Видишь воинов? Они меня уже записали, хотят меня взять через два дня в свой монастырь!» С тем и умолкла, и действительно эти ее слова сбылись — на третий день она умерла. Жаль и больно, что не пришлось ей умереть в своей обители, лежит она одиноко на чужой стороне!»

Мир праху ее и вечная память!

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ И МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ

но

«...Списки ревизских сказок мож-

*прочсть, а списки переписи
населения современные — нет».*

Из дневника

А.В.Вострилова.

Ревизские сказки 1782-го и 1795-го годов, а также метрические книги Дальне-Давыдовской Христорождественской церкви почти полностью сохранились более чем за сотню лет — с 1814-го по 1917-й! В этих метрических церковных книгах каждому из тех, кто когда-либо жил в Давыдове, было посвящено, как минимум, три записи: когда и от каких родителей родился, кто совершал таинство крещения, кто были крестным отцом и матерью; когда, на ком и при каких свидетелях-поручителях женился (за кого вышла замуж); когда представился, кто отпевал и на каком (мирном или церковном) кладбище похоронен.

Параллельно священник из года в год вел также еще и исповедные росписи — опять-таки поименные записи о том, кто явился, а кто (и почему) не явился к нему в великую пятидесятницу (то есть во время Великого поста) на исповедь перед Пасхой.

Никто из моей старшей, давно уже переселившейся на тот свет давыдовской родни не только никогда не отмечал, но даже и не знал точных дней своего рождения. Да и не в таком уж далеком времени самый младший из трех братьев моего отца, нынче тоже уже покойный дядя Дмитрий (по-деревенски Митяга), родившийся в 1925 году и к моменту выхода на пенсию не имевший на руках свидетельства о своем рождении, возмущался тем, как его безграмотные, бесшабашные родители, дед Егор и бабка Пелагея, разъясняли ему, что родился он «на масленицу, в середу», в том самом году, когда у их соседей Дроновых корова пропала. Вот и попробуй выхлопотать пенсию по таким непровержимым свидетельствам!

А по ним, по этим бесценным метрическим книгам давно уже снесенной с лица земли Давыдовской Христорождественской церкви, можно было узнать обо всех главных событиях в жизни любого из тех, кто когда-либо появлялся на белый свет в Давыдове. Даже о тех, кто и прожил-то на свете всего только один год, а то и несколько дней. Таковых, кстати, в прежние времена было особенно много: ежегодно из четырех, пяти или шести десятков нарождавшихся младенцев обоего пола уже после первого-второго года жизни в живых оставался, может, только каждый седьмой, а то и десятый. Но, несмотря на такой отсев, в конце концов, во многих семьях вырастало по пяти-шести взрослых сыновей и дочерей. Впрочем, хватало также бобылей и вдов, в том числе (по нашим нынешним понятиям) совсем молодых.

Чаще всего младенцы умирали от поноса, кори, «от жара», «от слабости» или «от крика». Взрослые (как правило, не старше шестидесяти пяти — семидесяти лет) — от чахотки, водянки, «от удушья» или «от кашля». А то и просто «от натуральной болезни» или «волею божьей помре». Бракосочетались в селе каждый год по несколько десятков пар. Число самостоятельных крестьянских дворов к концу XIX столетия в одной только первой, шереметевской, сельской

общине увеличилось до 63, во второй общине (крестьянами которой долгие годы после смерти И.Б. Гудовича, а потом его сына Кирилы Ивановича владела дочь Кирилы Ивановича графиня П.К. Пестель) — до 68.

А в целом на 30 апреля 1901 года в Давыдове был 131 крестьянский двор, в них проживали 363 души «мужеска» и 404 души «женского пола». Всего, стало быть, 767 человек (это не считая монастыря). На 25 февраля 1921 года, несмотря на опустошительные ураганы первой мировой и гражданской войн, в самом селе насчитывалось 709, в Дальне-Давыдовском женском монастыре — 136 человек. На 7 ноября 1923 года в Давыдове проживали 791 человек, на 22 февраля 1925 года — 872 жителя.

Только в 1916 году, в самый разгар первой мировой войны, впервые за всю историю села в Дальне-Давыдовской сельской церкви не была обвенчана ни одна пара: женихи находились за тридевять земель от невест, в окопах. В предыдущем, 1915 году в Давыдове состоялась одна-единственная свадьба — работавшего с начала войны на фабрике металлоизделий братьев Кондратовых в Ваче и поэтому не призванного на фронт 24-летнего Григория Евлампиевича Жаворонкова (одного из будущих первых давыдовских коммунистов) с 23-летней старшей сестрой моего деда Егора (и крестной матерью моего отца) Екатериной Григорьевной Востриловой.

Были ли в Давыдове свадьбы в годы Великой Отечественной войны, я что-то не помню. Очень сомневаюсь в том, что они были!

Десять поколений моего отцовского рода совершили свой многотрудный земной путь в селе Дальнем Давыдове, бывшего Горбатовского уезда, Нижегородской губернии, за более чем два с половиной века, прошедших со времени возникновения этого села. Вот они, имена моих предков — представителей этих поколений: Василий (в старину писали Василей) — Яков — Иван — Михайла — снова Василий — Артемий — Василий — Григорий (мой прадед, более известный в селе под именем Грини) — наконец, Георгий (мой дед Егор) и мой отец Василий Егорович. Все Востриловы, а по-деревенски (после прадеда Грини) — Гринины!

Сам я в этом ряду одиннадцатый, мои никогда не бывшие в Давыдове дети Татьяна и Сергей — двенадцатые, а внуки — тринадцатые.

Целыми днями, перелистывая в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО) пожелтевшие старинные листы ревизских сказок и метрических церковных книг с именами моих давно ушедших в небытие прадедов и односельчан, я как бы спускался по ступенькам этих пухлых фолиантов из нашего многошумного времени в молчаливую глубь веков, на огни первых костров шереметевских караульчиков леса на месте будущего Давыдова. А что я знаю о них, об этих своих далеких предках, кроме имен их самих, их жен и детей, да еще дат их рождения и смерти?

Трудно, почти невозможно, нам, живущим на стыке второго и третьего тысячелетий новой эры, в эпоху межпланетных полетов, всеобщей компьютеризации и ядерной энергии, представить себя, скажем, в облике того моего крепостного пращура Василия Вострилова. Из давыдовской ревизской сказки 1782 года я знаю только, что в 1700 году у него родился сын Яков Васильевич, — стало быть, сам Василий был примерно ровесником императора Петра Первого, родившегося в 1672 году (или лишь немногим моложе его). Нет в ревизской сказке также никаких указаний на то, где раньше проживал Василий, когда

умер, был ли он в числе первых поселенцев и строителей села Дальнего Давыдова.

О сыне Василия Якове Васильевиче Вострилове уже точно известно, что умер он в 1764 году, шестидесяти четырех лет от роду. Скорее всего, именно Яков и мог оказаться в числе тех первых двенадцати караульщиков шереметевского леса, положивших начало в диких лесных дебрях сначала Давыдовскому лесничеству, а потом уже и самому селу Дальнему Давыдову. Но опять-таки неясно, откуда переселил в здешние места граф Шереметев этих первых 12 караульщиков леса: то ли из Тамбовской губернии, где среди прочих имений давно уже владел он одноименным селом Давыдовым, то ли из расположенного неподалеку от Павлова и Горбатова села Ближнего Давыдова, в котором у графа тоже имелись крепостные крестьяне. А может, и из того же села Мещеры, к церковному приходу которого были приписаны давыдовские караульщики леса до того, пока не построили они в селе свою первую, деревянную церковь?

О сыне Якова Васильевича Иване и его домочадцах в ревизской сказке, составленной «1782 года июля 29 дня вотчины его сиятельства генерал-аншефа Ея Императорского Величества, сенатора, кавалера обоих российских орденов графа Петра Борисовича Шереметева Нижегородского наместничества Горбатовской округи села Давыдова выборным (старостой) Василием Петровым» сказано: **Иван Яковлев, сын Вострилов — 63 года.** (Умер Иван в 1787 году, 68 лет — А.В.) **У него жена Олена (Елена) Никитина дочь — 59 лет.** **Взята Ардатовской округи деревни Кистанова (из семьи) крестьянина, старинная господина моего. У них дети, написанные в последней пред сим ревизии:**

Михайла — 37 лет (умер Михайла раньше отца, в 1784 году, когда ему было 39 лет — А.В.). **У него жена Дарья Козьмина дочь — 35 лет.** **Взята Муромской округи деревни Михалева помещика Михайлы Михайлыча Измайлова по отпускну.** **У них дети родились после последней пред сим ревизии: Меркурей — 13 лет; Афанасей — 11 лет; Василей (будущий следующий мой прапрапрадед) — 10 лет; Яков — 9 лет; дочь Марфа — 1 год** (в следующем году она умерла — А.В.)...

И так далее.

ОТЕЦ ИОАКИМ, ПАСТЫРЬ ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

***Житие одного сельского священника,
составленное по архивным документам***

*«...Священник давал имя человеку и
душу — без крещения не человек!
Без его согласия не женишься,
будет только блуд, без его отпевания
не похоронят рядом с отцом...»
Из дневника А.В. Вострилова.*

Воссоздать по разрозненным официальным бумагам живой облик ничем особо не прославившего себя человека, умершего более ста лет назад, наверное, ненамного легче, чем попытаться воскресить его по нескольким сохранившимся костям скелета. Но что же делать, если никаких других следов земной его жизни отыскать уже невозможно?

Благослови, Господи, на похвальное слово о скромном сельском священнике XIX века, верном рабе твоём — отце Иоакиме!

Дьяческий сын Иоаким Стефанович (по-мирски: Яким Степанович) Тихонравов обучался в Нижегородской духовной семинарии одновременно с известным впоследствии русским революционным демократом, литературным критиком Н.А. Добролюбовым: Иоаким Тихонравов окончил курс семинарских наук в 1850-м, а Николай Добролюбов в 1853 году. Несомненно, несмотря на разницу в три курса, они были знакомы. Только Н.А. Добролюбов сразу после окончания Нижегородской духовной семинарии поступил в Петербургский главный педагогический институт, а вышедший из ее стен тремя годами раньше Иоаким Тихонравов, как и положено было семинаристу, пошел по духовной линии.

Впрочем, почти два года до того, как принять духовный сан, по определению тогдашнего Епископа Нижегородского, Преосвященнейшего Иеремии, будущий отец Иоаким «проходил должность наставника (то есть был учителем Закона Божьего — А.В.) в Лысковском казенном училище». 14 декабря 1852 года тем же Епископом был он посвящен в сан священника села Чернораменской Пустыни Семеновского уезда, а 31 октября 1857 года Преосвященнейшим Антонием переведен в Христорождественскую церковь села Дальнего Давыдова Горбатовского уезда на место скончавшегося еще в марте в 37-летнем возрасте от чахотки бывшего тамошнего священника отца Андрея Федоровича Зеленцова.

Прибыл 30-летний Иоаким Тихонравов на новое место службы вместе со своей 24-летней женой Ольгой Ивановой и двумя детьми. В это время (недолго, что-то около пяти лет) Дальне-Давыдовской церкви полагался по штату также и диакон, им второй год был в Давыдове ровесник отца Иоакима Федор Петрович Зеленогорский, женатый на сестре вдовы бывшего священника А.Ф. Зеленцова. У Иоакима Тихонравова и Федора Зеленогорского даже и жен звали одинаково — Ольгами, и малолетних детей тоже — Натальей и Николаем.

Третьим в штат церковнослужителей входил пономарь Петр Семенович Молчанов, начавший свою службу в Давыдовской церкви (которой он был на три года старше) еще в 18-ти или 19-летнем возрасте — с 25 сентября 1829 года. Петр Семенович был намного старше нового священника и дьякона: в 1857 году, когда приехал в Давыдово отец Иоаким, П.С. Молчанову было уже 47 лет. Но и в 1870-х годах, когда ему было уже за 60, он еще оставался штатным пономарем, бессменно прослужив на этом поприще более четырех десятилетий. Больше, чем кто-либо другой за все время существования Давыдовской сельской церкви.

У Петра Семеновича Молчанова и жены его Мавры Ивановны детей не было. Так что оба они жили заботами церкви и прихожан.

В «Ведомости Горбатовского уезда села Дальнего Давыдова Христорождественской церкви за 1859 год», составленной отцом Иоакимом Тихонравовым через два года после его приезда в Давыдово, о вверенном его попечению Божьем храме говорится:

1. Церковь построена в 1813 году тщанием христиан. Освящена того же года ноября 9 дня.
2. Зданием каменная с таковою же колокольною.
3. Престолов в ней три: первый в настоящей холодной, во имя Рождества Христова, и два в теплой трапезе: по правую сторону — в честь Покрова Богородицы, а по левую — в честь Богоматери «Утоли моя печали».
4. Утварью церковь достаточна.
5. Причта по штату положено быть священнику и пономарю, а ныне состоят на лице: священник, диакон и пономарь.
6. Земли при сей церкви усадебной, пахотной и сенокосной сорок шесть десятин. На оную плана межевой книги не имеется, и значитса она по владельческим того села планам. Владеют ею сами священно- и церковнослужители.
7. Дома у священно- и церковнослужителей собственные, деревянные, на церковной земле.
8. На содержание священно- и церковнослужителей жалования ни откуда не получается. Содержание их скудное.¹⁵
14. Опись церковному имуществу, выданная из Консистории, составлена в 1848 году, хранится в целости.
15. Приходно-расходные книги за шнуром и печатью Консистории ведутся исправно и хранятся в целости.
18. Метрические книги с 1822 года хранятся в целости.
19. Кошелевой суммы состоит на лице 4 рубли, которая хранится в церковном сундуке за замком старосты и печатью церковною.
20. Свечного дохода за весь год выслано 7 рублей 45 копеек — в сравнении с предшествовавшим годом более (далее — неразборчиво).¹⁶

Жизнь сельского священника в бурные 60-е годы XIX столетия была довольно однообразной, складывалась она из положенных по церковному календарю обязательных служб, общения с прихожанами и неустанных забот о хлебе насущном. Но те же метрические книги Дальне-Давыдовской сельской церкви свидетельствуют о том, что были в пастырской деятельности отца Иоакима Тихонравова и не совсем обычные эпизоды, которые наверняка становились заметными событиями в жизни как всего села, так и самого настоятеля затерянного в лесной глуши, далекого от многочисленных центров храма.

Одним из таких необычных эпизодов, несомненно, стало венчание отцом Иоакимом Тихонравовым своего 22-летнего коллеги Луки Ивановича Хвощева, только что окончившего тогда Нижегородскую духовную семинарию, с 18-летней дочерью умершего пономаря Троицкой церкви села Павлова того же Горбатовского уезда Любовью Фирсовной Сионской, состоявшееся 18 октября 1863 года в Дальне-Давыдовской церкви.

Видимо, не случайно выбрал местом своего венчания село Дальнее Давыдово, стоящее от Павлова в 50 верстах, молодой Лука Иванович Хвощев, почти сорок лет своей жизни посвятивший потом служению Богу в качестве священника села Золина (входящего ныне в Сосновский район). Из них на протяжении 18 лет (так сказать, без отрыва от своих основных священнических обязанностей) занимал он должность благочинного 3-го духовного округа Горбатовско-

го уезда. То есть был непосредственным церковным начальством венчавшего его отца Иоакима Тихонравова.

Скончался иерей Лука Иванович Хвощев 18 июня 1904 года в 83-летнем возрасте и был погребен возле алтаря Золинской сельской церкви.¹⁷

4 мая 1867 года отец Иоаким Тихонравов записал в метрической книге Дальне-Давыдовской церкви о том, что 29 января на дороге, ведущей из села Засережья (Пустыни) в Дальнее Давыдово, был найден мертвым 52-летний крестьянин деревни Салавири Иван Васильев сын Карпов. Видимо, по той причине, что долго не могли его опознать, похоронен он был только 3 мая того же 1867 года. Как и было положено по закону, священник сделал об этом в церковной книге соответствующую запись.

Вот только непонятно, где все это время находилось мертвое тело? Нет, что-то тут не так! Скорее всего, это пропал (замерз в лесу?) крестьянин 29 января, а нашли и похоронили его уже в мае. Во всяком случае, как видно, не часто в то время умирали люди такой неестественной смертью: больше подобных записей за все 34 года служения отца Иоакима в Дальне-Давыдовской церкви делать ему не приходилось.

А вот в архивах Нижегородской Духовной Консistorии сохранился довольно объемистый документ, в котором рассказывается о том, что в жизни самого священника села Дальнего Давыдова и некоторых его коллег из окрестных селений в тех же 1866–1867 годах происходили не совсем благоприятные события. Официально называется документ **«Делом о наложении штрафа на церковнослужителей сел Нершева, Зеленцова и других за несвоевременную подачу сведений о небывших у исповеди прихожанах»**.¹⁸ И хотя не был отец Иоаким Тихонравов в этом прискорбном документе одним из главных ответчиков перед епархиальным начальством, в числе других приводится в «Деле» также список «небытчиков» на исповеди перед Пасхой из прихода Дальне-Давыдовской сельской церкви.

Подробное объяснение причин такого «небытия», представленное отцом Иоакимом Тихонравовым на имя Епископа Нижегородского, было отвергнуто как необоснованное. А в определении, принятом по этому поводу Нижегородской Духовной Консistorией, сказано: **«Священника же села Дальнего Давыдова Иоакима Тихонравова как за непредставление Благочинному реестра о небытчиках (у исповеди — А.В.), так и за несправедливое объяснение о сих небытчиках опенить (то есть оштрафовать — А. В.) двумя рублями серебром и обязать его, священника Тихонравова, чтобы он те реестры к Благочинному непременно и своевременно представлял»**.

Можно только гадать теперь, почему отец Иоаким Тихонравов не доносил о своих «небытчиках» куда следует и пытался в поданном своему начальству объяснении выгораживать их. Может, просто по-отечески жалел своих чад неразумных и спасал их от сурового наказания за нерадение к делам церковным? Ведь сказано же в «Книге притчей Соломоновых», что «доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава дороже серебра и золота!»

Кстати, о собственных детях священника Дальне-Давыдовской сельской церкви Иоакима Стефановича Тихонравова. В церковной метрической книге за 1878 год есть две записи о них, сделанные самим отцом Иоакимом. В первой из этих записей говорится о том, что одним из восприемников (то есть крестных) при крещении родившегося у них с Ольгой Ивановной (и через два дня умер-

шего «от слабости») сына Андрея был их старший сын — «прапорщик резервного батальона Николай Якимов Тихонравов».

Во второй записи, сделанной 21 октября того же 1878 года, в числе воспитанников новорожденного сына псаломщика Алексея Георгиевского и жены его Ольги Феофановны Михаила упоминается другой сын супружеской четы Тихонравовых — «личный дворянин Иван Якимов Тихонравов».

Достойных детей вырастили скромный сельский священник Яким Степанович Тихонравов и законная супруга его, матушка-попадья Ольга Ивановна!

А уж коль зашла здесь речь о совершавшихся им церковных обрядах, то, пользуясь случаем, скажу, что именно отец Иоаким отпевал в Дальне-Давыдовской церкви 27 апреля 1887 года еще моего прапрапрадеда, Артемия Васильевича Вострилова, прожившего на свете 82 года. Он же за 30 лет до того, 12 мая 1859 года, вместе с дьяконом Феодором Зеленогорским и пономарем Петром Молчановым венчал его непутевого сына, моего прапрадеда Василия Артемьевича и прапрабабушку Вассу Захаровну.

А через пять лет, в исповедных росписях за 1863 год, священник написал напротив фамилии Василия Артемьевича Вострилова два страшных слова, ставших документальным свидетельством непоправимой трагедии молодой семьи: «Отдан в службу». О том, как это произошло, подробно будет рассказано в главе «По чужому жребию», поэтому говорить здесь об этом я не буду.

26 октября 1880 года в той же Дальне-Давыдовской церкви венчал отец Иоаким моего выросшего без отца прадеда Григория Васильевича и прабабушку Анну Ивановну. В 1884 году крестил при рождении деда Егора Григорьевича и бабушку Пелагею (они были ровесниками), а в другие годы — их многочисленных братьев и сестер. Как и всех остальных бывших крепостных крестьян, а потом временнообязанных графов Шереметевых и Гудовичей (позднее — Пестель), начинавших и кончавших свой нелегкий земной путь в родном моем селе Давыдове.

Говоря современным языком, он, бессменный (на протяжении трех с половиной десятилетий) давыдовский священник отец Иоаким Тихонравов, помимо духовного наставления и утешения своей паствы, как бы обозначал главные жизненные вехи этого скорбного земного пути всех, кто родился, бракосочетался и умирал в Давыдове во второй половине девятнадцатого века.

1 октября 1899 года в журнале «Нижегородские епархиальные ведомости» была напечатана статья «Чего желает простой народ от сельского священника?», которая начиналась словами: **«Всякому священнику, чтобы быть полезным деятелем простого народа, необходимо хорошо знать жизнь этого народа»...**

И действительно, сельские священники того (да и любого другого!) времени прекрасно знали жизнь народа, жили одной жизнью с ним. Всегда они были не только духовными руководителями своей неграмотной, нищей паствы, но и (как мы только что видели) еще и как бы заведующими сельскими загсами, летописцами истории сел и крестьянских родословных. Всегда подавали для прихожан наглядный личный пример в смысле поведения в семейных делах и повседневном быту.

Именно священники нередко (так сказать, по совместительству!) являлись также на селе лекарями, ветеринарами, агрономами, лучшими наставниками по садоводству и пчеловодству. А ко всему этому (в обязательном порядке) — еще и первыми носителями книжной грамоты, преподавателями церковно-приходских и народных школ.

Полностью относится сказанное и к скромному священнику Дальне-Давыдовской сельской церкви прошлого века Иоакиму Стефановичу Тихонравову. Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, не раз поощрялся он за свое многолетнее ревностное служение Богу и людям не только руководством Нижегородской епархии, но также и со стороны мирских властей. В частности, в разных (к сожалению, отрывочных) документах говорится об его успехах в использовании приписанных к Давыдовской церкви земельных угодий, в развитии пчеловодства.

Не обходили отца Иоакима Тихонравова стороной также многие беды и напасти, хорошо известные каждому русскому крестьянину. Например, тот же журнал «Нижегородские епархиальные ведомости» называет его и бывшего псаломщика Давыдовской церкви Алексея Георгиевского в опубликованном 1 июля 1882 года списке лиц духовного звания, пострадавших от пожаров в 1881 году:

«6... Горбатовского уезда села Дального Давыдова священник Иоаким Тихонравов, лишившийся 15 июля 1881 года во время пожара имущества примерно на 1840 рублей, нигде не застрахованного. Благочиннический совет 3-го округа Горбатовского уезда по рассмотрении сведений о священнике с. Д.-Давыдова Иоакиме Тихонравове, испрашивающем себе единовременное денежное пособие по случаю пожара, истребившего 15 июля 1881 года все его движимое и недвижимое имущество, постановил: ходатайствовать перед Епархиальным Начальством, сообразно делаемому им, священником Тихонравовым, ежегодному рублевому взносу в кассу взаимного вспомоществования в пожарных случаях, — оказать денежное пособие.

Определение Епархиального Попечительства: села Дального Давыдова священнику Иоакиму Тихонравову, участвовавшему взносами на составление взаимо-вспомогательной кассы погорельцев, выдать в единовременное пособие сто (100) рублей серебром.

7) О псаломщике села Дального Давыдова Горбатовского уезда Алексее Георгиевском, лишившемся во время пожара 15 июля 1881 года имущества на 500 рублей, несмотря на (соответствующее) предписание Благочинному 3-го округа, сведений в Епархиальное Попечительство не было представлено. Определение Епархиального Попечительства: выдать псаломщику Алексею Георгиевскому в единовременное пособие сорок (40) рублей».¹⁹

Не знаю, в какой мере помощь, оказанная Епархиальным Попечительством давыдовским погорельцам, возместила их убытки от случившегося с ними стихийного бедствия. Известно только, что сразу после того пожара 1881 года псаломщик Алексей Георгиевский перебрался на новое место службы в село Писарево Ардатовского уезда, а отец Иоаким Тихонравов остался в Давыдове начинать на шестом десятке лет новую жизнь на пепелище с «нуля».

Безо всякого сомнения, одним из главных догматов своей духовной и повседневной жизненной деятельности священник И.С.Тихонравов считал из-

вестные слова «Послания св. апостола Павла к римлянам»: «Помышления плотския суть смерть, а помышления духовныя — жизнь и мир». В соответствии с ними он всегда и поступал. Об этом свидетельствует, например, его рапорт Епископу Нижегородскому и Арзамасскому Модесту, опубликованный в журнале «Нижегородские епархиальные ведомости» 1 июля 1886 года. В публикации журнала сказано:

«Священник села Дальнаго Давыдова, Горбатовского уезда, Иоаким Тихонравов 4-го июня вошел к Его Преосвященству с рапортом следующего содержания: «Прочитавши наши «Епархиальные Ведомости», я нашел себя виноватым пред Вашим Преосвященством за умолчание о своем церковном хоре, лучшем в окрестности, и об умелости прихожан с. Д. Давыдова отправлять все церковные службы. В 1858 году (то есть на первом же году своего служения в Давыдове — А.В.), обучая крестьянских малышей грамоте, я нашел многих с прекрасными голосами. При помощи братьев-академиков этих мальчиков и певших в храме взрослых крестьян регент из Нижнего обучил стройному пению. Впоследствии этот хор поддерживали муромские купцы Киселевы, и ныне более 20 человек поют весьма хорошо под управлением одного крестьянина.

Нельзя умолчать и о благотворности, происходящей от пения наших певчих. Во-первых, из любви к хорошему пению жители окружающего нас с трех сторон Муромского уезда обратились в наш храм на молитву. Во-вторых, целые деревни того же уезда официально просились перейти в наш приход. В-третьих, состояние нашего храма улучшилось и свечная прибыль утроилась. Посему наше село (хотя, собственно, по количеству душ оно и бедное) во время преобразования приходов осталось самостоятельным.

К этому считаю долгом упомянуть, что чтение паремий, шестопсалмия, часов и Апостола производится в нашем храме большею частию крестьянскими детьми — малолетками и взрослыми крестьянами, а некоторые из них могут отправлять Богослужение лучше и правильнее многих псаломщиков. Жаль только, что многие не хотят понять, насколько все вышеизложенное (то есть хоровое пение и участие крестьян в отправлении Богослужения) полезно».

На рапорте этом резолюция Его Преосвященства 18 сего июня последовала такая: «За заведение хора объявляется священнику Тихонравову благодарность Епархиального Начальства, с напечатанием сего репорта в «Епархиальных Ведомостях».²⁰

В только что процитированном рапорте священник Иоаким Тихонравов упоминает о том, что он обучал крестьянских мальчиков грамоте уже в 1858 году, то есть сразу же по своем прибытии в село Дальнее Давыдово. Однако, проводились эти занятия либо в церковной сторожке, либо на квартире у самого священника. Своего здания у фактически уже действовавшей церковно-приходской школы еще не было, вопрос о его строительстве возник только к началу 90-х годов. Об этом тоже говорят документы.

Так, в отчете Совета Нижегородского Православного Братства о своей деятельности в период с 4 февраля 1889-го по 4 февраля 1890 года, опубликованном в «Нижегородских епархиальных ведомостях» 1 апреля 1890 года, в перечне частных лиц, жертвовавших на нужды просвещения, сказано: **«Граф Александр Дмитриевич Шереметев пожертвовал 100 дерев леса на по-**

стройку здания для церковно-приходской школы в селе Дальнем Давыдове Горбатовского уезда».²¹

В подобном же отчете Братства за период с 4 февраля 1891-го по 4 февраля 1892 года, опубликованном в «Нижегородских епархиальных ведомостях» 15 июля 1892 года, говорится: **«В Горбатовском уезде, в селе Дальнем Давыдове, стараниями местного священника Иоакима Тихонравова построено новое школьное здание из лесу, пожертвованного Его Сиятельством, графом А.Д. Шереметевым, на средства церкви (100 р.), Епархиального Училищного Совета (100 р.), священника Тихонравова (100 р.) и разных благотворителей».**²²

Наконец, в «Ведомости о Дальне-Давыдовской церкви» за 1891 год записано: **«К числу зданий церковных принадлежит и здание для школы. Здание сие деревянное, одноэтажное с 9-ю окнами, длиною 16 аршин, шириною 10-ти, с тесовым с запада пристроем в 5 аршин ширины и с двумя печами. Выстроена эта школа в 1890 году на средства церкви».**²³

От себя добавим, что располагалась школа в самом центре села, в двух шагах от церкви и сельского магазина, возле пруда, мимо которого шла дорога от церкви на Кочневу Слободу.

Всего только один год привелось отцу Иоакиму Тихонравову преподавать крестьянским ребятишкам Закон Божий в построенной его заботами Давыдовской школе: 2 сентября 1891 года в 65-летнем возрасте он скончался от катара желудка. Отпевал его священник Дальне-Давыдовского женского монастыря Иоанн Анатольевич Колосов, он же сделал соответствующую запись в метрической книге Дальне-Давыдовской сельской церкви.

Погребен был отец Иоаким Стефанович Тихонравов 5 сентября. А 15 сентября 1891 года об его кончине сообщили «Нижегородские епархиальные ведомости».

После 1917 года школу, построенную отцом Иоакимом Тихонравовым, стали называть народным домом, в ней проходили все собрания и сходы жителей села Давыдова. Здесь же, на снегу возле нардома, ранней весной 1918 года происходила расправа над братьями Савельевыми, описанная мною в других материалах истории моего родного села.

В середине 20-х годов саму школу как таковую перевели в одно из монастырских зданий, а в бывшем нардоме (разделенном капитальной стеной на две половины — с двумя печками) разместились сельская библиотека и клуб.

Именно там, в Давыдовской сельской библиотеке, которой долгие послевоенные годы бессменно заведовала теперь-то давно уже покойная тетя Маруся Кербенева-Гришина, впервые встретился я с волшебным миром книг, определившим все мои дальнейшие стремления и поступки. Там же в первый раз увидел кино — тогда еще немое.

А для скольких поколений молодежи в ту пору еще многолюдного села Давыдова становился тот старый деревянный клуб первой вехой на пути семейного счастья! Сколько крушений пылкой юношеской влюбленности, сколько необратимых расставаний видели и слышали его прокопченные стены почти за семь десятилетий существования этого кровного детища никому не ведомого отца Иоакима! Особенно в холодное и темное зимнее время, когда ни с разуда-

лой гармошкой по селу не пройдешь, ни на заветной скамеечке возле благоухающего весенней сиренью палисадника не посидишь до рассвета!

В июне 1959 года деревянное здание клуба и библиотеки, построенное священником И.С. Тихонравовым, сгорело дотла — от неисправности электропроводки. И сразу же встал вопрос о строительстве в Давыдове нового «очага культуры».

В сельсовете и правлении колхоза «Передовик» тотчас же объявились смелые «рационализаторы», заявившие, что лучшего материала для возведения достойного строителей коммунизма нового ДК, чем добротный кирпич официально закрытой еще в 1937 году и с тех пор «только мозолящей людям глаза» Давыдовской церкви, по всей округе не сыскать. Надо ее снести, говорили эти «умники», а новый ДК строить рядом с тем местом, где она стояла. Тогда и расходов на доставку кирпича к месту строительства не потребуется.

Как постановил исполком сельсовета, так и было сделано. Сначала с помощью толстых стальных тросов, подцепленных к гусеничным тракторам, новоявленные вершители судеб нового мира уронили на землю возвышавшуюся полтора столетия над селом колокольню, а потом мощными зарядами взрывчатки подняли на воздух и сами церковные стены.

Вот только неувязка между задуманными планами и делом у них получилась. Вместо ожидавшихся ими готовых для возведения будущего грандиозного ДК кирпичиков, на которые должна была рассыпаться Давыдовская церковь, образовались после взрыва бесформенные груды разламывающихся даже не по стыкам между кирпичами, а по серединам кирпичей нерушимых глыб, не поддающихся никакому лому.

Как видно, не случайно еще перед началом этого варварства предупреждали старики, что в старину при строительстве церковей добавляли наши предки в цементный раствор для его крепости сырые куриные яйца, которые специально собирали для этой цели среди прихожан.

Долго потом лежали посреди села руины бесполезно разрушенной церкви, пока не придумали им хоть какое-то применение. Кто-то догадался, что можно употреблять эти на совесть сработанные руками прадедов нерушимые глыбы на фундаменты под тогда еще каждый год строившиеся (а ныне сплошь и рядом пустующие и догнивающие без хозяев) новые давыдовские дома.

Что же касается задуманного строительства нового, соответствовавшего «все возраставшим культурным потребностям строителей коммунизма» Давыдовского ДК, то в конце концов возвели и его. Только пришлось употребить для этого не церковный кирпич, а современный, привезенный из города Дзержинска.

И поныне египетской пирамидой возвышается он на церковном бугре над окончательно обезлюдившим селом. И пусто и мрачно в нем так же, как в египетской пирамиде: кому в нем теперь веселиться, если остались в селе одни только немощные старики и старухи? Да и те проживают не в каждом доме, а через дом, а на зимние месяцы, чтобы не обременять себя заготовкой дров, по возможности уезжают к детям в города.

А на месте бывшей школы священника И.С. Тихонравова, послужившей селу Давыдову и клубом, и библиотекой, нагромождены теперь высокие заборы, распаханы огороды — даже бывшей дороги на Кочневу Слободу не отыскать. Ни следочка не осталось от незабываемого островка нашей безвозвратно канувшей в вечность послевоенной молодости!

Точно так же, как и от Дальне-Давыдовской Христорождественской церкви, в которой полтора столетия крестили, венчали и отпевали наших дедов и прадедов. Только обветшавший от времени и равнодушия людей обелиск в память о погибших в 1941–1945 годы жителях села, поставленный на церковном бугре в начале брежневских времен, приблизительно обозначает то место, на котором когда-то стояла наша церковь.

В 1948-м или 1949 году, когда электрофицировали Давыдове и возле тогда еще не снесенной церкви копали котлован под столбы, на которых потом устанавливали распределительный электротрансформатор, было вынуто из земли много старых прицерковных захоронений. Потом, еще через десять с лишним лет, при возведении нового ДК, опять из земли старые кости выбрасывали.

Вполне возможно, что были среди них и останки давыдовского священника отца И.С. Тихонравова, более трех десятилетий служившего духовным наставником дедов и прадедов тех, кто эти кости выбрасывал.

Ни в пору своего детства и ранней юности, когда еще доживали свой век в Давыдове люди, которых крестил при рождении отец Иоаким Тихонравов, ни в более поздние годы ни от кого не слышал я в родном селе о нем — живая связь времен была уже прервана. Первым изо всего села заново открыл я для себя и других это славное имя, только обратившись к слегка приоткрытому в 90-х годах для обыкновенных смертных миру церковных архивов и книг. Но разве же по казенным архивам и пожелтевшим книгам можно представить себе конкретного человека?

Перелистав все чудом сохранившиеся документы, в которых упоминается фамилия бывшего священника Дальне-Давыдовской сельской церкви И.С. Тихонравова, я даже не могу точно сказать, как он выглядел: был высокий, худой или, может быть, очень полный, низкого роста? Может, был подслеповат, суетлив или прихрамывал на одну из ног? Впрочем, сказано ведь в «Евангелии от Иоанна»: «Не судите по наружности, но судите судом праведным!»

Знаю я об отце Иоакиме Тихонравове главное: был он добрый, отзывчивый на чужую беду человек, живший по завету, высказанному в «Книге Екклесиаста»: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости... И возвратится прах твой в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его».

Вот отец Иоаким и спешил еще при своей плотской жизни честно послужить Богу и людям, сделать для них все, что было в его силах. А те люди, для которых он делал добро, и их потомки потом напрочь забыли его имя и осквернили его бренный прах.

Неужели и наши земные помыслы и свершения после нашего неизбежного перехода в мир иной ожидает такая же участь?

ОБЩИНА СТАНОВИТСЯ МОНАСТЫРЕМ

20 августа 1886 года в жизни Дальне-Давыдовской женской общины произошло событие, предсказанное еще ее основательницей Неониллой Борисовной Захаровой. В этот день по ходатайству Епископа Нижегородского и Арзамасского Преосвященного Модеста Священный Синод Русской Православной

Церкви возвел Дальне-Давыдовскую женскую общину в общежительный монастырь — с таким числом монашествующих, которое монастырь по своим средствам в состоянии содержать.

В соответствии с этим решением Синода возглавлявшая Дальне-Давыдовскую женскую общину с 1875 года монахиня Филарета была в 1887 году посвящена Преосвященным Модестом в сан игумении, а в 1885 году награждена наперсным крестом. К тому времени в Дальне-Давыдовском женском монастыре проживали 175 монахинь.

В монастырской летописи говорится, что в Давыдово игумения Филарета была в свое время переведена из Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря, куда она, дочь сельского причетчика Нижегородской губернии, поступила в 1839 году. **«В молодых годах была пострижена в монашество, послушание проходила исключительно по монастырскому хозяйству. А потому (став в 1875 году настоятельницей Дальне-Давыдовской женской общины — А.В.) обратила особое внимание на материальную, экономическую сторону»** жизни обители.

«В сборных книгах ей начальство не отказывало, — говорится далее в летописи, — а потому она стала возобновлять обветшавшие постройки: выстроила ныне существующий настоятельский корпус, затем еще четыре корпуса, два других перенесла на более удобные места. Выстроила каменную колокольню вышиною в семь сажень, приобрела колокол в тридцать девять пудов четырнадцать фунтов. Монастырь обнесла каменною оградою в 1,5 сажень вышины на протяжении 165,5 сажень.

При обители выстроила двухэтажную деревянную гостиницу, крытую железом, баню, скотный двор со всеми хозяйственными удобствами, приобрела 69 десятин лучшей в окрестности земли, на которой выстроила несколько сенников. Во время ее управления значительно умножился рабочий скот, прибавилось также лошадей, увеличился пчельник, насажен был другой фруктовый сад; жернова на мельнице заменены лучшими; амбары с хлебом были полны.

Она любила, чтобы все продукты запасались вовремя и в достаточном количестве. Привела монастырский пруд в должный порядок, сама следила за постройками и за всеми работами; с раннего утра она была в поле, ездила одна и сама правила (лошадьми — А.В.); и вообще не жалела своих сил. Одновременно приобрела в Нижнем Новгороде землю на Похвалихинской улице и выстроила двухэтажный каменный дом для умножения монастырских доходов и приюта как для себя, так и для сестер, приезжавших по делам в Нижний Новгород.

Кроме сказанного, следует добавить о ней и то, что она была в высшей степени честна в платежах подрядчикам и работникам, не утаивала mzды наемнической; окрестные крестьяне любили ее и верили ей; она часто помогала бедным, давая им займы в их крайних нуждах. Отличаясь этими качествами, она заслужила себе между сестрами и крестьянами любовь и благодарную память».

«Десять лет протекли в вышеописанных трудах, на одиннадцатом году (своего правления — А.В.) она сильно заболела — сделался легкий пара-

лич. Но оправившись немного, она поспешила исполнить давнишнее свое желание и настояла на том, чтобы было написано от ее имени прошение к Нижегородскому Епископу Модесту о возведении Дальне-Давыдовской общины в общежительный монастырь; ходатайство ее было принято благосклонно»...

«В последние два года, вследствие поражения лицевых нервов и затруднений в движениях левой ноги и руки, она утратила прежнюю энергию. Как она сама чистосердечно признавалась составительнице этого описания²⁴, из-за своей безграмотности ей пришлось нести великий подвиг послушания (по отношению) к своим же подчиненным. Боязнь довериться другим заставляла ее равнодушно относиться к делам монастыря. И в то скорбное для нее время она вынуждена была подать на покой.

Помещение ей было дано по распоряжению Архипастыря выстроенное ею за два года перед тем; также назначена была пенсия по 15 рублей в месяц и полное от монастыря продовольствие. Но недолго ей пришлось пользоваться ими: в мае месяце 1889 года она была уволена на покой, в 8 декабря того года мирно скончалась в присутствии всех сестер. Кончились ее страдания физические, кончились и нравственные.

Любовь и признательность к ней сестер обители непритворно высказывались после ее кончины. Гроб ее пять дней находился в храме, и все (это) время (возле него) слышались заупокойные молитвы. Все спешили к ее гробу, все окружали его со слезами, одни укоряли себя за то, что не успели ее достойно оценить в свое время, другие плакали о своих ошибках перед нею, а третьи со слезами вспоминали о ее трудах в обители — каждая имела к ее гробу доброе чувство с искренним желанием молиться за нее.

Погребена она, по ее собственному желанию, против алтаря соборного храма».

«Знаменательно, что, начиная с самой основательницы (монастыря) блаженной Неониллы, все три (его) настоятельницы окончили дни свои не так, как бы того следовало ожидать: две первые вынуждены были выехать (из обители), а третья оставила начальствование тоже против своей воли», — говорится в летописи.

ЕПИСКОП МОДЕСТ В ДАВЫДОВЕ

Обозрение монастырей и церквей Нижегородской епархии
Его Преосвященством, Преосвященнейшим Модестом,
Епископом Нижегородским и Арзамасским, с 18 по 21 августа 1888 года.

Дально-Давыдовский монастырь

17 августа Его Преосвященство, Преосвященнейший Модест отправился из Нижнего-Новгорода на пароходе вверх по Оке для обозрения некоторых монастырей и церквей епархии. Путешествие по Оке продолжалось часов до 12 ночи, а с этого времени часов до 4 утра привелось ехать до Дально-Давыдовского монастыря на лошадях. В монастыре Владыка был

встречен игуменией с сестрами обители и затем отправился на покой в приготовленные Ему покои.

В 7 часов 18 августа Владыка изволил прибыть в Церковь, где, после обычной встречи, немедленно началась литургия, в продолжение которой Владыка стоял в алтаре. При пении задостойника, по обычном каждении в алтаре, Владыка приказал диакону, стоя одесную священника, продолжать каждение и читать синодик.

По окончании литургии Его Преосвященство немедленно отправился в село Дальнее Давыдово. В храме этого села только окончилась литургия и уже были подняты некоторые иконы для совершения крестохождения, так как в этот день совершалось в селе молебствие, и храм был наполнен народом. После обычной встречи и многолетия Владыка произнес поучение о необходимости воспитывать детей (которыми тогда были, например, мой дед Егор и бабка Пелагея, им было по 4 года — А.В.) в благочестии и о скорбях, посылаемых людям в наказание за грехи. В этом поучении Архипастырь убеждал слушателей всемерно заботиться об обучении детей и устроить школу.

В алтаре за жертвенником поставлен крест; у подножия Спасителя на рукояти этого креста приделан двуглавый орел довольно значительной величины. Владыка пожелал узнать: по какой причине устроен такой крест и помещен за жертвенником? Оказалось: кто-то из прихожан подобный крест видел в Самарской или Саратовской губернии, пожелал иметь подобный в своем храме; соорудил и пожертвовал. Заметив, что в православной Церкви нет обычая герб Российской империи подобным образом соединять с крестом, Владыка приказал этот крест убрать из алтаря и поставить где-либо на ином месте.

Из села Дальнего Давыдова Владыка опять возвратился в монастырь и занялся обозрением монастыря. Владыка посетил храм во имя Всех Святых, а потом посетил пять монастырских корпусов, в которых живут сестры обители. Посещая келии, Владыка сестрам, живущим в келиях, преподавал благословение и, благословляя подходящих к благословению, в назидаение им говорил:

— Бог вас благословит, трудитесь и спасайтесь!

В числе живущих в обители находится известная бывшая игумения Митрофания. Эта старица, ныне нашедшая себе пристанище в уединенной от мира обители, несмотря на превратности судьбы, несмотря на перенесенные ею потрясения и огорчения, — не потеряла своей бодрости и теперь заботится что-либо сделать для обители. Владыка, благословляя ее, сказал ей: «Живи и спасайся!»²⁵

Затем Владыка посетил пчельник, пруд монастырский и святой колодезь (в монастырской летописи сказано: «был на колодези Неониллы Борисовны» — А.В.). Колодезь этот вырыт руками первоначальницы монастыря, колодезь вырыт вблизи пруда. В пруде вода совершенно негодная, гнилая, а в колодезе свежая, приятная на вкус. В колодезе вода никогда не пересыхает; многие из крестьян берут эту воду для больных детей, умывают ею и поят больных, и больные получают исцеление от болезни.

Окончив обозрение обители, Владыка возвратился в отведенное ему помещение; здесь он пожелал познакомиться с историей монастыря. Настоятельница монастыря игумения Филарета предложила вниманию

Архипастыря летопись, составленную при игумении Вере. Об этой летописи игумения Филарета сообщила Владыке, что летопись написана неполно и недостаточно правильно и представляется вниманию Архипастыря за неимением другой, более полной и достоверной. В то же время игумения Филарета сообщила, что она озабочена составлением летописи, и это дело, с ее согласия, приняла на себя прежде бывшая игумения Митрофания. Она уже почти написала новую летопись.²⁶

Владыка пожелал познакомиться с вновь составляемой летописью. Но так как она написана еще вчерне, то сама составительница прочитала содержание написанного. Владыка одобрил труд и изъявил желание видеть летопись напечатанной⁶.

19-го числа в 7 часов утра Владыка совершал Божественную литургию, в сослужении с 4-мя священниками. Храм был наполнен молящимися — не только сестрами обители, но и крестьянами, пришедшими из соседних селений помолиться за Архиерейским служением. Богослужение закончилось пением «Высшую небес» и чтением Архипастырем молитвы Божией Матери. Во время литургии Владыка произнес поучение о превосходстве в деле спасения пустынной жизни пред мирскою.

По окончании литургии Владыка, сопровождаемый сестрами обители, прибыл в отведенное ему помещение. Здесь небольшая девочка, живущая в монастыре, приветствовала Архипастыря произнесением выученных ею стихов (уж не своих ли? — А.В.) Девочка прочитала стихи бойко и безошибочно. Владыка одобрил ее чтение и наградил ее деньгами (первый литературный гонорар в Давыдове! — А.В.).

После непродолжительного отдыха Архипастырь отправился в Абабковский монастырь.

Священник Н.В. Фиалковский.

(Журнал «Нижегородские епархиальные ведомости», 1889 год, № 12 (15 июня), стр. 550–555).

ОТ КОПТИЛКИ ДО КОМПЬЮТЕРА

«...Люди тогда были чисты, как трава!».

17 июня 1996 года.

---

⁶ Сбылось это его пожелание только через 20 лет, в 1908 году (к 50-летию официального существования обители), когда в типографии Казанской амвросиевской женской пустыни была напечатана книжечка под названием «Исторический очерк Дальне-Давыдовского общежительного женского монастыря Нижегородской епархии».

А вот дожил ли до этого Преосвященнейший Епископ Модест — сказать не могу. Если дожил, так наверняка держал в руках и читал желаемую книжечку — удивительно энергичный и равнодушный к делам своей службы был человек! — А.В.

*« ...Хочу быть ровесником всех поколе-
ний:
и давыдовского пономаря Ивана Ивано-
ва,
и того, кто только завтра родится, и
того, кто живет на Камчатке, и
Березовских, и Шероновских, по всему све-
ту рассеянных (и по времени), как иудеи».*
12 июля 1996

года.

Из дневника А.В. Вострилова

Попытаемся, опираясь на известные факты истории всей остальной России, последовательно логическим и сравнительным путем, как это делают археологи, палеонтологи и художники-реставраторы, хотя бы приблизительно представить себе обстановку и нравы, при которых зарождалось наше Давыдово.

Начать хотя бы с того, что оно, это тогдашнее существование крепостных наших прапрапрадедов, как небо от земли отличалось не только от круглосуточно бурного кипения современных супермегаполисов, но и от сегодняшней относительно неторопливой суетной жизни давно уже не первобытно нетронутого Давыдова. И хотя и в те непредставимо далекие времена, и сегодня все главные заботы и все самые горькие беды моих земляков всегда были и поныне неизменно остаются тесно связанными с тяжелой и опасной работой в лесу и на отвоеванной у леса земле, эти отношения человека с окружавшей его лесной стихией за последние два столетия неузнаваемо изменились.

Все существование моих тогдашних предков, обосновавшихся в никому неведомой глуши, вдалеке от вотчинного, волостного, а тем более уездного начальства, проходило в постоянной, ни на один миг не прекращавшейся войне с плотно окружавшими их лесными дебрями, а переполнявшие эти дебри дикие лесные звери в любое время дня и ночи могли появиться возле человеческого жилья. А нынче, через 70 лет Советской власти и последовавшего затем беспредела последних лет, любой мало-мальски пригодный для дела лес вокруг села сведен до самого озера Кутюрева, а из переполнявших его когда-то диких зверей и птиц практически ничего не осталось.

Само же озеро Кутюрево, протянувшееся в поперечнике примерно на полкилометра и когда-то служившее надежным пристанищем для бунтовавших против властей пугачевцев, было оголено от леса и заболочено еще в 50-е — 60-е годы нашего века, когда сквозь лесные чащобы, вековые болота и сыпучие пески к нему были пробиты автомобильные дороги, и из Муром и Навашина стали целыми цехами и заводами выезжать на него на выходные дни и ночи любители охоты на диких уток и глушения рыбы динамитными шашками.

Как свидетельствуют архивы, еще в конце XIX века практически все мужское население Давыдова уходило в зиму на отхожие промыслы, связанные с заготовкой, сплавом и пилением леса, его разделкой на дрова и углежжением (а женщины в эти зимние месяцы нянчились дома с детьми и ткали холсты). Даже в годы Великой Отечественной войны, когда более молодые мужики были на фронте, и еще не существовало ни электропилорам, ни каких-либо иных лесопилок, мой 60-летний дед Егор в паре с незамужней дочерью Анастасией или с

вернувшимся с фронта по ранению младшим сыном Дмитрием разделявавший для своего и окрестных колхозов бревна на тес дольной пилой, кормил этой не стариковской работой всех своих многочисленных снох и внуков, оставшихся без мужей и отцов.

А нынче для стариков и старушек, поодиночке доживающих свой век в селе, уже и заготовить на зиму дров — целая проблема. Да ведь надо еще привезти их, эти дрова, из леса под свое окошко. И тоже не так, как, бывало, делали это прадеды — не на своей лошаденке, и не за здорово живешь!

Еще в суровые сталинские годы, и в пору «волонтаристской» борьбы Н.С. Хрущева с приусадебными подсобными хозяйствами сельчан и горожан (наверно, так же, как и во времена помещичьего крепостного права), чтобы запасти на зиму сено для своих коровенок и коз, давыдовские колхозники по ночам, порой по колено, а то и по пояс в воде тайно косили по болотинам и кочкам траву, на плечах, вязанками, крадучись, прячась от постороннего взгляда, перетаскивали ее на свои дворы. А нынче, в Смутные времена всеобщего развала, безлюдья и безденежья в деревне, не только те дальние болотные бочажины, а и расположенные в двух шагах от села, ровнехонькие Поповы луга чуть не каждый год уходят под снег некошеными.

Десять поколений моих предков и односельчан собственным потом и кровью создавали село Дальнее Давыдово, пядь за пядью отвоевывали у дикого леса все новые поля и луга. А теперь снова зарастают эти поля и луга мелколесьем, а на месте когда-то возведенных нашими дедами и прадедами домов все выше поднимается дикий бурьян и крапива, все реже слышится на стоявших когда-то перед окнами ветлах весеннее щебетанье скворцов!

Изобилие прекрасного строевого и всякого иного леса, изначальное умение моих земляков собственными руками делать из него все необходимое для жизни и относительно позднее время возникновения села наверняка оказывали решающее воздействие на внешний облик поднимавшегося в лесных чащобах Давыдова. Если бы с помощью сказочной машины времени вдруг оказались мы возле той сгоревшей, еще деревянной Дальне-Давыдовской сельской церкви (на месте которой была построена потом и каменная), то даже и тогда, в середине XVIII века, вряд ли увидели бы вокруг нее топящиеся по-черному избушки на курьих ножках или шалаши из ивовых прутьев с соломенными крышами. Здесь и хорошего леса всегда хватало!

Да и безо всяких фантастических машин времени всем нам хорошо известно, что наиболее разительные, основополагающие перемены в почти трехсотлетней истории села Дальнего Давыдова произошли только за последние полвека, на памяти уже нашего поколения. Не далее как в годы Великой Отечественной войны мы, сегодняшние 60-ти и 70-летние, занимались в Давыдовской неполной средней школе (и поныне располагающейся в бывшем главном корпусе Дальне-Давыдовского женского монастыря) при керосиновых коптилках — электросвет и радиорепродукторы появились в селе только зимой 1949 года.

В суровую пору той Великой Войны, когда перед нами открывался мир, в родном моем селе Давыдове еще не было электросвета. По вечерам наши матери и бабушки пряли шерсть и вязали носки-варежки при керосиновых коптил-

ках, да и то собираясь по несколько человек в одной избе – чтобы зря не жечь керосин. Соль, мыло, гвозди, швейные иголки, а особенно серные «гребешковые» спички были на вес золота. Недаром каждая хозяйка с вечера специально оставляла тлеющие угли в печи, а ночью старалась поддерживать в них жар, чтобы утром без спички разжечь в печи огонь снова. Так, как это делали наши первобытные предки.

Как и сотни лет назад, в зимние месяцы давыдовские женщины по пояс в снегу заготавливали в лесу дрова, а летом серпами (по горсточке!) жали рожь, косами и граблями убрали траву на лугах. Дрова из леса, навоз на поля и всякие другие грузы перевозили они на быках, специально обученных ходить в упряжи. Быки составляли в селе главную тяговую силу. Это если не считать давыдовских женщин-колхозниц, солдатских вдов, которые не случайно же пели о себе в годы войны и еще долго после нее: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик, я и сею, и пашу, на себе дрова вожу!»

Еще в первые дни войны всех лошадей из давыдовского колхоза «Передовик» позабирали на фронт. Когда весной или осенью, в страдную пору, оглашая все вокруг треском и грохотом своих двигателей, из Вачской МТС (располагавшейся тогда в Новоселках) приходили на помощь давыдовским колхозникам колесные газогенераторные трактора, работавшие на деревянных чурках, - не только мы, мальчишки, а порой и взрослые сбегались посмотреть на них, как на великое чудо. Даже велосипедов в селе ни у кого еще не было.

В избах так же, как и при царе Горохе, не водилось никакой мебели, кроме деревянных столов и лавок. Да еще деревянных же, окованных железом, старинных сундуков, в которых хранилось все наиболее ценное из одежды и обуви. Стеганая фуфайка или кирзовые сапоги считались великой роскошью, имелись они далеко не у каждого. Так же, как и золотом блестящие на солнце резиновые калоши, которые нигде невозможно было купить.

В весеннюю и осеннюю распутицу мы, Давыдовская ребятня, вместо калош надевали на валенки (у кого они были!) высокие деревянные колодки, привязывавшиеся к ногам веревками. Потом, уже к концу войны, эти самодельные деревянные колодки заменили на цельные, без швов или рубцов, калоши-скороходы, вырезанные из огромных, в наш мальчишеский рост, автомобильных покрышек могучих американских «студебеккеров», появившихся вместо наших слабосильных «полуторок», чихавших вонючей гарью и буксовавших на каждой колдобине.

А вообще-то, и в войну, и в первые послевоенные годы не было в окруженном лесами и болотами Давыдове более надежной и удобной обуви, чем изобретенные нашими далекими предками лыковые лапти - не стоившие ничего, доступные всем и каждому. Носили лапти вместе с непромокаемыми кожаными или брезентовыми бахилами, которые каждый шил себе сам. В любой трясине крепко привязанный лыковыми веревками лапоть не соскочит с ноги; в отличие от кирзового сапога, он не тонет во мху, легко пропускает через себя и выпускает обратно воду, позволяет ногам всегда оставаться в тепле и сухости. Еще и в середине 50-х годов не было в селе мужика, не умевшего плести лапти.

Почти до начала XX-го столетия не коснулась села Давыдова также и начатая еще неумомимым Петром Первым и продолженная его преемниками борьба со старинными русскими бородами до колен (в первую очередь у бояр). В отличие от бояр, давыдовским крестьянам-полесовикам, порой неделями и месяцами проживавшим на отшибе от села, в лесу, на отхожих промыслах по

повалу и вывозу деревьев или распиловке бревен на тес, было не до стрижки и бритья. В лесу ведь, как известно, парикмахерских (или, по-тогдашнему, цирюлен) никогда не бывало. Да и не перед кем там было красоваться мужикам без бород.

Вот с табаком у великого преобразователя России дело пошло куда более успешно: испокон веков редкий русский мужик в Давыдове не курил чуть ли не с пеленок до гроба. Даже в годы Великой Отечественной, несмотря на отсутствие табака и великую его дороговизну, большинство моих ровесников, по примеру своих дедов (отцы были на фронте), уже во время учебы в первых классах Давыдовской школы-семилетки начинали крутить «козьи ножки», набитые перетертыми сухими листьями или мякиной. Разумеется, делалось это тайне от матерей — чаще всего в ближнем от села лесу Романовке, где мы, мальчишки, бывало, наворовав на соседнем колхозном поле картошки и набрав в лесу грибов, пекли и жарили их на кострах, пополняя свой скудный рацион.

Тем, кто вырос в деревне (да и любому теперешнему городскому жителю, привыкшему видеть горы экзотических заморских плодов и фруктов на торговых прилавках) очень трудно поверить в то, что всего лишь каких-то двести лет назад, во второй половине XVIII века, императрице Екатерине Второй приходилось чуть не военной силой насаждать на крестьянских полях России посадки картофеля. Просто понять невозможно: как могли наши предки обходиться без него? Ведь не случайно даже в годы моего военного детства в Давыдове на улицах по вечерам под гармошку распевали:

*Ты, картошечка, картошечка,
Какая тебе честь:
Без тебя, наша картошечка,
И нечего бы есть!*

Нынче на обезлюдевших улицах доживающего свой век села никто уже под гармошку даже и в большие праздники не поет, но картошка по-прежнему остается самым незаменимым и доступным продуктом питания. Тем более что, в отличие даже от хлеба, несмотря на все невзгоды и потрясения небывало непредсказуемого нашего времени, она там пока у каждого своя, непокупная.

Подобно своим не знавшим ни ножниц, ни бритвы дедам и прадедам, нынче в Давыдове многие пожилые, да и не очень старые мужики ходят с косматыми бородами и курят самосад: заморские сигареты в блестящих целлофановых обертках не по губам нищим деревенским пенсионерам да безработным. Вот только для прикуривания самокруток пользуются нынешние давыдовские дымоглоты вполне современными заводскими зажигалками, а не делают это как, бывало, мой дед Егор, высекавший огонь с помощью кремниевого камня, ватного трута и железного огнива с нанесенной на его ребре специальной насечкой.

А если взять сторону духовную, отношения людей между собой, внутренний мир каждого отдельного человека? Лучше или хуже стали люди за минувшие шесть десятков лет, которые запечатлелись в памяти моего поколения?

Разумеется, в любое время бывали всякие люди, да ведь даже и один человек, в зависимости от обстоятельств, может быть разным. Притом надо четко себе представлять, о ком мы будем говорить, кого сравнивать: «руками водящую» верхушку или подавляющее большинство остальных, одинаково бесправных и нищих как тогда, так и сегодня. В целом же одно можно сказать вполне определенно: родившиеся в конце XIX — начале XX веков и растившие нас в войну наши матери и деды были куда менее грамотными, информированными и «пробивными», чем мы. Но зато они были неизмеримо более искренними, бесхитростными и отзывчивыми на чужую беду. Если бы сегодня каким-то чудом можно было поднять их из могил, то по сравнению с сегодняшними своими сверхсовременными внуками и правнуками они бы выглядели наивными детьми природы.

Тогда, в годы Великой Отечественной, еще не дивом были такие люди, как мой дед Егор Григорьевич, или его дочь, тетка Анастасия, которые не умели даже расписываться. Считалось великим грехом не подать нищему кусок хлеба или луковицу, не пустить припозднившегося незнакомого путника на ночь в дом.

Общее горе и тяготы войны сплотили односельчан в одну большую семью; телевизионного ящика, который потом развел людей по своим углам, еще и в помине не было. В любое время дня и ночи, как в свой дом, шли к соседу за спичкой, смольем на растопку печи или добрым словом. Уличные двери вообще не запирались, просто накладывали петлю на кольцо пробоя и втыкали в него деревянную палочку. Это означало, что хозяева дома где-то поблизости, искать их надо возле колодца или на огороде. А может, пошли по селу и на околицу за не пришедшей вовремя из стада скотиной...

Нет, я не собираюсь идеализировать время своего военного детства, люди и тогда не были ангелами или святыми. Несмотря на то, что мужиков в селе почти не осталось (всех позабирали на войну), первый мат я услышал едва ли не в колыбели; первый глоток самогонки хватил, наверное, лет в десять; тогда же в первый раз попробовал затянуться «козьей ножкой» (набитой, правда, не табаком, а высушенными и измельченными листьями). Вместе с другими мальчишками, своими ровесниками, участвовал в ночных и дневных набегах на чужие сады и огороды.

Но разве все это идет хоть в какое-то сравнение с масштабами сегодняшнего воровства в городе и на селе?

Мне могут сказать: зачем сравнивать несравнимое, в годы вашего детства были совсем другие условия и нравы. Шла небывалая в истории война, действовали суровые законы военного времени, по которым за какие-нибудь три колоска, самовольно сорванные на колхозном поле, давали три года тюрьмы. А теперь вот поотпустили вожжи — и приходится ставить железные решетки на двери и окна!

ЛЕСНИЧЕСТВО

...Возможное возрождение села можно сравнить с шансами восстановления выгоревшего (от одной преступной искры!) леса. Десятилетия нужны, несколько поколений — и то только в том случае, если высеив саженцев будет.

Сколько эта карта лесничества походила по давыдовским лесам во всякую погоду (за двести с лишним лет)!

...В главе о лесничестве можно рассказать о тетке Анастасии, для которой лес был главной любовью жизни, и настоящим домом, семьей (со стихами о ее похоронах и рассказами о наших хождениях в лес). А так же о бабушке Степаниде, всю жизнь прожившей в безлесной Орловщине и перед смертью прощавшейся с Романовкой.

...Написание этой книги скорее сравнимо с выращиванием леса (дерева), чем с пахотой земли: результаты не осенью, а только через жизнь (когда уже ничего не исправить). А вырастить дерево — это как вырастить человека (и книгу написать — только одну)...

...Лес живой (особенно старинный — полон зверья), живее земли и воды...

Из дневника А.В. Вострилова

Егоровна

Памяти Анастасии Егоровны Востриловой

Как-то вдруг,
Нехворанно
Умерла Егоровна...
А была бездетною,
Лесу лишь верна.
Знанием трав, секретов их
Чуть не с малых лет своих
Славилась она.
И в места урочные
Верст на семь кругом
Тропками обочными
Шла и в день, и в ночь она,
Как в отцовский дом.
Без семьи Егоровна
Век свой прожила
Но живой историей
С самых давних пор она
Для села была.
И в селе отныне нет,
Кто бы так же мог
Байки знать былинные,
Песни петь старинные
И сплясать в свой срок.
Без родни Егоровне

Жизнь пришлось прожить.
Но в минуту черную
Земляков Егоровны
Дом не смог вместить
И несли Егоровну
В путь-дорогу скорбную,
На руках несли ее
В снежном серебре,
А могилу вырыли
На крутом бугре.
Там в любую сторону
Виден лес Егоровне.

Будущий сторож давал типовую (печатную) подписку: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку Панинской конторе Графа А. Д. Шереметева в том, что я обязуюсь не допускать ни к какому пользованию в лесу, хотя бы по надобностям самого Графа А. Д. Шереметева, ни по чьим словесным или письменным распоряжениям, кроме как по установленным билетам. Кроме того, обязуюсь лес заготовленный по билетам не позволять к вывозке, пока лес тот не будет освидетельствован в присутствии лесной стражи и заклеямен клеймом Графа А. Д. Шереметева; за не исполнение сего я обязуюсь уплачивать штраф, установленный Панинскою конторою в размере месячного жалования и нести ответственность по суду.

О всякой самовольной порубке леса я обязуюсь доносить, в противном случае уплачиваю стоимость ея по земской таксе.

При нежелании продолжать службу я обязуюсь не оставлять свой обход самовольно, не сдавши его и всех вещей, данные мне Панинскою конторою в мое пользование, в противном случае уплачиваю Графу А.Д. Шереметеву штраф в размере 25 рублей даже и в том случае, если бы в обходе порубок, о которых акты не составлены, – не оказалось.

К сей подписке крестьянин Пустынской волости деревни Валтово Емельян Силиванов (руку приложил)».

И давалось удостоверение (лесному сторожу) в том, что «с правом ношения на груди при исполнении обязанностей установленной бляхи».

ГАНО, ф. 2150, опись 1, ед. хр. 29.

Переписка между Санкт-Петербургской и Панинской конторами.

«31 мая 1867 года.

В Панинскую Вотчинную контору

Рапорт

Имею честь Вотчинной конторе донести, о произшедшем 27 числа сего мая лесном пожаре в Горицкой роще в урочище Сенькиной сече в сосновом полустроевом и дровяном лесу, на пространстве 100 квадратных сажень, но без вреда.

Смотритель Скопинский».

ГАНО, ф. 2150, оп. 1, ед. хр. 27 а.

...Переписка между земским начальником и лесничим Панинского лесничества.

«От 12 июня 1914 года...

Главному лесничему Давыдовского лесничества А. А. Пилинскому.

Возвращаю при сём Акт о лесном пожаре за № 5, предлагаю Вам сделать указание в нём, какое приблизительно количество будет неспособного к дальнейшему росту леса.

Предложить покупщику делянки № 19 Степану Штырёву уплатить штраф согласно договора за поврежденный пожаром по его вине лес; в случае же отказа его от добровольной уплаты штрафа – составить особый акт о пожаре, изложив в нём подробно причину пожара, акт представить в контору для представления в суд.

Возвращаемый акт Вами составлен 30 апреля, в контору же представлен только 29 мая, т. е. через месяц после составления его. Предлагаю Вам донести, какие были причины невысылки его своевременно в контору.

На будущее время акты о лесных пожарах следует представлять в Панинскую контору в трёхдневный срок после составления их для донесения о произошедшем пожаре Главной Конторе.

Акт за № 5 вернуть в самом непродолжительном времени.

Управляющий Нижегородскими имениями

Графа А.Д. Шереметьева
ученый-лесовод Е.П. Жудро».

ЧЕМУ ГРАФ ШЕРЕМЕТЕВ КРЕСТЬЯН УЧИЛ

I

« ...Первый мешок картошки Петр

подарил графу Шереметеву».

4 июня 1997 го-

да.

Из дневника А.В. Вострилова.

...Почему-то никогда не было принято в Давыдове гнать самогонку, да и не из чего у нас ее было гнать: сахарную свеклу на лесных подзолистых давыдовских полях никогда не сеяли, а сахарного песку и для заготовки на зиму всякой леской ягоды никогда ни у кого не водилось. Однако же, как и по всей матушке-России, пили хмельное зелье в селе всегда, — хотя, конечно, и не в таких размерах, и не так часто, как сегодня. Недаром один из пунктов рукописного **«Собрания положений и правил, по которым управляющий должен (был) поступать во время управления Павловскою вотчиною»**, составленного графом Д.Н. Шереметевым еще в самом начале XIX века, перед войной с Наполеоном, начинается словами: **«Пьянство есть начало всякого зла, а от него происходят многие ссоры, разные соблазны и даже преступления»**.

Да, уже тут сиятельный граф как в еще не изобретенную тогда менделеевскую водку глядел, предвидел наше с вами будущее! Ведь, например, еще и че-

рез сто лет после написания этого его «Собрания положений и правил», в начале века нынешнего, газеты «Нижегородские губернские ведомости» чуть ли не о каждом случае смертей от пьянства сообщала как о чрезвычайных происшествиях — на всю губернию.

1856 год (15 декабря):

Села Ворсмы, вотчины графа Шереметева, крестьянин Николай Васильев, от излишнего употребления спиртных напитков скоропостижно умер. (Видимо, еще настолько необычным был случай, что о нем специально напечатала информацию губернская газета. Представляете, сколько «Прибавлений» к нынешним «Губернским ведомостям» пришлось бы выпускать редколлегией еженедельника, если бы сегодня сообщать в нем обо всех «загнущихся» по пьяному делу! — А.В.)

А на сегодняшний день, к концу этого многошумного и бурного века, уже едва ли не больше половины моих давыдовских ровесников-одногодков раньше положенного времени, не дожив до пенсии, безо всяких объявлений в газете погибли от «злодейки с наклейкой»!

Древний боярский род Шереметевых на протяжении семи столетий был одним из самых почитаемых в России. Особенно широкую известность в российской истории приобрел один из ближайших сподвижников и друзей Петра Великого фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1652–1719 гг.). Тот самый, которого А. Пушкин в своей поэме «Полтава» назвал первым среди «птенцов гнезда Петрова». Первому в России Петр присвоил Борису Петровичу титул графа. За верную службу царю и Отечеству Б.П. Шереметеву и его потомкам были пожалованы многочисленные вотчины, в том числе в Нижегородской губернии.

Неповторимо оригинальным, самобытным человеком был сын Бориса Петровича, Петр Борисович Шереметев (1713–1788 гг.), сумевший сохранить свое доброе имя и независимость суждений в переменчивую пору царствований императриц Елизаветы, Анны, Екатерины и их многочисленных фаворитов-временщиков. В томе 39-м энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, изданном в Петербурге в 1903 году, о нем сказано: **«Обер-камергер, сын фельдмаршала. Был известен своими чудачествами, любовью к искусствам, роскошным образом жизни и богатством».**

Именно в пору жизни Петра Борисовича Шереметева, видимо, и возникло в пожалованных его отцу или ему самому муромских лесах родное село автора этих строк Дальнее Давыдово. Вернее, еще до возникновения села (возможно, даже при жизни Петра Великого!) Шереметевы сначала поселили на месте будущего села 12 караульчиков леса, которые первое время жили в вырытых или самими землянках, а уж потом стали строить деревянные избы, перевозить к себе свои семьи.

Однако, продолжим рассказ о Шереметевых. Достойным сыном своего своенравного отца и внуком петровского фельдмаршала был Николай Петрович Шереметев (1751–1809 гг.), не только создавший лучший в России театр крепостных, но и не остановившийся перед женитьбой на горячо любимой им

собственной крепостной актрисе Параше Жемчуговой (1768–1803 гг.) Когда же Параша в расцвете своей красоты и таланта вскоре после первых родов умерла, Николай Петрович, основавший в ее память в Москве общедоступный странноприимный дом (ныне — институт скорой помощи имени Склифосовского), вскоре и сам умер от тоски и горя.

А сын Николая Петровича и Параша, Дмитрий Николаевич (1803–1871 гг.), даже и среди отличавшихся неизменной склонностью к благотворительности и гуманным отношением к крестьянам Шереметевых оказался знаменитым на всю Россию необыкновенной своей щедростью и хлебосольством, это при нем родилась поговорка: «жить на шереметевский счет». Свое бескорыстие Дмитрий Николаевич проявлял настолько широко, что после официального освобождения шереметевских крестьян от крепостного права они настояли на том, чтобы именно он возглавил их депутацию, отправлявшуюся благодарить Александра II за это освобождение.

С другой стороны, крепостное право — оно и у добрейших Шереметевых оставалось таковым. Как, впрочем, и в гораздо более поздние времена — без малого через столетие после торжественной его отмены и через десятки лет после почти поголовного искоренения славного рода Шереметевых. Когда бывшие графские вотчины уже назывались то колхозом имени Сталина (или, как у нас в Давыдове, колхозом «Передовик»), то сельхозартелью «Путь к коммунизму», а допотопная барщина или оброк — «первой заповедью перед государством».

В этом нетрудно убедиться, перелистывая сшитую толстыми льняными нитками многостраничную тетрадь **«Собрания положений и правил, по которым управляющий должен поступать во время управления Павловскою вотчиною»** графов Шереметевых, сохранившуюся в фондах Государственного архива Нижегородской области. Видимо, по диктовку сначала Николая Петровича, а потом и Дмитрия Николаевича Шереметевых каллиграфически четким канцелярским почерком заполнялась эта старинная тетрадь в самые первые годы XIX века, еще до нашествия Наполеона на Россию (даты многих записей в тетради указаны точно). Вполне возможно, что делались в нее и более поздние вставки.

И хотя село Дальнее Давыдово входило не в Павловскую, а в соседнюю с ней — Панинскую вотчину графов Шереметевых, по этим их наставлениям своим управляющим не так уж трудно сегодня, через два столетия после написания уникальной тетради, представить, как жили тогда наши предки — давыдовские крепостные крестьяне. А может быть, и чему-то поучиться у многих мудрых владетелей душ и тел наших далеких прадедов.

«....5. Оброк платить сполна и без доимки с каждого отдельного крестьянина, кому от роду не ниже 17 и не старше 65 лет — так, чтобы никакого недобору не было, а вотчина или селение отвечали бы (общим) собранным оброком невзирая на то, что есть ли бы на ком и оставалось в недоборе, то должно быть пополнено всем селением или вотчиною. Неплательщики же будут причислены в число непрочных к вотчине и подозрительных крестьян и пойдут к отдаче без очереди в рекруты, а на вотчинных начальниках строго взыщется.

9. Июня 1-го дня доставлять в канцелярию ведомости о всходах хлеба, о доброте трав и в сравнении противу прошлого года — лучше или хуже или же равны. А при том — вся ли пашня у крестьян засеяна, и будь что осталось в пуге, то сколько, по каким причинам. Ноября к 1-му числу — об урожае и умолоте хлеба, о доброте травы, о посеве озимого хлеба, равно и о яровом. И может ли вотчина своим хлебом или с прикупкою до будущего урожая себя пропитать.

14. Мосты и дороги поправлять и рекрутские отдачи производить, не ожидая понуждений.

23. Заседание иметь управляющий (вотчиною) может в особой комнате и за особым столом, а выборным земским (из крестьян! — А.В.) дать особое место. Но все бумаги, поступившие в правление, должны быть ведомы не только управляющему, но и выборным.

25. Разверстку земель пахотных иметь по тяглам не ежегодно, а по крайней мере через десять или более лет — дабы она не останавливала земледельца от тщательного возделания и удобрения (земли).

28. Крестьян из деревень в село или из одной вотчины в другую отнюдь не перепускать, ибо из сего выходит то, что одни селения пустеют, а другие, непомерно увеличиваясь, наносят обществу действительный вред. А буде кому предстоять будет в переселении необходимость, то о сем в канцелярию с подробностью доложить и ожидать предписания начальства.

29. Есть ли кто принадлежащих ему земель обработать не может, то в таком только случае допускается с ведома правления дать (их) внаймы, но отнюдь не постороннему крестьянину. Или по своему желанию оставить (эту землю) в пользу целого общества, и притом не для каких-либо (иных) заведений, а единственно для хлебопашества, сенокосные луга — для скошения травы. В противном же случае строго смотреть, дабы в числе таких не вкравлись ленивцы и (используя) преимущества, предоставляемые доброму промышленнику, не стали б они переторговывать землями для своих непозволительных и разоряющих семействы прихотей.

30. Ежели во время полевых работ кого-либо из одиноких земледельцев постигнет болезнь, и она по свидетельству вотчинного правления и жителей того селения, в котором таковой живет, будет непритворная, в таком случае хлеб его сжать, в гумно свозить, участок земли вспахать, посеять и также убрать миром или наймом, будь то по бедности страждущего болезнью сам он заплатить за сие найдетсЯ не в силах. Если же таковой помощи подано не будет и от того причинится убыток, оной вознаградить нащет виновных.

Напротив же сего, пьяницу и ленивца и буде (кто) под видом болезни уклоняться станет притворно, (того) наказывать розгами при жителях селения, в коем он проживает, и заставить описанные работы исправить самого. А сверх сего строго наблюдать, дабы в вотчине из крестьян никто в бобылях бестяглых не был, кроме как престарелых, достигших 65 лет, и увечливых, не могущих работать.

31. Тех, кто похищает труды земледельца, крадет с поля или из гумна хлеб, истребляет умышленно посев, опустошает огороды, без пощады перепахивает пашню и перекашивает сенокос, неукоснительно наказывать на теле при обществе и убытки возвращать из собственности виновного. А сверх того вотчинноначальнику и обществу иметь дальнейшее поведение

такового на замечании и в случае безнадежности к исправлению представлять в канцелярию (предложения) об удалении его от вотчины как вредного обществу.

32. Буде на полях крестьянских посеянной хлеб побит будет градом или по другим каким случайностям и переменам земледельцы лишатся ожидаемой жатвы и оттого потерпят голод, в таких случаях сделать описи, означая в них, у кого именно и на скольких десятинах пропал хлеб, озимой или яровой. Сколько его было в посеве и по последним умолотам, могут ли семейства, кои потерпели убыток, вновь засеять землю и содержать себя до нового урожая без нищеты; о всем оном описав обстоятельно и взяв удостоверение от общества, присылать в канцелярию при рапорте сведения.

33. Буде в вотчине произойдет падеж лошадям или рогатому скоту, в таком случае нимаю не медля отнестись к гражданскому начальству и просить пособий, и какие последуют распоряжения, оные тщательно исполнять и в домовую канцелярию со всеми подробностями рапортовать. Составить щет убыткам, доставить оной в канцелярию и после всеми мерами стараться о разведении скота как необходимо нужного для хлебопашца и изобилия крестьянского.

34. Торговая промышленность по земледелию есть вторая отрасль пользы общественной (книга-то писана для Павловской вотчины, уже в то время являвшейся одним из центров российских кустарных промыслов !— А.В.)

35. Корчемство вином в селениях, как строго запрещенное не только со стороны вотчинных правлений, но и старост, буде оное существует, всеми мерами совершенно истребить. Есть ли же когда (кто) явится противу сего виновным, то таковых предавать властям, доставляя донос о том канцелярии.

36. Продажу крестьянами остатков своих — хлеба всякого, скота, птиц и всего, что доставляет жизнь сельскому трудолюбивому поселянину, правлением не только позволить, но и стараться доставить им к тому всякие пособия и тщательно ограждать от всяких обид и разнovidных стеснений.

39. Пьянство есть начало всякого зла, от него происходят ссоры, разные соблазны и даже многия преступления. А потому обязан управляющий сей порок, равно и азартные игры, искоренять неупустительными виновных наказаниями.

40. Каждый имеющий желание строить должен наперед спросить вотчинное правление и возводить обыкновенное крестьянское строение, то есть один жилой корпус о двух покоях (знаменитые русские пятистенки! — А.В.) с сенями, двором и с избою для скота. И при том чтобы строения располагались в линии улицы, были бы прямы и делали хороший вид. А для дальнейшей безопасности от пожаров (между дворами) оставлять широкие проулки: чтобы бань, овинов, пивоварен, красilen и других строений, более опасных от запалений, отнюдь вблизи крестьянских дворов не было, а относить их в отдаленные места и строить елико возможно ближе к реке и прудам.

42. За продажами от крестьян своих домовних строений на сломку правлениям строго смотреть, дабы оных для мотовства и по другим прихотям производимо не было; ибо одна ветхость строения и излишество онаго

могут быть достаточными к сему резонами, а все прочее служит разрушению домов.

43. У каждого дома иметь кадку, а при вотчинных правлениях по несколько бочек, наполненных водой; с самого июня по октябрь месяц кроме как одной (соломенной) резкой печей никто бы не топил; вблизи селений или внутри оных пив не варить и ни для чего огней не разводить. А дабы из жителей каждый знал, с чем ему во время пожара из дому явиться, то на воротах каждого делать (соответствующие) надписи. Строго обязать сотенных и десяцких следить, чтобы сие исполнялось в точности, а тех, кои, быв в домах, не явятся (со своим орудием) на пожар, наказывать неупустительно.

47. Дабы в вотчине никто не укрывал дезертиров и других преступников, о том крепко наказать всем крестьянам и подпискою обязать, чтобы каждый из них не только не осмелился сам участвовать в столь законопротивном преступлении, но и тщательно смотрел бы за другими. Тако же от воров и беглых (ворами называли в старину тех, кто бунтовал против властей. — А.В.).

50. Все крестьяне, имеющие намерение жениться на посторонних вдовах, солдатках и девках, непременно должны заблаговременно доставлять в вотчинное правление указные отпускные виды, а о солдатках и самые достоверные справки о смерти их мужей. Смотреть накрепко за теми, кто женится на беглой девке или от живого мужа. Такового отдавать суду, а на священника, который обвинчал, приносить жалобу духовной власти. Накрепко подтвердить, чтоб никто не только на посторонней, но и на одновотчинной невесте без ведома правления и без получения от онаго об обвинчании билета на имя священника жениться не мог.

51. Многие отцы дочерей своих, совершенных к замужеству, удерживают в девках и тем не только наносят великий вред обществу, но и погубляют дочерей, ибо сии, достигая зрелости лет, впадают в распутство и разврат и, наконец, сами уже уклоняются от законного замужества. Злу сему есть корень сребролюбие, ибо отцы, поставляя дочерей своих в жены, ищут женихов не по доброму поведению и трудолюбию достойных, а по количеству денег.

Не всякий и жених может заплатить (за жену) требуемое приданое, а быв вынужден семейным положением к женитьбе, занимает деньги из больших процентов или за счет работы удовлетворяет жадность требования. И потому предписано вотчинным начальникам лично у женихов спрашивать, не платит ли он за невесту какой суммы. И буде объявит, что какую-либо заплатил, то тотчас оную от того, кто взял, возвратить жениху.

54. Пожитки, оставшиеся после умерших крестьян, буде дойдет до прошения об их разделе, делить таким образом:

а) буде останутся (одни) сыновья, разделить движимое и недвижимое имущество всем им поровну;

б) буде останутся сыновья и дочери, а имение будет одно, то четверть онаго разделить всем дочерям поровну, а оставшиеся три части — всем сыновьям поровну;

в) буде останутся одне дочери, все движимое и недвижимое имение разделить им поровну;

г) замужним дочерям и вдовам с их детьми, как сыновьями, так и дочерями, наследства не давать; а буде кроме их никого из детей не останется, то разделить им все поровну;

д) после которого умершего детей не остается, имение его разделить между ближайшими родственниками;

е) а буде после кого родных детей и родственников не останется, то имение считать выморочным и обратить в пользу доходов помещика.

56. Лесные дачи от порубки посторонними и своими накрепко оберегать.

61. В вотчинные послуги избирать по приговорам и одобрением общества — из крестьян доброго и трезваго поведения. Староста не может быть от людей, склонных к лихоимству. Общество обязано (также) при (его) выборах смотреть, дабы не поставить себе начальника недостойного, который вместо ожидаемой пользы поведением своим подаст многим соблазн, расстроит доброе, не силен будет защитить обиженных от буйных и легко может растерять господский и общественный капитал.

Непреренно наблюдать, чтобы вновь избираемый не имел между собою и старшим выборным родственных связей, чтоб был (он) не из самых бедных, не моложе 25 лет. То же и сотенные, и десяцкие.

63. Выборы должностных (лиц) начинать заблаговременно и приговоры обществ на будущий год присылать в канцелярию на рассмотрение непременно в начале ноября месяца истекающего года — дабы сим временем успеть было можно рассмотреть оные и дать решимость о вступлении вновь избранным с самым началом нового года. При проведении сходов избегать отвлечения крестьян от работы.

77. По части отдачи в рекруты.

Чтобы очереди между крестьянами располагались по большинству семейств, в первую очередь полагать тех отцов, у коих сыновей больше трех, во вторую — у коих три сына. А буде случится так, что очередных семей явится более, нежели сколько должно поставить рекрутов и все они будут стоять на равной очереди, то в таком случае давать им (тянуть) жеребей.

79. Пьяниц, нерадивых о домостроительстве, как непрочных быть в вотчине, не только из семейств, но (и) из одиноких отдавать в рекруты преимущественнее добрых, но отнюдь не без разрешения главного начальства.

80. В назначении к отдаче при наборе рекрут из очередных семей должна быть соблюдена под наблюдением управляющего всякая справедливость и беспристрастие».

И ТАК ПОПАДАЛИ В СОЛДАТЫ

Однако, вернемся к моим дедам и прадедам, к истории нашего, востриловского рода, о котором один из средних братьев моего отца, Иван Егорович, последние 18 лет своей жизни (после того, как вырезали ему желчный пузырь, и у него, по его же собственным словам, «из заднего места гроб показался») сумевший прожить без единой рюмки водки, убежденно говорил:

— Хуже нет в Давыдове нашего-то рода! Кого ни возьми, одни только пьяницы, болтуны да бездельники!

Немалая доля правды в его словах, конечно, была, — хотя, с другой стороны, Иван Егорович не мог в этом больном для него вопросе и не преувеличивать.

Как само село Дальнее Давыдово всегда было только маленькой живой клеточкой огромной, безудержной в работе и пьянке России, всегда несло сквозь века все достоинства и пороки великого нашего русского народа, так и мой, востриловский род ничем не лучше и разве только кое в чем ненамного хуже других давыдовских родов. И говорю я здесь о нем не по той причине, что он хуже или лучше, даже не столько из-за того, что в моих жилах течет его кровь, сколько потому, что на примере жизни и смерти моих дедов и прадедов можешь ты увидеть, дорогой читатель, многовековой путь всей нашей великой и несчастной страны, своего собственного рода-племени — пусть и проживавшего не в Давыдове, а совсем в другом месте.

Вот взять хотя бы отношение к защите своего Отечества и к воинской службе, заслугами своих предков, на поприще которой так любили в былые времена бахвалиться представители боярских да дворянских родов дореволюционной России. Испокон веков эта служба, продолжавшаяся в старину по 25 лет, была для крепостных крестьян куда более тяжелой, чем для господ офицеров, которых не только не гоняли за провинности сквозь палочный строй, но и пальцем никто не смел тронуть. Недаром в дошедших до наших дней старинных документах о рекрутских наборах уже со времен придумавшего их Петра Первого можно встретить немало сообщений о суровых наказаниях тогдашних «уклонистов» от фактически пожизненной службы в армии за «членовредительство». Да ведь еще не далее, как в прошлом веке, Н.А. Некрасов писал, что «ужас народа при слове «набор» подобен был ужасу казни».

Впрочем, имен давыдовских молодых крестьян, занимавшихся «членовредительством», я за все время своей работы в архивах почему-то не встречал. А вот запись о том, что еще в 1785 году один из моих прадедов (правда, не по прямой линии — он, видимо, так и остался неженатым), 20-летний Архип Иванович Вострилов, был сдан в рекруты, в шереметевской ревизской сказке за 1795 год имеется. Правда, потом уже ни в каких других архивных документах отыскать его дальнейших следов мне не удалось. Может, он под предводительством А.В. Суворова участвовал в знаменитом походе русских войск через Альпы, штурмовал Сен-Готардский перевал и Чортов мост? Или под командованием М.И. Кутузова сражался с турками в подаренном нами недавно Украине Крыму? Или, заработав на нелегкой царской службе чахотку, сгинул вдали от Давыдова в нищете во цвете лет?

Молчат о таких безвестных, не увенчанных пышными лаврами «нижних чинах» мертвые архивы. Зато из «Имянного списка воинам Нижегородского ополчения» 1812 года, которым командовал известный в ту пору нижегородский вельможа, князь Г.А. Грузинский, документально точно известно, что активное участие в войне с Наполеоном принимали пять ратников из села Дальнего Давыдова. Двое из них, 20-летний Яков Семенов и 18-летний Григорий Якимов, были из вотчины Гудовичей. Из вотчины тогда еще малолетнего графа Д.Н. Шереметева вместе с ними в Горбатовское воинское присутствие явились двое Востриловых: 34-летний Харитон Павлович и 17-летний Иван. Все они были зачислены во второй пехотный полк ополчения, которым командовал

подполковник Равинский. Пятый давыдовский ополченец, 20-летний Иван Арефьевич Кербенев, попал в конно-казачий полк.

Особо следует сказать о 34-летнем Харитоне Павловиче Вострилове, который, кстати, приходился родным племянником вышеупомянутому Архипу Ивановичу Вострилову, сданному в рекруты еще в 1785 году. Харитон Павлович был единственным зрелым, семейным человеком из всех пятерых давыдовских воинов. Дома у него, кроме родителей Павла Ивановича и Лукерьи Ивановны, а также уже женатого и отделившегося от отца брата Ивана, оставались еще жена — солдатка Екатерина Ивановна и две маленьких дочери: семилетняя Евфимия и трехлетняя Ксения.

Выступив из Нижнего Новгорода в самом конце 1812 года, Нижегородское ополчение (пешком!) прошло огромный путь через Муром, Киев, Варшавское герцогство, Силезию, Богемию, Пруссию и Саксонию вслед за отступавшей армией Наполеона. В основном призванные в него ратники выполняли вспомогательные задачи по прикрытию тылов регулярных войск, охране дорог и складов, конвоированию пленных. Однако в случае необходимости приходилось им вместе с регулярными русскими войсками участвовать в боях с французами.

Например, когда после получения известия о поражении Наполеона в «битве народов» 4–7 октября 1813 года под Лейпцигом Маршал Франции Сен-Сир во главе своего 14-го корпуса предпринял попытку прорваться из Дрездена в Гамбург, на соединение с войсками маршала Даву, путь ему, вместе с частями регулярной русской армии, преградили первый, второй и третий полки Нижегородского ополчения. За три дня кровопролитных боев они понесли большие потери, но сумели штурмом взять Дрезден и не позволили врагу осуществить его замыслы.

Больше двух лет вместе со всем Нижегородским ополчением участвовали мои давыдовские крепостные предки в освободительном походе русских войск в Западную Европу и только после окончания войны, ранней весной 1815 года, вернулись домой. И долго еще, наверное, хранили они в своих крестьянских избах латунные кресты, которые пронесли на своих ополченских шапках от родного Давыдова до Парижа.

Далеко не обо всех рекрутских наборах и внеочередных воинских призывах сохранились до наших дней хоть какие-то документы. Но о том, кто и когда призывался из Давыдова в трудную годину под славные знамена российских войск, можно судить и по некоторым косвенным свидетельствам. В частности, по тем же метрическим книгам Дальне-Давыдовской церкви во имя Рождества Христова, в которых (как уже раньше говорилось) при рождении или венчании кого-либо обязательно указывались родители виновников торжества.

Например, в писанной в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 годов и боев за Шипкинский перевал метрической книге за 1878 год сообщается, что своей чередой родились в том памятном году в селе Давыдове младенцы обоего пола у находившихся в то время на военной службе давыдовских крестьян Федора Артемьевича и Ивана Ивановича Востриловых, Петра Илларионовича и Емельяна Ивановича Кербеневых, Михаила Гавриловича и Ивана Самохваловых, Матвея Ефимовича Петрова, Ивана Фомича Зайцева, Ивана Константино-

вича Поллюлюева. А также у проживавших в Давыдове отставных (то есть уже отслуживших свое) солдат Николая Васильевича и Сергея Егоровича Кербеневых.

Отставной же 64-летний унтер-офицер Герасим Павлович Петров вступил в том 1878 году во второй законный брак с 48-летней мешчерской вдовой Ириной Васильевной Петровой.

Конечно, здесь названы только те давыдовские воины, которые во время своего нахождения на ратной службе стали отцами (или кто сам женился). А в действительности-то их наверняка было больше: призывали ведь в армию и холостых.

Подобным же образом, по тем же церковно-метрическим книгам, можно также узнать, что, скажем, в русско-японской войне 1904–1905 годов участвовали (кроме тех, у кого никто за время их отсутствия в Давыдове не родился) Алексей Филимонович и Николай Васильевич Востриловы (первый из них — двоюродный, а второй — родной брат моего прадеда Грини), Егор Александрович Кербенев (родной дядя бабки Пелагеи), Осип Петрович и Григорий Иванович Киселевы (тоже ее родственники), Иван Иванович Поллюлюев, Сергей Иванович Петров.

От полученных на войне ран 28 марта 1905 года в селе умер 28-летний унтер-офицер Василий Игнатьевич Макаров.

Бывали в многовековой истории рекрутских наборов в Давыдове и особые случаи, надолго оставшиеся в человеческой памяти. Именно такой случай произошел вскоре после отмены крепостного права в большой крестьянской семье моего прапрапрадеда Артемия Васильевича Вострилова.

ПО ЧУЖОМУ ЖРЕБИЮ

Прапрапрадед мой по отцу Артемий Васильевич Вострилов был в нашем роду личностью исключительной. Уже хотя бы потому, что, родившись в 1805 году (в год сражения русских и французов под Аустерлицем!), Артемий Васильевич прожил целых 82 года. То есть ровно столько же, сколько жил на свете знаменитый писатель, граф Л.Н. Толстой, годившийся моему прапрапрадеду в сыновья (разница между ними в возрасте была в 23 года).

Обычно все Востриловы по мужской линии умирали в 65, самое многое — в 67–68 лет (или даже гораздо раньше), а тут — восемьдесят два! Наверное, не пил и не курил этот мой необычный прародитель. И поныне никто из потомков Артемия Васильевича не побил этот его рекорд.

Было у Артемия Васильевича и законной жены его Анастасии Степановны пятеро сыновей: Иван, Яков, Филимон, Василий и Антон. Забегая вперед, сразу же скажем, что всех их вырастил, пережил, всех отделил в самостоятельные хозяйства Артемий Васильевич. Живи, обрабатывай землю-матушку, занимайся лесом-батюшкой, продолжай род крестьянский!

А 12 мая 1858 года в Дальне-Давыдовской сельской церкви состоялось венчание предпоследнего по старшинству сына Артемия Васильевича — отрока Василия, которому тогда только что исполнился 21 год. Как записано в церковной метрической книге, в жены Василию была определена «тоя же вотчины де-

ревни Гориц крестьянина Захара Федорова дочь 17-летняя девица Васса» (а попростому, Василиса).

Многолюдно было в тот памятный для всего села весенний день Дальне-Давыдовской церкви во имя Рождества Христова. Ярко горели свечи, освещая праздничные наряды и радостные лица молодоженов, их поручителей (свидетелей) и остальных односельчан. Громогласно звучал под каменными церковными сводами голос тогда еще совсем молодого священника Иоакима Тихонравова, водившего молодых вокруг аналая и торжественно провозглашавшего: «Господи. Боже наш, славою и честию венчай я!» (то есть их — А.В.)

Да только недолгим было мимолетное счастье новобрачных...

Обо всем дальнейшем я знаю не по архивным документам, а по устным преданиям, передававшимся в нашем роду от поколения к поколению. Еще родители моего отца, дед Егор и бабка Пелагея, не раз рассказывали при мне о том, что только через три года после свадьбы Василия Артемьевича и Вассы Захаровны родился и остался в живых у них мой будущий прадед Григорий Васильевич, то есть Гриня Большой, по которому всех нас потом и стали называть на селе Гриниными (в отличие от потомков его двоюродного брата Грини Малого, от которого пошли потом Маловы).

А когда шел Грине Большому второй год, подоспел очередной рекрутский набор, при котором жребий послужить царю и Отечеству выпал кому-то из родственников Артемия Васильевича, которые тоже были Востриловыми, а по-деревенски — Дроновыми.

Как известно, тогда можно было и откупиться от рекрутчины, нанять за себя добровольного охотника пойти в солдаты. Вот по тогдашним меркам более или менее состоятельные Дроновы и зазвали простоватого Василия Артемьевича к себе в дом, щедро налили ему водки, хорошо угостили. А под шкалик да закуску начали уговаривать, нагородили ему семь верст до небес — и все ласом.

Дескать, вас у Артемия Васильевича пятеро сыновей, а Гриня у тебя один, это не семеро по лавкам. Живете вы не ахти как богато, от даровых деньжонок отказываться вам не след. Да ведь и не чужие мы между собой — и в наше положение войти надо. Сделай доброе дело — пойдешь послужи за своего троюродного брата! А уж мы за твое к нам уважение и отцу твоему, Артемию Васильевичу, деньжонок-то наскребем, и Гриню твоего не покинем!

Как потом оказалось, все это были только «кудрявые» застольные разговоры, никаких денег после того, как совершилось дело, Дроновы никому не давали и на оставшегося сиротой Гриню никакого внимания не обращали. Но соблазненный их даровым угощением и великими посулами, в пьяном виде подписал Василий Артемьевич официальную бумагу о своем согласии пойти в рекруты за того из Дроновых, которому выпал жребий.

Может, потом, протрезвившись на другой день, и попытался «потрепыхаться», пойти на попятную. Да ведь и Дроновы тоже были не лыком шиты: бумага-то была уже подписана (пусть и не полным именем безграмотного Василия, а крестом). Нашлись свидетели, готовые где угодно подтвердить, что сделано было это Василием безо всякого принуждения, по своей доброй воле.

Косвенное подтверждение этих устных преданий нашел я потом в исповедных росписях Дальне-Давыдовской церкви за 1863 год, где напротив фамилии Василия Артемьева сына Вострилова рукою священника Иоакима Тихо-

нравова (прослужившего на поприще давыдовского духовного пастыря 34 года — с 1857-го и до самой смерти в 1891 году) написано: «Отдан в службу».

Всего-то два слова, а сколько за ними горя и слез и самого Василия Артемьевича, и жены его, солдатки Вассы Захаровны, в 23 года оставшейся после ухода мужа на царскую службу ни вдовой, ни мужнею женой, с полуторагодовалым Гриней на руках!

Уже в наше время покойная сестра моего отца, тетка Анастасия, (со слов своей матери и бабушки) рассказывала мне, что служил Василий Артемьевич в Москве, куда в первое время Васса Захарова не раз ходила к нему (пешком 400 верст!) повидаться. А метрические церковные книги и исповедные росписи Давыдовской церкви, в свою очередь, документально свидетельствуют о том, что в результате этих их встреч на четвертом году службы Василия родился у него в Давыдове второй сын — Николай (по-деревенски Колек, от него пошла другая ветвь нашего рода — Кольковы).

Еще в апреле 1901 года, почти чрез сорок лет после добровольно-обманного зачисления своего мужа в рекруты, 60-летняя горемычная солдатка Васса Захаровна Вострилова была жива и проживала в семье своего старшего сына Грини. Даже в феврале 1919-го, в 78-летнем возрасте, она жила в семье своего бездетного внука Василия Григорьевича — второго после моего деда сына Грини, одного из первых давыдовских коммунистов. Специально что ли, за не дожившего свой век мужа, продлил ей Бог ее горькую вдовью долю?

О дальнейшей же судьбе самого моего прапрадеда, взявшего на свои плечи чужой солдатский ранец, больше ничего не известно мне ни из архивных документов, ни из устных преданий: вовремя надо было спрашивать о ней тех, кто хоть что-нибудь о нем знал, да унес это свое знание с собой в могилу!

Одно только почти совершенно точно можно сказать: ни все годы породственному подаренной ему Дроновыми солдатской лямки Василий Артемьевич полностью не тянул, ни в Давыдово уже не вернулся. Об этом опять-таки свидетельствуют все те же церковные метрические книги.

Особенно большие надежды в прояснении его судьбы возлагал я на церковную метрическую запись о женитьбе своего прадеда Григория Васильевича Вострилова (Грини), долго ее искал. Ведь при венчании новобрачных священник обязательно записывал в метрической книге фамилии, имена и отчества родителей и поручителей жениха и невесты, а также сведения о том, какого звания эти люди, где они в настоящее время находятся.

Однако мало что прояснила в этом деле обнаруженная мною, наконец, в метрической книге Дальне-Давыдовской сельской церкви за 1880 год запись о венчании 26 октября того года 18-летнего отрока, крестьянского сына Григория Васильева, сына Вострилова с Муромского уезда деревни Федоровки крестьянина Ивана Михайлова 18-летней дочерью Анной.

Оба православные, оба — первым браком. Поручители по жениху: села Дальнего Давыдова крестьяне Иван, Филимон и Антон Артемьевы сыновья с Иваном Ивановым сыном (Дроновым! — А.В.) — все Востриловы. Поручители по невесте: деревни Федоровки крестьянин Максим Иванов и деревни Березовки крестьянин Евграф Леонов сын, оба — Андреевы.

Вот так — ни фамилий, имен и отчеств родителей жениха, ни их званий, а просто: крестьянский сын, отрок Григорий Васильев. Если бы ко времени этой свадьбы своего сына Василий Артемьевич еще шагал под солдатский барабан, в метрической книге о женихе было бы записано: «находящегося на военной

службе такого-то сын». А в том случае, если бы по болезни или по какой иной причине уже вернулся он из армии в Давыдово, священник записал бы: «отставного солдата (или: «уволненного от воинской службы по ранению или болезни») сын».

Так что, наверняка уже не было в том судьбоносном для Грини 1880 году бесшабашного моего прапрадеда Василия Артемьевича Вострилова ни на солдатской службе, ни в Давыдове. А еще вероятней, что и вообще уже не было в живых его на белом свете.

За полштофа водки и ничего не стоящие богатые посулы в простоте душевной искалечил человек жизнь и себе, и своим близким!

ЗВЕРСКОЕ ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА

«17 февраля в селе Дальнем Давыдове, Горбатовского уезда, семья священника Владимира Подольского мирно трапезовала. Было 9 часов вечера.

Вдруг после первого блюда раздался страшный шум. Полетели стекла на хозяина дома священника Владимира Подольского. Все растерялись. Что такое? Один думает, что разбилась посуда, другой — что стреляют в дом. Но вот несколько успокоились, и в другой комнате нашли страшный острый дубовый кол 2½ аршина длины и 2½ дюйма ширины, который был пущен в священника как дротик. Но Бог спас как его, так и рядом сидевшую с ним малолетнюю дочь. Кол пролетел между ними с такой страшной силой, что никто не заметил, как он пролетел. Причем кол прорвал только что полученную священником газету, которую он читал, и отлетел далеко в другую комнату.

Как сам священник, так и его прихожане в этом зверском поступке подозревают местного церковного старосту Андрея Кряжова, человека грубого и постоянно враждующего с священником Владимиром Подольским. Все прихожане, любящие своего батюшку, сильно огорчены сим зверским поступком и спасение батюшки от смерти приписывают только чуду.

Священник Михаил Воскресенский».

(«Нижегородский церковно-общественный вестник», 1907 год, № 10 (11 марта).

Один из первых давыдовских трактористов, большой любитель поговорить на «вольные» темы, давно уже покойный Василий Николаевич Кербенев (по-давыдовски — Васек Царев) как-то рассказывал мне о том, как в 1905 году (или немного позднее?) прадеда моего Григория Васильевича Вострилова (по-деревенски — Гриню) якобы выпороли в уездном городе Горбатове розгами за какую-то дерзость, проявленную по отношению к тогдашнему давыдовскому

священнику, отцу Владимиру Подольскому. Сам-то Васек Царев только родился в 1905 году, в деталях того случая знать не мог, но уверял, что не раз слышал о нем от более старших.

Лично у меня были по этому поводу кое-какие сомнения. Зачем было отцу Владимиру Подольскому прибегать к помощи уездного мирского начальства? Ведь он мог наказать проявившего к нему непочтение богохульника и своей, церковной властью: наложить на него эпитимию, пригрозить отлучением от церкви и так далее. Или на Гриню такие меры подействовать не могли, поскольку он был неверующим (как потом и сыновья его — мой родной дед Егор и брат его Амос)?

Но вот после прочтения в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» приведенной выше заметки я думаю, что, может быть, и в самом деле был в реальной жизни тот донесенный до нас народной молвой случай. Только героем его мог быть не враждовавший со священником церковный староста Андрей Меркурьевич Кряжов, а мой буйный прадед. Сам же пострадавший отец Владимир Подольский и автор заметки священник Михаил Воскресенский, не дождавшись тщательного расследования дела, поспешили печатно погрешить на до конца своих дней свято верившего в Бога А.М. Кряжова.

Конечно, все это — только мои предположения. Теперь-то уже не спросишь ни моего прадеда Григория Васильевича, ни Андрея Меркурьевича Кряжова, ни обоих священников о том, кто же на самом деле метнул метровый кол в окно служившего в Дальне-Давыдовской церкви с января 1899 года отца Владимира Подольского? Ни тем более о том, действительно ли пороли кого-нибудь в уездном городе Горбатове розгами за непочтение к своему духовному пастырю.

МОНАСТЫРЬ В 1907 ГОДУ

Дальне-Давыдовский общежительный женский монастырь во имя (иконы) «Утоли моя печали» Пресвятые Богородицы находится в пустынной местности, со всех сторон окружен некрupным лиственным лесом. Существует с 1858 года, Высочайше утвержден по благословению Святейшего Синода, открыт 13 ноября 1886 года. Монастырь обнесен кругом каменной оградой.

Внутри ограды находятся следующие здания:

1. Каменная, двух-престольная, пятиглавая церковь во имя образа Пресвятые Богородицы «Утоли моя печали», основанная в 1862 году, с приделом в честь воздвижения Честнаго Креста Господня. Настоящий (соборный) храм освящен по благословению Архиепископа Уоаникия, ныне в Бозе почившаго Преосвященнейшаго Митрополита, 9 октября 1877 года, а придельный — 17 октября 1872 года.

2. Вторая, каменная, двух-этажная, одноглавая церковь с трапезою и помещением для живописной, основанная в 1890 году; в верхнем этаже — престол в честь «Всех Святых», а в нижнем, пещерном — во имя образа Покрова Пресвятыя Богородицы. Настоящий храм освящен по благословению Преосвященнейшаго Назария, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго Благочинным монастырей и общин архимандритом Феодосием,

ныне в Бозе почившим, 19-го августа 1901 года, а пещерный — 20-го августа того же года.

3. На западной стороне, среди ограды — каменная трехъярусная колокольня с пятнадцатью колоколами.

4. Двухэтажных, на каменных фундаментах, деревянных корпусов два и полукаменных — шесть:

1-й корпус длиною 10 саж. и шириною 5 саж., в котором в верхнем этаже помещается Настоятельница монастыря, а в нижнем - сестринская рукодельная;

2-й корпус длиною 11 саж. 2 аршина, шириною 4 саж. 2 арш.;

3-й корпус переделан на полукаменный длиною 7½ саж. и шириною 5 саж.;

4-й корпус длиною 6 саж. и шириною 5 саж.;

5-й корпус длиною 9 саж. и шириною 5 саж. 1 аршин;

6-й корпус длиною 7 саж. и шириною 5 саж. 1 аршин;

7-й корпус длиною 7 саж. 2 арш. и шириною 5 саж. 1 арш.;

8-й корпус длиною 5 саж. и шириною 4 саж., выстроенный в 1901 году.

5. Двухэтажный каменный корпус длиною 13 саж. и шириною 3 саж. 1 аршин, выстроенный в 1899 году; в верхнем этаже помещаются просфорня и кельи для сестер-просфорниц, а в нижнем — два подвала для хранения огородных овощных продуктов.

6. Одноэтажный каменный корпус длиною 10 саж. и шириною 5 саж. 8 аршин; в первой половине помещается хлебопекарня, во второй — кельи для сестер и в третьей — амбары для хранения хлебных припасов.

7. Одноэтажных, на каменных фундаментах, 4 корпуса:

1-й корпус длиною 5 саж. и шириною 4 саж.;

2-й корпус длиною 5 саж. и шириною 5 саж.;

3-й корпус длиною 5½ саж. и шириною 5½ саж.;

4-й корпус длиною 6 саж. и шириною 6 саж.;

8. Каменных амбаров три — для хранения хлебных припасов разного рода.

9. Деревянных сараев - четырнадцать (14), ледников — пять (5), из них три крытые железом; одна каменная кладовая и четыре (4) колодезя.

Все вышеозначенные корпуса занимают сестры монастыря.

Вне ограды:

10. Небольшая деревянная часовня, устроенная близ дороги, ведущей из села Дально-Давыдова в монастырь, и вторая небольшая часовня над колодчиком.

11. Двухэтажный, на каменном фундаменте, деревянный корпус для церковнослужителей, крытый железом, с пристроями к оному: сараем, чуланами и водогрейною; оный корпус длиною 6 саж. 2 арш. и шириною 6 саж., выстроен в 1897 году.

12. Деревянный, на каменном фундаменте, одноэтажный флигель для священника длиною 4 саж. и шириною 3 саж.

13. По правую сторону от дома священника находится конный двор с двухэтажным, на каменном фундаменте, деревянным корпусом длиною 7½ саж. и шириною 5 саж. 1 аршин, в котором в верхнем этаже находится гостиница для посетителей, а в нижнем этаже — для сестер; в другой половине - помещение для монастырских работников.

14. Позади священнического дома находится странноприемная длиною 2 саж. 2 арш. и шириною 2 саж. 2 арш., странствующие получают чай, обед, ужин и ночлег бесплатно.

15. Двухэтажный, полукаменный корпус длиною 9 саж. и шириною 5 саж. для странноприемной.

16. Деревянный сарай для хранения сруби и прочих (конских) принадлежностей. В 1897 году выстроены также обширный сарай для хранения строительных материалов и кузница.

17. При селе Дально-Лавыдове во 2-м участке (в Романовке, на месте «Никишкиной избушки» — А.В.) устроен скотный двор с двумя деревянными флигелями для помещения сестер, занимающихся скотоводством. При оном дворе имеется 40 голов крупного и мелкого скота, а на конном дворе — 16 лошадей для разных работ.

18. При полях имеются овин, рига с токами, молотильная машина, круподерка с помещением, двухпоставная ветряная мельница с флигелем, амбаром и колодезем. Все эти заведения не приносят монастырю личных доходов и существуют для собственного хозяйства.

19. В дугах имеются четыре (4) сенницы, три (3) небольшие келии для помещения сестер во время сенокоса, а во 2-м участке под названием «Романовка» — деревянный домик для помещения полесовного сторожа (Никифора, по которому и была названа избушка «Никишкиной» — излюбленное место наших детских игр в годы войны и сразу после нее! — А.В.)

20. Для пожарного случая имеются два водяные насоса, багры, ухваты, щиты и прочие снаряды.

21. В Нижнем Новгороде имеются каменный двухэтажный дом с пристроями и службами к оному, и в 1899 году выстроен полукаменный двухэтажный флигель на Похвалихинской улице, 1-й Кремлевской части. Планы и документы хранятся при делах монастыря.

22. В выше означенных храмах, кроме воскресных и праздничных дней, совершаются Богослужения в среду, пяток и субботу каждую неделю неопустительно, а в случаях заказов при поминовениях, сорокоустах совершаются Богослужения ежедневно. Все Богослужения совершаются священником Иоанном Колосовым, который получает от монастыря жалованье в количестве ста шестидесяти (160) рублей в год, а равно получает все содержание от монастыря. Клиросные чтения и пения исполняются сестрами монастыря, а стихиры поются с канонаршею; сверх сего неопустительно отправляются в монастыре утренние и вечерние правила, с полуношницею, которая посещается Настоятельницею со старшими и младшими сестрами неопустительно.

23. Сестер в монастыре: монашествующих — 30, приукаженных (то есть поступивших по Указу Консистории — А.В.) — 49 и проживающих на испытании по Увольнительным видам — 130, а всех 209 сестер. Все они православного вероисповедания, во все четыре поста исполняют долг исповеди и Святаго Причастия у местного священника.

24. Вечерни с повечериями и Акафистом Божией Матери совершаются каждый воскресный и праздничный день; во время трапезы чередною сестрою читаются житии святых и поучения из духовно-назидательных книг.

25. В монастыре имеется ризница, в которой хранятся для одного священника недорогие облачения и проч. в достаточном количестве.

26. Хозяйство монастыря состоит из хлебопашества, уборки лугов; кроме сего сестры занимаются живописью, разными женскими рукоделиями — как то фольговой уборкой икон, шитьем, вышиванием, вязаньем и малярством.

27. Основного капитала монастырь имеет сто двенадцать тысяч пятьсот (112500) рублей, который состоит из разных Банковых Билетов на вечное время, с которых своевременно получают проценты и вносятся в Приходно-расходную книгу.

28. В течение сего 1906 года всей суммы, полученной на приход и занесенной в приходно-расходную книгу, выданную в 1906 году за скрепою и шнуром из Духовной Консистории, значится прихода семь тысяч сто шестьдесят четыре (7164) рубля двадцать (20) копеек, из которых ежегодно составляется краткое извлечение; долгу за монастырем не имеется.

29. Вверенным мне монастырем пожертвован Государственный непрерывно-доходный билет за № 26613 в пользу Епархиального женского училища и при оном приюта. Сей билет ежегодно приносит училищу и приюту дохода в количестве 23 рубля 28 коп.

30. Всей земли, принадлежащей монастырю, имеется 479 десятин 2060 сажень, из коей пахотной 105 десятин 1276 сажень, луговой — 55 дес. 1756 саж., кустарника и мелкого дровяного леса — 313 дес. 2105 саж., земли неудобной, под дорогами и истоками — 4 дес. 1723 саж. На эту землю имеются планы, межевые книги, купчие крепости и дарственные акты, которые хранятся при делах монастыря в целости.

31. Запашка земли и посева разделяется на три поля по 35 дес. Урожай озимаго хлеба и яроваго были очень плохи, а 24 июня сего года градом выбило все поля, не собрано и на семена; овощи посредственные. Запасы продовольствия монастыря пополняются покупкою всех хлебных продуктов.

32. В ночь с 17-го на 18 октября от поджога сгорела монастырская сенница, стоящая сто (100) рублей, и в оной сена на пятьсот (500) рублей, а всего убытка на шестьсот (600) рублей, нигде не застраховано.

33. При монастыре имеются наемные рабочие хорошей нравственности, могущие исправлять все хозяйственные необходимые работы, в том числе и временные; все они получают от монастыря условную плату и пользуются содержанием.

34. Строеваго леса монастырь не имеет, а есть мелкий, дровяной, растущий по лугам, которого недостаточно для отопления церквей и прочих зданий. Недостаток дров пополняется их покупкою.

35. Содержание сестер, живущих в монастыре, приобретается большей частью своими собственными трудами при земледелии, рукоделии и поддерживается жертвами благодетелей.

В заключение. В настоящее время, по милости Божией и молитвами нашего Архипастыря и Отца в Дально-Давыдовском Богородицком общительном женском монастыре в нравственном и экономическом отношениях (всё) состоит в надлежащем порядке: мире, согласии и благополучии.

Верность сего удостоверяю своим подписом

Настоятельница Монастыря
Игуменья Августа.

1907 года
Января 7-го дня.
№ 24.²⁷

25-ЛЕТИЕ СЛУЖЕНИЯ ИГУМЕНИИ АВГУСТЫ

1914 года, 29 числа июня месяца, по случаю исполнившегося двадцатипятилетия служения игумении Августы в Дальне-Давыдовском женском монастыре в звании настоятельницы и игумении, Преосвященнейший Иоаким, Епископ Нижегородский и Арзамасский, совершил в вышеозначенном монастыре божественную литургию и молебен.

Накануне, в 3 часа пополудни 28 числа июня, звон церкви села Дальне-Давыдова, а за ним звон монастырский возвестили о скором прибытии давно ожидаемого Святителя. Приложившись к св. кресту и окропивши себя св. водою, Владыка проследовал в соборный монастырский храм, где священником о. Иоанном Колосовым было сказано приветствие. Священник А. Серебровский кратко изложил исторические сведения о возникновении обители. После сего Владыка, милостиво высказав свое удовольствие и благодарность обоим священникам, проследовал на амвон, где после обычного молитвословия обратился к насельницам со словом о терпении и послушании, как самых первых и главных добродетелях, из которых происходят и другия не менее важные добродетели, ведущия в Царство Небесное.

По окончании слова Преосвященнейший проследовал в придел Воздвижения Креста Господня. Из собора Его Преосвященство, в сопровождении настоятельницы монастыря — игумении Августы, священника А. Серебровского и многих сестер монастыря, проследовал в храм во имя Всех Святых и в честь Покрова Пресв. Богородицы. По обозрении церковью монастыря Владыка проследовал в покои игумении и, немного после дороги отдохнувши, изволил обозревать монастырь. Посетил живописную, в которой интересовался работами инокинь — благочинную монахиню Рафаилу (впоследствии сменившую Августу на посту настоятельницы, ставшую последней игуменией Дальне-Давыдовского женского монастыря — А.В.) и казначею монахиню Нонну.

Накануне совершено было всенощное бдение. В 9 часов на следующий день началась божественная литургия. Хор сестер монастыря все песнопения исполнил прекрасно. Особенно же выделялись исполатчицы.

После литургии Преосвященнейшим сказано было слово о вечности церкви Христовой, о Епископе, как преемнике Апостолов, о том, чтобы православные не смущались лжеучением раскольников и сектантов и не следовали бы их учению, а держались бы крепко единой соборной апостольской Церкви Христовой, за которую страдали Апостолы и все святые. В дальнейшей части своего слова Владыка преподавал монашествующим назидание, указав на то, что всем своим поведением они не только должны удерживать сущих в лоне Православной Церкви, но и привлекать в нее заблуждающихся.

Обратившись далее к игумении Августе, Владыка поздравил ее с исполнившимся двадцатипятилетием ее служения (на посту) настоятельницы и игумении и окончил благословением (игумении Августы на дальнейшее служение Богу – А.В.). После отпуска начался благодарный Господу Богу и Его Пречистой Богоматери молебен.

После окончания молебна и многолетий благочинной монастыря, монахиней Рафаилой был прочитан адрес следующего содержания:

«Ваше Высокопреподобие,

Глубокочтимая Матушка Игумения Августа!

Сегодня исполнилось 25 лет Вашего служения начальницею, сей св. обители. С благословения нашего милостиваго Архипастыря, Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Иоакима, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, мы, преданные духовные дети Ваши, радостно приветствуем Вас с 25-летним юбилеем Вашего многополезнаго служения.

Глубокочтимая Матушка Игумения!

Всю жизнь свою Вы посвятили служению сей св. обители. Ваша любовь и заботливость нашли отклики в наших сердцах и вызывают (в нас) чувство сердечной признательности и благодарности к Вам, почему день юбилея Вашего мы считаем знаменательным днем в жизни нашей св. обители. И в знак нашего к Вам, дорогая наша Матушка Игумения, искренняго уважения, любви и преданности просим Вас принять от нас на молитвенную память сию св. икону Божией Матери «Утоли моя печали» при искреннем, сердечном пожелании еще многие годы видеть Вас на поприще сего служения полных сил и здоровья на благо и процветание святой нашей обители».

После прочтения адреса и поднесения иконы еще была поднесена икона мученицы царицы Августы — родной сестрой игумении, женой священника села Юрова, Костромской губернии, вместе с ее сыном, преподавателем Вятской духовной семинарии Александром Александровичем Лебедевым. За сим священник монастыря о. А. Серебровский принес матушке Августе от о. Иоанна Колосова (своего старшего коллеги, другого монастырского священника — А. В.) и от себя поздравление с двадцатипятилетним юбилеем служения в звании настоятельницы и игумении.

Из собора Владыка проследовал в трапезный корпус, где был предложен чай и скромная монастырская трапеза. После трапезы Владыка посетил дома местных священников и немного отдохнул. В половине пятого часа вечера Владыка отбыл из обители.

Священник А. Серебровский.

(«Нижегородский церковно-общественный вестник»,⁷ 1914 год, № 34, 24 августа).

---

⁷ Так после 1905 года стали называться «Нижегородские епархиальные ведомости» — А.В.

В «Послужном списке монашествующих Дальне-Давыдовского Богородицкого женского монастыря за 1917 год»⁸ (а также и в летописи обители) сказано, что игуменья Августа (в миру — Анфиса Петровна Плесская) была дочерью сельского священника Костромской губернии. В Дальне-Давыдовский монастырь поступила 10 июня 1871 года при его первоначальнице матери Антонии (Вере Ивановне Соколовой) в возрасте двадцати одного года. Послушание проходила по монастырским письменным делам. 28 июня 1888 года в монастырском храме во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» была пострижена в монашество.

1 января 1889 года была определена казначеей, 23 апреля того же года назначена настоятельницей, а 29 июня 1889 года (при еще живой, но уже парализованной и официально уволенной на покой по болезни прежней игуменнии Филарете) посвящена Преосвященнейшим Модестом в сан игуменнии. 6 мая 1895 года награждена наперсным крестом, 31 мая 1898 года — серебряной медалью в память императора Александра III-го, 6 мая 1913 года — наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества.

Еще в 1915–1916 годах (переписка по этому делу тянулась целый год!) священники Дальне-Давыдовского женского монастыря Аполлоний Серебровский и Владимир Октаев жаловались благочинному монастырей 2-й округи Нижегородской епархии архимандриту Иеремии на превышение своей власти игуменнией Августой, якобы требовавшей от них выходить перед каждой службой из алтаря под ее благословление и прикладываться к св. Евангелию и св. иконам только после нее.

А сама игуменья Августа, опровергая утверждения жалобщиков о том, что «монашествующие Дальне-Давыдовского монастыря всегда трепещут от страха перед игуменнией», писала 9 июня 1915 года тому же архимандриту Иеремии: «Не думаю, чтобы они дали ложные показания из страха, так как лета мои уже не молодые, прежних сил и энергии нет, и не сегодня-завтра будет для них другая Начальница».⁹

В это время Августе было 68 лет. Но и через четыре года, в «Послужном списке монашествующих Дальне-Давыдовского женского монастыря за 1919 год»¹⁰ она еще числится игуменнией — правда, «уволенной на покой» епархиальным начальством 25 сентября 1918 года. Новой (и последней!) настоятельницей с 4 октября 1918 года стала бывшая благочинная монастыря 50-летняя Рафаила. 3 марта 1919 года Высокопреосвященнейшим Евдокимом, Епископом Нижегородским и Арзамасским, Рафаила была посвящена в сан игуменнии.

Так оказались в 1919 году в Дальне-Давыдовском женском монастыре одновременно две живых игуменнии — «уволенная на покой» 72-летняя Августа и едва переступившая свой 50-летний рубеж действующая настоятельница Рафаила (в миру — Раиса Павловна Поспелова, из духовного звания, девица). Видимо, мать Рафаила возглавляла Дальне-Давыдовский женский монастырь вплоть до его официального закрытия в 1927-м (а может, и в 1928-м) году. Сведений о том, что с ней было после этого и когда умерла бывшая игуменья Августа, мне в Нижегородском областном архиве обнаружить не удалось.

⁸ ГАНО, ф. 570, оп. 559, ед. хр. 50

⁹ ГАНО, ф. 570, оп. 559, ед. хр. 48

¹⁰ ГАНО, ф. 581, оп. 2, ед. хр. 18

КАБЫ НЕ КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ...

Перечисление всех мобилизованных из Давыдова на первую мировую войну в течение 1914–1916 годов заняло бы слишком много места. Поэтому скажем здесь только о том, что были, например, в их числе уже успевший поворачивать в 1905 году с Японией дальний мой родственник по матери отца, бабушке Пелагее, Осип Петрович Киселев и его 25-летний сын Кузьма, призванный в армию еще до начала мировой бойни, в феврале 1914-го.

Самому Осипу Петровичу и на этот раз повезло: уцелев на русско-японской, благополучно прошел он и первую мировую, и гражданскую войны. Еще в 1927 году (в 56-летнем возрасте) односельчане избирали его членом ревизионной комиссии Давыдовского сельсовета. А вот на сына его Кузьму пришлось в начале 1915 года в Давыдово одно из первых тогдашних похоронных извещений.

Оно и поныне сохранилось в Государственном архиве Нижегородской области, это более чем 80-летнее извещение, отпечатанное на плотной толстой бумаге цвета крови, скрепленное большой сургучной печатью и увенчанное четырехконечным крестом с надписью: «За веру, царя и Отечество». В извещении, подписанном командиром Первого Туркестанского стрелкового полка, во второй роте которого служил убитый Кузьма Киселев, было написано: «Участвовал в походе против Германии. Убит 16 февраля в бою за деревню Глинка. Исключен из состава полка сего же 1915 года марта 25 дня».

Не так уж много дошло до наших дней таких подлинных документов о первой мировой войне, объявленной потом большевиками империалистической и грабительской (как будто бывают не грабительские войны!), а в годы Советской власти почти полностью исключенной из курсов истории нашего Отечества. Некому было собирать и хранить архивные материалы о той, «не нашей» войне — вскоре не до того в России стало.

Да ведь и не изгладились еще из памяти народной времена, когда за одно только открытое ношение полученных за нее медалей и георгиевских крестов запросто можно было схлопотать лагерный срок. Потом и вовсе заслонили ее трагические события Великой Отечественной. И много ли мы теперь знаем о той давно отгромыхавшей «не нашей» войне, на которой сложили свои буйные головы миллионы русских мужиков, наших с вами дедов и прадедов?

Даже относящихся к тому времени метрических книг Дальне-Давыдовской Христорождественской церкви за 1917-й и последующие годы в архивах нет (хотя окончательно она была закрыта только в 1937-м). Должно быть, в порыве неистовой «р-р-революционности» вместе с бесценными старинными иконами и многим другим были уничтожены или расхищены эти книги во время сокрушительного разгрома церкви в 1937 году и постепенного ее разорения в последующие два десятилетия.

Так что, в будущем музее истории села Дальнего Давыдова ему место, этому торжественно-официальному извещению о геройской гибели на первой мировой никогда не виданного нами односельчанина, «нижнего чина» российской армии Кузьмы Киселева! Или хотя бы ксерокопии этого уникального документа.

Нет, все-таки, если рассуждать не по форме, а по существу, то небывало богатый невиданными в истории социальными потрясениями звездно-атомный, бурный наш XX век только формально, по календарю, начался 1 января 1901 года. А по-настоящему, на деле, вступил он в свои права и показал будущий буйный свой «характер» только в первых числах августа 1914 года, когда впервые в истории человечества началась Первая Мировая война.

Совсем немного осталось сегодня на свете живых свидетелей (а тем более участников) того первого всепланетного кровопролитного конфликта, но ход трагически-безумных событий, приведших к неслыханной четырехлетней мировой войне и никем не предвиденным международным, социальным и психологическим последствиям в жизни человеческого общества, известен теперь каждому школьнику. И не случайно рассказ о них на уроках истории с младших классов заставляют заучивать наизусть — чтобы помнили люди с малых лет, как в считанные часы сходят с ума целые народы и совершаются самые массовые и кровавые преступления против человечества.

Дьявольской «искрой», превратившейся в мировой пожар, послужил дерзкий выстрел патриотически настроенного сербского гимназиста Гаврилы Принципа, который по заданию своей националистической организации, боровшейся против притеснения сербов в Австро-Венгерской монархии, среди бела дня застрелил 28 июня 1914 года прибывшего в сербский город Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. Как, наверное, помнят многие читатели, именно с сообщения об этом роковом событии начинается всемирно известный антивоенно-юмористический роман знаменитого чешского писателя Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»:

— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка...

В ответ на это политическое убийство Австро-Венгерская империя, являвшаяся тогда одним из самых больших государств Европы, сначала предъявила маленькой Сербии унижительный ультиматум, а потом, не удовлетворившись даже тем, что почти весь он (за исключением двух, особенно жестких пунктов) был принят сербами, объявила ей войну. В свою очередь Россия, решительно вставшая на защиту братской Сербии, 19 июля по старому, а 1 августа по новому стилю того же 1914 года объявила войну Австро-Венгрии. В тот же день возглавляемая кайзером (императором) Вильгельмом и состоявшая в союзе с Австро-Венгрией Германия объявила войну России.

Тогда еще по-старомодному церемонились перед тем, как запустить на поток массовый «конвейер смерти», торжественно вручали своему будущему противнику официальную бумагу с гербом, а не набрасывались на него молча, в ночь, как через два с половиной десятка лет Гитлер с «блицкригом» на Советский Союз. Или подстроив провокационное «нападение» своих же переодетых уголовников с вражеской территории — как это проделал тот же фюрер в пограничном городишке Глейвице перед тем, как так же внезапно, по «закону джунглей», растерзать Польшу в 1939 году!

А впрочем, рыцарская церемонность перед началом взаимного истребления друг друга не мешала трагическим событиям стремительно развиваться и

тогда, в далеком от нас Августе 1914-го. Уже на другой день после вступления в сербско-австро-венгерский конфликт России Франция заявила о том, что она встает на ее сторону. 3 августа Англия официально поддержала Францию (к этому времени уже был и документально оформлен союз между ними, названный позднее Антантой). А поскольку вскоре в завязавшуюся в центре Европы вооруженную борьбу вступили также колонии этих стран и США, то уже в ближайшее время только на первый взгляд казавшаяся неожиданной, а на самом деле давно уже вызывавшаяся многими острейшими противоречиями между большими и малыми державами война стала мировой.

Как известно, продолжалась она более четырех лет (а в России, где переросла в гражданскую — почти вдвое дольше), закончившись только с заключением сначала 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу предварительного перемирия, а 28 июня 1919 года в Версале - окончательного мирного договора. В соответствии с этим договором неузнаваемо изменилась прежняя политическая карта мира, который отныне на долгие десятилетия разделился «железным занавесом» (тогда он еще назывался «санитарным кордоном») на два непримиримо враждебных друг другу лагеря.

Более 10 миллионов самых молодых и самых здоровых мужчин, только во имя этой очередной перекройки карты убитых на фронтах, еще втрое больше искалеченных и впятеро большее число не родившихся из-за войны на свет, сотни и тысячи превращенных в руины городов и перепаханных снарядами, годами не засевавшихся полей, миллионы лишившихся родных и близких, обнищавших и осиротевших людей — такова была цена этого, наконец-то, торжественно заключенного в Версале (без участия «зачумленной» Октябрьской революцией и гражданской войной России) долгожданного мира.

Каждая строчка того знаменитого Версальского договора 1919 года была написана кровью и слезами миллионов безвинно погибших или обнищавших людей. И в каждой его строчке, ставившей разгромленную Германию на колени, уже тлели новые искры еще более ужасной Второй Мировой. А вслед за Первой и Второй уже вполне зримо вырисовывались грибовидно-ядерные, черные контуры Третьей Мировой Войны. Да она уже и начинала полыхать то на одном, то на другом континенте все более превращавшейся из зеленой и голубой в красную от крови планеты Земля, едва окончательно не превратившись из «холодной» в «горячую»...

Вспоминаешь это «перманентно» нависавшее столько десятилетий над нами продолжение все той же начавшейся еще до нашего рождения Первой Мировой - и невольно приходит на ум давнишнее высказывание одного из крупнейших физиков нашего времени, знаменитого основателя всемирной теории относительности, лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна.

В ныне полузабытом, еще полувековой давности интервью великому ученому напомнили о том, что Первая Мировая война начиналась с сабель и ружей, а закончилась она пулеметами, танками и самолетами. Вторая Мировая уже началась с танков и самолетов, а закончилась атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки.

— Как Вы думаете, — спросили тогда выдающегося физика XX столетия,
— с чего может начаться Третья Мировая война? Неужели сразу с ядерного и лазерного оружия?

— Не могу сказать, с чего может начаться Третья Мировая война, — честно признался тогда Альберт Эйнштейн. — Но зато я очень хорошо знаю, чем она может закончиться. Даже в самом оптимистическом, наилучшем для нас варианте — снова пещерами, звериными шкурами и каменными топорами!

Первой Мировой, вместе с «отпочковавшимся» от нее Октябрем 17-го ознаменовавшей фактическое, а не формальное начало подходящего ныне к концу двадцатого столетия, Века Атома, Межпланетных Полетов и Всемирных Революций, Века Волшебного Голубого Экрана и Освенцима, в нашей официальной отечественной истории и художественной литературе не повезло. В отличие от западного читателя, имевшего полную возможность не только изучать многотомные документальные исследования о войне, свободно читать воспоминания любых представителей обеих конфликтовавших сторон и вместе с героями многочисленных художественных произведений, созданных самыми разными писателями по «горячим следам» только что отгремевших сражений, мысленно как бы участвовать в них, то для нас, еще до окончания решающих событий наглухо отгороженных от остальной Европы то «санитарным кордоном», то «железным занавесом», эта небывалая война так и осталась «неизвестной».

До самого недавнего времени даже и представить было невозможно, что кому-то из нас придется взять в руки, скажем, воспоминания Клемансо, Пуанкаре или Черчилля о той войне — они же, эти вершители судеб мира в годы Первой Мировой, потом организовывали военную интервенцию против Советской России, после (по выражению самого В.И. Ленина — «похабного») Брестского мира «досрочно» вышедшей из нее и отказавшейся платить царские военные займы! О наших отечественных генералах, командовавших многомиллионными армиями на фронтах Первой Мировой (включая и фактического Главнокомандующего русской армией М.В. Алексева, погибшего 8 октября 1918-го под Екатеринодаром, а похороненного в Югославии на Русском кладбище Белграда), или, например, авторе знаменитого прорыва на австрийском фронте А.А. Брусилова²⁸ и говорить нечего: все сплошь были «подручными» «кровавого» императора Николая Второго, а потом и ярыми «контрами»!

Точно так же смотрели с высоты кремлевских звезд и на «растленную» западную художественную литературу о Первой Мировой. Пожалуй, разве только уже упоминавшиеся «Похождения бравого солдата Швейка», написанные чешским коммунистом Ярославом Гашеком, антивоенный роман «Огонь» французского коммуниста Анри Барбюса да строго отобранные до строчки «выборки» из относящихся к Первой Мировой сочинений Э. Хемингуэя, Э. Ремарка или Л. Фейхтвангера было позволено тогда перелистать массовому читателю, совершенно не способному без помощи бдительного ока идеологической цензуры отличить белое от черного. Вернее, «белое» от «красного».

Только через восемь десятилетий после того, как отгремели давно отправленные в переплавку пушки Первой Мировой Войны, через полвека после

---

²⁸ А.А. Брусилов перешел на сторону Советов. «Анафеме» Брусилова предали в 1946 году, посмертно, когда в его бумагах обнаружили нелестные отзывы о Сталине и похвалы в адрес Троцкого — Ред.

окончания не замедлившей грянуть вслед за ней Второй Мировой, названной у нас Отечественной, после десятков (если не сотен) других, так называемых «малых» войн, то тут, то там полыхавших все эти годы вокруг нас, вроде бы начинает нам приоткрывать глаза на «открывшую» Век Двадцатый и приведшую нас к Октябрю 17-го ту Первую Мировую «Август Четырнадцатого» А. Солженицына. Но кто из нас даже и сегодня читал тот «Август Четырнадцатого»?

А все потому, что сперва загородила Первую Мировую от взоров наших патентованных и титулованных летописцев сперва куда более «злободневная» война «красных» и «белых» — Гражданская, потом — несравнимо еще более кровопролитная и жестокая Великая Отечественная (она же - Вторая Мировая). А тут и оглушительно многозвонный гагаринский Полет к Звездам подоспел, а тут и не менее звонкоголосая Целина, а тут и многоречивая, как океан, Перестройка...

Так что даже такие не подходившие ни по каким статьям ни к каким зловредным «контрам» сермяжно-лапотные рядовые Первой Мировой, как мой родной дед Егор Григорьевич Вострилов, в составе русского экспедиционного корпуса посланный в 1915 году царем Николаем Вторым аж в самую прекрасную Францию защищать Париж от вандалов-германцев — и те стеснялись (или боялись?) после 1917 года надевать на свои рабоче-крестьянские груди честно добытые во французских, российских, украинских и польских окопах «егории». Потому как вроде бы и война-то та была не «наша», а царская. А то и вовсе чужестранная, проклятого того германского кайзера Вильгельма.

Но ведь мы-то с вами, дорогие читатели, в отличие от давно уже упокоившегося в родном своем селе Давыдове под самим же им загодя заготовленным дубовым крестом, безграмотного и безотказного от приказов хоть царя, хоть комиссаров деда моего, Егора Григорьевича, прекрасно понимаем, что вовевали в одинаково сырых и холодных родных и чужеземных окопах все-таки не цари и кайзеры, а такие, как он, серошинельные бедолаги. Не умевшие не только своим противникам грозные ультиматумы посылать, но даже и двухстрочную весточку за всю шестилетнюю войну во Франции семье своей отправить! (Кстати, о многолетних уже послевоенных и послереволюционных заключениях солдат того экспедиционного корпуса во Франции, в котором служил покойный мой дед Егор, хорошо рассказал в своей известной книге «Пятьдесят лет в строю» известный бывший царский военный атташе во Франции, а потом советский генерал, граф А.А. Игнатьев).

А впрочем, почему это можно говорить нам о той давно позабытой нами Первой Мировой непременно в масштабах мировых, общепланетарных? В конце-то концов, в мировом масштабе она теперь уже всем и каждому «в целом и общем» более или менее известна. А лучше мы давайте-ка взглянем на нее глазами наших давно ушедших в мир иной не очень-то разбиравшихся в «высокой» политике, но не посрамивших Родину в трудный час дедов-прадедов. Тех, которые, коль уж уберегала их неведомая судьба от вражьей пули или клинка, непременно возвращались из любых чужеземных краев к родным березам и домам, к матери-Волге.

Итак, как же встретил тогда Первую Мировую войну, например, Егор Григорьевич Вострилов.

КАК ДЕД ЕГОР ФРАНЦИЮ СПАСАЛ

Необычная солдатская судьба выпала моему родному деду Егору Григорьевичу Вострилову во время Первой Мировой войны.

К ее началу у деда Егора Григорьевича и бабки Пелагеи Алексеевны было трое малолетних детей: 9-летняя дочь Анастасия, мой будущий отец Василий Егорович, которому шел в ту пору пятый год, и первый из трех братьев отца Алексей — тогда в возрасте всего одного только года. В связи с этим 30-летний дед Егор имел льготную отсрочку от призыва в армию, и вплоть до самого конца 1914 года его не трогали.

Но война все разгоралась, и вскоре пришел и его черед. В сохранившемся в Государственном архиве Нижегородской области «Списке ратников Государственного ополчения первого разряда», направлявшихся 2 января 1915 года Горбатовским воинским присутствием в формирующуюся в гор. Москве вторую дружину, под № 385 стоит его фамилия. И уж не знаю, какие там дальше ратные подвиги совершала эта дружина, долго ли находился в ее рядах родитель моего отца. Но зато абсолютно точно известно, что, может быть, впервые в жизни оказавшийся в день призыва в армию в своем уездном городе Горбатове, совершенно безграмотный дед мой Егор Григорьевич (словно какой-нибудь граф Шереметев или генерал-фельдмаршал Гудович!) вскоре оказался вдруг... во Франции.

Профессиональным летописцам Первой Мировой войны хорошо знаком вполне прозаический механизм этих тогдашних чудес. Как известно, уже в первые месяцы Первой Мировой в результате мощного германского наступления на Париж в трудном положении оказалась на Западном фронте союзница России — Франция. Дело дошло до эвакуации правительственных учреждений из Парижа в Бордо. И, чтобы выручить французов из беды, уже тогда, в 1914-м, две русских армии под командованием генералов П.К. Ренненкампа и А.К. Самсонова предприняли окончившееся их полным разгромом наступление на противника в Восточной Пруссии.

А 30 ноября 1915 года царь Николай Второй принял решение отправить на помощь Франции специальный экспедиционный корпус, составленный из отборных русских воинов. Первая бригада этого корпуса, насчитывавшего в своих рядах около 10 тысяч человек, под командованием генерала Лохвицкого, уже 15 февраля 1916 года была доставлена по Транссибирской железнодорожной магистрали в китайский порт Дайрен. А 7 апреля того же года, обогнув по морям-океанам всю Южную Азию и Африку, она уже высаживалась с кораблей на средиземноморском берегу Франции, в Марселе.

Вот как описывает этот торжественный момент тогдашний военный атташе России во Франции, граф А.А. Игнатьев в своей книге «Пятьдесят лет в строю»:

«Под лазоревым небом, на самом краю лазурного моря, на виду у солнечного до ослепительности Марселя (основанного финикийцами 3000 лет назад) показались на горизонте контуры двух громадных морских транспортов. На берегу уже выстроены почетный караул и эскадрон гусар, вся набережная заполнена народом. По мере приближения транспортов к берегу серо-зеленая пелена, покрывающая палубы обоих морских чудовищ, оказывается плотной массой наших солдат в защитных гимнастерках. Вот

уже можно различать лица, вот уже у трапа золотятся офицерские погоны. Французский оркестр грянул «Боже, царя храни», наш — «Марсельезу».

Первым сходит на берег генерал-майор Лохвицкий — высокий блондин в походной форме. На набережной строятся первые роты, над скалистыми берегами Средиземного моря грянула русская песня «Было дело под Полтавой». Со стороны Старого порта на широкую Каннебьер вытягивалась яркая, многоцветная лента. Это была наша пехота, покрытая цветами. Темноглазые, смуглые брюнетки-француженки не знали, как бы лучше выразить свои чувства белокурым великанам, прибывшим из далеких северных стран спасти их дорогую Францию. «Как хорошо быть русским!», — подумал я».

Вслед за первой бригадой в октябре 1916 года прибыла третья (она доставлялась во Францию Северным морским путем). Обе эти бригады, объединенные в дивизию под командованием все того же генерала Лохвицкого, участвовали в боях с германцами. В апреле 1917 года (так же, как в отдаленной за тысячи километров России) в них начались солдатские волнения, переросшие потом в открытый мятеж. Часть зачинщиков этого мятежа была после его подавления в наказание отправлена на изнурительные работы в шахтах и рудниках Северной Африки, где многие из них, не выдержав жестоких условий жизни, погибли. А большинство остальных оставшихся в живых русских солдат экспедиционного корпуса после долгих мытарств (подробно описанных в уже цитировавшейся выше книге графа А.А. Игнатьева) только после окончания гражданской войны в России смогли вернуться на родину.

Вот в составе этого-то экспедиционного корпуса и побывал мой дед Егор Григорьевич во Франции! Но, конечно, историю той давно уже прочно забытой воинской экспедиции узнал я не от него самого (слишком мал при его жизни был я для таких разговоров), а через много-много лет после его смерти — из разных исторических и литературных источников. В частности, из опубликованной несколько лет назад в журнале «Огонек» статьи А. Юськина «Русские на Западном фронте» и из упоминавшейся выше книги А.А. Игнатьева.

Что же касается самого деда Егора, то он (насколько я помню) не только с несмышлеными внуками, а и со взрослыми-то никогда о своих военных подвигах во Франции никому словечка не сказал. Да и вообще, он, бывало, целую неделю мог молча пролежать на печи, изредка слезая с нее только для того, чтобы щей похлебать да очередную самокрутку выдымить. А если, случалось, и подает голос с печки, так такое ляпнет, что не умолкавшая ни на минуту неугомонная тараторка бабка Пелагея, бывало, только руками всплеснет: уж лучше бы молчал дальше, не разевал рот!

Так что в основном только со слов сравнительно недавно умершей сестры моего отца, тетки Анастасии Егоровны, известно мне, что весь долгий и тернистый путь русского экспедиционного корпуса во Франции деду Егору пройти до конца не привелось: уже вскоре после прибытия на Западный фронт был он тяжело ранен в бою. А поскольку, как видно, с местами в военных госпиталях было у союзников-французов туговато, его после оказания ему самой необходимой медицинской помощи отправили долечиваться в семью одного из местных французских крестьян.

Вот о жизни в доме этого-то французского крестьянина и были все рассказы деда Егора Григорьевича, слышанные теткой Анастасией от него самого и впоследствии переданные ею мне. Например, о том, что за все годы своего

пребывания во Франции дед Егор так и не смог перебороть себя и поддаться на уговоры хозяина хоть разок отведать излюбленной французами еды — лягушачьих лапок, изжаренных на яичном желтке. Или о том, как, покоренный необычной физической силой и необыкновенной работоспособностью своего скоро выздоровевшего и помогавшего ему в работе по дому постояльца, французский крестьянин все предлагал ему остаться во Франции насовсем, взяв в жены любую из четырех дочерей хозяина.

— А Васятку-то и Олешку на кого я тогда покину? — неизменно со слезами на глазах спрашивал его в таких случаях дед Егор. — А под ветлой, которую сам сажал перед окошком, стало быть, не посижу?

В конце концов, непоколебимые и патристические, и родительские чувства деда Егора Григорьевича были вознаграждены: в голодном двадцатом году, почти через шесть лет после призыва в армию, вернулся-таки он в порядке обезмужиченное и вконец разоренное Первой Мировой и гражданской войнами Давыдово, а вдобавок к уже вымахавшим без него чуть не до плеча ему первым трем детям вскоре произвел на свет еще двух сыновей — Ивана и Дмитрия. Вернее, родилось-то у них с бабкой Пелагеей после его французской эпопеи всего четверо, да двое из них, как это раньше водилось, умерли во младенчестве.

И только об одном из эпизодов шестилетнего пребывания деда Егора Григорьевича во Франции слышал я в детстве от него самого, из его собственных уст. Хотя рассказывал-то он об этом случае, конечно, не мне, а соседям-мужикам, частенько собиравшимся зимними вечерами у него в доме. Причем, рассказывал не один раз и с нескрываемым удовольствием.

Дело было, по словам деда, в один из французских деревенских праздников, когда шампанское, и в любые другие-то дни употреблявшееся во Франции чуть ли не так же часто, как у русских квас, и бочками стоявшее чуть ли не в каждом доме той деревни, где он находился на излечении после ранения, как говорится, лилось рекой. Вот его за целый-то день в разных домах и «накачали» этим шипучим французским «квасом». Так «накачали», что уж потом и не помнил он, как нашел дом своего хозяина, как, не входя в главные покои, грохнулся на застекленной веранде на пол и мертвым сном проспал больше суток.

А на следующий день пришел к нему на веранду хозяин дома с большим глиняным кувшином, наполненным виноградным вином, и с крошечной, чуть ли не с наперсток величиной, рюмочкой. Заметив, что его постоялец начал, наконец-то, подавать признаки жизни, француз наполнил рюмочку вином из кувшина и протянул еще окончательно не пришедшему в себя деду Егору. Дескать, на вот, поправься — ты вчера беда, какой пьяный был! Сразу легче станет!

Нет, словами этого не перескажешь, — надо было своими глазами видеть, как дед Егор, словно заправский актер, в лицах изображал и этого своего сердобольного хозяина, и самого себя, поначалу просто не соображавшего после вчерашнего — чего хочет от него француз? А когда после этой долгой «немой» сцены, наконец-то, уразумел дед, в чем дело, то решительно отвел в сторону руку хозяина с рюмкой-наперстком и потянулся к кувшину.

Еще не понимая, чего он хочет, француз машинально отдал ему кувшин. А жаждавший настоящего опохмеления дед Егор как судорожно припал к спасительному кувшину, так уже и не отрывался от него до тех пор, пока, запрокинув кувшин над головой, не выпил все вино до капельки. Изумленный француз (так же, как и дед, не переводя дыхания) со страхом смотрел на него, а потом,

когда похмельное питье было уже окончено, скрестил перед своим постояльцем руки. Дескать, все — сейчас ты умрешь!

— Ни х. не будет! — уверенно ответил ему на это сразу оживший дед Егор. — Ничего не будет до самой смерти! А умру я дома, в Давыдове!

Несмотря на такую несокрушимую уверенность деда, весь тот памятный день француз ходил за ним по пятам, все ждал, когда тот грохнется оземь. А он, дед Егор, как вот вы и сами сейчас видите, и взаправду не умер, и в свое Давыдово воротился, в конце концов. Так что не зря говорят, что тот не утонет и не сгорит, кому быть повешенным. То-бишь, похороненным в родной земле!

НЕСЧАСТЬЕ ОТ ЛИВНЯ

11-го минувшего июля сего 1916 года, в 3 часа пополудни, в Дальне-Давыдовском женском монастыре и его окрестностях был сильный ливень. Напором воды из пруда, окружающего обитель с северной стороны, много причинило бедствий: подмыло плотину, около священнических домов снесло мост, землю подрыло — образовался провал длиною в 6½ сажени, шириною 6 саж., глубиною 2 саж., вследствие чего прекратилось всякое сообщение с домами монастырских священников.

Тут же, около моста, вырвало с корнем два громадных вековых дерева — дуб и липу. Около дома старшего священника также изрыло землю под самое основание, образовался провал длиною в 13 саж., шириною в 3½ саж. и глубиною 2 аршина, повредивший каменный фундамент. Берег с северной стороны монастыря весь испортило провалами, подмыло каменную ограду высотой в 4½ арш., которая в одно мгновение рухнула на протяжении 7½ саж. Подмыло каменную ограду и в прочих местах, повредив монастырские погреба.

В лугах, по речке Илимдику, подкошенное сено, приблизительно около полутораста возов, унесло водою. Унесло сено и в других лугах, оставшиеся стога затоплены водою. Убытки монастыря от этого ливня — до 3000 рублей.

(«Нижегородский церковно-общественный вестник»,
1916 год, № 31 (10 августа), стр. 564.)

Отец моего одноклассника Николая Петрова, покойный Василий Павлович Петров (по-давыдовски — Сёров) рассказывал мне, как 12-летним мальчишкой он бегал со сверстниками в монастырь смотреть на последствия того небывалого, на всю жизнь запомнившегося ему ливня-урагана. Переполох в монастыре и в селе тогда вызвала эта страшная буря необыкновенный. Глядя на истерзанную могучей стихией плотину пруда и поваленную монастырскую стену, взрослые испуганно крестились и с ужасом ожидали новых проявлений гнева Господнего на людей за великие их грехи.

Всю жизнь веривший не в Бога, а в партбилет Василий Павлович спрашивал:

— А может, и впрямь был тот внезапно налетевший на Дальне-Давыдовский монастырь дотоле невиданный ураган последним провозвестником других неисчислимых потрясений, которые разразились в России всего лишь через полгода после него и продолжают до сих пор?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОГДА БОГИ СОШЛИ НА ЗЕМЛЮ

ТАК НАЧИНАЛОСЬ В МОСКВЕ...

В ноябре 1917 года, когда на улицах Москвы еще продолжалась ожесточенная перестрелка между отрядами юнкеров и красногвардейцев, собрался в первопрестольной, в позднее варварски взорванном древнем храме Христа Спасителя Поместный Собор Русской Православной Церкви. Восстановив ликвидированный Петром Первым в 1700 году Русский Патриарший престол, Собор после более чем двухсотлетнего перерыва избрал одиннадцатым Патриархом Московским и всея Руси бывшего Митрополита Московского и Коломенского Тихона (в миру — Василия Ивановича Беланина).

Произошло это в бурные и грозные дни, о которых в Евангелии от Матфея сказано: «Восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глады,

моры и землетрясения по местам... И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать; и возненавидят друг друга. И многие лжепророки возстанут и прельстят многих. И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь. Претерпевший же до конца спасется».

Новый Патриарх прекрасно понимал, какую горькую чашу предстоит ему испытать: с первого дня своего пребывания у власти большевики во главе с В.И. Лениным не без основания видели в Русской Православной Церкви главный оплот и символ старого мира, от которого они призывали отречься. И чем увереннее чувствовала себя новая власть у руля управления безграмотной и нищей крестьянской Россией, тем все более открыто враждебными становились ее действия по отношению к церкви и к руководившему ею в это переломное и кровавое время Патриарху Тихону.

Тем более, что и сам высший церковный иерарх, несмотря на все грозившие ему кары от новой власти, громогласно провозглашавшей религию «дурманом мракобесия» и «опиумом для народа», вовсе не собирался поступаться принципами ради спасения собственной жизни и своего личного благополучия.

Уже в «Новогоднем слове» по поводу наступившего 1918 года Патриарх Тихон, размышляя о событиях только что закончившегося 1917 года, предупреждал, что бездумное, поспешное разрушение старого и построение нового государства неминуемо принесет вред народу, которому нужен хлеб насущный, а не призрачные химеры. Приводя библейский рассказ о Вавилонском строительстве, Патриарх напоминал, что не впервые на земле берутся люди за возведение нового, доселе невиданного «рая земного», но что затея эта безумна и никому не принесет блага.

Патриарх Московский и всея России Тихон был едва ли не единственным из тех, кто открыто протестовал летом 1918 года в онемевшей от ужаса стране против бессудного тайного убийства (с санкции В.И. Ленина и Я.М. Свердлова) императора Николая Второго и его семьи в Екатеринбурге. А в своем послании Совету Народных Комиссаров от 13 (26) октября 1918 года он писал:

«Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и землю вместо рыбы (М., 7, 9, 10).

Народу, измученному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексии и контрибуций», а привели Россию к позорному (Брестскому — А.В.) миру, унижительные условия которого даже вы сами не решились опубликовать полностью. Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации — вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, одежду. Сна-

чала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Вы обещали свободу... Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семья, а иногда население целых домов, выселяются, а имущество выкидывается на улицу? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди?»*

Разумеется, такие обличения не могли пройти безнаказанными, и уже весной 1922 года Патриарху Тихону было предъявлено официальное обвинение в умышленном сопротивлении осуществлению декретов Советской власти, устроен над ним «показательный» суд, широко освещавшийся во всех газетах. Судебному преследованию с вынесением многочисленных «расстрельных» приговоров были подвергнуты также Митрополит Петроградский Вениамин и многие другие представители духовенства. А еще большее число служителей религиозного культа, осмелившихся следовать Патриарху Тихону и иметь свое мнение о мероприятиях Советской власти, было уничтожено безо всякого суда, по одному лишь наитию «революционного правосознания» местного полуграмотного комиссара или по воле умело науськанной на «поповскую контру» толпы.

Вот только малая часть скорбного поименного мартиролога той поры, приведенная в недавно вышедшей биографической книге М. Вострышева о жизни Патриарха Тихона: «Киевский Митрополит Владимир, еще недавно вручивший в Успенском соборе Патриарху посох Митрополита Петра, избит, ограблен и расстрелян. Архиепископ Воронежский и Задонский Тихон повешен на царских вратах церкви Митрофаниевского монастыря. Архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, прославившегося миссионерской деятельностью в Японии, отрезав уши и выколов глаза, долго водили по улицам Перми и наконец утопили в реке. Архиепископ Черниговский Василий и Пермский викарный Епископ Феофан, приехавшие в Пермь для расследования убийства Андроника, при выезде из города схвачены и расстреляны. В Тобольске замучили Архиепископа Гермогена, в Свяжске умертвили, привязав к хвосту лошади, Епископа Амаросия, в Самарской губернии Епископа Исидора посадили на кол и так предали мученической смерти. Медленно убивали Епископа Никодима, расчетливо ударяя по голове железным прутом. Ревельского Епископа Платона обливали на морозе водой, пока не превратили в ледяной столб...».

ТАК ПРОДОЛЖАЛОСЬ В НИЖНЕМ

Одновременно с физическим уничтожением духовенства 25 августа 1920 года особым циркуляром народного комиссариата юстиции было постановлено повсеместно «провести полную ликвидацию мощей». Во исполнение этого кощунственного декрета были «перетряхнуты» и разорены раки с мощами вели-

ких русских святых Александра Невского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского. А в Нижнем Новгороде, например, «перетряхнули» не только все раки с мощами, имевшиеся в церквах и монастырях, но и... гробницу великого гражданина, спасителя России Кузьмы Минина. Правда, было это несколько позднее, уже в 1929 году.

Вот как писала об этом газета «Нижегородская коммуна» 9 октября того «переломного» года:

«6 октября представителями Нижегородского Истпарта и Краймузея было произведено вскрытие гробницы Минина на месте разобранного кремлевского собора. Свод склепа был обнаружен на глубине 3/4 метра, вскрытие его производилось очень тщательно, для предохранения содержимого гробницы от засыпки щебнем.

В склепе были обнаружены сгнившие доски гроба. В одной из досок было вколочено 4 кованых гвоздя. Тщательно осмотрели содержимое гроба. В нем оказалось: развалившиеся части детского черепа, несколько детских ребер, нижняя детская челюсть. Черепа взрослого человека не было, не хватало большинства костей скелета взрослого человека. Бедренных костей было три. Все кости валялись в беспорядке. Кроме костей, в гробу ничего не оказалось...».

Вот так: все дозволено, нет ничего святого, долой Богов небесных и сонмы ангелов вокруг них! А места библейских громовержцев и великих сынов Отечества прошлых веков в душах и сердцах людей уже спешили занять вполне земные новоявленные боги. И об их явлениях простым смертным подробно сообщала та же «Нижегородская коммуна» уже «на заре революции» — в номере за 2 февраля 1919 года:

«Тов. Троцкий в Сормове. В пятницу 31 января в деревообделочном цехе Сормовского завода состоялся митинг, на котором выступил т. Троцкий. Присутствовало до 10 тыс. человек.

Хотелось бы не так озаглавить эту заметку, хотелось бы назвать ее какими-нибудь сильными, прекрасными словами. «Тов. Троцкий в Сормове» — это одно. А переполненный рабочими огромный деревообделочный цех — другое. Тысячи глаз... Тысячи голов... Тысячи уст... Весь завод собрался послушать т. Троцкого, все Сормово хотело слышать его. Сам т. Троцкий признался, что видел здесь одно из самых многочисленных собраний, какие приходилось ему видеть во всей жизни. Это, сказал он, доказывает, как глубоки интерес и чувства рабочего класса в области политического строительства и борьбы.

В горячей, глубокой и остроумной речи охарактеризовал т. Троцкий внутреннее и внешнее положение Советской России. Т. Троцкий так кончил свою речь: «Мы много делали ошибок и еще будем делать. Но мы у власти всего несколько месяцев. Везде поднято знамя восстания. Наша рать растет. Скоро сможем сказать, что наше отечество — весь земной шар. Все дары жизни будут в руках всех трудящихся масс. Да здравствует новый человек! Да здравствует героический русский рабочий класс!»

И далее в сообщениях о многочисленных митингах по поводу злодейского убийства в Германии К. Либкнехта и Р. Люксембург — одна и та же концовка: «Да здравствуют вожди мировой революции т.т. Ленин и Троцкий!» Боги сошли на землю, их стало можно увидеть глазами и (если бы позволила охрана!) даже потрогать руками...

Для полноты картины можно также без каких-либо особых комментариев привести здесь еще целый ряд архивных материалов и газетных сообщений о ходе борьбы с религией в те самые первые годы Советской власти в Нижегородской губернии. При этом нельзя не отметить, что, перелистывая пожелтевшие листы архивных дел и подшивки старых газет, почти невозможно встретить материалы, в которых велся бы принципиальный философский спор с религиозными догматами, нет там и убедительных, серьезных аргументов, опровергающих основы христианского вероучения. А вот сообщений об административно-репрессивных мероприятиях против духовенства и верующих, материалов, бесцеремонно оскорбляющих их религиозные чувства, порочащих честь и достоинство инакомыслящих — более, чем достаточно.

Вот, например, выписка из «Обязательного постановления отдела Нижегородского губисполкома по отделению церкви от государства», опубликованного в газете «Нижегородская коммуна» 3 ноября 1918 года: **«Всем религиозным общинам и служителям храмов всех исповеданий и вероучений города Н. Новгорода, имеющим в своем распоряжении исторические книги о рождении, браке, разводе и смерти за 1917 и 1918 гг., настоящим предписывается сдать их по описи в недельный срок в означенный выше отдел. Виновные в неисполнении сего постановления будут привлечены к ответственности в Революционном трибунале».**

А вот в номере за 22 марта 1919 года той же «Нижегородской коммуны» сообщение о суде над группой священнослужителей Спасской церкви г. Н. Новгорода, осмелившихся не подчиниться Декрету о гражданском браке и тайно обвенчавших одну из молодых пар. Спасла их от суровой кары нового закона только неожиданная амнистия, как раз объявленная 6-м Всероссийским съездом рабочих и крестьянских депутатов.

Вот выписка из протоколов заседаний Пустынского волостного Совдепа Павловского уезда, в юрисдикцию которого входило и село Дальнее Давыдово Пустынской волости этого уезда, от 19 марта 1919 года: **«Слушали: просьбы 44-летнего священника с. Натальина Вас. Зверева и 48-летнего пустынского священника Воскресенского об освобождении их от призыва в армию и тыловое ополчение. Постановили: отказать! Причина: имеют слишком сильное контрреволюционное влияние на местное население. А верующие в своем ходатайстве (за этих граждан) врут, что ближайший приход отстоит от с. Пустынь за 30 верст: в с. Д.-Давыдове в монастыре имеется поп, а названное село стоит от Пустыни лишь на расстоянии 10 верст»** (это полтора десятка километров по глухой лесной дороге только в один конец, долго ли прогуляться местным старушонкам! — А.В.).

Из протокола заседания того же Совдепа от 3 мая 1919 года: **«Заслушано заявление членов православного приходского Совета и верующих Рождественской церкви с. Дальнего Давыдова об освобождении из тылового ополчения священника Аполлония Соколовского. Постановили: ввиду того, что поданное ранее верующими села Давыдова ходатайство об освобождении попа Соколовского было отклонено волисполкомом за непризнание им Советской власти и вообще за неподчинение распоряжениям таковой — настоящее ходатайство отклонить».**

То есть отклонить только потому, что ранее уже было отказано. Ничего не скажешь, веская причина!

И такими красноречивыми выписками из архивов и газет того времени можно было бы заполнить десятки страниц.

1917 ГОД В ДАВЫДОВЕ

«...Надо в книге публично попросить у Бога прощения за свои прежние статьи о монастыре, Давыдове, Кряжовых и т. д. Ведь знал, что делал».

Из дневника А.В. Вострилова.
Ноябрь 1995 года.

Октябрьский переворот 1917 года прошелся и по Давыдову невидимым смертоносным плугом, беспощадно разделив всех живущих в селе на «красных» и «контру». Только произошло это не тогда, когда в Петрограде и в Москве еще гремели орудия, а немного позднее, ранней весной 1918 года. А главным эпицентром происходивших тогда на моей «малой родине» кровавых событий стал Дальне-Давыдовский женский монастырь, существовавший в селе с 1858 года и насчитывавший в своих кельях ко времени прихода Советской власти что-то около полутора сотен «настоящих» монахинь и еще не посвященных в этот сан молодых послушниц.

Как и по всей России, уже в первые месяцы послереволюционных событий в Петрограде в Давыдове был создан сельский комитет, председателем которого избрали... самого зажиточного в селе лесопромышленника Василия Андреевича Кряжова, а секретарем — Ивана Андреевича Кочнева (тоже не из бедных). О том, каких политических взглядов придерживался этот комитет, может свидетельствовать случай, о котором когда-то поведал автору этих строк один из старых давыдовских коммунистов, ныне давно уже покойный Иван Алексеевич Соловьев, который тогда только что был демобилизован из царской армии и прибыл на побывку в родное село.

— Вскоре после моего прибытия, — рассказывал И.А. Соловьев, — должно было состояться общее собрание граждан села в сельской школе (ставшей потом народом). Я пришел на это собрание одним из первых, когда там еще были одни только члены селькома. Вошел в помещение — и глазам своим не верю: сидят они за столом под портретом царя Николая Второго и членов царской фамилии. Не сдержался я, спрашиваю их:

— Разве вы не слышали, что уже три с лишним месяца, как в Питере скинули царя? Мы на фронте своими руками посрывали с офицеров погоны! А у вас тут — полнейший императорский иконостас! Как это понимать?

На это ни В.А. Кряжов, ни И.А. Кочнев в ответ мне ни слова, молчат и остальные. Тогда, тоже больше ни слова не говоря, прямо при них посрывал я царские портреты со стен и, в ключья изорвав и скомкав их, выбросил в коридор школы. Они опять же — ни гу-гу. И только уже открывая собрание, когда все пришедшие граждане расселись по лавкам, В.А. Кряжов пояснил народу:

— Вы, — дескать, — не удивляйтесь, что у нас тут сегодня, как в бане, голые стены! Вот явился из армии анархист Соловьев — и посрывал все портреты. Помешали они ему!

Я на это уже при всех собравшихся повторил, что кровавого царя уже больше как три месяца нет у нас. А он, при полном молчании собравшихся граждан, свое гнет: «Уж тебе-то, Соловьев, стыдно было бы это делать! Ты сам еще вчера носил царский мундир!» На том и закончился наш с ним веселый разговор в присутствии всего взрослого Давыдова...

Тогда же, на исходе зимы 1917–1918 годов, так же, как и И.А. Соловьев, возвратились со службы в армии в соседнюю деревню Чеванино сыновья многодетного бедняка Федора Савельева — Василий и Кондрат. По-боевому настроенные, задиристые фронтовики очень скоро успели намотать глаза местному начальству — как монастырскому, так и мирскому. Так что, В.А. Кряжов и члены возглавляемого им селькома поджидали только повода для того, чтобы расправиться с неугодными им «смутьянами».

А тут как раз, в начале марта, и подвернулся подходящий случай. Из лесного кордона Романовка, расположенного в полукилометре от Давыдова, между Давыдовым и Чеваниным, прибежала в село одна из двух монашек, проживавших там вместе со стариком-сторожем Никифором в отдельном от монастыря лесном скиту, именуемом в народе Никишкиной избушкой. Сначала игуменья монастыря матери Рафаиле, а потом председателю Давыдовского селькома В.А. Кряжову запыхавшаяся, перепуганная монашка рассказала, что Василий и Кондрат Савельевы вместе с каким-то парнишкой подъезжали на лыжах к Никишкиной избушке. Что, дескать, пользуясь временной отлучкой сторожа Никифора, вломились они и в саму избушку, до полусмерти перепугав монашек. А уезжая, прихватили у них с полки каравай хлеба и банку варенья. Примерно с фунт было в банке варенья (около 400 граммов — А.В.).

Не хочу выбрасывать и не очень-то складного слова из песни: действительно, взяли тогда братья Савельевы этот разнесчастный каравай хлеба и банку варенья в монастырской лесной сторожке. То ли под влиянием большевистской пропаганды посчитали они «сплуататорами» ни в чем не повинных монашек, то ли, в самом деле, им нечего было есть: уже тогда, первой советской зимой, на четвертом году продолжавшейся войны, голод душил не только жителей городов — добрался он и до деревни. Нет, я не оправдываю задним числом их поступок, я просто сам пытаюсь его понять и взвесить на весах своей сегодняшней новости: стоило ли их преступление того, что потом произошло?

Уже через какие-то полчаса по свежему лыжному следу, ведущему от Никишкиной избушки в Чеванино, шла возглавляемая В.А. Кряжовым толпа его родственников и прихлебателей, вооруженных до зубов (в том числе и винтовками, которых понесли тогда с фронта). Василия взяли прямо дома, от жены, а младший, Кондрат, попытался было схорониться в своей бане, но вскоре нашли и его. При этом, когда выводили его из бани, В.А. Кряжов штыком винтовки ударил его в скулу, пропоров обе щеки насквозь. А после того, как его приспешники еще как следует «угостили» братьев прикладами винтовок, их, уже полуживых, повезли к Давыдовскому нардуму (вернее — к сельской школе, о которой уже шла речь) на скорый суд и расправу.

Здесь снова предоставим слово очевидцу того несправедного суда, уже упоминавшемуся выше старому давыдовскому коммунисту И.А. Соловьеву (благо, его собственноручно написанные воспоминания о том трагическом со-

бытии имеются у автора). Вместе с другими жителями села 20-летний Иван Алексеевич прибежал тогда на объявленный В.А. Кряжовым мирской сход одним из первых.

— Возле школы в окружении вооруженных винтовками, ружьями и топорами людей стояла белая монастырская лошадь, запряженная в легкие лубочные санки. А в санках, привалившись друг к другу сидели два молодых человека со следами кровавых побоев на лицах, — вспоминал И.А. Соловьев. — Потом кто-то из окружавших подводу людей вынес из школы тряпичный сверток, который бросил туда же, в санки, к ногам братьев Савельевых. Как потом оказалось, в свертке и были тот злополучный каравай и банка с вареньем, которые отобрали братья Савельевы у монашек.

Когда толпа сбежавшихся на сход жителей села плотной стеной окружила школу, В.А. Кряжов, с винтовкой в руках, подошел к сидевшим в санках братьям Савельевым и, выведя их из полубессознательного состояния двумя ударами винтовочного приклада по головам, громко, так, чтобы все слышали, спросил:

— Кто с вами был третий?

Братья еще теснее прижались друг к другу, один из них, еле ворочая языком, вымолвил:

— Ванька сватов... Гринин Ванька...

— Подите разыщите Ваньку Гринина! — обратился В.А. Кряжов к столпившимся вокруг него вооруженным сообщникам, — разыщите и приволоките сюда! Всех троих разом и прикончим — чтобы другим неповадно было!

— Подростку, о котором они говорили, было в ту пору не больше 15 лет, — продолжает в своих воспоминаниях И.А. Соловьев. — Я в этот момент оказался рядом с В.А. Кряжовым и еще осмелился сказать ему: «Как это — прикончим? Вы не имеете права убивать ни взрослых, ни детей без суда!»

— А-а, так ты тоже с ними заодно?! — набросился на меня В.А. Кряжов. — Давай тогда, полезай в сани — мы и тебе решку наведем!

— Мне пришлось замолчать. Ваньку Гринина они тогда так и не нашли — видимо, кто-то успел предупредить его, и он скрылся из села. Зато уж над попавшими в ее лапы братьями Савельевыми банда В.А. Кряжова натешилась вдоволь...

Весь тот день продолжался самосуд, устроенный В.А. Кряжовым и его присными возле школы. Только к вечеру, когда, не выдержав зрелища изуверских пыток, большинство участников сходки (в том числе и И.А. Соловьев) уже разошлись по домам, «судьи» вывалили бесчувственных братьев Савельевых из саней прямо на снег, и В.А. Кряжов вместе со своим младшим братом Михаилом и Егором Федоровичем Кербеневым стали в упор, перекрестным огнем из винтовок добивать их. Василия, у которого в ходе дневных издевательств уже была начисто отрублена топором одна рука, на этот раз, наконец, пристрелили. А израненный Кондрат еще мучился целую ночь и умер только на следующее утро в Чеванине.

АМОС — МУДРЕЦ ДЕРЕВЕНСКИЙ

«Амос был устремлен в сказоч-

ное

шное».

*будущее своей земли, а я — в не
менее привлекательное про-*

*«Василий Григорьевич (Амос) —
это я в 1919 году (как мог быть
Пименом в XVIII веке)».*

рил

«Амос-то — он поэт был. Пове-

в сказку о земном коммунизме».

Из дневника А. В. Вострило-

ва.

Апрель 1994

года.

Второй после моего деда родной брат его Василий Григорьевич Вострилов родился в 1887 году, участвовал в Первой Мировой и гражданской войнах. Смолоду выучился грамоте и слыл в Давыдове великим книгочеем, большим любителем пофилософствовать на любые темы. За глаза его на селе иначе, как Амосом (с ударением на первом «о») не называли. Только гораздо позднее я узнал, что носил это диковинное имя один древнебиблейский мудрец и пророк, живший почти за тысячу лет до рождения Христа. Как через такие века и пространства залетело оно в наше дремучее лесное Давыдово — один Бог ведает.

Полуфантастическими легендами была овеяна необыкновенная личность Василия Григорьевича и в самом грининском роду, среди родных и близких. Главная хранительница наших родовых преданий — тетка Анастасия Егоровна, приходившаяся Амосу родной племянницей, не раз рассказывала мне, что в бурную пору революции 1917 года был «дяденька» (так она его называла) одним из первых давыдовских коммунистов. Да и в самой Пустыни, бывшей тогда центром нашей волости, тоже находился на виду. Мог бы стать в конце концов большим человеком, да то ли сам не захотел, то ли склонность к рюмочке ему помешала. А может, и еще что.

Через много лет, уже задумав написать книгу о Давыдове и обратившись к архивам, документально точно установил я, что не так уж и далека от истины была моя неграмотная тетка. В сохранившихся в фондах Государственного архива Нижегородской области и бывшего областного партийного архива (называемого теперь Центром документации новейшей истории Нижегородской области — ЦДНИО) протоколах заседаний Пустынского волостного Совдепа и Пустынской ячейки РКП(б) за 1918 и последующие годы фамилия В.Г.Вострилова упоминается довольно часто.

Амос был одним из первых давыдовских коммунистов, скорее всего в партию он вступил еще во время службы в царской армии, которую начал с Первой Мировой. Точно не знаю, участвовал ли Василий Григорьевич в революционных событиях непосредственно в Петрограде и во взятии Зимнего (теперь уж его не спросишь, а врать не хочу), но о Ленине и о тех днях он всегда рассказывал с такими подробностями, словно был знаком с ним настолько же хорошо, как и с любым из своих многочисленных слушателей:

— Ты что же думаешь, если Ленин был вождь, так он только революции организовывал, великие планы составлял да по воздухам парил? Как бы не так, ему побольше нас привелось по грешной земле через канавы да сточные ямы перешагивать.

Ты вот представь себе такую картину. Только что взят Зимний, ворвались туда, можно сказать, всем миром, и разные они там были, в народе этом! Кто-то пошел брать Временное правительство под арест, кто-то у юнкеров оружие отбирает, а кто-то и драгоценными вазами да блюдами занялся. Как-никак, цари там жили, на золоте да на серебре изволили кушать, и все это теперь — вот оно, под рукой!

А тут еще оказалось, что под самым Зимним, в огромных подвалах стоит видимо-невидимо бочек с вином многолетней выдержки — чуть ли ни со времен царицы Екатерины! Ну, один налил — попробовал, другой — и пошла потеха! Там, наверху, революция, как говорится, судьба всей страны и даже всего мира решается, а тут, в подвалах, возле дармового вина — вавилонское столпотворение! Смех и грех!

Обычно в этом месте своего рассказа Василий Григорьевич делал паузу, не спеша закручивал очередную «козью ножку» величиной чуть не с оглоблю. И только после этого продолжал, пуская махорочный дым в широко раскрытые глаза и рты односельчан.

Между прочим, в том, что касается отдельных попыток покушения на дворцовую собственность, рассказ Василия Григорьевича подтверждается и картиной штурма Зимнего, нарисованной В. Маяковским в поэме «Хорошо!», где есть такие строчки: «Какой-то смущенный сукин сын,

а над ним путиловец нежней папаши:

— Ты, парнишка, выкладывай ворованные часы —
часы теперича наши!»

А вот насчет подвалов с вином — откровенно говоря, до сих пор не знаю, достоверный этот факт или легенда. Во всяком случае, в память он мне запал прочно, на всю жизнь. Да в обстановке бурных водоворотов 1917 года, по моему, и выглядит вполне правдоподобно.

Из предыдущих материалов этой книги читатель уже знает об истории кровавой расправы с братьями Савельевыми, случившейся в Давыдове на переломе зимы и весны 1918 года, когда Василий Григорьевич Вострилов еще находился в действующей армии, где был тяжело ранен. Скорее всего, вернулся он с колчаковского фронта в село ближе к октябрю 1918 года, когда зверское убийство Кряжовыми братьев Савельевых было еще в Давыдове свежо на памяти у каждого.

Самого же Василия Григорьевича это бессудное убийство задело не только в общественном, но и в личном, кровном смысле. Дело в том, что жена его, бабка Анастасия Федоровна, приходилась убитым братьям Василию и Кондрату Савельевым родной сестрой. Что же касается третьего участника кровавой драмы, разыгравшейся в Давыдове ранней весной 1918 года — вышеупоминавшегося в воспоминаниях И.А. Соловьева 15-летнего подростка Ивана Вострилова-Гринина, тоже заходившего с Василием и Кондратом Савельевыми в Никиш-

кину избушку и только чудом избежавшего потом расправы, то он был самым младшим из братьев моего деда и Василия Григорьевича.

Вполне естественно, что сразу же после демобилизации из армии по ранению и своего возвращения в село Василий Григорьевич стал открыто искать повод для того, чтобы рассчитаться с Кряжовыми за своих погибших шуринов — братьев Савельевых. Все тот же И.А.Соловьев вспоминал, что в один из летних дней 1918 года, во время многолюдного сельского собрания, решавшего под председательством самого И.А.Соловьева вопрос об отобрании луговых угодий у монастыря и других их собственников, Василий Григорьевич, активно поддерживавший эту идею, вдруг (после решения вопроса о лугах) принародно обратился к В.А.Кряжову с предложением сейчас же, на виду у всего села, один на один сразиться с ним в честной «дуэли» с кинжалами в руках из-за братьев Савельевых.

Никак не ожидавший подобного предложения В.А. Кряжов от такого поединка тогда отказался (хотя Василий Григорьевич уже и кинжалы на собрание принес — для себя и для своего противника, на выбор). Вполне возможно также, что не без его содействия вскоре прибыл в Давыдово отряд Муромской чрезвычайной комиссии, который обнаружил и отобрал у В.А. Кряжова автоматическую винтовку, спрятанную в овине. Еще немного погодя все активные участники самосудного убийства братьев Савельевых были арестованы. Но тут как раз последовала объявленная В.И. Лениным амнистия — и все они снова вышли на свободу.

16 октября 1918 года (на третий день давыдовского престольного праздника — Покрова Пресвятой Богородицы) в Давыдове на общем собрании граждан была организована первая ячейка РКП(б). Поначалу желание войти в состав партиячейки изъявили 19 человек, но уже через несколько дней (когда дело дошло до практической работы) некоторые из них забрали свои заявления обратно. В числе оставшихся в ее рядах оказались:

1. Василий Алексеевич Соловьев, председатель партиячейки — старший брат Ивана Алексеевича Соловьева (воспоминания которого о расправе Кряжовых над братьями Савельевыми мы цитировали в предыдущей главе. Сам Иван Алексеевич в это время снова находился на фронте — уже в рядах Красной Армии) — бывший кавалерист, в ту пору еще 27-летний, холостой.

2. Василий Иванович Овсов, секретарь партиячейки — бывший сапер, 32 года, жена — Екатерина, имеют 10-летнего сына Александра и дочь Татьяну (6 лет).

3. Александр Алексеевич Кербенев, председатель Давыдовского сельсовета — 27 лет, служил в пехоте, жена Марья (27 лет), дочь Прасковья (8), сын Алексей (5 лет).

4. Григорий Евлампиевич Жаворонков, секретарь Давыдовского сельсовета (тот самый, который сыграл единственную за весь 1915 год в Давыдове свадьбу, женившись на сестре моего деда Екатерине Григорьевне) — 28 лет, имеет трехлетнего сына Василия.

5. Василий Григорьевич Вострилов — 32 года, бывший артиллерист, жена Анастасия (32 года), бабушка (мать жены) — 82 года. (Своих детей у Василия Григорьевича с Анастасией так и не было).

6. Алексей Арсентьевич Волчонков — 32 года, бывший пехотинец, в настоящее время — лесник Давыдовского лесничества, жена Анна (32 года), сын Павел (13 лет) и дочь (3 мес.)

Как видим из этого перечня, Василий Григорьевич Вострилов был единственным из первых шести давыдовских коммунистов, не обремененным ни платной штатной должностью, ни семейными заботами о детях. То ли по этим причинам, то ли в силу неугомонного своего характера, он успевал по партийчейковским, сельсоветовским и другим общественным делам повсюду. Очень часто председательствовал или секретарствовал на общих собраниях граждан села Давыдова — о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах протоколы этих собраний, писанные его рукой. Как и все самоучки (например, А.М. Горький), писал Василий Григорьевич очень четким почерком, тщательно выводя и отделяя каждую букву от другой.

Наверняка Василий Григорьевич активно участвовал во многих тогдашних мероприятиях первой партийной ячейки села — в том числе и в закрытии Дальне-Давыдовского женского монастыря, называемого в официальных документах того времени «осиным гнездом контрреволюции» и «притоном черного воронья». О том, как происходило это закрытие, по селу и поныне ходит немало легенд, в которых теперь уже трудно отделить правду от вымысла.

Рассказывают, например, как в самый разгар этих событий, одним совсем не прекрасным утром, всецело увлеченные борьбой с монастырским «гнездом контрреволюции» давыдовские «комиссары», среди которых не последним был и Василий Григорьевич, вдруг обнаружили, что с монастырских храмов «чудесным образом» исчезли два или три не то золотых, не то серебряных креста величиной больше метра. И кто только мог добраться до драгоценных святынь на самые верхушки колоколен, да еще темной осенней ночью, впотмах!

Но как ни бились потом до удивления наивные и бескорыстные представители новой власти, никаких следов этих явно сошедших на многогрешную землю, а не вознесшихся в небо крестов отыскать они уже не смогли. Грешила людская молва на одного (тогда-то, конечно, еще молодого, а ныне давно покойного) давыдовского старичка. И эти подозрения как будто бы подтверждались потом, через много-много лет, когда уже после Великой Отечественной войны, в наше время, внуки и правнуки того старичка стали вдруг на удивление быстро и легко приобретать в городах роскошные кооперативные квартиры и личные автомашины. Да поди-ка теперь, что-нибудь докажи!

Сам Василий Григорьевич этой истории с крестами не опровергал, но на насмешки односельчан по поводу собственного неумения воспользоваться счастьем, когда оно само (хотя бы в виде все тех же золотых монастырских крестов!) просилось к нему в руки, только снисходительно улыбался в косматую, вряд ли когда расчесываемую бороду:

— Золото, оно в любом виде — крест на всю жизнь, с ним спать разучишься, сам себе не рад будешь. Не завидую я сейчас тому, у кого схоронены эти самые кресты: весь, чай, бедолага, высох да извелся от тоски, об них думая! — неторопливо разъяснял Василий Григорьевич пытавшимся «завести» его односельчанам. И тут же, наверное, даже не замечая, как противоречит сам себе, добавлял:

— А так, конечно, верно вы говорите: вся власть — в кармане! Вот она где!

Старик размашисто хлопал себя по истрепанной поле не иначе как дореволюционного, доблеска вытертого полушубка, в котором, по-моему, и карманов-то не было. И искренне удивлялся бестолковости своих собеседников:

— Чего же тут непонятного? Еще Карл Маркс говорил: у кого капиталы, у того и власть!

С 3 января 1919 года мы уже видим Василия Григорьевича на посту пустынского волостного военного комиссара, а с 10 мая до конца июня того же года — в должности заведующего земельным отделом Пустынского волостного Совета, Павловского уезда (в сферу деятельности которого входило и село Дальнее Давыдово). Видимо, все эти неполные полгода своего взлета с давыдовских на волостные высоты Василий Григорьевич нередко и проживал в Пустыни: заседания волисполкома частенько заканчивались за полночь — и не мог же он каждый день по болотистой лесной дороге шагать больше десятка верст из Давыдова в Пустынь и обратно!

В должности пустынского волостного военного комиссара он занимался мобилизацией призывников и лошадей в ряды Красной Армии, поимкой дезертиров, участвовал в подавлении контрреволюционных выступлений в деревнях Валтово и Рогово. На посту заведующего волостным земельным отделом — распределял семена овса и гвозди по семьям красноармейцев, вскрыл ряд злоупотреблений служебным положением со стороны тогдашних работников Натальинского сельского Совета при продаже ими земельных участков — за что эти соработники по его настоянию были отданы под суд. Как видно, это вызвало недовольство среди некоторых новоиспеченных представителей Советской власти не только в Натальине, но и в самой Пустыни, где непримиримый к махинациям как «своих», так и «чужих» В.Г. Вострилов с каждым днем становился все более «неудобным».

Так что очень кстати для многих оказалось поступившее в марте 1919 года в Пустынский волисполком заявление только что избранного тогда председателя Давыдовского сельсовета о том, что во время выборов нового состава этого сельсовета ряд граждан села Давыдова пытались помешать нормальному ходу голосования, позволяли себе делать публичные антисоветские высказывания. А особенно, дескать, отличалась на собрании такими провокационными выходками малосознательная гражданка села Давыдова Пелагея Алексеевна Вострилова, которую, по мнению автора этой докладной, следовало бы немедленно вызвать для принятия мер в волисполком, а то и, арестовав, препроводить в соответствующий отдел управления Павловского уездного Совдепа.

По сохранившемуся немногословному и безграмотно написанному протоколу № 9 заседания Пустынского волисполкома, обсуждавшего это заявление 19 марта 1919 года, трудно судить о конкретных деталях этого дела, а самих его участников теперь уж об этом не спросишь. Я могу только пояснить читателю, что скорее всего недовольство граждан села Давыдова при избрании нового состава сельсовета вызвала попытка Кряжовых да и других деревенских богатеев «протащить» туда своего ставленника (об этом гораздо позднее говорил мне И.А. Соловьев, тоже не присутствовавший на этом собрании).

А родная моя бабка Пелагея, о которой шла речь в заявлении вновь избранного председателя Давыдовского сельсовета (его фамилии в протоколе заседания нет), действительно могла покричать на собрании громче других. Как по причине вполне естественной после убийства братьев Савельевых неприязни

к Кряжовым, так и в силу бесшабашного своего, не очень-то склонного к осмотрительности да осторожности характера.

Но Василий Григорьевич не отдал малограмотную, многодетную жену своего (тогда еще находившегося во Франции) старшего брата на растерзание своим недругам — он принял весь удар на себя. Да скорее всего и предназначался этот удар именно для него, а не для какой-то там бабки Пелагеи. Во всяком случае, исполком волостного Совета постановил тогда бабку Пелагею ввиду ее несознательности и многодетности не трогать, а вот персональное дело коммуниста В.Г. Вострилова, открыто вставшего на заседании волисполкома на защиту антисоветских элементов, было решено передать в Пустынский волостной комитет РКП(б).

Мне неизвестно, какой «ход» получило (и получило ли) в дальнейшем это дело: в немногих сохранившихся бумагах Пустынского волкома РКП(б) об этом больше нет ни слова. Знаю только, что еще в двадцатые годы, вплоть до ликвидации в 1929 году волостного деления и организации Вачского района (в который вошло тогда Давыдово), снова перебравшись из Пустыни в село, избирался Василий Григорьевич заместителем председателя Давыдовского сельского Совета, бывал на собраниях Давыдовской партийной ячейки представителем Пустынского, а потом и Салавирского волкомов РКП(б). Но ни на уездные, ни на какие-либо другие, еще более высокие должностные орбиты с тех пор он уже никогда не поднимался. Да и вряд ли было у него такое желание...

Видимо, не случайно как раз в то «переломное» время на стыке 20-х и 30-х годов (когда «сверху» ломали не только весь прежний быт и уклад старой деревни, но и душу русского крестьянства) Василий Григорьевич спустился с прежних комиссарских высот на скромную должность пчеловода бывшей монастырской (а теперь колхозной) пасеки. Благо, для официального объяснения такого «нетипичного» спуска имелись у него и благовидные причины: для новых времен уже был он, самоучка, недостаточно грамотен, а пчеловодство любил с детства. И свои, собственные ульи в огороде имел до самого конца жизни.

14 мая 1936 года в Вачской районной газете «Большевистский путь» была опубликована тематическая полоса «Там, где был монастырь», посвященная жизни организованного в 1929 году Давыдовского колхоза «Передовик», Давыдовского сельсовета, сельской школы и других учреждений, разместившихся в многоэтажных каменных корпусах закрытого и разогнанного к тому времени бывшего Дальне-Давыдовского женского монастыря. На этой странице была помещена и небольшая заметка колхозного пчеловода В.Г. Вострилова, озаглавленная в духе той эпохи: **«Не отстаю!»** (речь в ней шла о соревновании с другими пчеловодами района). И хотя по общему тону и стилю заметки хорошо видно, как старались в редакции подогнать ее под требуемые газетные шаблоны, чувствуется, что писал ее сам Василий Григорьевич — и писал от души. Об этом можно с уверенностью сказать хотя бы по тому, что редакторы так и не решились вычеркнуть такие «живые», не «газетные» фразы из его заметки, как, например: **«Пасека находится неподалеку от большой дороги, а пчелы не уважают (!) конский пот и хrap».**

А в годы моего военного и послевоенного детства занимал Василий Григорьевич (как он сам в шутку говаривал) самую высокую должность в селе: в качестве сторожа Давыдовского лесничества целыми днями сидел он с биноклем в руках на еще не разрушенной тогда колокольне сельской церкви, охраняя окружавший Давыдово лес от пожаров. Все Давыдово со всеми его домами, огородами, садами и людишками, копошащимися возле них, всегда были оттуда перед ним, как на ладони. Но от бывшего его «комиссарства» к тому времени остались у него только по-начальственному уверенная, «комиссарская» походка, прямой, немигающий взгляд, да непривычные для нас, тогдашней молодежи, словно сошедшие со страниц прочитанных нами книг и с киноэкранов словечки: «большевик», «ячейка», «читальня», «народом» и так далее.

Да еще неподвластная времени, неистребимая привычка обязательно присутствовать на всех торжественных собраниях в Давыдовском сельском клубе по поводу «красных» календарных дат. Вот только на скамейки вместе со всеми он никогда не садился — ни на задние, ни тем более на передние: при своем великанском росте боялся загородить другим сцену. Чаще всего вставал он у самой входной двери и там, весь подобрavшись, как на параде, стоя, слушал все доклады и выступления. По всему чувствовалось, что всегда были для него такие собрания настоящим праздником для души, а не очередным «мероприятием», как для других.

И вот, бывало, на Первомай или на Октябрьскую выйдет на трибуну, стоявшую рядом с портретом И.В. Сталина, наш бессменный докладчик — директор Давыдовской семилетней школы — с одним и тем же, истрепанным до лохмотьев, докладом в руках (соответственно отмечаемой дате, видимо, каждый раз заменялась только первая страница этого доклада) и, уткнувшись носом в свои листки, словно глухарь на весенней заре, ничего не видя и не слыша вокруг, затокует о светлых далях да недостижимых высотах.

Мелькают на трибуне страницы, зал гудит и волнуется, как на базаре, кое-кто из подростков в задних рядах не только через пустые скамейки, а чуть ли не по головам слушателей шагает. А невозмутимый докладчик загробным, еле слышным голосом (он его не повышал даже и тогда, когда отчитывал нас в школе за озорство) все токует да токует...

И тогда не выдержит Василий Григорьевич, вдруг совсем не стариковским голосом как гаркнет от входной двери:

— Тише, мелкота! Совсем же не слышно оратора!

Помню, как всегда поражало меня это его диковинное, недавыдовское словечко: «оратор»! В моем тогдашнем представлении оратором мог называться только тот, кто орет. Он обязательно должен быть в распахнутом матросском бушлате и с наганом в руках. А наш переполненный чувством собственного достоинства, всегда гладко отутюженный тихоня-директор — какой же он оратор? Он самый обыкновенный, положенный Давыдову по штату докладчик, а не оратор!

Вот сам Василий Григорьевич — это действительно оратор, хотя и давно уже ходит по селу без нагана! Во время войны, когда (еще в молодости самоучкой выучившись грамоте) Василий Григорьевич едва ли не единственным в селе получал газету «Горьковская коммуна» (после прочтения она шла на самокрутки), он был для нас, ребятишек, и наших матерей, солдаток и солдатских вдов, чем-то вроде неофициального Давыдовского отделения Совинформбюро.

Да и в первые послевоенные годы, когда в селе не только телевизоров и радиоприемников, а и обычной электролампочки еще не видывали, долгими зимними вечерами порой собиралось в его доме людей не меньше, чем в клубе. От табачного дыма потолок в избе над головами приподнимался. Все-то на свете он знал, ничем нельзя было его удивить...

А, впрочем, однажды и он, вместе со всем остальным селом, был поражен небывалой новостью. Причем, именно я оказался невольным виновником этого расколовшегося над Давыдовым в неположенное время года, в апреле, грома небесного. Той памятной и для меня самого ранней весной 1952-го, во время моей учебы в 8-м классе Вачской средней школы, в районной газете «Ленинский путь» впервые появились мои стихи. Очень даже примитивные стихи, совсем полудетские.

Но это немыслимое для Давыдова событие было воспринято в тогда еще полуграмотном, почти не получавшем ни газет, ни журналов селе так, словно я в космос слетал. При встречах на улице седобородые старцы стали первыми за руку здороваться со мной, называли пятнадцатилетнего подростка по имени - отчеству, словно с взрослым заводили со мной серьезные разговоры о серьезных делах. Никогда уж потом не поднимался я на такие головокружительные вершины славы...

В самый ее разгар, когда в один из воскресных дней прибыл я из Вачи домой на выходной, случайно на улице встретил меня и Василий Григорьевич. Неторопливо присев со мной на крыльце ближайшего дома и попыхивая в лицо мне едким махорочным дымом, он удивленно смерил меня взглядом с головы до ног, словно впервые в жизни видел:

— Да ты, оказывается, в меня пошел, вылитый я в молодости! Хочешь ко мне в сыновья? Все оформим! Как полагается! Как-никак, твой погибший на фронте отец был мне родным племянником, а у нас со старухой нет родных детей, только дочка приемная! Помрем мы — все будет ваше: и дом, и сад, и пчельник! Пойдем, хоть сейчас медом накормлю! Да знаю я, что один ты у матери. Да ведь мать-то — не отец, парню все равно отец нужен! И другого такого не найти — ни тебе отца, ни мне сына!

Он снова суровым, оценивающим взглядом посмотрел мне в глаза, чуть-чуть отодвинулся от меня. И вдруг совсем уже другим, «по-комиссарски» строгим голосом отрезал:

— Только водку никогда не пей, слышишь? Никогда даже и не пробуй пить, не пытайся перехитрить ее, проклятую!

Вот здесь, пожалуй, пришла пора сказать об одной из наиболее вероятных причин как давнишнего отхода Василия Григорьевича от «комиссарских» дел, так и теперешней его горячности. Всю жизнь у самого у него были с бутылкой особые счеты, не был он ни святым праведником, ни тем твердокаменным со всех сторон «правильным» большевиком, каких нам тогда в книгах да кинокартинах показывали.

Правда, не сказал бы я и того, что пил он в Давыдове больше других: на какие шиши было бы пить-то колокольному сторожу? Нет, тут дело было в другом; в его чересчур компанейском и открытом характере заключалась главная причина всех разговоров о его пьянстве. Потому что хотя и не валялся он, подобно настоящим пьяницам под забором, но в то же время и не умел, как другие-прочие, выпить втихомолку, под одеялом, так, чтобы все шито-крыто было. Всегда в таких случаях, как говорится, тянуло его на подвиги, к людям,

помитинговать хотелось! Уж если, бывало, выпьет на рубль, так непременно нашумит и наболтается по селу никак не меньше, чем на четвертную! А разве в условиях села, где и без того все на виду, такое совместно с успешной карьерой, с «приличной» должностью?

И умер Василий Григорьевич в трудном, 1952 году, когда люди после войны еще пахали землю на себе, как настоящий коммунист – из тех, которых показывали нам в книжках да с киноэкранов (хотя к тому времени давно уже и не состоял в партии): в пору боронования своего огорода, впрягшись в борону на седьмом десятке лет вместо лошади, упал на борозду бездыханный...

Давным-давно, в молодости, я написал о В.Г. Вострилове стихотворение, которое назвал «Деревенский звездочет». Нынешние мои читатели с этим стихотворением незнакомы, поэтому привожу его здесь полностью:

Брат деда моего
Василь Григорьич,
Премудрый был, занятный старикан.
Постиг он грамоту. От моря и до моря
Прошел сквозь смерть, лишения и горе
В борьбе за власть рабочих и крестьян.
Любил он с детства
Книжки да газеты.
Бывало, хлебом не корми его —
Дай рассказать о звездах да планетах,
О кознях наших классовых врагов,
А то о том, что скоро можно будет
С полатей повидать Москву саму...
С Василь Григорьичем считались люди,
Шли за советом в трудный час к нему.
Он был судьей в большом и малом споре,
Хоть кое-кто нет-нет да и вернет:
— Мол, что вы! Это же Василь Григорьич!
Он не соврет, так дня не проживет!
А у него
И для таких найдутся
Слова в ответ.
Он, не успеешь оглянуться,
Уже противнику — вопрос ребром:
— Умен, мол, ты!
А слышишь, как дерутся
На колокольне муха с комаром?
Тот и разинет рот...
А то, бывало,
Василь Григорьич скажет:
— Вот слыхал я,
В Крыму получен дивный урожай.
Картошка вырастать по пуду стала!

Съешь пару-тройку — и ходи гуляй!
И что ж?
Иной, начав от магазина,
Разносит эти новости окрест,
Пока ему не скажут:
— Эх, дубина!
Да кто же враз по три-то пуда ест?
Тебе ль с Василь Григорычем тягаться?
А дедов брат
Глядит из-под руки,
Смеется...
Почему не посмеяться,
Покуда есть на свете дураки!

КОГДА БОГИ СОШЛИ НА ЗЕМЛЮ

Как церкви от золота освободили

Как известно, зимой 1921–1922 года в Поволжье (да и не только в нем) разразился страшный голод, о причинах которого А. Солженицын в «Архипелаге Гулаг» говорит так: «В.Г. Короленко в «Письмах к Луначарскому» (вопреки обещанию последнего, никогда у нас не изданных) объясняет нам повальное выголаживание и обнищание страны: это — от падения всякой производительности (трудовые руки заняты оружием) и от падения крестьянского доверия и надежды хоть малую долю урожая оставить себе. Поэтому поволжане ели своих детей, что большевики захватили силою власть и вызвали гражданскую войну.

Но гениальность политика в том, чтобы извлечь успех и из народной беды. Это озарением приходит — ведь три шара ложатся в лузы одним ударом: пусть попы и накормят теперь Поволжье: ведь они — христиане, они добренькие! Откажут — и весь голод переложим на них, и церковь разгромим; согласятся — выметем храмы; и во всех случаях пополним золотой запас».

Как бы там ни было, 26 февраля 1922 года в советской печати появился широко известный Декрет ВЦИКа об изъятии церковного имущества, изданный вопреки публичным заявлениям Патриарха Тихона и других представителей высшего русского духовенства об их готовности добровольно пожертвовать частью церковных ценностей в пользу голодающих крестьян Поволжья (частью, а не всем, что было в церквях и монастырях — под метелку!). Это стремление новой власти «оголеть» храмы подчистую, не считаясь ни с какими святынями, вызвало ряд ожесточенных столкновений «изыматоров» с духовенством и верующими на местах.

Одним из таких «бунтарских» эпизодов и были события в городе Шуя Ивановской области в марте 1922 года, когда в завязавшейся во время реквизиции церковных ценностей схватке с толпой были убиты четыре человека и еще несколько десятков покалечены. Этот-то кровавый эпизод и послужил поводом

для появления на свет только недавно ставшего нам известным строго секретного письма В.И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 6(19) марта 1922 года. Полностью это обширное письмо приводится, например, в уже упоминавшейся выше книге М. Вострышева о Патриархе Тихоне. Мы же возьмем оттуда только две-три фразы, в которых глава партии и Совнаркома подчеркивал:

«Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Надо ли после этого еще говорить, что как в центре, так и на местах эти крутые указания вождя выполнялись (и даже перевыполнялись!) с неуклонной беспощадностью — как писал В. Маяковский: «С Лениным в башке и с наганом в руке!»

Уже с середины марта все газеты (как по команде!) начали печатать регулярные публикации о сопротивлении Патриарха Тихона и его окружения постановлениям Советской власти, а затем (с мая) и о суде над ним. Огромные заголовки на страницах «Нижегородской коммуны» из номера в номер кричали: «Церковь и голод», «Эй, шевелись, отцы духовные, давай-ка ценности церковные!», «Давали на преступления — на общее дело нужно заставить дать!», «В голодном Лукоянове», «Князья церкви хотели сорвать дело помощи голодающим», «А кто же людоеды?» и т.д.

И как только ни называются в газетах эти самые большие и малые «князья церкви» и одурманенные ими «темные» миряне и прихожане, не только в Шуе с деревянными колыями в руках вставшие на защиту церковных святынь! В статье «Отречение Патриарха Тихона», опубликованной в «Нижегородской коммуне» 18 мая 1922 года, об этом безвременно скончавшемся в 1925 году в результате длительного нахождения в тюремной камере и дикой травли (а позднее объявленном церковью святым), непреклонном человеке говорилось:

«Винovníк 1014 кровавых эксцессов ушел (не ушел, а «ушли» его! — А.В.) в отставку... Пять лет он хулиганил в церкви, устраивал заговоры против власти рабочих и крестьян, призывал на них все кары неба, грозил и адом, и чертом, и раскаленной сковородкой. Его сопротивление вызвало 1014 кровавых эксцессов на местах во время изъятия церковных ценностей, и Советская власть от имени голодных пошла против Тихона. Отставка не может спасти его от наказания за проступки не менее тяжкие, чем поступки разных Деникиных, Колчаков и Врангелей!»

А одновременно с этим из номера в номер печатаются (вряд ли полные и достоверные) сообщения «завнижгубфинотделом» П.Иванова об изъятых в самом Нижнем Новгороде и губернии церковных ценностях: на 15 апреля собрано 82 пуда серебра, два фунта золота и 795 ценных предметов церковного обихода. 16 мая из Крестовоздвиженского монастыря доставлено 65 золотников жемчуга... и т. д.

Трудно сегодня сказать, какая именно часть из отнятых тогда у церкви и верующих сокровищ действительно пошла на закупку продовольствия для голодающих Поволжья, а какая, скажем, «в пользу МОПРа» (Международной организации помощи революционерам). Можно только с уверенностью утвер-

ждать, что именно акция по изъятию церковных ценностей, опустошившая храмы и монастыри, послужила прочной финансовой основой для установления в 1924 году (вместо исчислявшихся многими миллиардами «деревянных» рублей, подобных нашим «послеперестроечным») первого советского «твердого», то есть свободно конвертируемого червонца, обеспечиваемого золотом.

Не вызывает также сомнения и то, что «под шумок» проводимой государством реквизиции поживилось тогда от церковных богатств немало разных проходимцев. Так, в селе Дальнем Давыдове, где изъятием церковных ценностей руководил младший брат моего деда, член РКП(б) с 1918 года Василий Григорьевич Вострилов, даже после ее осуществления, на 28 августа 1925 года, еще оставались: в бывшем женском монастыре — «кадило серебряное весом в один фунт (400 граммов) и дарохранительница серебряная, вызолоченная, в два с четвертью фунта»; в сельской приходской церкви — «5 золотых ложек и золотые же диски на четверть фунта, серебряные сосуд и звезда, общим весом почти в три фунта; украшенная драгоценным шитьем риза в 16 фунтов».

Воспитание «нового» священника

В русских народных сказках (а также, например, в «Сказке о попе и его работнике Балде» А. Пушкина, поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и других произведениях русской литературы, основанных на народном творчестве) представители духовенства чаще всего изображались с добродушным юмором, высмеивались многие их отрицательные черты: корыстолюбие, склонность к пьянству, разврату и т. д. Но это вовсе не означало, что в целом народ не уважал и не любил своих духовных пастырей, не понимал огромного значения церкви как в современной ему реальной жизни, так и в прошлом, в становлении Русского государства, его укреплении и защите от внешних врагов.

Мы и поныне помним, что именно преподобный Сергей Радонежский вдохновил и благословил Дмитрия Донского на борьбу против татаро-монгольского ига, он же дал великому князю двух своих иноков, Пересвета и Ослябю, которые начинали куликовскую битву. А еще через несколько столетий, в «смутное время» начала XVII века, таким же страстным вдохновителем борьбы россиян против польских захватчиков стал замученный ими в темнице слепой патриарх Гермоген, а бывшая обитель Сергия Радонежского Троице-Сергиевская лавра оказалась несокрушимым форпостом, сыгравшим важную роль в разгроме и последующем изгнании всенародным ополчением К. Минина и Д. Пожарского всех самозванных иноземных претендентов на русский престол. А спустя еще почти целый век в той же Троице-Сергиевой лавре укрывался от врагов и собирал силы для решительной схватки с мятежными стрельцами 17-летний Петр Первый.

Болгарские монахи Кирилл и Мефодий в свое время принесли на Русь книжную грамоту. Авторами подавляющего большинства русских летописей (да, наверное, и «Слова о полку Игореве») тоже были монахи (что нашло свое отражение в образе монаха — летописца Пимена в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»). Широко известна и просветительно-воспитательная роль для народа, скажем, таких подвижников церкви, как наш великий земляк, мя-

тежный протопоп Аввакум Петров или (также совершавший свои духовные подвиги на нижегородской земле) Серафим Саровский. Это о нем сказал Н.А. Бердяев: «Россия обедняла бы без А. Пушкина и Серафима Саровского».

Именно в церквях и монастырях были сосредоточены в дореволюционной России главные книжные и рукописные богатства страны, церкви же были и своеобразными ЗАГСами, ведущими летопись народной жизни с древнейших времен.

Нередко церкви и монастыри были также центрами передовой сельскохозяйственной культуры, а служившие в них монахи и священники — не только духовными наставниками своей паствы, но и (так сказать, по совместительству!) также лекарями, ветеринарами, агрономами, лучшими наставниками по садоводству, пчеловодству. А также (в обязательном порядке) — первыми носителями книжной грамоты, преподавателями церковно-приходских и народных школ. Разумеется (при всех возможных личных недостатках), всегда и неизменно оставались они для своей неграмотной и обремененной разными суевериями паствы также образцом поведения в быту и в личной жизни, строгими судьями тех, кто становился на путь греха.

А для того, чтобы священнослужители могли с успехом справляться со всеми этими непростыми многочисленными обязанностями, существовавший с 1865-го по 1917 год журнал «Нижегородские епархиальные ведомости» регулярно печатал для них самые разнообразные наставления. Вот, например, в номере журнала за 1 октября 1899 года встречаем мы статью, озаглавленную «Чего желает простой народ от сельского священника?», которая начинается словами: **«Всякому священнику, чтобы быть полезным деятелем среди простого народа, необходимо хорошо знать жизнь этого народа»**. В других номерах журнала также помещены статьи, названия которых говорят сами за себя: «О колокольном звоне во время зимних метелей», «Как устранить в церквях капель со сводов», «Как помочь роженице» и т. д.

Такой подход к делу вполне обеспечивал духовенству роль бесспорного властителя душ и сердец людей.

Так что, после всего сказанного, наверное, читателю будет понятным пункт 6-й принятого на секретном заседании Политбюро ЦК РКП(б) 20 марта 1922 года секретного же «Проекта директив об изъятии церковных ценностей», предложенного Лениным и Молотовым. В нем было сказано: **«Одновременно с этим внести раскол в духовенстве, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия»** (церковных ценностей — А.В.).

Об этой не видимой обыкновенным смертным стороне кампании А. Солженицын писал так: **«Весной 1922 года ЧК... решила вмешаться в церковные дела. Надо было произвести еще и «церковную революцию» — сменить руководство и поставить такое, которое лишь одно ухо наставляло бы к небу, а другое — к Лубянке»**.

А впрочем, этот сознательно организуемый новой властью раскол в рядах духовенства начался еще гораздо раньше Декрета об изъятии церковного имущества и только что процитированного «Проекта директив». По существу, целенаправленное внедрение «классово мыслящих», «сознательных» элементов в «темную» церковную среду началось с первых же дней и месяцев после Октяб-

ря. Об этом свидетельствует, например, заметка «Честный поп», опубликованная в «Нижегородской коммуне» 9 февраля 1919 года.

«В селе Чукалах Сергачского уезда, — говорилось в ней, — поп Василий Петрович Чудайкин (интересно, подлинная ли фамилия или это фантазия автора заметки? — А.В.) порешил порвать окончательно с поповским обманом и объявил верующим гражданам, что он отказывается от службы в церкви и снимает с себя сан попа. И верующие граждане Чукальского прихода больше не пожелали иметь у себя Бога и попа-обманщика. Заколотили церковь, а колокола превратили в «вечевые» (то есть для сходов) — как более тысячи лет тому назад наши прадеды-славяне собирались решать свои народные дела на вече по зову литваря.

Бывший поп Чудайкин вошел в Чукальскую организацию РКП (большевиков), променяв свое кропило на чистую, святую идею коммунизма, приступив к агитации среди населения против поповского шарлатанства и обмана».

Или другая заметка такого же рода, напечатанная в той же газете 18 мая 1919 года: **«То, что было хорошо, стало худо, а что худо было, сделалось хорошим. Богатство и все, с ним связанное, стало презренным. Жизнь общественная коммунистическая стала похвальной. Вот лозунги современного человека.**

Поэтому да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий и другие товарищи — творцы новых форм социальной жизни, которые ведут нас из прежней капиталистической рабской жизни к настоящему социальному процветанию! Диякон - коммунист с. Бор Семеновского уезда А. Никитинский».

Церковный раскол получил и официальное организационное оформление: вскоре после 1917 года Русская Православная Церковь разделилась на внутри-союзную, «катакомбную» и зарубежную. И до настоящего времени пока еще мало шансов на то, что они в обозримом будущем примирятся. Так же, как и на то, что можно найти какое-либо оправдание людям, вполне сознательно использовавшим тайну исповеди для составления регулярных докладов об инакомыслящих в КГБ, пытавшихся совместить в своей душе одновременное служение Богу и Маммоне.

Жизнь покажет, будет ли когда-нибудь в дальнейшем преодолен этот длящийся уже более семи десятилетий церковный раскол. А пока, пожалуй, можно только завершить эту тему словами библейского Послания св. Апостола Павла к филиппийцам: **«Имейте одне мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны».**

Так смолкли на Руси колокола

Как уже говорилось выше, общее положение Русской Православной Церкви в многомиллионной крестьянской России перед революцией 1917 года было настолько прочным, что, при всей определенности своих взглядов на религию и склонности к быстрым, решительным действиям, В.И. Ленин и большевики вынуждены были бороться с ней не методом «одним махом всех поби-

вахом», а поэтапно, стараясь постепенно все глубже вбивать клин между церковью, верой в Бога и народом.

Целых пять лет прошло со времени всенародного объявления религии «опиумом для народа» и лишения ее статуса официально поддерживаемой идеологии до открытого присвоения новой властью веками копившегося на средства верующих церковного имущества. Да и то сделано это было только в обстановке страшного голода, вызванного гражданской войной, и под завесой ханжеских призывов о необходимости помощи голодающим.

И только еще через пять лет, когда новая власть окончательно ликвидировала всякую открытую оппозицию в стране, смогла она приступить (как самой ей казалось) к «окончательному решению» вопроса о религии, церквях и монастырях. Причем, опять-таки, во-первых, проводилась эта новая кампания по закрытию церквей и монастырей одновременно и повсеместно, явно по команде «сверху». А во-вторых, снова делалось это под благовидно-фарисейским предлогом острой нехватки помещений для школ, детсадов и других культучреждений.

Можно было бы привести здесь десятки печатавшихся в 1926-1927 годах в «Нижегородской коммуне» и других наших газетах сообщений о добровольных (неприменно добровольных, идущих с самых «низов»!) решениях «верующих масс» о передаче зданий бывших церквей и монастырей под избы-читальни, клубы, школы, детские сады и т. д. Да только вряд ли есть в этом особая необходимость — уж очень похожи все эти сообщения одно на другое!

Как братья-близнецы, подобны одна другой и заметки о злобствовании и кознях церковников в связи с закрытием храмов и монастырей, а также сообщения о лишении их избирательных прав, высылке из мест проживания за контрреволюционную пропаганду и т. д.

Так, например, в заметке «Воздушные полеты архиерейской дочки», напечатанной в «Нижегородской коммуне» 18 сентября 1924 года, рассказывалось о том, что в Сергаче с целью агитации за строительство воздушного флота проводились показательные полеты аэроплана, прибывшего из Нижнего, при этом летчики брали с собой «покататься» над Сергачом всех желающих. Автор заметки негодует: как это в числе таких желающих смогла вдруг оказаться двадцатилетняя дочка местного архиерея? Вот они, гнусные происки церковной реакции!

Однако, архивы свидетельствуют о том, что даже и через десять лет Советской власти не всегда и не везде «гладко» осуществлялись мероприятия, направленные на «окончательное искоренение религиозных предрассудков» в сознании людей. Да и не доходили у «штатных» безбожников руки не только до каждого верующего (как это успевала делать когда-то церковь), а и до целых сел и деревень. И если, например, выходивший с 1865-го по 1917 год журнал «Нижегородские епархиальные ведомости» писал о затерявшемся в муромских лесах, родном для меня селе Дальнем Давыдове и Дальне-Давыдовском женском монастыре (или хотя бы упоминал о них) почти ежемесячно (находили и материал, и место на страницах!), то «Нижегородская коммуна» за все первые десять лет Советской власти только один-единственный раз удостоила сию (в общем-то, ничем особым не приметную) обитель своим вниманием: все мировой революцией были заняты местные журналисты, не до подобных сел им было!

Вот она, эта набранная самым мелким шрифтом и помещенная в разделе «По городу и губернии» заметка:

«Монастырь — очаг заразы сифилисом. О Дальне-Давыдовском женском монастыре, Павловского уезда, давно ходила дурная слава. Медицинский же осмотр установил среди монахинь громадный процент сифилитичек. Причины заражения сифилисом в окрестных деревнях, как показало следствие, шли непосредственно от монастыря, причем установлено несколько случаев заражения внеполовым путем — через «прикладывание» к иконам. Монастырь — очаг заразы — предполагается закрыть».

Вот так, ни больше и ни меньше — главный очаг заражения сифилисом в округе. Причем, удивительно «вовремя» это обнаружилось — как раз в ту пору, когда закрывались также (опять-таки, как по команде, хотя и «по требованиям трудящихся!») Серафимо-Понетаевский, Дивеевский, Макарьевский, Ворсменский и другие монастыри в Нижегородской губернии (в августе того же 1927-го года).

Как бы там ни было, видимо, уже в 1928 году действовавший с февраля 1858 года Дальне-Давыдовский женский монастырь был закрыт, а в его добротных кирпичных и деревянных корпусах разместились Давыдовский сельсовет, правление местного колхоза «Передовик», лесничество, неполная средняя школа (в которой когда-то учился автор этих строк), медпункт, ясли, почта. Часть зданий была отдана под квартиры работавшей здесь сельской интеллигенции.

О новой жизни монастырского «городка», получившего в советские годы общее название «колхоза», рассказала 24 мая 1936 года в специально посвященной ему полосе под заголовком «Там, где был монастырь» районная газета Вачского района (в который с 1930 года вошло Давыдово) «Большевицкий путь».

Благодаря тому, что ни одно из бывших монастырских зданий не пустовало и имело конкретного хозяина, почти все они (хотя и в сильно обветшавшем виде и без когда-то окружавшей их высокой стены, уже на моей памяти разобранной на кирпичи) сохранились до наших дней. А может, это посмертное чудо преподобного Серафима Саровского, еще в ранней своей юности заходившего в Давыдово по пути из Муром в Дивеево и не только предсказавшего появление Дальне-Давыдовского женского монастыря, но и обозначившего точное место для будущего его храма!

Остается добавить, что были в кампании по закрытию церквей и монастырей и особые случаи, когда использовались их капитально построенные, несокрушимые здания не совсем обычно. В частности, именно так произошло с бывшим древним Серафимо-Дивеевским монастырем, располагавшимся неподалеку от Арзамаса, в Сарове, в свое время широко известном на всю Россию великими духовными подвигами святого старца Серафима Саровского, а в советские годы, сразу после окончания Великой Отечественной войны, превращенном в закрытый город Арзамас-16.

Это здесь, на бывшем «святом» месте, в Сарове — Арзамасе-16-м, «отец водородной бомбы», а потом великий борец за права человека академик А.Д. Сахаров со своими коллегами (находясь, в сущности, за такой же наглухо отгораживающей от внешнего мира видимой и невидимой стеной, как и бывшие монахи) по заказу породившей этот город-призрак Системы создал Адскую Кузню советского ядерного оружия, научил людей в любое время зажигать во-

дородное Солнце на Земле, а потом, сам ужаснувшись тому, что он сотворил, всю оставшуюся жизнь искупал свою неизмеримую вину перед ними. Серафим Саровский и Андрей Сахаров, в разное время трудившиеся в одних и тех же саровских кельях — это как бы два неповторимых лика нашего сложного и бурного века.

Как отмечает в своем знаменитом романе-исследовании А.И. Солженицын, именно в корпусах бывшего древнего монастыря на Соловецких островах в Белом море был основан в 1923 году первый из островов будущего всеохватного Архипелага Гулаг — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), вдохновенно воспетый в 1928 году А.М. Горьким. А, пожалуй, не менее известный Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь (стоявший на месте нынешней площади Лядова, в самом начале Арзамасского шоссе), оказывается, еще раньше СЛОНа, в 1918 году, стал первым советским концлагерем для политических заключенных. Об этом подробно писали и А.И. Солженицын в своем романе, и несколько лет назад эмигрировавший в Израиль бывший нижегородский журналист Хазанов.

Такая практика не была каким-то исключением, использование органами ОГПУ–НКВД–КГБ бывших монастырских зданий в качестве мест для заключения (и расстрелов) инакомыслящих носило массовый, планомерный характер и было вовсе не случайным. Причем, дело тут было даже не только в том, что крепкие монастырские стены и глухие кельи идеально для этого подходили: недаром заточение в монастырь непокорных и неугодных во все времена практиковалось еще и при царях (только, конечно, не в таких массовых масштабах, как при Советской власти). Нет, было у новых тюремщиков и другое, не менее важное соображение. Как отмечалось в одном из материалов, опубликованных несколько лет назад в газете «Известия»: **«...тут замысел идейный. Превратить «крепости духа», святыни, почитаемые в народе, в места его унижения и подавления. Лишить человека последнего — утешения веры».**

НЕ СТАЛО БОГА — ОТЛУЧИЛИ И ОТ ЗЕМЛИ

Как хлеб у крестьян добывали

Трудно представить себе более «городских», более далеких от деревенской жизни людей, чем «вожди мирового (в первую очередь — заводского!) пролетариата» К. Маркс и В.И. Ленин. А если кого-либо и ненавидел основатель «безбожной» КПСС и непримиримо атеистического Советского государства еще более сильно, чем религию и духовенство, так это «темную» мужицкую «стихию», неорганизованную и «несознательную» крестьянскую «массу», всегда казавшуюся ему олицетворением вековой российской отсталости и дикости. Прекрасно понимая и постоянно подчеркивая неизбежную необходимость тесного союза РКП(б) и рабочего класса с этой многомиллионной человеческой «массой» в преимущественно крестьянской стране, В.И. Ленин не устал напоминать своим единомышленникам и соратникам о том, что при определенных условиях (в особенности без руководства со стороны коммуни-

стов) эта крестьянская «стихия» потенциально вполне способна стать силой, враждебной коммунистам и диктатуре пролетариата, в целом Советской власти.

Так, в своем выступлении на III Всероссийском съезде профсоюзов в 1920 году В.И. Ленин указывал, что и после Октября 1917 года, являясь союзником пролетариата в борьбе против капиталистов и помещиков, **«крестьянство оставалось собственником в своем производстве, и оно порождало и порождает после свержения буржуазии новые капиталистические отношения»**. В другой своей речи, произнесенной на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 года, сразу после подавления «контрреволюционного» восстания моряков Кронштадта (которые были теми же крестьянами, только одетыми в матросские бушлаты), он снова подчеркивает, что крестьянство — это **«тот класс, который после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов остается единственным классом, способным противостоять пролетариату»**.

Полностью соответствовала такому подходу и практическая политика РКП(б) по отношению к крестьянству в годы «военного коммунизма», когда одновременно с публичными вскрытиями мощей и «показательными» сожжениями наиболее почитаемых в народе икон присланные из городов вооруженные продотряды повсеместно силой подчистую отбирали у крестьянина хлеб, а беспощадная, ни на один день не прекращавшаяся война Советской власти с мужиком то и дело перерастала в кровопролитные общенациональные крестьянские восстания (например, под руководством Н.И. Махно на Украине, В.П. Антонова в Тамбовской губернии или в том же Кронштадте), подавлять которые с великим трудом и невероятной жестокостью приходилось регулярным частям Красной Армии.

Не намного лучшим было в то время положение и во вроде бы открыто не восстававшей против грабительской продразверстки Нижегородской губернии (впрочем, было мужицкое восстание в 1919 году в Урене). Об этом свидетельствует, например, протокол заседания Пустынского волисполкома Горбатовского (а с 1923 года — Павловского) уезда, под юрисдикцией которого находилось село Дальнее Давыдово. В этом протоколе-рапорте от 10 февраля 1923 года, озаглавленном «О зачистке (!) продналога» (уже не продразверстки, а введенного вместе с нэпом более «легкого» продналога!), докладывалось «наверх», что **«всю недоимку продналога по селениям волости не удалось взыскать, что можно было выкачать, выкачали. Из общей суммы недоимки на 1 января две тысячи восемьсот семьдесят два пуда удалось взыскать (только) триста пятнадцать пудов 33 фунта. Остальную сумму, несмотря на усилия (наших) работников, взыскать не удалось... Согласно указания Павловского Упродкома от 15 января с. г., неплательщики должны отбывать административное наказание, а затем при неуплате ими недоимки должны предаваться суду. Но ввиду того, что большинство неплательщиков является вдовами и малолетними детьми, то накладывать арест на этих неплательщиков ВИК не решился. А прочих неплательщиков, несмотря на неоднократные попытки к их аресту, задержать не удалось, ибо таковые все время уклонялись от ареста, разбегались — как, например, давыдовские неплательщики»** (надо же, какие несознательные! — А.В.)

Казалось бы, уже невозможно было еще более ужесточить и усилить политику столь энергичного шокового «перевоспитания» «темного» русского мужика, упрямо не желавшего ради грядущего коммунистического рая на всей

планете расставаться со своим крохотным земельным наделом и явно устаревшим стремлением распоряжаться выращенным на нем хлебом по своему усмотрению. Однако после вынужденной для Советской власти передышки НЭПа и смерти В.И. Ленина И.В. Сталин, объявивший в 1928 году на июльском пленуме ЦК ВКП(б) о генеральном курсе страны на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, нашел-таки верный способ превратить многолетнюю смертельную борьбу города с деревней за хлеб в кровавую междоусобную войну одной части русского крестьянства с другой.

Как видно, вспомнив о старом римском правиле «разделяй и властвуй», уже ставший к тому времени фактическим единовластным хозяином страны генсек ВКП(б) прежде всего «поднял на щит» те ленинские работы о русской деревне, в которых утверждается, что никогда не было и нет какого-то «усредненного» русского крестьянина-мужика, что в деревне есть кулак, середняк и бедняк — совершенно разные люди. Да к тому же оказалось вдруг, что теория классовой борьбы, открытая К. Марксом, дополненная и «углубленная» тезисом И.В. Сталина о постоянном усилении этой борьбы по мере побед социализма, вполне применима не только для характеристики отношений между целыми враждебными друг другу классами, но и для организации непримиримой братоубийственной войны внутри одного отдельно взятого класса — русского крестьянства.

Из школьного курса истории мы знаем, что повсеместное закрытие церквей и монастырей на рубеже 20-х — 30-х гг. совпало у нас по времени со всеобщей коллективизацией деревни. Оба этих всеохватывающих процесса были тесно связаны между собой, поскольку оба они оказали огромное, можно сказать, решающее влияние не только на форму владения и пользования землей, на организацию сельскохозяйственного производства или на религиозно-философское мировосприятие подавляющего большинства населения страны, но и на вековые обычаи и нравственные нормы, на весь повседневный-бытовой уклад жизни бывшего крестьянина, превращенного теперь в колхозника.

Более того, по нашему мнению, «глубочайший революционный переворот... , равнозначный... революционному перевороту в октябре 1917 года» (каковым назвал И.В. Сталин коллективизацию деревни), ничуть не в меньшей степени, чем антирелигиозная борьба, способствовал коренному изменению духовно-нравственного строя народной души. А замена сохи трактором и перешедшего от отца и деда единоличного земельного надела обезличенным, «ничейным» колхозным полем, в свою очередь, не менее разрушительно, чем публичное поругание святых мощей или рубка старинных икон на дрова, убивало в душе человека его исконную веру в справедливость и природное стремление к труду на земле.

Газетной строкой и ночным арестом

Наглядное представление о том, насколько всеохватно задевавшими всех и каждого и похожими друг на друга были в годы «великого перелома» («перелома» хребта и души народа! — А.В.) методы борьбы с религией и осуществления всеобщей коллективизации деревни, дает, например, и поныне потрясающее своей безразборчивой бесчеловечностью постановление Горьковского

крайкома ВКП(б) (даже не крайисполкома, а крайкома партии!) от 13 декабря 1932 года, опубликованное 17 декабря того же отмеченного небывалым голодом года в газете «Горьковская коммуна» под кричащим заголовком: **«Железной рукой пролетарской диктатуры сломать саботаж, организованный врагом!»**

Посвящено оно было якобы намеренному срыву хода хлебозаготовок и организации колхозов в Спасском и Ардатовском районах нашей области. А в заключительной части этого постановления перечислялись и конкретные меры наказания за эти смертные грехи поголовно всех (от младенцев до стариков!) жителей этих районов, и до того-то имевших возможность что-то приобрести для себя в местной сельской лавке только строго по карточкам:

« 1. Предложить Крайснабу, Крайпотребсоюзу и Торгу немедленно прекратить завоз товаров в кооперативную, государственную торговлю в Спасском и Ардатовском районах и одновременно вывезти из этих районов наличие товаров (!). Поручить Крайснабу и Уползагот СТО вывозимые товары из указанных районов направить в районы, успешно выполняющие государственные обязательства.

2. Полностью запретить в Спасском и Ардатовском районах колхозную торговлю как для колхозов и колхозников (!), так и для единоличников.

3. Предложить Крайфу, Госбанку, Соцзембанку и Комбанку прекратить отпуск всех видов сельскохозяйственных кредитов этим районам и немедленно приступить к досрочному (!) взысканию всех кредитов и других финансовых обязательств.

4. Поручить ПП ОГПУ произвести изъятие контрреволюционных элементов в Спасском и Ардатовском районах, организаторов саботажа выполнения государственных обязательств.

5. Поручить органам КК РКИ произвести проверку и чистку советских, кооперативных и колхозных аппаратов этих районов от чуждых и враждебных элементов. Усилить применение 61 ст. УК абзац «Г» в отношении к злобно уклоняющимся и саботирующим в выполнении государственных обязательств.

7. Предложить Крайпрокуратуре и Крайсуду в ускоренном порядке рассматривать дела по расхищению колхозного и государственного имущества, применив к виновным все меры суровых наказаний, предусмотренных в декрете (от 7 августа 1932 года, так называемый «декрет о пяти колосках», в соответствии с которым даже за хищение нескольких колосков с колхозного поля виновного — в том числе и несовершеннолетнего или престарелого! — могли приговорить... к расстрелу (!) или к лишению свободы на срок не менее (!) 10 лет – А.В.)

Предупредить партийные организации отстающих районов, в особенности Гагинского, Ветлужского, Шахунского, Воскресенского, Вознесенского, Красно-Баковского, Дивеевского, Уреньского и Ковернинского районов, что в случае необеспечения ими в ближайшее время решительного перелома в проведении хозяйственно-политических кампаний и ликвидации кулацкого саботажа Крайком партии вынужден будет применить к этим районам (!) и их руководству такие же меры воздействия».

Легко можно представить себе, какое необъятное поле для любого произвола открылось после появления на свет этого официального документа не

только в названных в нем районах, но по всей Нижегородской области, по всему краю, включавшему в себя тогда, кроме Нижегородской, еще и Вятскую (позднее — Кировскую) область, а также Марийскую АО и Чувашскую автономную республику. И был этот сравнимый по своей жестокости разве только с временами военного коммунизма документ не каким-то исключением, вызванным особыми обстоятельствами, а обыкновенным, рядовым для той «переломной» поры явлением тотального беззакония и геноцида по отношению к собственному народу.

Не от случая к случаю, а, начиная примерно с осени 1928 года (после поездки И.В. Сталина на Урал и объявления коллективизации села главной задачей партии), на протяжении нескольких последующих лет (!) буквально ни один номер той же «Нижегородской (а потом «Горьковской») коммуны» (являвшейся официальным органом Крайкома РКП(б) и Крайисполкома! — А.В.) не обходился без зубодробительных призывов типа: **«Саботажников и вредителей колхозного строительства — к ответу!»**, **«Раздавить кулака!»**, **«Поджигатели не унимаются»** и т. д. И как ведь вовремя повсюду стали вдруг обнаруживаться эти кулацкие козни — не раньше и не позже, чем было объявлено о предстоящей ликвидации кулачества как класса. Как и за семь лет до того обвинения в адрес духовенства, якобы организовавшего голод в Поволжье, словно по чьей-то команде, поднялся этот небывалый газетный гвалт...

Теперь-то, через семь с лишним десятилетий, мы хорошо знаем, что громкие газетные призывы тех судьбоносных для России лет всегда сопровождались куда более тихими, но от этого не менее разрушительными для страны практическими делами: органы ОГПУ — НКВД в ту пору уже не только по ночам, а и среди белого дня, на виду у всех, работали с полной нагрузкой. И, разумеется, главный удар при этом наносился по «эксплуататорским» классам, главными из которых к тому времени, после полной ликвидации (или бегства за границу) высшего дворянства, помещиков и фабрикантов, оставались на селе представители духовенства и наиболее зажиточная часть крестьян.

Именно они-то и были главными «героями» не только всех газетных карикатур, но и ночных арестов. Так, уже 20 июня 1928 года, в самом начале антикулацкой кампании, газета «Нижегородская коммуна», как говорится, убивая сразу двух зайцев, писала: **«Оказывается, кулаки в монастырях спасают не только свои грешные души, но и большие запасы хлеба. Например, в селе Тетершине Ардатовского уезда крупные держатели хлеба в один голос заявили: «Этот хлеб не наш, он принадлежит «сестрицам» Ардатовской общины!» В Кужендееве, Хрипунове и других селах тоже оказалось много хлеба, принадлежащего «сестрицам» Кутузовской общины** (так же, как и Ардатовская община, давно уже разогнанной к тому времени! — А.В.). **«Сестрицы» сначала поддерживали хлебных тузов, но потом трусили, от хлеба отказались и указали настоящим хозяев. «Сорвалось!» — смеялась беднота над хлебными спекулянтами».**

А в самом Нижнем Новгороде, где злостных укрывателей «излишков» хлеба - кулаков, вроде бы не водилось, ретивым газетчикам приходилось «спаривать» недобитых (и недограбленных) служителей религиозного культа с пока еще уцелевшими кое-где от нэпмановских времен владельцами мелких частных торговых заведений и кооперативных лавок. Так, 21 декабря 1929 года, в номере, почти целиком посвященном широко отмечавшемуся 50-летию И.В. Сталина, газета «Нижегородская коммуна» писала: **«В мясной лавке НКЦРК на**

Славянской площади появились гуси и окорока, тогда как (раньше) этой снеди не было в лавке в течение всего года. Не говорит ли это за то, что правление НКЦРК благоволит праздничку Рождества и в этом духе заботится о своих верующих потребителях? Пайщик».

И в той же газете — десятью днями раньше: «Основное внимание должно быть обращено на запрещение торговли елками. Не должно быть также торговли рождественскими «дедами-морозами», звездами, украшениями и т. п.»

Можно было бы привести здесь немало и других подобных же «сдвоенных» залпов — одновременно по еще остававшимся на воле (хотя и давно уже лишенным всяких гражданских прав и средств к существованию) представителям духовенства и более или менее состоятельным крестьянам, тоже отнесенным теперь к «паразитическим» классам. Но мы процитируем на этот раз всего только одну небольшую заметку, опубликованную все в той же «Горьковской коммуне» в июле 1936 года, когда уже было официально объявлено, что в стране построены основы социалистического общества и все газеты были переполнены материалами «всенародного обсуждения» сталинской Конституции СССР.

Некто Легостаев в этой заметке писал: «В стране еще остались недобитки классового врага, его агенты. Это обязывает нас повысить бдительность, зорко охранять наши громадные успехи, ярко отраженные в Сталинской Конституции. Мне не по душе пришлось, когда я узнал, что попы и прочие служители культа восстанавливаются в избирательных правах. Я предлагаю все-таки лишить их избирательных прав голоса потому, что они были и останутся нашими врагами, врагами народа» (уже был найден удачный термин! — А.В.)

Вот тебе и самая демократическая, самая гуманная в мире — сталинская Конституция!

Брат — на брата, сын — на отца. Коллективизация совести

До первой мировой и гражданской войн одним из краеугольных камней крестьянского миропонимания на Руси была шестая библейская заповедь, запрещающая всякое убийство; даже умерщвление злого, нехорошего человека всегда почиталось в народе непростительным грехом. В течение многих веков надежной основой народной нравственности была также и заповедь десятая, которая гласит: «Не желай дома ближнего твоего: не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Как известно, в «Новом Завете» эта древнейшая заповедь была дополнена Иисусом Христом словами: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». «Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Левит, 19, 17-18). А я говорю вам; любите врагов ваших, благословляйте проклинающих

вас, благодарите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас».

Важно и то, что церковная проповедь этих основополагающих норм общественного поведения истинного христианина постоянно подкреплялась также и переходившими от поколения к поколению неписанными законами повседневного бытия крестьянской общины, которую, как видно, совсем не случайно нередко именовали еще и просто «миром» (отсюда: взяться всем миром, миряне, на миру и смерть красна и т. д.). На это знаменательное совпадение двух основных смыслов бесконечно вместительного слова «мир» указывает Василий Белов в своей книге «Лад»: **«Слово «мир» в русском языке означает всю Вселенную, — пишет он, — Мир — значит мироздание, временная и пространственная бесконечность. Этим же словом называют и беззлобие, отсутствие ссор, дружбу между людьми, гармонию и спокойствие. Совпадение отнюдь не случайное».**

И вот (точно так же, как за несколько лет до того В.И. Ленин при объявлении расколовшей страну войны «опиуму народа» — религии) в эту-то спящую общим бытом и вековыми традициями, обособленную от всего остального мира единую сельскую семью-общину бросил И.В. Сталин в «переломном» 1929 году братоубийственный лозунг о ликвидации кулачества как класса. Причем, с самого начала этой разделительно-истребительной кампании стало ясно, что, говоря о «ликвидации», Лучший Друг Советского Крестьянства имел в виду не каких-то отдельных, действительно эксплуатирующих чужой труд «кровососов», а именно массовое физическое уничтожение целого слоя наиболее умных, трудолюбивых (и потому наиболее самостоятельных, не зависевших от его воли) крестьян.

Даже в январе 1933 года, когда многие тысячи и даже миллионы этих лучших представителей российского крестьянства (в живом или мертвом виде) уже пребывали за Полярным кругом, в гибельных даже для выносливого русского мужика зонах вечной мерзлоты, Великий Вождь наставлял своих подручных: **«Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники (до чего же емкое словечко! — А.В.), нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — «долой колхозы». Они «за колхозы»...**

Ну, кто из смертных может не подойти под такую характеристику?!

Позднее, в 1943 году, в беседах с английским премьер-министром У. Черчиллем на Тегеранской конференции, сам И.В. Сталин признавался, что во время коллективизации ему пришлось вести борьбу «против десяти миллионов кулаков» и что «громадное (их) большинство (по свидетельству самого Сталина) было уничтожено». Как писал по свежим следам событий в своей поэме «Страна Муравия» Александр Твардовский (по многодетной семье родителей которого, раскулаченной и сосланной на Северный Урал, тоже прошел страшный плут коллективизации):

**Их не били, не вязали,
Не пытали пытками.**

**Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, -
Милицейские ребята
Выводили под руки...**

Да, счет шел на миллионы. Для того, чтобы в столь короткий срок пропустить через «ликвидаторскую» мясорубку такую огромную «массу» живого, с корнем вырываемого из родных мест «материала», мало было одних бездумных фанатиков-исполнителей типа шолоховского Макара Нагульнова, который «для победы мировой революции» (а то и ради «круглой» цифры в отчете о раскулачивании!) готов был «пустить на распыл» кого угодно: **«Тысячи станови зараз дедов, детишек и баб — всех из пулемета порешу!»** Нет, для этого нужны были еще и тысячи (если не миллионы!) добровольных помощников подобных Макаров из среды самих крестьян, досконально знавших, что и где имеется в доме и на дворе у соседа. Таких, как юный пионер Павлик Морозов, донос которого на родного отца был в общесоюзном масштабе возведен в ранг наивысшей гражданской доблести.

Откуда же шло это всеобщее озлобление против ближнего и повальное доноительство, откуда взялось в богобоязненном, спаянном вековой общинной порукой русском крестьянстве сразу столько Макаров Нагульновых и Павликов Морозовых, готовых по первому знаку «свыше» переступить сразу всех десять библийских заповедей, что двигало этими людьми? Известный публицист Ю. Феофанов в своей статье «Идеология у власти», посвященной выходу в свет книги С.П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918-1923» и напечатанной в «Известиях» в 1990 году, видит главную причину такого общенационального помрачения русского народного характера в годы «великой смуты», вызванной Октябрем 1917 года, прежде всего в тотальной идеологизации народных масс.

«Мне думается, — пишет он, — ответ на эту загадку может быть один: святая и безусловная вера в свою правоту, такая вера, которая подавляет врожденную нравственность, здравый смысл и чувство самосохранения». И далее, сравнивая гонителей «врагов народа» 20-30-х годов с толпами черни, радостно ликовавшей возле инквизиторских костров, автор статьи продолжает: **«Надо иметь в виду, что инквизиция отнюдь не расправлялась с людьми, обрекая их на пытки и сожжение заживо. О нет. Если бы это было так, если бы это была идеология расправы, она бы никогда не овладела массами. В том-то и фокус, что, посылая брэнное тело человека на костер, инквизиция спасала его бессмертную душу».**

Разумеется, полностью относится обобщение, сделанное в этой статье, также и ко временам коллективизации. Ведь, например, и в той же «Поднятой целине» М. Шолохова, доказывая необходимость раскулачивания Андрею Разметнову, заявившему, что он «с детишками не обучен воевать», Семен Давыдов, говорит: **«Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь!»** А в конце романа, незадолго до своей трагическо-героической гибели от рук замаскировавшихся белогвардейцев и кулаков, этот широко известный герой вошедшего во все хрестоматии «классического» произведения М.А. Шолохова о коллективизации мечтает о том времени, когда в очищенном от всякой «кон-

тры», построившем новую, колхозную жизнь хуторе Гремячий Лог нынешний казачонок Федотка Ушаков «будет электроплугом землю наворачивать».

Ну, а во имя достижения такой великой цели все средства хороши, для тех, кто решил посвятить свою жизнь счастью грядущих поколений, все на свете, в том числе и казавшиеся прежде незыблемыми ветхозаветные заповеди, стало относительным. Тем более, что без излишней скромности именовавшая себя «умом, честью и совестью нашей эпохи», самая мудрая на свете партия не только объявила своих никогда не ошибавшихся вождей единственными знатоками пути, ведущего в это светлое коммунистическое «завтра», но и заранее отпускала исполнителям их воли все грехи, вернее, брала на себя всю ответственность за все, что будет совершаться на этом пути.

Да, конечно, верно сказано в Библии, и Ф.М. Достоевский был прав: убивать вообще, а тем более хотя бы одного невинного младенца — нехорошо. Но если это требуется для победы пролетарской революции — сколько их там нужно еще сослать вместе с их матерями и бабушками на верную гибель в заполярную тундру? Да, конечно, желать дома и вола ближнего своего раньше вроде бы почиталось зазорным, но ведь не пустовать же освободившимся от прежних хозяев кулацким хороминам! Пососали те, кто их возводил, из нас, горемычных, кровь, а теперь мы на их костях поцарствуем!

Такой поворот в психологии людей предвидел еще Н.А. Бердяев, задолго до описываемых событий предсказавший в своей работе «Мутные лики» подобную коллективизацию совести. Как писал в посвященной его 120-летию статье «Великий изгнанник», опубликованной в «Независимой газете», В. Свинцов: **«Чтобы превратить человека в раба, не всегда достаточно его запугать. Гораздо «продуктивней» в этом смысле подавление совести. При коллективизации же совести (предсказанной Н.А. Бердяевым) человек просто уклоняется от мучительного нравственного выбора, перекладывая его на коллектив. Тем самым как бы устраняется тот крошечный плацдарм души, на котором постоянно сражаются темные и светлые силы».**

А вообще-то, раньше в народе это называлось еще проще: прятаться за чужие спины. Вернее, не за многие, а за одну (но зато какую широкую!) спину — РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. И не у ее ли вождей в свое время учился Гитлер, просто-напросто «освобождавший» человека от «химеры, именуемой совестью»?

Впрочем, все сказанное вовсе не означает, что как в борьбе с религией, так и в ходе осуществления всеобщей коллективизации деревни {кроме вечно недостижимого, как линия горизонта, призрака будущего коммунистического рая на земле и всеохватывающего демагогического оболванивания не больно-то разбиравшихся в 20–30-х годах в «высокой политике» неграмотных крестьянских «масс») не использовался и такой важный рычаг «формирования» нового морально-нравственного облика души народа, как самый обыкновенный страх, постоянное запугивание. Это был вполне понятный и объяснимый для людей, лишенный веры в Бога и земли (да и всякой собственности), страх за свою жизнь и за жизнь своих близких, вполне вероятная для каждого возможность в любой момент самому оказаться в числе тех, кто подлежит «ликвидации». Ведь сказал же товарищ Сталин, что кулаки могут надевать на себя самые разные маски — в том числе и бедняков. А бывают еще и «подкулачники»!

Да если даже и не объявят «врагом» — жить-то ведь все равно надо. И чем же иным, если не стремлением выжить, можно объяснить, например, тот факт, что люди, еще вчера зубрившие в школе наизусть заповедь о необходимости почитания отца своего и матери своей, теперь публично, на страницах газет, заявляли: **«Я, Шадрин А.А., порываю всякую связь с родителями - лишенцами Шадриным А.П. и Ан. Мих.»** (Вачская районная газета «За пятилетку», 1931 г., 15 октября).

А ведь «на переломе» 20–30-х годов такие чудовищные по своей безнравственности заявления вовсе не были чем-то исключительным, ими так же, как и сообщениями о судах над укрывателями хлеба и поджигателями-кулаками были переполнены все газеты. Разве только с потоками писем-доносов на ближнего и дальнего, хлынувшими на страницы тех же газет из глубины обучившихся на свою беду грамоте «масс», можно было сравнить эти под чьим-то нажимом или добровольно писавшиеся заявления.

И стоило ли удивляться тому, что, получив ценой такого отступничества доступ к «новой, светлой» колхозной жизни, эти отрекшиеся от отцов и матерей люди потом уже не утруждали себя ударной работой на обобщественном поле, без зазрения совести тащили с него все, что плохо лежит, с невероятной жестокостью издевались над ни в чем не повинным колхозным скотом, который и без того без всякой жалости (ничей ведь!) изводили непосильной работой, вечно держали впроголодь, а то и вовсе не кормили?

«ЧЕРНОЕ ВОРОНЬЕ» — В «ЧЕРНЫЕ ВОРОНКИ»

...Общественный обвинитель Кокурин «страшный человек был»... Взгляда одного боялись его. Сколько людей погубил. Жители села Давыдово пробовали заикнуться ему о бесполезности взрыва церкви. Получили ответ: «Нам нет преград — уверены в своем всесилье».

...Технология-то (сбрасывания колоколен, например) была одинаковая, и на Бору, и в Давыдове...

Главу о раскулачивании Кряжовых надо обозначить через звездочки. Закончить рассказом о том, как у нас у эвакуированной семьи погибшего фронтовика в 1943 году за неуплату налогов козу Зинку увели. Мать с бабкой Степанидой навзрыд плакали. Ругали Курыгу — сказала, что это «ихняя» коза. А я с тех пор (с 6 лет) возненавидел Сталина и Систему, которую весь век должен был воспевать...

Из дневника А.В. Вострилова. Август 1998 года.

Еще зимой 1929-1930 года, вскоре после организации Дальне-Давыдовского колхоза «Передовик», в Давыдове были лишены избирательных прав и объявлены подлежащими выселению из села 52 человека, в том числе сорок еще не догадавшихся к тому времени сменить место жительства или умереть бывших монашек, а также семьи сельского священника А.А. Соколовского

и псаломщика Давыдовской сельской (не монастырской) церкви. Сам же монастырь, названный в постановлении сельсовета «осиным гнездом контрреволюционного черного воронья», к тому времени уже был ликвидирован.

Одновременно шло раскулачивание не церковных и не монастырских «лишенцев», объявленных в Давыдове кулаками. В основном это были семьи, принадлежавшие к двум исконно давыдовским крестьянским родам — Кряжовых и Полюлюевых. Вот, например, (сохранившаяся в Нижегородском областном архиве) опись имущества главы самого богатого (!) давыдовского кулацкого рода Андрея Меркурьевича Кряжова, составленная по случаю его (скорее всего вынужденного!) раздела с младшим сыном Иваном 9 апреля 1928 года — меньше, чем за год до раскулачивания их обоих:

1. Дом новый с двумя избами — 1200 руб.
  2. Палатка каменная (сейчас в ней размещается Давыдовское отделение связи — А.В.) — 500 руб.
  3. Приделок (к палатке) — 25 руб., погребница — 25 руб., овин с половней — 50 руб., баня — 40 руб.
  4. Сенница (на лугах) — 30 руб.
  5. Лошадей — две: мерин серый — 150руб. и кобылка бурая — 150 руб.
  6. Коров — две, обе масти красной: по кличке «Красотка» — 80 руб., и «Субботка» — 80 руб.
  7. Инвентарь сельскохозяйственный с полным оборудованием для двух лошадей — 150 руб.
  8. Лесоматериал на сумму 215 рублей.
- Всего на сумму 1680 (одна тысяча шестьсот восемьдесят) рублей.

Вот такие «богачи» жирели на бедняцких хлебах в Давыдове: одна (во всем селе) каменная палатка на двоих, по одной лошади и по одной корове на отца и сына. Посмотрели бы они на некоторых сегодняшних наших «не кулаков», в роскошных дачах которых свободно разместилось бы по несколько тех кряжовских каменных палаток и в моторах персональных «Чаяк» и «Волг» которых бьют копытами сотни лошадиных сил. А ведь за ту злополучную (и поныне сохранившуюся) каменную палатку весь многочисленный кряжовский род был изведен до последнего человека!

Впрочем, это истребление тех, кто был признан недостойным вступить в «новое, светлое» будущее, происходило не сразу вслед за раскулачиванием. То ли из-за отдаленности от всяких городских центров затерявшегося в муромских лесах Давыдова, то ли по какой-либо оплошности начальства на протяжении более семи лет после раскулачивания этим выгнанным из собственных домов людям еще разрешали жить на свете — хотя и душили их всякими поборами и не позволяли им заработать на хлеб. И только осенью 1937 года, сразу после официального закрытия Давыдовской Христорождественской церкви большая группа «мирских» и духовных лиц из числа этих «лишенцев» со стажем была арестована и безвозвратно увезена из села. И поныне даже их дети и внуки (большинство которых давным-давно покинули Давыдово) не знают, что потом произошло с их отцами и дедами, как они сгинули в вечность.

Как известно, 1937-й год был богат на разные чудеса, не обошли эти рукотворные чудеса и затерявшееся на окраине древних муромско-навашинских лесов село Давыдово, Вачского района, Горьковской области. Вдруг поздней осенью в течение каких-то считанных дней (вернее, ночей!) в селе были арестованы сразу почти полтора десятка человек. Вот их фамилии, имена-отчества, звания и возраст:

1. Соколовский Аполлон Алексеевич — священник Христорождественской приходской церкви села Дальнего Давыдова, 1896 года рождения.

2. Кряжов Андрей Меркурьевич — лесопромышленник, крестьянин-кулак, 1864 года рождения (к моменту ареста — 73 года).

3. Кряжов Семен Меркурьевич — лесопромышленник, крестьянин-кулак, 1872 года рождения, брат А.М.Кряжова.

4. Кряжов Василий Андреевич — лесопромышленник, крестьянин-кулак, 1887 года рождения, сын А.М.Кряжова.

5. Кряжов Михаил Андреевич — крестьянин-кулак, 1894 года рождения, сын А.М.Кряжова.

6. Кряжов Иван Андреевич — крестьянин-кулак, 1903 года рождения, сын А.М. Кряжова.

7. Кряжов Семен Семенович — лесопромышленник, крестьянин-кулак, 1893 года рождения, сын С.М.Кряжова.

8. Полюлюев (Липатов) Василий Иванович — лесопромышленник, 1885 (?) года рождения.

9. Рощин Алексей Тимофеевич — бывший полицейский, 1872 года рождения (65 лет).

10. Киселева Анна Матвеевна — староста Давыдовской церкви, 1882 года рождения (55 лет).

11. Савин Иван Михайлович — уроженец д. Чеванина, 1867 года рождения, бывший прислужник Давыдовского монастыря.

12. Кочнев Михаил Андреевич — 1899 года рождения, бывший (с 1918-го по 1922 гг.) доброволец РККА и член РКП (б), исключен из партии за венчание в церкви.

13. Велькина Агриппина Александровна — 1892 года рождения, род. в с. Ачадово Мордовской АССР, бывшая сторожиха и уборщица Давыдовской сельской церкви, бывшая монашка.

14. Мошкова Прасковья Андреевна — 1871 года рождения, мордовка, неграмотная, бывшая монашка Давыдовского монастыря.

В окрестных селах и деревнях в эти же дни (и ночи) были арестованы:

в Белогузове — Трошин Василий Никитович, 1904 года рождения, Мордовин, бывший (с семилетнего возраста до 1918 года) воспитанник Городецкого Федоровского монастыря, и Серова Мария Петровна — 1893 года рождения, неграмотная, бывшая монашка Давыдовского монастыря;

в Шишкине — Игошин Николай Дмитриевич — родился в 1898 году в д. Светицкое, торговец стальными изделиями. Служил рядовым в войсках Керенского в г. Муроме. С 1933-го по 1935 год находился в ссылке в Балахне («на торфу») и строительстве канала Москва–Волга;

в Степанове — Лунин Федор Федорович — 1903 года рождения, крестьянин-единоличник;

в с. Казакове — Боброва Ефросиния Ивановна — 1898 года рождения, бывшая монахиня Давыдовского монастыря;

в д. Заплатино соседнего Павловского района — Шиянов Николай Алексеевич — 1880 года рождения, вел бродячий образ жизни (то есть собирал милостыню по деревням. Как и перечисленные выше бывшие монашки Дальне-Давыдовского женского монастыря, не имевшие родственников ни в самом Давыдове, ни в окрестных селениях и не догадавшиеся сразу после закрытия в 1927 году монастыря как можно скорее убраться подальше от мест, где начальство иначе, как «черным вороньем» и «враждебным элементом» их не называло. Более молодые монашки спаслись от нищеты и будущих арестов тем, что повыходили замуж за давыдовских — А.В.).

Сразу восемь человек были арестованы в приокском селе Клин (воспетом еще Н.А. Некрасовым!). Но следствие по их «преступлениям» было выделено в особое судопроизводство, и поэтому здесь мы не будем его касаться...

Больше двух месяцев об арестованных не было ни слуху, ни духу — и только 20 февраля 1938 года в вачской районной газете «Большевицкий путь» появилась пространная статья некоего А. Тонкова «Вражеские действия церковников». В ней говорилось, что **«в Вачском районе раскрыта контрреволюционная повстанческая организация церковников. Центром деятельности организации было село Давыдово, руководил ею бывший монах Давыдовского монастыря С. (Откуда он там взялся — монастырь-то был женский?! — А.В.). В селе Клин имела отдельная ячейка этой организации, руководимая бывшим кулаком-торговцем Б.»**

«В борьбе с Советской властью контрреволюционеры стремились использовать прежде всего религиозные чувства верующих. Так руководитель организации бывший монах С. выдавал себя за «отца Ивана святого». Член организации бывший кулак-торговец И. «открыл в лесу возле Шишкина «святой ключ». На своих тайных сборищах, происходивших под видом молений, члены организации запугивали присутствующих колхозников загробными мучениями и агитировали их к выходу из колхозов, а единоличников предостерегали от вступления в колхоз».

«Чтобы лучше действовала пропаганда за восстановление монархии, члены организации бывшая монашка С. выдавала себя за дочь бывшего царя Николая II-го Марию Романову, а бывший монах Т. (так вот зачем потребовались монахи-мужчины! — А.В.) — за сына царя Алексея Романова. Эта «парочка», ходя по селениям Вачского и Павловского районов, вела контрреволюционную пропаганду среди населения. У ряда давыдовских членов контрреволюционной организации был уже и известный практический опыт вооруженной борьбы: в 1918 году в с. Давыдове ими были зверски расстреляны красногвардейцы братья Савельевы».

«Один из матерых бандитов, поп Давыдовской церкви С., показывал: «Я сам, лично, чтобы послужить примером, отказался от уплаты налогов и заявил, что я законам Советской власти не подчиняюсь. А также подготовлял террористический акт против местных руководителей»... Так под маской благочестия, служения Богу и совести пряталась звериная морда врага!

«Святые отцы», смертельно ненавидя Советскую власть и трудовой народ, мечтали о возвращении прежней сытой жизни, об открытии вновь

монастырей, хотели отнять землю у колхозов и вернуть монастырям и помещикам. Не вышло и не выйдет, «святые отцы»!»

На этом надолго закончились толки и пересуды о «контрреволюционной повстанческой организации церковников», якобы действовавшей в 1937 году в селе Давыдове и некоторых других населенных пунктах Вачского района, Горьковской области. Потом наступило более чем полувековое молчание, полная неизвестность, которая была одной из главных составных частей изошренной расправы чудовищной сталинской карательной машины над своими «классовыми противниками». Даже матери, жены, дети и внуки бессудно осужденных на позорную, мучительную смерть и вечное забвение людей не должны были знать о том, что произошло с их сыновьями, отцами и дедами за окованными многослойным железом воротами тюрем и лагерей. В глубоких подземных бункерах, за многими замками и решетками, под секретными шифрами чуть не до конца тысячелетия укрывались (да и поныне укрываются!) в бывших спецхранах НКВД когда-то состряпанные на них многотомные «липовые» дела.

Только через целую вечность после тех, когда-то взбудораживших все Давыдово и округу событий 1937-го, после того, как повымерли или поразлетелись по всем концам страны даже самые отдаленные потомки репрессированных тогда «врагов народа» (да и то после долгих хлопот и мытарств, представления самых разных справок и других официальных бумаг!) привелось мне, наконец, перелистать в Государственном архиве Нижегородской области переданные туда (после тщательного «препарирования» и «чистки») из соответствующих «органов» материалы следственных дел наших давыдовских «контрреволюционеров», читать протоколы допросов обвиняемых и суровые приговоры, вынесенные им тогда безымянными и беспощадными «тройками» Управления НКВД по Горьковской области.

Более полутысячи страниц, объединенных в два похожих друг на друга, как две капли воды, следственных «дела»! Но подробно пересказывать всю нагроможденную в этих «материалах» несусветную чушь здесь я не собираюсь.

Во-первых, потому, что зафиксированные в этих «делах» фантастические обвинения могут вызвать у сегодняшних моих читателей разве что горький смех. Чего стоит, например, одно только утверждение следователей о том, что безграмотная и безродная бывшая монашка Мария Петровна Серова (родом из деревни Белогузово), дескать, представлялась всем в своих скитаниях по деревням царевной Марией, дочерью императора Николая Второго, чудом спасшейся от расстрела!

Во-вторых, я ведь излагаю здесь не только историю села Давыдова, но и свою родословную. А никто из нашего, востриловского рода тогдашней «железной метлой» НКВД затронут не был. Даже в свидетелях никому из моих родственников побывать не привелось. Хотя, например (как это видно из протоколов допросов арестованных), описанное выше убийство братьев Савельевых в качестве одного из главных пунктов обвинения предъявлялось почти всем Кряжовым. И некоторые из них (как, скажем, М.А. Кряжов) даже не опровергали своего участия в этом самосудном убийстве.

С другой стороны, и обойти молчанием эту слишком памятную для моих земляков страницу истории села Давыдова я тоже не могу. И без того достаточ-

но долго была эта тема запретной не только для каких-то там «писаний», но и для обыденных разговоров между людьми. А как, например, умолчать о том, что именно тогда, в 1937-м, была окончательно закрыта наша Давыдовская сельская церковь? Или о том, что сам я родился все в том же расстрельно-погибельном 1937-м?

Однако, я начну с самого главного — с того, что все эти бесконечные шесть с половиной десятилетий не было известно ни самым близким родственникам моих канувших в Вечное Безмолвие земляков, время от времени продолжавшим посылать безответные запросы о судьбе своих дедов и отцов в самые высшие инстанции страны, ни тем более другим односельчанам. А вот в этих насквозь лживых, надуманных «следственных делах», наконец-то попавших мне, одному из представителей села Давыдова, в руки, только эти официальные сведения и были давно запоздавшей, горькой правдой.

Оказывается, как минимум, шестеро из арестованных в октябре-декабре 1937 года в Давыдове и окрестных селениях полутора десятка «контрреволюционеров» еще за месяц до публикации цитировавшейся выше статьи в вачской районной газете «Большевистский путь», в январе 1938 года, по решению особой «тройки» Управления НКВД по Горьковской области были расстреляны в Горьковской пересыльной тюрьме. Это были:

1. Савин Иван Михайлович — 70-летний уроженец соседней д.Чеванино (проживавший в Давыдове у дочери в огороде), неграмотный, бывший прислужник Давыдовского монастыря, «святой отец Иван», которого следователи называли руководителем контрреволюционной организации.

2. Соколовский Аполлон Алексеевич — священник Христорождественской приходской церкви с. Давыдова, 1896 года рождения.

3. Полюлюев (Липатов) Василий Иванович — бывший лесопромышленник, потом пильщик на дольной пиле, неграмотный, 1885 года рождения.

4. Кряжов Андрей Меркурьевич — лесопромышленник, глава самого богатого в Давыдове рода, 1864 года рождения (к моменту ареста — 73 года).

5. Кряжов Михаил Андреевич — крестьянин-кулак, лесопромышленник, 1894 года рождения, сын А.М. Кряжова, участник расправы над братьями Савельевыми в 1918 году.

6. Кряжов Семен Семенович — лесопромышленник, крестьянин-кулак, 1893 года рождения, племянник А.М. Кряжова, был женат на дочери И.М. Савина («отца Ивана святого») Агафье.

Пожалуй, эти шестерым «повезло» больше многих остальных: получил «свои» девять граммов свинца — и отмучился. Другие подсудимые (в том числе и «черное воронье» — бывшие монашки, находившиеся уже не в молодом возрасте и отвыкшие за годы скитальческой работы по деревням от тяжелой физической работы) были приговорены к длительным (от 8 до 10 лет) срокам заключения в ИТЛ (по А.И. Солженицыну: «истребительно-трудовых лагерях»). И практически все они уже в ближайшее год-два погибли в лагерях от голода, холода, непосильной работы, побоев и конвоирских пуль.

Так, 67-летняя бывшая монашка Давыдовского монастыря Прасковья Андреевна Мошкова, приговоренная к 8 годам ИТЛ, умерла 25 августа 1938 года в тюремной больнице г. Горького; 65-летний бывший рабочий Вачского завода

«Труд» Алексей Тимофеевич Рошин (10 лет ИТЛ) — 2 марта 1938 года в больнице ОЛАГА; 53-летний участник расстрела братьев Савельевых в 1918 году Василий Андреевич Кряжов (10 лет ИТЛ) — 18 декабря 1942 года в Безымянлаге; 45-летняя бывшая монашка Ефросиния Ивановна Боброва (8 лет ИТЛ) — 15 марта 1942 года в Вятлаге; 34-летний Василий Никитович Трошин из Белогузова (якобы выдававший себя за расстрелянного в 1918 году в Екатеринбург-Свердловске царевича Алексея) (10 лет ИТЛ) — 11 апреля 1938 года в Сиблаге и т.д.

Своеобразным исключением в этой разновозрастной группе приговоренных к «замедленному расстрелу» скорых «доходяг» стал, пожалуй, только самый младший из Кряжовых, Иван Андреевич, которого осудили на 8 лет ИТЛ, и которому в момент ареста шел только 35-й год. В 1942 году Иван Андреевич как-то сумел добиться, чтобы его из мест заключения отправили на фронт, где он вскоре и погиб — но уже в бою за Родину, а не постыдной смертью «врага народа». Большая разница и для самого павшего, и особенно для его детей, которых у Ивана Андреевича было четверо!

Ну, а кто из арестованных в Давыдове и окрестных селениях в 1937-м уцелел и даже вырвался живым из мясорубки Гулага? По моим (может быть, не совсем полным и точным) сведениям, таковых оказалось всего трое.

Первой через десять лет после осуждения, уже после окончания Великой Отечественной войны, каким-то чудом возвратилась умирать в родные края 65-летняя бывшая староста Давыдовской церкви Анна Матвеевна Киселева — да и то не в само село Давыдово, а к дочери в Кулебаки. На одном из допросов сразу после ареста она показывала, что родом она из деревни Горбуниха, Вачского района, в Давыдове жила вместе с сыном Иваном Григорьевичем, конюхом Давыдовского колхоза, и его женой Елизаветой Никитичной — рядовой колхозницей. Живут ли сейчас в Давыдове они или кто-нибудь из их потомков — я просто не знаю. Киселевых в Давыдове всегда было много, и поныне не одна семья носит там эту фамилию.

Удивительно живучей оказалась бывшая безродная и неграмотная монашка Давыдовского монастыря Мария Петровна Серова — та самая, которая вместе с таким же безродным бывшим воспитанником Городецкого Федоровского монастыря Василием Никитовичем Трошиным жила перед арестом их обоих в родной своей деревне Белогузове, неподалеку от Вачи. Следователи на допросах утверждали, что в своих скитаниях по деревням и селам Вачского района «в контрреволюционных целях» (а на самом деле, конечно же, собирая подаяния — А.В.) «эта парочка» выдавала себя за детей давно свергнутого и расстрелянного царя Марию и Алексея Романовых.

В.Н.Трошин был осужден за эти их совместные скитания и за связь с давыдовскими «контрреволюционерами» на 10, М.П.Серова — на 8 лет ИТЛ. Как уже говорилось выше, Василий Никитович вскоре же, через три месяца после вынесения ему приговора, и умер в Сиблаге. А Мария Петровна Серова, честно «отгорбатившись» отведенные ей 8 лет, вернулась в свое Белогузово.

Я должен здесь также отметить, что и в целом в судьбе моего поколения, родившегося перед самой Великой Отечественной и входившего в жизнь без отцов, не вернувшихся с нее (кто-то из пишущей братии очень точно назвал нас

подранками), было очень много общего с положением тех, у кого за три–четыре года до войны, в том же 1937-м, были репрессированы отцы и деды. Только им, сыновьям и внукам репрессированных, было даже похуже, чем нам — тем, у кого отцы погибли на фронте.

Если мы, с годами взрослея, могли гордиться своими пускай и без вести пропавшими на войне отцами (ну, как же — отдали жизнь за Родину!), то им о своих сгинувших в Белое Безмолвие Севера без права переписки отцах даже и заикнуться было нельзя. Более того, начиная с первого класса школы, нас, безотцовщину, удостоившуюся чести потерять своих отцов от другой «железной метлы» — гитлеровской, постоянно натравливали на тех наших ровесников, которые стали не просто безотцовщиной, а детьми «врагов народа».

Так продолжалось не год и не два, а многие десятилетия. Каюсь, и я, уже после окончания Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, став профессиональным журналистом, тоже не устоял против этого дурмана. В 1971 году написал я очерк о родном своем селе Давыдове, в котором рассказал об убийстве в Давыдове братьев Савельевых, обвиняя в этом трагическом событии одну только сторону — давно уже истребленных «огнем и мечом» Кряжовых. Вполне искренне радовался тому, что в конце концов получили они «по заслугам».

Помню, как после публикации этого очерка в областной молодежной газете «Ленинская смена» впервые встретился со мной с детства живший через два дома от нас сын расстрелянного в 1937 году давыдовского «кулака» М.А. Кряжова — Борис Михайлович Кряжов. Нет, вслух он ничего тогда мне не сказал — еще не пришло в ту пору время разговоров об этом. Но в глазах его было неподдельное удивление, застыл немой вопрос: неужели это действительно я написал то, что недавно всенародно читали перед очередным киносеансом в нашем давыдовском клубе?

Ведь это вместе с ним подростками в самом конце войны или сразу после нее работали мы по ночам на допотопной молотилке, стоявшей на колхозном току, за нашими огородами: я подносил снопы ржи из овин, а он, как более старший и сноровистый, совал эти снопы в барабан. И поджарить пару–тройку горстей спелых зерен в железной «плице» на костре оба одинаково могли мы только тайком от механика.

И в другие послевоенные годы, чтобы не умереть с голода, в одной ватаге с ним, Борисом Кряжовым, собирали мы по веснам с колхозных полей, только что освободившихся от снега, гнилую, вонючую картошку, оставшуюся после осенней работы копалок: за сбор этой картошки осенью, когда она была еще не гнилой, вполне могли «припаять срок» не только взрослым, но и детям. Так же, как и за стрижку колосков или косьбу травы для своей личной скотины раньше окончания колхозного сенокоса.

Еще и перед самой смертью Отца Всех Народов, через пять–шесть лет после окончания войны, в одинаковых упряжках на себе возили мы с Борисом Кряжовым из лесного нашего Давыдова в безлесную Вачу, за полтора десятка километров, так называемые «кочетки» — салазки с дровами, продав которые только и можно было в работавшем «за палочки» селе и подержать в руках «живые» деньги на мыло, керосин, спички и прочие вещи, без которых нельзя прожить. А впрочем, о «кочетках» речь еще впереди...

И после всего этого я мог присоединить свой газетный булыжник к обильному граду увесистых камней, которых и без меня было вполне достаточ-

но брошено в Бориса Кряжова за его такую же, как у меня, безотцовскую жизнь?

Сегодня мне — седьмой десяток, а Борису Михайловичу Кряжову — ровно на десять лет больше. Обоим нам с ним уже совсем немного осталось до встречи с Вечностью, с нашими такими вроде бы разными путями, но одинаково насильственно и преждевременно отправленными в мир иной отцами.

Прости меня, Борис Михайлович, если можешь!

ВСЕ ВОКРУГ КОЛХОЗНОЕ...

Ну, а что же остальные давыдовские крестьяне — те, у которых не только каменных палаток, а порой даже и единственной коровенки не было? Остальные еще в марте 1924 года по инициативе и под председательством тогда еще не отошедшего от многохлопотных общественных дел В.Г. Вострилова организовали в Давыдове на базе хозяйства бывшего женского монастыря сначала совхоз имени Шмидта (просуществовал он что-то около года), а потом и сельскохозяйственное товарищество «Передовик».

Вскоре на посту председателя товарищества сменил В.Г. Вострилова другой давыдовский старый коммунист — тоже ныне давно уже покойный И.А. Соловьев, которому тогда было чуть больше тридцати лет. Однако, по воспоминаниям недавно умершего на 93-м году жизни жителя села В.П. Петрова, за четыре с лишним года своего существования сельскохозяйственное товарищество «Передовик» не только не добилось каких-либо заметных успехов, а и разгромаило значительную часть бывшего монастырского богатства: были проданы имевшаяся в монастыре ветряная мельница и редкие по красоте и силе монастырские кони (на которых специально приходили люди посмотреть со всей округи), пришла в запустение пасека и т. д.

Как вспоминал потом И.А.Соловьев, 6 января 1929 года Давыдовское сельскохозяйственное товарищество было преобразовано в колхоз, в который вошли поначалу 32 семьи бедняков (и который он же после недолгого председательствования И.М.Половикова и возглавил). Но и это преобразование мало что дало: несмотря на постоянный нажим и непосильные налоги, которые приходилось платить единоличникам, более или менее «справные» крестьяне еще в течение нескольких лет не спешили объединиться на «ничейной» земле. И даже когда, наконец, они вступали в колхоз, то опять-таки не изъявляли большого желания «надрывать пупок» за соседа-лентяя или пьяницу.

Недаром эту особенность в поведении насильно согнанных под общую колхозную крышу людей тогда же заметил и сам главный организатор и вдохновитель «большого скачка» на селе, «равнозначного революционному перевороту 1917 года», И.В.Сталин, который в одном из своих выступлений, 11 января 1933 года, говорил: **«Колхозники так и говорят теперь: колхоз — он мой и не мой... Теперь он, колхозник, вчерашний единоличник и сегодняшний коллективист, — теперь он может взвалить ответственность и может рассчитывать на других членов колхоза, зная, что колхоз не оставит его без хлеба. Поэтому забот у него, у колхозника, стало меньше, чем при индивидуальном хозяйстве».**

Вождь Всех Времен и Народов делал из этого верного своего наблюдения очень характерный для него вывод: значит, **«центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на партию, которая теперь уже не может ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития»**. Другими словами, первостепенное значение теперь уже приобретает плеть надсмотрщика, которой раньше умный, самостоятельный хозяин и по отношению к собственной-то лошади пользовался далеко не всегда. Он хорошо знал, что лошадь делает резвой вовсе не плеть, а овес.

Вот и на людей, запряженных в общую колхозную упряжку, но лишенных земли, ни председательская, ни партийная плеть никогда не могла подействовать так, как этого хотел И.В.Сталин. Да и как она могла на них подействовать, если даже и в самые лучшие, предвоенные колхозные годы колхознику Давыдовской сельхозартели «Передовик» выдавали на трудодень только жалкие граммы самой захудалой ржи? Да и это только в том случае, если еще оставалась она на колхозных складах (одним из которых стал бывший главный храм Дальне-Давыдовского женского монастыря, построенный в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали») — после выполнения «первой колхозной заповеди», то есть выскребания «под метелку» и отправки «красными обозами» практически всего колхозного урожая «в закрома Родины» (как уже тогда любили выражаться газеты). Денег же колхозник, как правило, не получал вообще — соверши он хоть какое «трудовое геройство».

А ведь (как свидетельствуют все те же архивы), например, в 1884-1885 годах в том же селе Дальнем Давыдове Горбатовского уезда даже безлошадный крестьянин, нанимаясь летом на весеннюю посевную, сенокос или уборочные работы к богатому хозяину или в монастырь, находясь при этом на хозяйских харчах, мог заработать до двух пудов хлеба в день (женщина — полтора пуда). Или же получить соответствующую плату деньгами. Так что его и тогда, когда он работал не в своем хозяйстве, не на своей земле, понукать и подгонять плетью не требовалось!

А в колхозе ни материального (заклучавшегося в обладании собственным земельным наделом), ни какого-либо психологического стимула к честному, не показному труду не стало. И удивительно ли, что, например, перед Великой Отечественной войной успехи Давыдовского колхоза «Передовик» (да, как видно, и всех других колхозов Вачского района) были настолько скромными, что лучшая давыдовская доярка Мария Петрова, получившая в 1938 году на здешней МТФ по 2157 литров молока от коровы, была представлена с этим (далеко не рекордным даже для средней единоличной коровы!) надоем аж в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку!

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Стоит ли удивляться тому, что как только (в 1957 году) появилась для колхозников возможность получить паспорта и стать полноценными гражданами СССР, способными прописываться где угодно, то хлынули из Давыдова и многих тысяч других таких же попытавших колхозного счастья мест в города миллионы вчерашних наших «второсортных» сельских соотечественников? В

настоящее время в зимние месяцы в селе, насчитывавшем до революции около 250 дворов и более тысячи жителей, проживают всего чуть более ста человек, в основном людей пенсионного возраста. А в Давыдовской восьмилетней школе, расположенной все в том же главном монастырском корпусе и еще в 50-х годах каждый день встречавшей около 350 учащихся, сегодня обучается... всего лишь три с половиной десятка ребят.

И ведь точно такая же (а то и похуже) картина в соседних Березовке, Чеванине, Черновском. А, например, когда-то многолюдные Ганино, Шероновка, Федоровка и многие другие окрестные деревни только за последние два-три десятилетия вообще исчезли с лица земли. Все, кто в них когда-то жил, разъехались по городам, разбежались от колхоза (потом — совхоза).

По-моему, символично и то, что, например, в том же Давыдове этот «великий исход» почти с точностью до дней совпал с последним залпом Советской власти по одной из зримых и осязаемых опор религиозного мировоззрения в селе — зданию бывшей Давыдовской Христорождественской (не монастырской, а сельской, приходской) церкви, колокольня которой более полутора веков возвышалась в самом центре села. Вот и решили в 1958 году тогдашние руководители Давыдовского сельсовета и колхоза (в том числе и уже упоминавшийся в главе об убийстве братьев Савельевых, старый коммунист И.А.Соловьев) воздвигнуть на месте бывшего «очага мракобесия» будущий очаг культуры.

Круг давыдовского бытия на том варварском действе замкнулся: видно, не зря сказано в Библии, что все возвращается на круги своя! Так, может, и впрямь не так уж и далеко то время, когда на зарастающих чертополохом могилах веками строивших село дедов и прадедов, на местах бывших домов, в которых матери когда-то качали нас в деревянных зыбках, снова раскинутся дремучие леса и зыбучие болота? Такие, по которым бродили дикие звери до возникновения родного моего села и монастыря, триста лет назад.

Никакое 300-летнее татаро-монгольское иго, никакие нашествия Наполеона и Гитлера не наносили такого сокрушительного удара по тысячелетней православной вере наших предков, не приводили к такому повсеместному уничтожению тысяч построенных ими сел и деревень, к такому поголовному отлучению русского труженика-крестьянина от земли своих дедов и отцов, от векового уклада и устоев русской народной жизни, как это сделал антинародный режим, установленный в Октябре 1917-го года. Нынче русского мужика, с незапамятных времен служившего становым хребтом России, кормившего по семь и более генералов, впору в музее восковых фигур показывать.

Теперь мы знаем и то, чем завершился «единственно верный путь», по которому «от победы к победе» почти весь кровавый двадцатый век вели «родину победившего социализма» новоявленные благодетели человечества. Якобы сама собой, безо всяких видимых причин, развалилась на десятки тоталитарных же, марионеточных государств веками создававшаяся нашими предками тысячелетняя Россия, десятки миллионов исконно русских людей в одночасье оказались вдруг за рубежом. Как когда-то в 1917-м, когда нас разделили на «красных» и «белых» и заставили сражаться между собой, новыми границами, как ножом по живому, разрезаны многовековые экономические, культурные и родственные связи. Стали вдруг неразрешимыми проблемами поездка сына из пропитанного русской кровью Севастополя к умирающей матери в Москву или

встреча десятилетиями не выдавших друг друга братьев и сестер, проживающих в Караганде и Владивостоке.

На бывших окраинах когда-то великой сверхдержавы беспрерывно вспыхивают братоубийственные «горячие точки», то и дело грозящие перерасти в один огромный ядерный пожар, в котором может сгореть вся планета. Страна на несколько поколений вперед опутана многомиллиардными внешними и внутренними долгами. Закрываются заводы и встают на причал корабли, обрушиваются на землю многоэтажные дома и самолеты, диким кустарником и лебедой зарастают невозделанные поля. Откуда-то из глубины веков вновь вернулись на многострадальную российскую землю давно забытые в других странах эпидемии и болезни, а цены даже на самые простые и необходимые лекарства вдруг взлетели до недостижимых космических высот.

Все рушится, все разваливается, нерушимой и непотопляемой остается одна лишь правящая номенклатурно-клановая элита, меняющая только свои названия, содержание гладко написанных учеными помощниками речей да вывески на дверях своих роскошных кабинетов. О, как они вознеслись за смутное время так называемых «реформ», как сказочно обогатились! Бывшие члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС стали президентами независимых государств, бывшие первые секретари обкомов и председатели облисполкомов — «свободно избранными» губернаторами огромных краев и областей, бывшие комсомольские функционеры и профессиональные проходимцы — обладателями несметных валютных счетов в зарубежных банках, которые и не снились их увлеченным идеей мировой революции, дубоватым дедам. Им давно уже абсолютно все равно, что строить — «развитой» социализм или «загнивающий» капитализм, во все времена они вдохновенно строили только собственное благополучие.

Во все времена они делали это за счет того народа, «слугами» которого себя называли, но такого откровенного грабежа и разбоя на Руси (а может, и во всем мире) еще не было. Никогда, даже в самую суровую пору Великой Отечественной войны, не бывало в стране такой всеохватной нищеты и такого разора. Никогда, даже в самые страшные годы «красного» или «белого» террора, так дешево не ценилась человеческая жизнь, и так нагло не попирались самые элементарные права простого, «маленького» человека-труженика. И прежде всего, первое и главное его право — право на достойную человеческую жизнь.

. Больные, нищие старики, получающие свои чисто символические пенсии и уже не способные на какой-либо протест, ложатся не на рельсы, а прямо в могилу — и это явно устраивает тех, кто давно уже усвоил мудрое сталинское изречение: «Есть человек — есть и проблема. Нет человека — и проблемы нет!». По существу, идет ликвидация пенсионеров как класса.

Впрочем, молодых еще скорее, чем старых, выкашивают вольно гуляющие по стране алкоголизм, наркомания, разные психозы и другие страшные социальные недуги, вызываемые все тем же отчаянием и безысходностью. Ужасающие размеры принимают детская беспризорность, преступность и смертность. Общая же смертность в стране с каждым годом все больше превышает рождаемость — и не даром даже хорошо прикормленная, верноподданная Государственная Дума вынуждена официально обсуждать вопрос о геноциде правящим «оккупационным» режимом российского народа.

Одновременно идет моральное разложение много раз до нитки обобранного и доведенного до физического вымирания населения. Новым символом

веры объявлены деньги, все продается и покупается — от национальных природных богатств и доходных мест в правящей верхушке до званий академиков и женской любви.

Особенно яростное сопротивление новых хозяев жизни вызывает любое стремление еще не до конца превращенных в бесчувственных рабов людей снова осознать себя единой великой нацией, имеющей за своими плечами собственную многовековую историю. Под громкие разговоры о ничем не ограниченной свободе совести, как бурьян на огромном пустыре, пышным цветом расцветают по стране многочисленные чуждые исконно православному духу русского народа заморские религиозные секты, одурманивающие и превращающие молодежь в беспрекословно послушное воле новоявленных «пастырей» стадо. Телеэкраны заполнены американскими боевиками, проповедующими культ грубой силы и секс.

Снова осознаем ли мы себя великим, могучим народом и действительно свободными, умеющими строить свое государство людьми, или суждено нам и нашим детям стать в глазах «цивилизованных» стран такими же двуногими существами — «туземцами», какими еще не так давно были для них «дикие» племена Центральной Африки и папуасы Новой Гвинеи.

ДЕРЕВЯННАЯ ЗЫБКА

Вот уже второй десяток лет после того, как в нашем отцовско-дедовском доме на Новой линии в Давыдове бобылем умер последний его обитатель — самый младший брат моего отца Дмитрий Егорович, дом стоит пустой, с заколоченными окнами и замотанной ржавой проволокой накладной петлей входной двери. Передняя завалинка его по самые слепые окна заросла крапивой.

Со стороны Теткиных возле отжившего свой век дома еще уцелел дощатый забор с запирающейся калиткой, ведущей с улицы на огород. А вот сколоченный из одних только жердей и досок двор, стоявший вплотную между нашими сенями и добротным, кирпичным домом Дроновых (еще при жизни дяди Дмитрия крепко, как будто собрался улететь, устремившийся вперед), несколько лет назад, наконец, рухнул — и был мгновенно растащен на дрова. На его месте образовался широкий проход на много лет не видевшую плуга или лопаты ближнюю часть огорода, где когда-то были грядки.

Давно повален, разломан и тоже растащен на дрова также высоченный, из широких еловых досок, забор, прежде закрывавший ближний огород от недоброго человеческого глаза и бродячего скота с дальней от дома, северной стороны. Так что если бы не сплошной чертополох, кустарники и взрослые деревья, вымахавшие за эти годы на месте бывших грядок, можно было бы свободно проехать на любой автомашине или даже на тракторе с улицы на используемую теперь соседями под сенокос основную часть огорода, где мы когда-то сажали картошку. И далее на идущую позади огородов объездную дорогу — в любую сторону.

Да только нет теперь ни у кого нужды в новом проулке, поскольку буквально рядом, по другую сторону пока еще живого дома Дроновых, и поныне сохранилась всегда существовавшая на моей памяти большая дорога, по которой раньше ездили из села в райцентр. Да и по той давно уже никто не ездит —

теперь рейсовый автобус на Филинское и Вачу (стоящие на трассе Нижний Новгород — Навашино) ходят через бывший Кочнев проулок...

Нет, это не тот дом из свежих, смолистых сосновых бревен, который первым на Новой линии построил мой дед Егор Григорьевич в 1925 году и который красовался здесь еще во времена моего военного детства. Но стоит он на том же, исконно нашем месте — в самой середине разросшейся потом в обе стороны Новой линии, почти точно напротив разрушенной в начале бурных хрущевских 60-х годов Давыдовской сельской церкви. Уж как берегла его, это место, от любых посягательств самая старшая из уцелевших в живых детей деда Егора и бабки Пелагеи и самая ревностная хранительница традиций и преданий отцовского рода, ныне тоже давно уже покойная сестра моего отца, тетка Анастасия Егоровна!

Она и построила этот, нынешний дом — на месте прежнего, дедовского, проданного после смерти деда Егора при дележе его наследства в Вачу на слом. Дядя, братья моего отца, к тому времени уже поразлетелись из родового гнезда, и тетке Анастасии стало трудно (да и ни к чему) одной отапливать такую махину. Вот она и завела на месте проданного и увезенного в Вачу отцовского дома собственную стройку. Потом, еще при ее жизни, досыта намотавшись по белу свету, к ней приехал доживать свой бобыльский век дядя Дмитрий.

Давно уже нежилой, пропитанный запахом тления и январских морозов, зимними лунными ночами опустевший дом тетки Анастасии стал похож на древний деревянный саркофаг, воздвигнутый на границе между покрытыми бесконечным белоснежным саваном равнинами приокского Березополя и все еще не сведенными до последнего пенька, волнами синеющими в холодном лунном свете, когда-то дремучими муромско-навашинскими лесами. На рубеже двух миров — между бескрайним темно-зеленым лесным океаном жизни и не менее необъятным, околдованным стужей, мертвенно-белым царством зимних пустых полей.

Давно уже не водятся в мертвом доме ни мыши, ни тараканы; даже заезжие ночные добыватели старинных икон и медных самоваров обходят его стороной: все, что можно было из дома взять, еще в первый год после смерти дяди Дмитрия было выметено оттуда под метелку. Я уж думал, что там действительно больше нечего брать — и, по наивности своей, жестко ошибся.

Глухой зимней ночью явно не издалека пришедшие со стороны огорода гости оторвали две или три доски в задней стенке сеней, вытащили пробой замка на двери, ведущей из сеней в избу, и... разобрали подтопок большой русской печи, незадолго до смерти ради экономии топлива перенесенной дядей Дмитрием из простенка между задней и передней в переднюю. Собственно, позарез необходимым оказался налетчикам не сам подтопок, а его совсем еще новый металлический каркас, который не только в Давыдове, а и в райцентровском-то хозмаге вряд ли чаще, чем один раз в пять лет, когда-либо появлялся.

Было совершенно ясно, что непрошенные ночные гости хорошо знали, куда и зачем шли, они явно заранее приглядели этот чугунный каркас, за который любой хозяин на селе, не торгуясь, выставит бутылку, а то и две. Да и добротный красный кирпич, из которого были сложены печь и сам подтопок, нынче по всей округе даже и с деньгами наищешься. Так что если бы совершенно случайно не оказался в ту зимнюю пору в Давыдове друг моего детства и бывший давыдовский сосед Юрка Петин, первым обнаруживший подлом и снова

заколотивший досками дыру в задней стенке сени, в последующие ночи хорошо информированные взломщики наверняка бы наведались и за кирпичом.

Вернувшись в Нижний, Юрка же и сообщил мне о случившемся. Но что я мог поделать? Когда через несколько месяцев, уже летом, во время очередного отпуска, снова приехал я в Давыдово, уцелевший и битый кирпич разобранного подтопка был разбросан по всей передней, мне пришлось перепрыгивать через него, как на какой-нибудь стройке или свалке. Пришлось облачиться в старую рабочую одежду Дмитрия Егоровича и перетаскивать уцелевшие кирпичи в заднюю, ставшую после переноса из нее печи нежилой, а весь остальной хлам выметать и выносить ведром из избы за огород, на объездную дорогу. Вымыл также полы в передней и задней.

Но зиявшую без подтопка огромной, черной дырой, изуродованную и ставшую теперь бесполезной печь никуда я ни убрать, ни перенести не мог. В доме стало невозможно ни просушить промокшую в лесу одежду или грибы, ни приготовить что-нибудь из еды или хотя бы чай вскипятить: допотопная электроплитка, которую после долгих поисков обнаружил я среди разных тряпок в стоявшем в чулане старинном, окованном железом сундуке, настолько заржавела, что из нее черный дым пошел, когда я попытался включить ее в электросеть. А захватить с собой из города новую я не догадался.

Вот тогда-то я и заколотил досками окна дома, замотал проволокой петлю входной двери, ведущей с улицы в сени, и в следующие свои приезды в Давыдово ночевал уже у соседей. С тех пор в доме не ступала нога человека. Только внутри его, в гробовой тишине и кромешной тьме, и поныне безмолвно глядят с застекленных фотографий в деревянных рамках на стене выцветшие от времени глаза и лица людей, когда-то каждый день зажигавших здесь огонь в печи и наполнявших эти стены живыми голосами.

А на чердаке умершего дома, именуемом в Давыдове подлавкой (с ударением на первом слоге), и поныне валяется каким-то чудом уцелевшая до сих пор самодельная деревянная детская зыбка, которую, бывало, подвешивали на большой пружине на специально вбитый в матицу потолка крюк, чтобы катать в ней новорожденных. Казалось бы, давно уже никому не нужная вещь, а вот поди ж ты — так по сей день ни у кого и не поднялась рука ее выбросить!

Все, кто когда-либо родился в этом доме, начинали свой земной путь с этой деревянной зыбки, наверное, сколоченной дедом Егором еще в 1904 году для их с бабушкой Пелагеей первенца — умершей во младенчестве дочери Евдокии. Потом занимали места в этой зыбке тетка Анастасия, мой отец и другие. Всего дед с бабушкой произвели на свет четырнадцать или пятнадцать человек — правда, в живых из них осталось только пятеро. А потом еще качались в этой зыбке дети дедовых и бабушкиных детей. В том числе и я — когда еще до войны, в годовалом возрасте, привозили меня, совсем хилого от рождения, в Давыдово из Электростали выхаживать от многочисленных детских хворостей.

На мне и на моих еще в 60-х годах уехавших на Украину и недавно умерших там двоюродных братьях закончился продолжавшийся более двух с половиной веков давыдовский отрезок пути нашего дедовско-отцовского рода. Давыдово уже никогда не будет «малой родиной» наших детей и внуков — как, впрочем, и потомков многих других наших одногодков, «детей войны», разбросанных нынче судьбой по всему свету.

Еще во времена первой, хрущевской «оттепели», когда впервые стали выдавать колхозникам паспорта и чуть-чуть поотпустили колхозные крепостные

цепи, насмотревшись на беспросветное житье своих матерей в сталинском Агроулаге, поразлетелись мы из обезмужиченного войной Давыдова на все четыре стороны, кто только куда мог: кто — на учебу, кто — на службу в армию, а после ее окончания — по комсомольской путевке на целину, кто — по вербовке на стройку в Сибирь или на Дальний Восток.

И теперь таких, как Давыдово, безмолвно вымирающих сел, таких опустевших домов-саркофагов без покойников, как бывший наш дедовский дом, по России — никем не считанные тысячи. Это еще чудо, что после такого небывалого массового исхода самых молодых, самых лучших сил и поныне живет и дышит оно, наше старое Давыдово. Наверное, потому, что все эти годы оставалось оно центром сельсовета, всегда были здесь школа, Дом культуры, здравпункт, детские ясли, лесничество.

Но надо отметить и другое: редко кто из когда-либо уезжавших с земли предков, потом уже больше никогда не возвращался сюда — хотя бы на могилу своей матери. А вот таких бывших давыдовских, которые, обосновавшись в Навашине, Муроме, районном центре Ваче, на центральной усадьбе совхоза в Филинском и в других близлежащих городах и поселках, все последующие годы жили и поныне живут (особенно в горячее летнее время) «враскоряку» — одной ногой (всю рабочую неделю) — на городских асфальтах, а другой, в выходные — на приусадебном участке родителей в Давыдове, во все времена хватало. Недаром в летние месяцы так оживает село, снова наполняется детскими голосами.

Другие, проживающие не так близко от родительских гнезд (например, в Нижнем Новгороде или в Москве) каждые выходные ездить в Давыдово не могут — даже летом. Но уж зато, как поется о том в известной песне «Деревенька моя», когда приходит долгожданный отпуск, не променяют они ни на какое Черное море ежегодную поездку со всеми чадами и домочадцами в дорогие с детства места, даже если там никого из родных уже не осталось.

А немало и таких, которые, почти всю сознательную жизнь прожив вдалеке от родного села, все-таки в последний свой час завещают похоронить себя в Давыдове. И их привозят из ближних и дальних мест и, завершая круг земного бытия, слегка покачивая в такт шагам, несут до погоста в простых деревянных гробах-зыбках, сколоченных из смолистых давыдовских досок в соответствии с последней прижизненной комплекцией и ростом усопшего.

И когда на длинных погребальных полотенцах или веревках опускают такой похожий на давно забытую детскую деревянную зыбку гроб на положенное ему рядом с полуистлевшими костями предков место, он, словно навекая вечный покой и сон, теперь уже в самый последний раз, снова чуть-чуть покачивается над разинутой пастью могилы...

В древних, как мир, самодельных деревянных зыбках начинаем и кончаем мы свой земной путь!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ

ОТЦОВСКИЙ УЗЕЛОК

Одна из первых, еще отрывочных картин, которые запомнились мне в жизни: ночь, небо исполосовано лучами прожекторов. Бомбят Москву и наш городок, вся земля и воздух наполнены надрывающим сердце, враждебным гулом. В многоголосом потоке торопливо бегущих людей отец несет меня в бомбоубежище, и я всем телом чувствую, как у него — большого, сильного человека — дрожат руки. Я наивно спрашиваю у него: «Ты замерз?» — но он не отвечает.

Помню томительный ужас ожидания бомбежек, которые (как потом рассказывала мне мать) в первые месяцы войны, осенью 1941-го года, всегда начинались по вечерам, в одно и то же время. Но случалось, что и глубокой ночью или перед рассветом, когда только что разморит людей, вдруг завывали за окном заводские сирены. Днем взрослые старались при нас, детях, не говорить о том, что вечером снова придется ложиться спать одетыми, а потом, едва разоспавшись, как по расписанию, вскакивать с постели и проводить бессонные часы в духоте и тесноте убежища. Но я еще с утра, шагая с бабушкой Степанидой (матерью моей матери) в очередь за хлебом, нарушал негласный запрет и все приставал к ней:

— Бабушка, сходи в аптеку, узнай – прилетит сегодня Гитлер или нет?

Видимо, эти-то все учащавшиеся бомбежки и заставили моих родителей в августе или начале сентября 1941-го каким-то чудом отправить нас с бабушкой Степанидой на родину отца — в село Давыдово.

Мать рассказывала потом, что не так-то просто было осуществить этот переезд. Казалось, вся Москва хлынула на вокзал. Может, отец с помощью своего начальства сумел достать нам билеты, а может, просто уговорил какого-нибудь сердобольного кондуктора прихватить до Горького двух «зайцев».

Вот как описал я этот (тоже крепко врезавшийся в мою память) наш отъезд в своей поэме «Отцовский узелок», давшей название моей второй стихотворной книжке, которая вышла в свет в городе Горьком в 1987 году:

Сорок первый,
Мне четыре года.
Над Москвой пронзил прожектор мрак.
Репродуктор над толпой народа
Бьет в набат:
— У стен столицы враг!

У отца
Уж на руках повестка.
С бабкой нас проталкивает он
В душный, переполненный до треска,
Взятый с боя, чуть живой вагон.

И когда
Из той Москвы,
Из детства
Отходил наш поезд на восток,
Бабка крикнула:

— А где отец-то?
Он же позабыл свой узелок!
Здесь сухой паек на десять суток,
Шутят ли с таким-то узелком?!

Бабка ахала.
Но шли минуты,
И столбы мелькали за окном.
В день грядущий,
К жизни поезд рвался...

А отец,
Еще живой пока,
В те ж минуты
К фронту направлялся
Без спасительного узелка.

Где погиб он?
Даже и примерно
Места не могу назвать и дня.
Мой отец остался в сорок первом,
Бронзой стал, легендой для меня.

Ни друзья отца,
Ни переписка,
Ни архивы мне не помогли...

Может,
Безымянным обелиском
Где-то он пророс из-под земли?

Может,
Сможет в будущем наука
Воскрешать из мертвых, наконец?

Знаю я одно:
Во мне и внуках
До сих пор живет он, мой отец!

То обстоятельство, что мы с бабушкой Степанидой были заранее отправлены отцом на его «малую родину», значительно облегчило в ноябре 1941-го отъезд моей матери из Электростали. Как и всем другим женщинам, проводившим мужей на фронт, на заводе ей поначалу приказали было спешно готовиться к отправке вместе с заводским оборудованием в Сибирь. А когда мать заявила, что в Сибирь она поехать не может, поскольку у нее мать и сын в Горьковской области, заводское начальство на ее эвакуации вместе с остальными рабочими завода настаивать не стало.

Но и помочь ей добираться до семьи на заводе ничем не могли (а может, и не захотели). Просто сказали:

— В Горьковскую область добирайтесь, как хотите! Нам других забот хватает!

Что оставалось делать? Как я уже говорил выше, о том, чтобы самостоятельно, без помощи завода, попасть на поезд, идущий на восток, в то время уже не могло быть и речи. И мать взяла с собой еще оставшуюся у нее последнюю буханку хлеба, смену белья, заперла свою комнату на ключ и, влившись в нескончаемые толпы таких же, как она, беженцев, отправилась на широкое Казанское шоссе. Что-то около трех недель, в основном по ночам (днем не давали идти почти непрерывные бомбежки) добиралась до Муром, а потом и до села Дальнего Давыдова. Пришла в село (в городских резиновых сапожках!) уже по снегу.

ПИСЬМО ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

Предков по отцовской линии знаю поименно, вглубь на 300 лет, а где и как отец погиб и похоронен — не знаю. Вот, что такое XX век!

Цифр и людских потерь во время войны нет не из-за государственной тайны, а из-за бардака, из-за равнодушия к человеку, его нулевой цены (на миллионы шел счет).

Не страшно умирать, когда знаешь, что просто переступишь черту, за которую уже шагнули (каждый в свое время) мать, отец, дед, присоединишься к ним.

Из дневника А.В. Вострилова.

Наверное, от большинства тех, кто родился после 9 мая 1945 года (или вступал в жизнь после Афганистана и Чечни), Великая Отечественная война сегодня почти так же далека, как, скажем, Первая Мировая или Отечественная война 1812 года, а то и как Куликовская битва.

Вот разве только в таких опустевших и умирающих селах, как наше Давыдово, где по сей день доживают свой век некоторые из вдов девяноста двух (!) моих земляков, не вернувшихся с фронта в сорок пятом, та давно уже отгремевшая и отполыхавшая война и поныне остается незаживающей, кровоточащей раной. Да и не только для тех, кто живет в самом Давыдове, кто в любое время может постоять возле обелиска с именами павших, установленного в самом центре села, на месте разрушенной Давыдовской церкви.

Как могу, например, выбросить эту опалившую мое детство войну из своей памяти я, родившийся за четыре года до ее начала, выросший без отца, сгинувшего в сорок первом где-то под Москвой, и всю жизнь как реликвию хранящий единственное его письмо, брошенное в почтовый ящик где-то по дороге на фронт и навечно обращенное к моей давно уже покойной матери Федосье Уваровне, ко мне, моим детям и внукам?

Вот оно, это первое и последнее фронтовое письмо моего отца, рядового Василия Егоровича Вострилова, торопливо написанное химическим карандашом в последний день октября грозного 1941 года под Москвой и великим чудом дошедшее через всю войну и суровую будничную прозу многих послевоенных десятилетий до наших дней. Не хочу изменять в нем ни единого слова, добавлять от себя ни одной запятой (без которых, как увидит читатель, мой отец вообще очень хорошо обходился). Расставляю только точки между предложениями (в письме нет и их) да исправляю наиболее грубые грамматические ошибки и опiski:

«Письмо жене Фени и родным маме и тяти и сестре Насти и сыну Толи. Феня меня угнали с Павлова на фронт 31 числа не знай жив буду или нет. Мама и Тятя прошу вас не обижать моего сына и жену. Может я и ворочусь. Одежу свою я послал к вам. Пока писать нечего до свидания. Феня я тебя прошу что если меня убьют то не брось Толю. Отца ты ему не найдешь лучше оставь его у наших. А то твое дело молодое. Затем до свиданья. Толя сынок до свидания. Твой папа когда писал то я не мог боли написать что руки дрожат и слезы льют. До свиданья досвиданья Толя. Вострилов В.Е.»

Вполне возможно, что кое-кто (особенно из тех, кто вот уже больше полвека не устает рассказывать в газетах и по телевидению о своих действительных или придуманных после войны фронтовых и партизанских подвигах), прочитав эти первые и последние фронтовые строчки моего отца, недовольно сморщится: что это за письмо человека, отправляющегося на фронт? Где готовность умереть за Родину, где ненависть к врагу и несокрушимая вера в нашу победу?

Но, во-первых, дорогой читатель, хотел бы я посмотреть: какое письмо отправили бы вы сами сыну и жене перед своей «всем нутром» почувствованной неизбежной гибелью? Ведь не случайно же он не ошибся в своих предчувствиях! А во-вторых: как можно задним числом осуждать за «панические настроения» моего не кончавшего военных академий отца, не узнав о том, что пришлось ему пережить и увидеть за две недели, прошедшие с момента получения военкоматовской повестки до этого письма?

Впрочем, начнем с самого начала.

Отец мой, Вострилов Василий Егорович, 1910 года рождения, уроженец села Дальнее Давыдово, Вачского района, Нижегородской (Горьковской) области, был призван на действительную военную службу в 1932 году. Службу проходил в одной из кавалерийских частей, дислоцированной в Белоруссии, в районе городе Гомеля. А после окончания срока службы, чтобы не возвращаться в Давыдово, где еще за три года до его ухода в армию был организован колхоз «Передовик», подался по вербовке на один из подмосковных военных заводов, находившийся в городе Электростали. Там освоил профессию слесаря-водопроводчика, получил место в общежитии.

Точно так же, по вербовке из родного своего села Архарова, Малоархангельского района Орловской области (где в войну полыхала потом Орловско-Курская дуга) попала на торфоразработки под Москву моя мать, Федосья Уваровна, с двенадцати лет, после смерти своего отца, оставшаяся старшей из четверых малолетних детей, оказавшихся тогда на руках у ее матери, бабушки Степаниды. Работали «торфушки» на станции Храпуново, неподалеку от Электростали, и парни из отцовского общежития ездили к ним по выходным в гости. Так и познакомились мои родители, поженились.

Сначала (вместе с холостыми и женатыми товарищами отца, разгородившись ситцевыми занавесками!) жили в общежитии, где был прописан отец. Потом выделили им девятиметровую комнатенку в дощатом бараке, где родился я. А уж когда через год, после рождения моего младшего брата Юрочки (умершего потом в возрасте трех лет), моя мать категорически отказалась выписываться из роддома до тех пор, пока не дадут им с двумя малыми детьми хоть какое-то мало-мальски сносное жилье, получили-таки они комнату в коммунальной квартире с кухней на три семьи — в настоящем каменном доме!

Такая комната была в ту пору (да и не только в ту пору!) недостижимой мечтой для абсолютного большинства подобных им бедолаг, дорвавшихся из деревенских своих берлог до сладкой городской жизни. После вселения в эту комнату моя мать даже смогла выписать из покинутой ею Орловщины свою мать, бабушку Степаниду, которая с того времени стала возиться со мной и с только что родившимся тогда Юрочкой. Тем более, что уже через пару месяцев после его рождения мать была вынуждена снова выйти на работу: и больших «декретных» отпусков для женщин тогда еще не полагалось, и нужда не давала ей самой сидеть дома с детьми!

Завод в Электростали, на котором работали мои родители, был военным. Поэтому отца не брали на фронт вплоть до октября 1941-го. А 16 октября (когда немцы прорвали фронт под Москвой и вот-вот могли в нее войти) завод остановился. Почти всем работавшим на нем мужчинам в тот же день были вручены военкоматовские повестки. А все оборудование из опустевших цехов завода, несмотря на почти непрерывные ночные и даже дневные бомбежки, стали спешно демонтировать и готовить к отправке в восточные районы страны (как впоследствии выяснилось — в Новосибирск).

— Паника в городе в те октябрьские дни царила ужасная, — много раз рассказывала мне потом мать. — В магазинах все подметено подчистую — одни голые полки. Все хотят как можно скорее и как можно подальше уехать от Москвы и от фронта, а гражданских уже даже близко к поездом не подпускали. День-деньской и ночь-полночь шли туда-сюда по Горьковской «железке» поезда: на восток со станками заводскими да ранеными, а оттуда - с солдатами-

сибиряками да моряками с Дальнего Востока, которые потом Москву-то и спасли.

— И вот, проводив мужей в военкомат, бродят бабенки толпами возле проходной завода и по городу с пустыми сумками в руках, — продолжала рассказывать мать. — У всех одна только мысль: как отправить детей и стариков подальше от фронта, в деревню, в тыл? А тут, смотрим, из квартиры директора завода выносят и ставят на грузовик... рояль! Уж всю остальную мебель давно погрузили и отправили куда надо, а теперь вот рояль! И сам директор тут же стоит — наблюдает, чтобы не повредили драгоценный инструмент при погрузке.

— Как будто кто-то специально по радио об этом объявил — мигом собралась возле грузовика и рояля сплошная стена народа. Безо всякой команды и сговора мигом забрались случившиеся тут мужики и женщины на грузовик — да как грохнут этот лакированный, блестящий рояль на землю. Директора — за грудки, шляпу с него сбили! А одна бабенка сняла калошу, да как хлестнет его этой калошей по толстой морде! И хорошо, что он догадался только молча утереться да отойти, а то бы на месте разорвали на куски! А тот грузовик в сопровождении всего народа сразу же отправили к детскому саду — эвакуировать ребятшек было не на чем...

Как вскоре выяснилось, примерно такая же паника и неразбериха творилась тогда, во второй половине октября 41-го, и в армии — там, где решалась в те грозно-трагические дни судьба Москвы да и всей России. Вдруг дней через пять или шесть после того, как вместе с другими мобилизованными на фронт рабочими завода мой отец был отправлен на известный одному только военкомату сборный пункт, когда мать еще не успела ни решить, что делать дальше, ни тем более хоть что-то предпринять, отец поздно вечером... снова появился домой — усталый, грязный и небритый. Пока мать разогревала на общей кухне коммуналки воду для его мытья, он побрился, потом помылся, сменил белье. И только после этого сел за стол, даже не притронувшись к приготовленной ему матерью еде, стал рассказывать ей о том, что происходило с ним и с другими призванными на фронт за эту неполную неделю, прошедшую с момента их отправки из города.

Оказывается, формировалась их часть в городе Покрове, Владимирской области (или там был просто сборный пункт — мать не совсем поняла). А оттуда, еще не выдав ни обмундирования, ни оружия, «своим ходом» направили электростальских и других призванных (отец сказал: «погнали») снова в сторону Электростали — в город Павловский Посад, расположенный на железнодорожной ветке, идущей из Орехова-Зуева на Москву, в двух шагах от Электростали. За одну ночь пешком отмахали от этого самого Покрова до Павловского Посада более полусотни километров: в дневное время и поезда, и пешие колонны немцы почти беспрерывно бомбили.

— После такого ночного марш-броска к утру уже чуть на ногах стояли, надеялись хоть на короткий отдых, да не тут-то было! — рассказывал матери отец. — Утром в Павловском Посаде загнали нас, как колхозный скот, в какой-то большущий не то бывший склад, не то сарай, набили туда людей до отказа — как селетки в бочку! Да почти трое суток держали нас там в такой духоте и

толчее, что не только прилечь, а и присесть на корточки невозможно! Хорошо еще, что вошел я в этот сарай одним из первых, и вместе с тремя другими мужиками из нашего цеха успел забраться на деревянный стол, стоявший в углу сарая. Так, не слезая с него, и просидели мы два дня и две ночи: как только слезешь со стола — больше уже к нему не пробьешься, будешь стоять на ногах!

— А обращались с нами в этом сарае еще похуже, чем со скотом! — продолжал рассказывать отец. — Для того же скота на ферме отводится отдельное место, его даже в колхозе хоть не досыта, да кормят. А тут представь себе такую картину: такая масса людей стоя спят, от духоты и табачного дыма дохнуть нечем, питание — сухой паек, вода — только та, что с тобой в котелке или во фляжке! Даже выйти из сарая по большой или по малой нужде — только после того, как отопрут дверь снаружи! И все трое суток — ни каких-то там объявлений о том, долго ли нам еще в этом аду задышаться, ни вообще никакого начальства: видать, не до нас ему в тот момент было. Уж только на третьи сутки, когда стали ломать мы стенки сарая и в один голос требовать отправки на фронт, появился какой-то лейтенантик, клятвенно пообещал, что завтра непременно будет выдача обмундирования и оружия, и сразу же после этого — посадка в эшелон, идущий на фронт.

— Ну, все, конечно, и этому рады, а я сам про себя думаю: так, значит, как самое малое, еще одну ночь придется провести в этом пекле? И, главное, в двух шагах от дома: ты же знаешь, что от Павловского Посада до Электростали езды через Фрязево на любом попутном товарняке каких-то пятнадцать-двадцать минут! Ночью вряд ли меня кто хватится, а если и обнаружат пропажу, то все равно дальше фронта не пошлют! По крайней мере, хоть переночую остатнюю ночку дома, с женой, по-человечески! Попросился из сарая по нужде, дошел до железной дороги, прыгнул на подножку проходившего поезда — и вот я здесь!

Ни есть, ни спать отец (после такого-то трехдневного томления в сарае!) так и не стал. На вопросы матери о том, как ей теперь быть с так трудно добытой комнатой в коммуналке и всей обстановкой в ней, ответил безо всяких колебаний:

— А чего тут раздумывать: Орловщина ваша уже занята немцами, а в Давыдове у тебя — мать и сын! Бросай здесь все и пробирайся к нашим! Будем живы — все снова наживем, а если не останемся в живых, так и не надо нам будет ни квартиры, ни обстановки в ней! Там, в Давыдове, ты-то уж точно будешь живой, а вот я здесь, в этой каше — вряд ли!

С этим же настроением и распрощался он рано утром с матерью на железнодорожной станции — благо, находилась она, эта станция (и поныне находится!) прямо возле нашего тогдашнего дома. Потом уже в Давыдово, по адресу родителей отца, пришло то первое и последнее письмо, отправленное по дороге на фронт, а еще через некоторое время — посылка с отцовской зимней гражданской одеждой, ставшей ему ненужной после получения военного обмундирования. И все, и как будто в воду канул или в огне сгорел. «Без вести пропавший»...

— Не иначе, как еще в эшелоне разбомбили их по дороге на фронт! — всю войну рассуждали между собой дед Егор, бабка Пелагея и моя мать. — Уж если бы Васятка остался живой, так он бы оттуда хошь и при любом ранении весть о себе подал! Не такой он был человек, чтобы по какой ни на есть причине от отца с матерью и от жены с сыном затаиться!

А еще через много лет, уже после смерти деда Егора, бабки Пелагеи да и моей матери, мой старший коллега по газетной работе и друг, ныне тоже покойный Михаил Демидов, сам воевавший и под Москвой, и на Орловско-Курской дуге, популярно объяснял мне, как становились тогда, в сорок первом (да и позднее) «без вести пропавшими». И его мнение, бывалого фронтовика, вполне совпадало с тем, что слышал я в детстве от деда и бабки о наиболее вероятной картине гибели моего отца.

— Представь себе, впопыхах собранных с бора по сосенке людей набивают в товарный эшелон, идущий на фронт, — говорил мой всякое повидавший за войну коллега. — Они даже по фамилиям и именам друг друга пока не успели узнать. Во всем вагоне у одного только Ваньки-взводного (так звали на фронте командиров взводов) есть точный список всех едущих в этом вагоне. Но даже и он знает каждого из них не в лицо, а только по отзыву на фамилию при перекличке.

— Теперь представь далее, что действительно попал эшелон под бомбежку (да еще ночную!). Представь, что если уж не весь состав, то хотя бы один только вагон бомбами разнесло в щепки, а тех, кто ехал в этом вагоне, разорвало на куски или пожгло огнем. Сгорел и Ванька-взводный вместе со своим списком. И никто из оставшихся после бомбежки в живых уже не сможет сказать, кто из его попутчиков погиб, кто валяется без сознания под обломками вагона или засыпанный землей, а кто убежал в суматохе куда глаза глядят — в придорожном лесу ни жив, ни мертв от страха, как заяц, скрывается! Вот тебе и «без вести пропавшие»!

Сам Михаил Демидов в свои тогдашние 19 лет попал под Москву не поздней осенью 1941-го, как мой отец, а ранней весной 1942-го, когда наши войска ценой неисчислимых потерь уже оттеснили немцев от стен столицы и шли в наступление по усеянному подбитой боевой техникой и не подобранными с осени убитыми людьми полям Подмосковья. По его словам, особенно поразили его, тогда еще не обстрелянного новичка, только что вытаявшие в ту пору из-под снега на раскисших от грязи равнинах Подмосковья трупы бывших бойцов сибирских дивизий, тихоокеанских моряков и народных ополченцев, защищавших предыдущей осенью Москву от яростных ударов гитлеровских армий.

Вернее, даже не сами трупы, а то, как они лежали на местах полыхавших здесь осенью боев: бесконечными, ровными шеренгами — так сказать, поротно и по-взводно. Видно, как шагали они в октябре-ноябре 41-го с бутылками, наполненными горючей смесью, и допотопными берданками в руках навстречу одетым в непробиваемую броню танковым армадам Гудериана, так и полегли, выполняя чьи-то беспрекословно-непререкаемые приказы, — в организованном порядке, не нарушая строя.

— Вполне возможно, что в тех мертвых рядах лежал и твой отец, — заканчивал свой рассказ Михаил Демидов. — Целыми полками и даже дивизиями в один день погибали! И что же ты думаешь, у всех у них через полгода, весной, проверяли документы перед тем, как сваливать их в бывшие окопные траншеи, громко именовавшиеся в газетах «братскими могилами»? Да ведь и не у всех в той заварухе были при себе хоть какие-то документы. Так что если не большинство, то очень многие из них тоже отправились на тот свет «без вести пропавшими»!

«Феня, меня с Павлова (то есть из Павловского Посада — А.В.) угнали на фронт», — эти слова из первого и последнего отцовского фронтового письма, обращенные к моей матери, припомнились мне более чем через полвека после того, как они были написаны, в начале 90-х, когда прочитал я (кажется, в «Комсомольской правде») репортаж из охваченного пожаром позорной для России чеченской войны, почти уже разрушенного дотла города Грозного. На вопрос корреспондента о том, куда направляется только что прибывшая к месту боев колонна пополнения, кто-то из шагавших в ней новобранцев (явно не с четырьмя классами образования, как мой отец), не задумываясь, ответил:

— Убивать нас ведут!

Не знаю, как прорвалась эта убийственная, горько-правдивая фраза на газетную страницу даже в ту пору нашей растрезвенной тогда на весь мир «свободы печати и демократии» (вопрос только в том, для кого — свободы и для кого — демократии) — но вот прорвалась же! И пусть не стараются ревнители этой строго избирательной, персональной «свободы и демократии» доказывать мне, что, мол, были две большие разницы между битвой под Москвой в 41-м, и тем, что творилось в пылающем Грозном в ночь под Новый 1995 год. Дескать, из Павловского Посада твой отец направлялся в 1941-м на Великую Отечественную войну и защиту Родины от вероломно вторгшегося в нее врага, а в Чечне в начале девяностых происходило совсем другое...

Все войны, которые почти беспрерывно вела и поныне ведет наша родившаяся в 1917 году и по сей день никуда не девшаяся (только, как оборотень, постоянно меняющая свой внешний облик) Тоталитарная Система, были одинаково хищническими и несправедливыми. В том числе и та, в которой под дымовой завесой газетной трескотни о Народной, Священной войне два заклятых друга-врага, Гитлер и Сталин, мертвой хваткой вцепились друг другу в горло в борьбе за мировое господство. И разве так уж важно то, кто из них первым напал на другого, кто и как сумел дойти до Москвы или до Берлина?

Разница разве только в том, что если в бредовом сознании Гитлера немцы представлялись ему высшей расой господ, то для пришедшей к власти в России в октябре 17-го Интернациональной Банды попавший в ее кумачовые путы и цепи из колючей проволоки народ всегда оставался этакой безликой и чужеродной массой. И вся история существования доведенной Сталиным до совершенства Тоталитарной Системы — это история ее одной, почти беспрерывной и беспощадной войны с «собственным», бесконечно далеким от нее народом, в котором она с полным на то основанием (в том числе и в годы Великой Отечественной) всегда безошибочно видела своего главного врага.

Потому-то и «не стояли за ценой» ни под Москвой в 1941-м, ни в Грозном в 1994-м. Потому-то в том же 1994-м, в разгар официальной пропагандистской шумихи о приближавшемся в то время 50-летнему юбилею Великой Победы, бывший фронтовик, лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын, только что вступивший тогда во Владивостоке на российскую землю после 20-летнего изгнания, и спрашивал пришедших на встречу с ним ветеранов войны, а также детей и внуков тех, кто навеки остался в 41-м на заснеженных полях Подмосковья:

— Как может считать себя победительницей страна, потерявшая в войне людей в десять (!) раз больше, чем противник?

О том, как это выглядело на практике, вспоминал в те же дни другой писатель-фронтовик, Виктор Астафьев: «Тут недавно один курносый, безбородый, беспородный «маршал», видно, из батраков, да так на уровне деревенского неграмотного батрака и оставшийся, хвалился по телевизору: «Герои наши солдаты, герои — переходили Истру по горло в ледяной воде, проваливались в полыньи, тонули, а все-таки взяли город Истру! Первая наша победа!» И ему хлопают! А его бы в рыло хлобыстнуть, да спросить: «Ты, тупица набитая, хвалишься своим позором! Немцы под Москвой! Кругом леса, избы, телеграфные столбы, дерево кругом, солома и много чего, а у тебя солдаты Истру переходят по горло в ледяной воде!»

В другом интервью, опубликованном в то же время, тот же Виктор Астафьев горько замечает: «О той войне, по существу, правды-то еще не написали...»

Да и как можно было написать правду, если и поныне еще живы иные из тех, кто отдавал такие приказы, жива и благоденствует когда-то их породившая, а теперь прикинувшаяся «свободной и демократической» Система! Уж она-то всегда умела прятать концы в воду (а еще чаще — в землю)! Для нее правда всегда была куда пострашней тех не разорвавшихся более полувека назад бомб и снарядов, которые и по сей день извлекают иногда на белый свет на местах давно отгремевших сражений. Вот она и тянет время, дожидается, когда отправятся в мир иной последние из тех, кто действительно знает и помнит настоящую, а не придуманную хорошо оплачиваемыми борзописцами правду о той давно минувшей войне.

КОГДА НАЗАД НЕ БЕГАЛИ...

Лучшему другу моего детства Юрке Вострилову, одному из немногих среди наших с ним одноклассников, в детстве крепко повезло: отец его, дядя Петя, по-деревенски - Дронов, хоть и израненный, с разбитой тазобедренной костью, но все-таки вернулся с войны в родное свое Давыдово. Потому и звали Юрку в детстве на селе Петиним, по отцу — в отличие от нас, безотцовщины, называвшихся по именам своих матерей, солдатских вдов: Колька Нюрин, Шурка и Сережка Лизины, Толик Фенин.

Ну да речь не о нас, а о дяде Пете Вострилове - Дронове, который вернулся с фронта с незаживающей раной в паху и с резиновой трубкой в боку, даже справить большую и малую нужду без посторонней помощи для него каждый день было непросто. А не менее одного раза в неделю (обычно это бывало по субботам, во время мытья в бане) ему надо было менять бинты, делать перевязку.

Тетя Маша, дяди Петина жена и Юркина мать, даже получала от государства какую-то прибавку к его пенсии за уход за ним. Что, разумеется, было предметом постоянной зависти и неутрахающих разговоров большинства остальных давыдовских баб, которым даже и ухаживать было не за кем и которые вплоть до хрущевских времен, до организации совхозов, получали за свои каторжные труды пустопорожние колхозные «палочки».

Дядя Петя Дронов прожил после окончания войны без малого сорок лет, и все эти годы война как бы не прекращалась для него ни на один час, ни на

минуту: неизлечимые раны напоминали о себе днем и ночью. Но ни разу не слышал я, чтобы в трезвом или даже пьяном виде кому-нибудь жаловался он на свои страдания и недуги. Его просто невозможно было представить не только в президиуме торжественного собрания, посвященного Дню Победы, но и на завалинке собственного дома вещающим теплым летним вечером о своих фронтовых геройствах. Да и о тех, кто с охотой этим занимался, он отзывался с непоколебимой категоричностью:

— Чем больше человек о войне рассказывает, тем дальше он был от передовой! Ты это, Натоллий, затверди себе, как молитву!

А вот работал дядя Петя, наверное, лет до семидесяти — пока окончательно не отказали ноги (умер он в семьдесят девять). Теперь уж не знаю точно, как называлась его должность: был он то ли лесным обходчиком, то ли сторожем лесного фонда, принадлежавшего в давыдовских лесах какой-то районной или даже областной организации. А жил он через два дома от проулка, по которому проходила большая дорога из райцентра. Так что главная его обязанность заключалась в том, чтобы быть всегда в боевой готовности.

Обычно хозяева охраняемых им лесных делянок, приезжавшие в Давыдово за лесом из безлесной Вачи, Павлова и других «полей», прежде всего подкапывали под его окошко. На ходу взглянув на предъявляемые ими документы, дядя Петя садился в кабину лесовоза и ехал с ними в лес, показывать там — где, какого и сколько леса брать. То есть переводил абстрактные кубометры, написанные в официальных бумагах, на конкретную лесную натуру.

Должно быть, от этих его конкретных указаний многое зависело: ведь не на бумаге, а в жизни и кубометры бывают разные, и убирается их на лесовоз каждый раз столько, сколько надо. Во всяком случае, как правило, на обратном пути нагруженные лесом машины непременно останавливались в центре села, возле тогда еще не разрушенной Давыдовской церкви и магазина. Вторая остановка была возле дяди Петиного дома, где уставшие после погрузки леса его заготовители «обмывали» поездку, закусывали и благодарили дядю Петю за труды. А он, «раскошегаренный» даровым угощением, после их отъезда уже самостоятельно доходил до «кондиции», сплошь и рядом тратя на это собственные деньги.

Другой за столько лет работы на таком хлебном месте накопил бы несметные богатства: недаром в селе говорили, что у лесной охраны на каждом сучке по бутылке висит. Вся штука была только в том, что другие-то, более практичные коллеги дяди Пети, подразумевали под этими растущими на сучках бутылками вполне трезвые вещи: строительство новых собственных домов из дарового леса, даровые же дрова и сенокосы для своей домашней скотины.

А дядя Петя Дронов в этих лингвистических и экологических тонкостях был не очень силен. Для него эти растущие на сучках бутылки и оставались ими же — безо всяких там иносказаний. И даже когда по возрасту и состоянию здоровья пришлось-таки ему со своей веселой лесной должности уйти (после чего все источники «левой» выпивки у него пересохли до дна), отказаться от укоренившейся за много лет привычки к регулярному «причастию» он уже не мог. Только теперь этот праздник души наступал у него лишь по одному разу в месяц — в день получения пенсии.

И тут уж не могли остановить его никакие громогласные напоминания тети Маши о том, что в нем и без этой проклятой водки с табаком еле душа держится, что одна половина нутра у него была в госпитале вырезана, а другая

насквозь прочернела от вина и табачного дыма. Наперекор всем законам медицины и вопреки здравому крестьянскому смыслу дядя Петя ей на это отвечал:

— Да если бы я не пил да не курил, так я бы давно уже копыта отбросил! Или от болей по ночам сам себе глотку перегрыз бы! Только тем и держусь, что проспиртованный да просмоленный насквозь! И с ума от того, что на войне видел, пока еще не сошел!

Ругать его было бесполезно — характер у дяди Пети Дронова был мирный, спокойный. Не помню я ни одного случая, чтобы он после очередной выпивки с кем-нибудь вступил в какие-нибудь перепалки или скандалы. Ни в трезвом, ни в пьяном виде никогда не пел он и не орал на всю улицу, как это делали другие мужики. Просто, в зависимости от погоды и настроения, усаживался в своей передней возле раскрытого окна, на завалинке дома или на скамейке под ветлой, росшей перед окнами, и целыми вечерами коптил небо, прикуривая одну «козью ножку» от другой.

Не было, наверное, ничего мало-мальски интересного на свете, о чем бы ни говорили мы с дядей Петей во время таких наших с ним неторопливых бесед как в трезвом виде, так и за бутылкой водки. Упорно избегал он одной лишь военной темы, да и мне не больно удобно было «наводить» его на нее: она и без меня ему каждый час о себе напоминала! И только однажды в ответ на мои настойчивые просьбы рассказать о том, что конкретно успел он совершить на войне до своего ранения, мой собеседник явно без особого желания «раскололся»:

— Да о чем рассказывать-то, — прикуривая очередную «козью ножку» от предыдущей, пожал плечами дядя Петя, — рассказывать-то не о чем! Вот ты, наверное, слышал о приказе Сталина «Назад ни шагу!», объявленном в сорок втором году под Сталинградом? Тогда и были введены на фронте заградотряды! Это которые шли следом за своими и имели приказ стрелять в каждого, кто побежит с передовой назад! А поскольку мне в ту пору уже к сорока подходило, и никто меня во взводе иначе, как дедушкой не называл, то меня и определило начальство в такой заградительный отряд. Хошь не хошь, а держи во время боя на мушке не чужих, а своих!

Дядя Петя отпил из стакана пару глотков и, затянувшись вместо закуски самосадом, продолжал:

— И вот идем мы в атаку там, под Сталинградом: впереди — шеренги штрафников и вчерашних школьников-сосунков, только что прибывших на пополнение, а за ними — мы, заградотрядовцы. Немцы в лоб нам открыли огонь из всех видов оружия, с неба на нас их самолеты пикируют, земля под ногами ходуном ходит. И бежит из этого ада прямо на меня парнишка лет семнадцати, разве что на год-другой повзрослее старшего моего сына Шурки. Без винтовки бежит — может, бросил, а может, и не было ее у него. Всем-то тогда еще не хватало винтовок, и таким-то зеленым, бывало, говорили: добудешь в бою! Бежит, от страха ничего не видит и не слышит — того и гляди, самого меня с ног собьет. Я винтовку на него навел, кричу: «Куда, гад?» — а ему хоть бы что!

Дядя Петя помолчал, попыхивая самокруткой, на минуту даже встал с табуретки и прошелся от стола до двери и обратно. Потом продолжил свой рассказ:

— Вообще-то, по инструкции, я должен был безо всяких разговоров еще на подходе стрелять в него! На этот счет нам было сказано строго, и я, не выполняя сталинский приказ, в тот же день мог сам угодить в штрафники, а то и

под «вышку»! Так что счастье этого парнишки было в том, что, кроме меня, никто не видел, как бежал он с поля боя! А я стрелять не стал, а просто взял его за шиворот, как котенка, дал ему сапогом хорошего пинка под зад и снова погнал его в сторону передовой: «Иди, паршивец, вперед — там, может, еще жив останешься! А здесь, в тылу, тебе верный трибунал и пуля в лоб!»

— Ну и как — остался он живой? Как хоть его звали-то, этого парнишку?

— А вот этого я тебе не скажу — меня самого в том же бою шарахнуло так, что очнулся только через две недели в госпитале в Нарофоминске! И вся моя война с винтовкой в руках на этом кончилась, началась другая — с клюшкой в руке и резиновой трубкой в боку!

— Ордена и медали за войну у тебя были?

— А как же, конечно были: орден Красной Звезды — за ранение, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», еще какие-то... Ты вон у Юрки с Вовкой спроси, куда они подевались: сам-то я их ни разу в жизни так и не надел!

Дядя Петя допил последний глоток водки, еще остававшийся у него в стакане, неторопливо закусил соленым груздем. И, словно вдруг что-то вспомнив, с интересом посмотрел на меня:

— А ты что это про награды-то мои спросил? Уж не узнать ли хотел — не представили ли меня за этого парнишку к званию Героя Советского Союза? Так я же ведь говорил тебе, какие нам с ним обоим могли быть награды, если бы об этом случае узнал кто-то третий. И уж совершенно точно могу тебе сказать: медали «За спасение погибающих» в числе моих наград не было!

ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ!

По подсчетам покойной моей тетки Анастасии, знавшей родословную каждой давыдовской семьи едва ли не до третьего, если не до четвертого колена, всего из Давыдова, состоявшего в 1941 году из 229 дворов, с той Великой Войны, отгремевшей в бесконечно далеком теперь от нас сорок пятом, не вернулись домой 93 человека.

Вряд ли кто-нибудь мог подсчитать это более точно, чем она — тем более, что, как и в целом по стране, официальные данные на этот счет всегда были разными. И даже сегодня, через многие десятилетия после событий того времени, эти данные постоянно изменяются и обновляются. Как будто и поныне продолжается она в человеческой памяти и на пожелтевших страницах архивов — та давно уже отлитая в бронзу статуй и мрамор памятников война!

Например, на памятном обелиске, установленном в самом центре села, возле клуба, на месте разрушенной в бурную пору правления Н.С. Хрущева Давыдовской сельской церкви, не перечислено и третьей части тех, кто не вернулся в Давыдово после четырехлетних сражений. Устанавливали этот обелиск еще к 20-летию Победы, когда день окончания войны только в первый раз стал не рабочим, а, скажем, так называемых без вести пропавших (в рядах которых и поныне остается мой отец и которые составляют едва ли не половину общего числа моих погибших на фронтах односельчан) еще не принято было считать полноценными участниками кровавой военной эпопеи.

Да даже и с теми, на кого в свое время (еще в то черное, горькое военное время) пришла официальная похоронная с указанием точного дня и места их гибели и захоронения, оказывается, и поныне далеко не все так ясно, как в юбилейных докладах и увенчанных громкими премиями исторических монографиях.

Вот, например, уже перед 50-летием Победы, перебирая в Вачском районном военкомате учетные карточки погибших земляков, приготовленные для составления районной, а затем и Нижегородской областной Книги памяти, наткнулся я на призывной формуляр второго по старшинству после моего отца из четверых братьев Востриловых (по-уличному Кибиткиных) – родного моего дяди Алексея Егоровича.

В формуляре было сказано, что красноармеец Алексей Егорович Вострилов, 1913 года рождения, место рождения – село Давыдово Горьковской области, был призван на действительную военную службу в РККА 22 июня 1940 года, ровно за год до начала Великой Отечественной, и направлен в только что отошедший тогда к нам город Выборг. Погиб в бою 28 августа 1941 года, похоронен в районе деревни Янсен Карело-Финской ССР (Карелия). Извещение о смерти, составленное командованием 272-го стрелкового полка (дело 375, лист 105-й), вручено матери его Востриловой Пелагее Алексеевне.

В учетной карточке не было записано, когда именно было вручено извещение. Но, скорее всего, произошло это не раньше года 1942-го или 1943-го, потому что мне тогда было уже лет пять или шесть, и я отлично помню, как дня три после получения этого извещения весь просторный дом деда Егора и бабушки Пелагеи содрогался от рёва:

— Олѐ-ша-а-а! О-о-о-о!

— Улѐ-ша-а-а! У-у-у-у!

— О-у-лѐ-ѐ-шинь-ка-а! А-а-а-а!

В один голос на все село «вопили» по дяде Алексею мать его, бабушка Пелагея (которую никто в Давыдове не называл иначе, как Палашей), сестра погибшего – уже упоминавшаяся выше тетка моя Анастасия (с подсчетов которой мы начали этот рассказ), жена дяди Алексея, тетя Лиза, в двадцать два года оставшаяся без мужа с двумя малолетними сыновьями, моими двоюродными братьями, на руках (один из них родился уже после призыва отца в армию). Да и все соседки наши – такие же солдатки:

— Олѐ-ша-а-а! О-о-о-о!

— Улѐ-ша-а-а! У-у-у-у!

— О-у-лѐ-ѐ-шинь-ка-а! А-а-а-а!

А на самом деле оказалось, что вовсе и не погиб он тогда в бою возле карельской деревни Янсен, наш дядя Алексей, а тяжелораненным, без сознания, попал в плен к белофиннам (так их тогда называли) – как известно, и в 1941-м воевавшим против нас на стороне немцев. Чудом уцелев от голода, холода и конвоирских пуль на протяжении всех трех лет этого финского плена, он вместе с тысячами таких же неизвестно в чем провинившихся перед Родиной бедолаг был в конце войны в телячьей теплушке отправлен уже на десять лет в Сибирь – искупать свою вину на угольных шахтах Кузбасса.

Десять лет за колючей проволокой да еще под землей – это вам не десять дней в санатории. После освобождения из кузбасского плена вернуться в Давыдово (где его давным-давно поминали за упокой) Алексей Егорович уже не захотел (да еще и вопрос: мог ли?), а завел себе при «перевоспитавшей» его шах-

те новую семью. Так что сыновья его, мои двоюродные братья Шурка и Сережка, едва ли не единственные среди давыдовских своих ровесников, как росли в войну, так и после нее остались сиротами при живом отце.

А потом и вовсе сгинул он, дядя Алексей, там, в Сибири, в шахтерском городе Прокопьевске, в неполные свои полсотни лет – сгинул по пьянке, даже и не подозревая о том, что навечно зачислен он в родном военкомате в списки павших смертью храбрых на поле брани...

Шести или семи бывшим давыдовским фронтовикам, так же, как и мой дядя, ошибочно зачисленным в Книгу памяти Вачского района, повезло больше: несмотря на присланные на них похоронки, вернувшись после войны в Давыдово, они каждый в свое время были мирно похоронены рядом со своими отцами, дедами и прадедами. Об этом свидетельствует специальный деревянный щит со списком покоящихся на Давыдовском кладбище бывших участников Великой Отечественной войны, установленный здесь еще в 1985 году, к 40-летию Победы.

Впрочем, и этот самодельный знак памяти не обошла стороной наша привычная российская неразбериха. Буквально в каком-нибудь десятке метров от него можно увидеть могилы участников войны, фамилий которых на этом щите нет, хотя они и были погребены здесь еще до его установки.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ ВИКТОРА ЗУЕВА

В отличие от многих других призванных на войну, давыдовский черноморский краснофлотец Виктор Зуев не погиб ни на море, ни на суше, ни в плен не попал, ни без вести не пропал. Первой же военной зимой, одним из самых первых фронтовиков, в парадной краснофлотской форме вернулся он в родное Давыдово.

Вот только не на своих двоих возвратился Виктор в село, а привезли его с ближайшей железнодорожной станции Степурино на колхозной подводе. И в родительский дом вместе с казенной инвалидной коляской вносили на руках. На этой же коляске Виктор потом и разъезжал по селу, потому как собственные ноги у него были мертвыми, как плети.

Как вскоре стало известно в Давыдове, в сентябре 1941-го, во время героической обороны славного города Одессы, осколком вражеского снаряда ранило краснофлотца Зуева в позвоночник — причем, этот осколок почему-то даже и в госпитале вынуть было нельзя. И ровно в 20 лет фактически стал Виктор таким же слабым и беззащитным, как грудной ребенок: без посторонней помощи даже и на двор сходить не мог!

А впрочем, это мы — мальчишки - безотцовщина, с восхищением смотревшие на краснофлотскую форму Виктора и охотно возившие его на коляске по селу, только потом, через много-много лет, сообразили, каким он в то время был молодым, как ненамного был он нас старше. А тогда-то, конечно, казался он нам если уж не равным существовавшим только в рассказах матерей отцам, то, по крайней мере, гораздо более близким к седовласым дедам, чем к нам, несмышленной «плотве».

А самое главное: уж больно похож он был на бесстрашных моряков несдавшегося врагу крейсера «Варяг», фильм о котором не раз показывали в

нашем Давыдовском клубе. Та лента была вообще одним из самых первых кинофильмов, увиденных нами.

(Мне навсегда запомнилось, что в первый раз киномеханик, как видно, и сам до того не смотревший фильм, написал на афише его название так: «Клейстер варят». А может, это кто-то потом подправил? Но фильмы тогда привозили в Давыдово так редко, что нас и любая другая абракадабра на афише или даже на самом экране не заставила бы пропустить такое событие. Не могло стать препятствием и поголовное отсутствие денег на билет: в клуб проникали мы через дыру в прогнившем бревне под сценой, в задней стене клуба.)

А тут можно было потрогать руками живого моряка, ленточки с якорями на его бескозырке, самокрутку помочь ему завернуть!

Но самого-то Виктора, как видно, тянуло не только к нам, ребятам, а и ко многому другому. Как-то на праздник — на Троицу или, может быть, на Петров день, в разгар сенокоса — привелось мне видеть, как возвращавшаяся с танцев на «топтаке» посреди села стайка девчонок окружила Виктора, со стороны наблюдавшего из своей коляски за весельем молодежи, и торжественно вручила ему целую охапку душистой сирени или черемухи. Что-то они там наперебой говорили ему, он им тоже отвечал веселым смехом и шутками.

А когда девушки, наконец, отошли от него, Виктор уронил голову на лежавший у него на груди букет и не поднимал ее так бесконечно долго, как будто заснул. А может, он просто плакал тогда — кто ж к нему под лихую бескозырку заглядывал?

В те редкие дни, когда хоть ненадолго отпускала его ни днем, ни ночью не стихавшая, нечеловеческая боль в перебитом позвоночнике, Виктор уезжал порой на своей коляске и за пределы села — к Поповой яме, Огнixe или в Романовку, на луга, в поля и в леса. Может, просто тянуло его забыться от этой боли своей на природе, туда, где работали летом люди.

А может, еще до войны он сам, его отец или кто-то другой из его родных занимался охотой — вот и сказывалась привычка. Во всяком случае, в доме у Зуевых, в той комнате, где обычно лежал Виктор, и где по утрам мать с сестрами перебинтовывали его раны, на стене висело ружье. И как раз ему-то, этому всеми позабытому, старому ружью, и суждено было сыграть главную роль в начавшейся под далекой Одессой истории.

Одна из сестер Виктора Зуева, покойная Анастасия Васильевна, рассказывала мне, что в первый раз это ружье пригодилось вскоре после приезда Виктора из госпиталя домой, первой или второй военной весной. Как и всем давыдовским семьям, Зуевым принесли тогда повестки на военный налог — 800 рублей с матери и по стольку же с каждой из дочерей. Но кто-то из грамотных знакомых сказал им, что матери такого инвалида войны, как Виктор, военный налог можно не платить — есть соответствующая льгота. Сестры и заплатили тогда только за себя, а за мать не стали.

И когда мать Виктора вместе с другими давыдовскими горемыками-солдатками вызвали за недоимки за 18 километров в Вачу в районный суд, она и там заявила, что платить ей военный налог нечем: калека-сын, изувеченный на фронте, на руках. Однако в суде ей разъяснили, что военный налог был назначен еще до прибытия сына — так что, мол, придется платить.

По простоте душевной мать и сестры думали, что этим дело и кончится, но вскоре после заседания районного суда нагрянула в дом к Зуевым целая комиссия. В комиссию входили судoisполнитель из Вачи, оказавшийся не год-

ным по состоянию здоровья к отправке на фронт давыдовский председатель сельсовета Романов (он потом чуть не до девяноста лет жил!), а также налоговый наш агент — молодая, цветущая женщина (как говаривала покойная бабушка Палаша — «в коренном брызгу»), казавшаяся мне тогда, в детстве, самой красивой из всех давыдовских.

Это уж только потом, повзрослев, понял я, откуда шла ее красота: в отличие от всех других давыдовских женщин, ходила она не с косой, топором или вилами, а с блестящим хромым ридикулем, работала с «настоящими» деньгами и за деньги, а не за колхозные «палочки». Соответственно и выглядела модная налоговая агентша несравнимо даже с женами все того же «незаменимого» на тыловом фронте начальства — не то что с остальными нашими измученными войной и нуждой (хотя и совсем тогда еще молодыми) давыдовскими бабенками!

Так вот, зашла налоговая комиссия к Зуевым в дом, осмотрела голые стены, деревянные лавки и стол. Потом председатель сельсовета Романов говорит:

— Чего там долго разговаривать — вон давайте корову у них со двора за эту недоимку сведем!

Тут-то Виктор Зуев, до того с головой закрытый одеялом и, как видно, дремавший на кровати в передней, и сорвал со стены ружье. Незваных гостей в мгновение ока, как ветром, выдуло из избы: отстоял доблестный защитник Одессы единственную надежду и кормилицу семьи — коровенку!

Но все-таки военный налог за мать Зуевым пришлось платить. И хорошо, что скоро нашелся покупатель на овцу, что как раз необходимые для уплаты налога 800 рублей и дал за нее.

А застрелился Виктор Зуев все из того же отцовского ружья уже в 1949-м, когда приступы боли в спине от осколка в позвоночнике стали невыносимыми, и загноение от раны начало распространяться вширь и вглубь. Мне тогда уже шел тринадцатый год, так что я хорошо помню, как это было.

После того, как по «беспроволочному телеграфу» пронеслась страшная весть по селу, прибежали мы, ребятя, в хорошо знакомый всем нам дом Зуевых, где Виктор лежал на кровати с уже наполовину оторванным черепом. Рядом с ним на кровати же — ружье, а весь потолок в переднем углу избы, над иконами, обрызган багрово-черными ошметками мозгов и белыми черепными осколками. Не помню, чтобы кто-нибудь плакал: и дети, и взрослые стояли вокруг кровати молча, пораженные ужасом и непоправимостью происшедшего.

А сразу посерьезневший (тогда совсем еще молодой — ровесник Виктора!) деревенский наш «дед Щукарь» Алексей Николаевич Кербенев (по-деревенски — Олешка Царев) каждого входившего в избу взрослого и мальчишку встречал одними и теми же словами:

— Вот вам Витька. Самый последний Витька...

Остается добавить, что похоронен бывший защитник героического города Одессы Виктор Васильевич Зуев на нашем Давыдовском сельском кладбище под обыкновенным деревянным крестом. На кресте — лаконичная надпись: «Зуев Виктор Васильевич. 15 февраля 1921 г. — 4 июля 1949 г.» По-моему, лежит он рядом с матерью и другими родными, в «своем» семейном месте — почти у самого входа на кладбище.

А в районной (и соответственно — в областной) Книге Памяти, вышедшей к широко отпразднованному в свой срок 50-летию Победы, фамилия Виктора Зуева не значится: во-первых, погиб он не на фронте, а дома, в своей кро-

вати; во-вторых, произошло это не в период самой войны, а только через четыре года после нее.

И кому какое дело до того, что добил Виктора осколок все того же снаряда, который был выпущен по нему фашистами под Одессой в непомерно трудном и горьком для всех нас сорок первом!

НЕ ВЕРНУЛИСЬ С ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*«...Великая Отечественная не окончена
и будет продолжаться до тех пор,
пока не будет установлена каждая
судьба без вести пропавшего».
«Ветераны — это не возрастное поня-*

тие...»

Из дневника А.В. Вострилова.
Май 1997 го-

да.

По данным Книги Памяти Нижегородской области, вышедшей в свет в Нижнем Новгороде в 1995 году, к 50-летию Победы (т. 6-й, стр. 2-166), за годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Вачским райвоенкоматом были призваны в действующую армию около 13 тыс. человек. Из них не вернулись домой более 6 тыс. человек, то есть каждый второй.

Приводим список уроженцев села Давыдова, названных в Вачской районной Книге Памяти погибшими или пропавшими без вести на фронтах Великой Отечественной войны:

1. Антипов Николай Александрович, род. в 1926 г., ефрейтор. Призван в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии — А.В.) Вачским РВК (райвоенкоматом), погиб в бою 10 августа 1944 года. Похоронен с отдаванием воинских почестей в 350 метрах севернее д. Поперес Латв. ССР (578-й стр. полк 208-й стр. дивизии, дело 379, лист 9-й).

2. Белов Иван Капитонович, красноармеец (то есть рядовой — А.В.). Пропал без вести в декабре 1941 г. в Тульской области. Извещение получено 14 марта 1942-го, вручено жене.

3. Борисов Николай Михайлович, род. в 1908-м. Рядовой (красноармеец). Призван 21 декабря 1941-го в 34-ю запасную лыжную бригаду. Умер от болезни (от ран! — А.В.) 22 марта 1943-го. Похоронен в р-не д. Саки Слободского (Демидовского?) района Смоленской области. Извещение вручено жене — Борисовой Анне Ивановне.

4. Волков (Волчонков? — А.В.) Алексей Кузьмич, род. в 1902-м. Пропал без вести, февр. 1943. (Учетной карточки в военкомате нет, приводится только по Книге Памяти — А.В.).

5. Волчонков Иван Арсентьевич, род. в 1904. Рядовой (красноармеец). Призван 18 дек. 1941-го, пропал без вести 11 авг. 1942-го. Извещение вручено 14 июля 1945-го жене — Волчонковой Александре Алексеевне.¹¹

6. Волчонков Федор Арсентьевич, род. в 1900 г., рядовой. Пропал без вести в феврале 1942-го. Учетной карточки в военкомате нет.

7. Вострилов Алексей Егорович, 1913 года рожд. Призван в РККА 22 июня 1940-го, направлен в Выборг. Погиб в бою 28 авг. 1941, похоронен в р-не д. Янсен Карело-Финской ССР (Карелия). Извещение получено от командования 272 стр. полка (дело 375, лист 105-й). Вручено матери.¹²

8. Вострилов Василий Егорович, род. 1910 г. Рядовой (красноармеец). Призван Электростальским горвоенкоматом Московской области 22 октября 1941 года (дело № 36, том 1-й, порядковый номер — В-62). Пропал без вести в марте 1942-го.¹³

9. Вострилов Иван Григорьевич, род. 1904, рядовой. Призван 29 августа 1941-го, пропал без вести в марте 1942-го. Извещение вручено жене — Востриловой Прасковье Федоровне.¹⁴

10. Вострилов Иван Федорович, род. 1906. Мл. сержант. Призван 12 марта 1940-го, пропал без вести 9 июля 1942-го.

11. Вострилов Михаил Григорьевич, род. 1901, рядовой. Пропал без вести, янв. 1944.^{14а}

12. Вострилов Михаил Иванович, род. 1924. Признан 12 окт. 1942-го, погиб в бою 25 ноября 1943-го. Похоронен в д. Поддубье, Шумилинского р-на Витебской обл., Белоруссия. Извещение вручено матери — Востриловой Екатерине Семеновне.

13. Ганин (Панин? — А.В.) Алексей Николаевич, род. 1916. Призван 2 дек. 1942-го, погиб в сентябре 1943-го. Извещение вручено жене — (П?) Ганиной Анастасии Николаевне 18 февраля 1946-го.

---

¹¹ Почему-то его фамилия указана также на деревянном щите, установленном к 9 мая 1985 года на Давыдовском кладбище, где перечислены участники ВОВ, умершие уже после войны и похороненные там — А.В.

¹² Второй по старшинству брат моего отца, в число погибших на фронте включен ошибочно. Подробно об его военной и послевоенной судьбе рассказано в главе «За ценой не постои!», включенной в эту книгу. — А.В.

¹³ Так было сказано в ответе, присланном в Вачский райвоенкомат по запросу моей матери из Центрального Архива Министерства обороны (ЦАМО) в 1946 году.

Я думаю, что погиб мой отец гораздо раньше, скорее всего, еще по пути на фронт под бомбежкой в эшелоне или сразу по прибытии в зону боевых действий — в начале ноября 1941-го. Но, видимо, только через четыре месяца после этого, в марте 1942-го, в части его хватились. А может, и самой части к тому времени уже не было: дело-то происходило в октябре-ноябре 1941-го под Москвой — в самой горячей каше войны!

На основании этого официального ответа ЦАМО и устных объяснений матери тогда же отец был учтен Вачским РВК — по месту своего рождения и проживания семьи — А.В.

¹⁴ Самый младший брат моего деда Егора, по-деревенски — Крантов. Тот самый подросток, которого ранней весной 1918-го Кряжовы хотели убить вместе с чеванинскими братьями Савельевыми. А погиб Иван Григорьевич в первый год войны в немецком концлагере на глазах у нашего соседа и дальнего родственника Ивана Павловича Вострилова-Дронова: вместе с другими обессиленными от голода людьми его еще живого закопали в землю — А.В.

^{14а} Второй (после Василия Григорьевича — Амоса) брат моего деда. Муж нашей соседки Анны Всеволодьевны (по-деревенски — «Сиволотьевны»), отец Катёнки, Ивана и Виктора Востриловых — Грининых, вместе с которыми я рос и дружил в годы войны — А.В.

14. Гарёв Василий Терентьевич, род. 1925. Призван 22 янв. 1943, погиб 14 окт. 1943-го. Похоронен в братской могиле в 500 метрах юго-западнее д. Сысоево, Горицкого р-на Могилевской обл., Белоруссия. Извещение вручено матери — Гарёвой Прасковье Александровне (с. Давыдово).

15. Громов Федор Васильевич, род. 1905. Призван 18 дек. 1941-го, погиб 28 февр. 1943-го. Похоронен в братской могиле в д. Быринка Думиничского р-на Калужской обл. Извещение вручено жене — Громовой Прасковье Алексеевне.

16. Жаворонков Василий Григорьевич, род. 1916, рядовой. Умер от ран 25 авг. 1941, похоронен в Мурманской области (Так — в Книге Памяти. А в призывной карточке в Вачском военкомате: «Похоронен в братской могиле в 3-х км от ст. Вайта по шоссе к ст. Влакурти Латв. ССР»).

17. Захаров Иван Михайлович, род. 1915. Лейтенант (в учетной карточке: политрук). Призван 24 июня 1941-го, погиб 9 мая 1942-го. Извещение вручено матери — Захаровой Александре Ивановне.

18. Захаров Михаил Михайлович, род. 1915. Рядовой. Призван 24 июня 1941-го, погиб 18 января 1941-го (?). Похоронен в с. М. Дуб Старорусского р-на Новгородской (в учетной карточке: Ленинградской) области. Извещение вручено жене — Захаровой Елизавете Михайловне.¹⁶

19. Захаров Павел Николаевич, род. 1906, рядовой. Призван 13 июля 1941-го, погиб в бою 1 апреля 1942-го. Похоронен в д. Прудки Темкинского р-на Смоленской обл. Извещение вручено жене.

20. Кербенёв Алексей Григорьевич, род. 1906, рядовой. Погиб в бою 1 авг. 1944. Похоронен в Эстонии. Извещение вручено жене — Кербенёвой Любове Григорьевне.

21. Кербенёв (Кирбенёв) Василий Ефремович, род. 1912. Призван 23 сен. 1941, умер от болезни (от ран! — А.В.) 5 мая 1944-го. Похоронен на ст. Звенигородка Черкасской (Киевской?) обл., Украина. Извещение вручено жене — Кирилловой (Кирбенёвой?) Е.Д.¹⁷

22. Кербенёв Василий Степанович, род. 1908, рядовой. Пропал без вести, февр. 1942.

23. Кербенёв Дмитрий Васильевич, род. 1922, рядовой. Погиб в бою 7 окт. 1941. Учетной карточки в Вачском РВК нет.

24. Кербенёв (Кирбенёв) Иван Адреевич, род. 1900. Призван 24 янв. 1942-го, погиб 20 авг. 1942-го. Похоронен в д. Ореховня Износковского (Износинского?) р-на Смоленской обл. Извещение вручено жене — Кирбенёвой Степаниде Гавриловне.

25. Кербенёв Иван Григорьевич, род. 1915 или 1916. Сержант. Призван 10 сент. 1939-го, пропал без вести 22 июля 1943-го. Извещение вручено Кербенёвой Марии Федоровне.¹⁸

26. Кербенёв Иван Николаевич, род. 1903, рядовой. Пропал без вести, дек. 1941. Карточки в райвоенкомате нет.

¹⁵ Сын одного из первых давыдовских коммунистов, бывшего рабочего фабрики Кондратовых (позднее — завод «Труд») в Ваче Григория Евлампиевича Жаворонкова, избранного весной 1918-го, после убийства братьев Савельевых, секретарем первого Давыдовского Совета — А.В.

¹⁶ Видимо, два брата-близнеца. И призваны были в один день! Один — лейтенант, другой — рядовой, один — еще холостой, другой — женатый — А.В.

¹⁷ По-давыдовски: Ефрешкин — А.В.

¹⁸ По-давыдовски: Вашенька — А.В.

27. Кербенев Михаил Павлович, род. 1907. Призван 25 июня 1941-го, погиб 28 февр. 1943-го. Похоронен в братской могиле у дер. Ленинское Думиничского р-на Смоленской (Калужской?) обл. Извещение вручено жене — Кербенёвой Наталье Александровне.

28. Кербенёв Николай Григорьевич, род. 1913. Пропал без вести, февр. 1943-го. Извещение вручено жене Александре Николаевне.

29. Кербенёв Николай Иванович, род. 1908. Призван 21 дек. 1941-го в 34-й отд. лыжн. бат-н, погиб 18 февр. 1943-го. Похоронен 2 км севернее д. Смердынь(ня) Тосненского р-на Ленинградской обл. Извещение вручено жене — Романовой (?) Анне Дмитриевне.

30. Кербенёв Николай Иванович, род. 1926. Призван 20 января 1943-го, умер от ран 22 авг. 1944-го. Похоронен в Эстонии. Извещение вручено отцу — Кербенёву Ивану Алексеевичу 27 февр. 1946 г.

31. Кербенёв (Кирбенёв) Николай Михайлович, род. 1904. Призван 3 ноября 1941-го, умер от ран 28 авг. 1942-го. Похоронен на кладбище в с. Арчино-Чернушинский Фроловского р-на Волгоградской (Сталинградской) обл.

32. Кербенёв (Кирбенёв) Николай Михайлович, род. 1920. Ст. лейтенант. Умер от ран 4 мая 1945-го. Похоронен на госпитальном кладбище, юго-западная часть населенного пункта Гросс-Липенау, Восточная Пруссия. Извещение вручено отцу — Кирбенёву Михаилу Алексеевичу.

33. Киселёв Василий Алексеевич, род. 1914. Сержант. Пропал без вести, апр. 1943. Карточки в РВК нет.

34. Киселёв Иван Григорьевич, род. 1902. Пропал без вести, дек. 1941. Жене — Елизавете Николаевне.

35. Киселёв Николай Семенович, род. 1909. Пропал без вести, февр. 1943. Жене — Антонине Михайловне.

36. Климов Иван Петрович, род. 1907. Призван 22 июля 1941-го, погиб 18 марта 1943. Похоронен в д. Высокое Угранского (Всходовского?) р-на Смоленской обл.

37. Кочнёв Василий Иванович, 1901. Пропал без вести, май 1943. Карточки в военкомате нет.

38. Кочнёв Иван Николаевич, 1903. Пропал без вести, дек. 1941. Карточки в военкомате нет.

39. Кряжов Александр Васильевич, 1919. Пропал без вести, дек. 1942. Извещение вручено матери — Вере Алексеевне.¹⁶

40. Кряжов Дмитрий Васильевич, 1924. Пропал без вести, дек. 1943. Извещение вручено маме (так в учетной карточке! — А.В.) Вере Алексеевне.¹⁷

41. Кряжов Василий Петрович, 1902. Пропал без вести, сент. 1943. Извещение вручено жене — Марии Васильевне.¹⁸

42. Кряжов Иван Андреевич, 1903. Погиб в бою 25 ноября 1943-го. Похоронен в д. Волколаково Дубровенского р-на Витебской обл., Белоруссия.¹⁹

¹⁶ Сыновья «врага народа» В.А.Кряжова — А.В.

¹⁷ Сыновья «врага народа» В.А.Кряжова — А.В.

¹⁸ По-давыдовски: Петяшин. Отец послевоенного генерал-майора Ивана Васильевича Кряжова — А.В.

43. Кряжов Иван Семенович, 1925. Гвардии рядовой. Погиб в бою 14 марта 1944. Похоронен в г. Красилове Хмельницкой обл., Украина.²⁰

44. Кряжов Иван Федорович, 1904. Пропал без вести, март 1943. Карточки в военкомате нет.

45. Кузьмин Георгий Степанович, рядовой. Погиб в бою 16 ноября 1943. Извещение вручено жене — Кузьминой Софье Михайловне 3 марта 1944 года.

46. Луконин Василий Александрович, 1919. Погиб в бою 20 дек. 1941-го. Похоронен в г. Колпино Ленинградской обл.

47. Луконин Василий Иванович, 1902. Призван 23 сент. 1941, погиб 16 апр. 1944. Извещение вручено жене — Лукониной Марии Николаевне.²¹

48. Луконин Константин Михайлович, 1902. Рядовой. Пропал без вести, ноябрь 1942. Учетной карточки в РВК нет.²²

49. Луконин Михаил Иванович, 1900. Пропал без вести, янв. 1942. Учетной карточки в Вачском райвоенкомате нет.

50. Миронов Павел Иванович, 1906. Призван 28 июля 1941, погиб 4 апр. 1943. Похоронен в д. Липовцы (Н.-Липовник?) Старорусского р-на Новгородской (Ленинградской) обл. Жене — Мироновой Л.В. 9 июля 1944.²³

51. Муравьев Михаил Степанович, 1907. Пропал без вести, июнь 1942. Карточки нет.

52. Никитин Василий Алексеевич, 1900. погиб 4 июля 1944. Похоронен в г. Полоцке Витебской обл., Белоруссия (ст. Полота-Полоцк, 445-й км Зап. ж. д., в 130 м от реки Полота. Жене Никитиной Е.П. 20 июля 1944.²⁴

53. Петров Василий Николаевич, 1910. Погиб в бою 9 апр. 1942. Похоронен в д. Павловка Юхновского р-на Калужской обл.²⁵

---

¹⁹ Вместе с 70-летним отцом Андреем Меркурьевичем, братьями Василием, Михаилом и еще большой группой давыдовских «контрреволюционеров — церковников» решением особой тройки Управления НКВД по Горьковской области от 6 ноября 1937 года был осужден к восьми годам исправительно-трудовых лагерей (у А. Солженицына: истребительно! — А.В.) Но войну ему, видимо, дали возможность «кровью искупить свою вину». А на самом деле — жизнью искупить.

Для дочери Ивана Андреевича Нины и сына Сергея (по-давыдовски: Дюжего! — А.В.) гибель отца именно на фронте, а не в тюрьме имела важное значение: одно дело — быть «отродьями врага народа», и совсем другое — детьми погибшего фронтовика — А.В.

²⁰ Сын «врага народа» С.С.Кряжова, расстрелянного в янв. 1938-го — А.В.

²¹ Отец Бориса (?), Ивана, Ани и Сергея Лукониных (Сергей — мой одноклассник. Мать, живя по зимам у него в городе, уже слепая (!), последние годы своей жизни приезжала каждое лето в Давыдово и работала на огороде (наощупь!) — А.В.)

²² В начале 30-х гг. был секретарем Давыдовской орг-ии ВКП(б). Отец инвалида войны Ив. Конст. Луконина, пришедшего с войны без одной ноги, а потом много лет работавшего в колхозе вторым человеком (бухгалтером), члена КПСС. Наверно, это по его настоянию фамилию отца указали и на прибитом к березе деревянном щите на Давыдовском кладбище (в числе фронтовиков, умерших после войны) — А.В.

²³ Вряд ли он был уроженцем Давыдова — фамилия не давыдовская! — А.В.

²⁴ В начале 30-х гг. был секретарем Давыдовской орг-ции ВКБ(б), председателем СПО (сельпо). Отец Валентины Васильевны Герасимовой, Виктора и Тамары Никитиных (по-давыдовски: Задовых) — А.В.

²⁵ Назван на деревянном щите в списке фронтовиков, умерших после Великой Отечественной войны и похороненных на Давыдовском кладбище — А.В.

54. Петров Михаил Николаевич, 1913. Погиб в бою 17 окт. 1941. Похоронен в могиле № 1 в д. Ясон (Янсен?), Карелия. Извещение от 8 июня 1965, Давыдовский сельсовет.²⁶

55. Петров Николай Петрович, 1918. Погиб в бою 6 апреля 1942. Похоронен в д. Каменка Велижского р-на Смоленской обл.

56. Петров Николай Семенович, 1909. Пропал без вести, авг. 1942.

57. Петров Семен Николаевич, 1905. Призван 31 дек. 1941, погиб 21 окт. 1943. Похоронен в 500 м юго-западнее д. Селище Киевской обл., Украина. Жене — Петровой Евдокии Михайловне 1 ноября 1943 г.

58. Половиков Алексей Алексеевич, 1915. Лейтенант. Погиб в бою, авг. 1941. Похоронен в д. Калиново Одесской обл., Украина.

59. Полюлюев Иван Михайлович. Ст. сержант. Погиб 2 июля 1943 г. Х.(утор?) Нагорный Обоянского р-на Курской обл. (5-й гвардейский минометный полк). Похоронен в г. Обоянь, Курской обл. Извещение вручено жене — Полюлюевой Н.Д.

60. Полюлюев Федор Михайлович, 1926. Ефрейтор. Призван 12 февр. 1943, погиб 11 авг. 1944. Похоронен в Талсинском р-не, Латвия (д. Апсины Мадонского р-на Латв. ССР). Матери — Полюлюевой Екатерине Егоровне, 4 сент. 1944.

61. Пулюлюев Дмитрий Васильевич, 1921. Погиб 31 марта 1943. Похоронен 800 м сев.-зап. д. Верховье Угранского (Всходовского) р-на Смоленской обл. Матери — Пулюлюевой Зинаиде Ивановне.²⁷

62. Раменев Александр Павлович, 1900. Призван 9 сент. 1941, погиб 15 авг. 1942 (1292-й стр. полк). Похоронен в д. Матренино Темкинского р-на Смоленской обл.

63. Раменев Василий Михайлович, 1913. Пропал без вести 30-го авг. 1941. Раменевой Анастасии Ефимовне, 3 апр. 1944.

64. Раменев Василий Петрович, 1900. Пропал без вести, март 1942. Учетной карточки в военкомате нет.

65. Раменев Василий Федорович, 1902. Член КПСС (ВКП(б)), призван Вачским РВК 2 июля 1941. Пропал без вести, сент. 1941.²⁸

66. Раменев Иван Александрович, 1926. Погиб в бою 13 июля 1944. Похоронен в д. Мосевичи Барановичского р-на Брестской обл., Белоруссия.

67. Раменев Михаил Михайлович, 1915. Рядовой. Пропал без вести в августе 1946-го (?).²⁹

68. Раменев Павел Михайлович, 1904. Призван 2 марта 1942, погиб 12 авг. 1943. Похоронен: кустарники юго-зап. д. Пашки Спас-Деменского р-на Калужской (Смоленской?) обл. Жене — Раменевой Анне Ивановне.³⁰

²⁶ Погиб возле той же карельской деревни, где за полтора месяца до этого был взят финнами в плен брат моего отца Алексей Егорович Вострилов (см. № 7 настоящего списка). А извещение о гибели М.Н.Петрова почему-то пришло в Давыдовский сельсовет только к 20-летию Победы и вручено неизвестно кому.

²⁷ Фамилия в Книге Памяти искажена. Сын «врага народа» Василия Ивановича Полюлюева (по-давыдовски: Липатова), расстрелянного в Горьковской тюрьме в начале 1938 года — А.В.

²⁸ В конце 20-х - начале 30-х гг. был председателем Давыдовского сельсовета, подписывал списки подлежащих раскулачиванию и выселению из Давыдова. Отец комбайнера Володьки Раменева (по-давыдовски: Лобана), о котором не раз писала «Вачская газета» в конце 50-х - начале 60-х гг. — А.В.

²⁹ Так записано в учетной карточке военкомата — А.В.

69. Рошин Алексей Дмитриевич, 1905. Место рождения — Вачский р-н. Рядовой. Пропал без вести 13 авг. 1942.³¹

70. Рошин Егор Иванович, 1908. Погиб в бою 25 февр. 1943. Карточки в военкомате нет.

71. Рошин Иван Алексеевич, 1912. Призван 22 сент. 1942, умер от ран 1 января 1945. Похоронен в д. Корени Салдусского р-на, Латвия. Жене — Рошиной Анне Павловне.³²

72. Рошин Иван Дмитриевич, 1897. Пропал без вести, янв. 1944.

73. Рошин Иван Иванович, 1900. Призван 16 марта 1942, погиб 28 сент. 1942. Похоронен в 3-х км южнее д. Ерзовка Всеволожского (Дубовского) р-на Ленинградской области.³³

74. Савельев Иван Иванович, 1923. Ефрейтор. Призван 28 дек. 1942, пропал без вести 31 авг. 1943 г.³⁴

75. Савельев Николай Федорович, 1906. Призван 25 июня 1941, умер от ран 19 сент. 1943. Похоронен в г. Твери (г. Калинин, городское кладбище —эвакогоспиталь). Жене — Прасковье Гавриловне.³⁵

76. Самохвалов Алексей Ильич, 1917. Пропал без вести, март 1943. Извещение вручено жене Самохваловой Агрофене Васильевне.

77. Самохвалов Николай Иванович, 1913. Призван 10 сент. 1939, погиб 14 авг. 1943. Похоронен в 1 км севернее пос. Полевое Дергачевского р-на Харьковской обл., Украина. Жене — Самохваловой Лидии Павловне.³⁶

78. Самохвалов Николай Михайлович, 1904. Призван 29 авг. 1941, пропал без вести 28 окт. 1941. Жене — Самохваловой Анне Семеновне.

79. Слыжёв Иван Федорович, 1905. Погиб 27 ноября 1942. Похоронен в д. Зайцево Оленинского р-на Тверской (Калининской) обл. Жене — Слыжёвой Анастасии Петровне.

80. Соловьев Алексей Кузьмич, 1915. Призван 12 (?) июня 1941, пропал без вести, окт. 1941. Жене — Соловьевой Марии Михайловне, 29 янв. 1944 г.³⁷

81. Соловьев Василий Кузьмич, 1920. Призван 14 окт. 1940, умер от болезни 27 окт. 1943 (инфекционное отделение больницы г. Брянска). Похоронен в г. Брянске. Жене — Соловьевой Анастасии Алексеевне.³⁸

---

³⁰ Его фамилия — в списке похороненных на Давыдовском кладбище после войны — А.В.

³¹ В том же списке — А.В.

³² Не сын ли «врага народа» Алексея Тимофеевича Рошина, арестованного в октябре 1937-го и умершего в лагере в марте 1938-го? — А.В.

³³ Отец Александры, Николая, Сергея, Василия и Анатолия Рошиных. По-давыдовски — Зелёновых, Зеленцов — А.В.

³⁴ Наверно, из деревни Чеванина, которая всегда входила в Давыдовский сельсовет — А.В.

³⁵ Та же чеванинская фамилия — А.В.

³⁶ Отец Шурки и Сергея Самохваловых, по-давыдовски: Махоркиных, Сергей был моим одноклассником — А.В.

³⁷ Четверо Кузьмичей, четверо сыновей Кузьмы Васильевича Соловьева — бывшего рабочего фабрики Кондратовых в Ваче (потом — завод «Труд»), избранного весной 1918-го, после убийства братьев Савельевых, председателем первого Давыдовского Совета — А.В.

³⁸ Четверо Кузьмичей, четверо сыновей Кузьмы Васильевича Соловьева — бывшего рабочего фабрики Кондратовых в Ваче (потом — завод «Труд»), избранного весной 1918-го, после убийства братьев Савельевых, председателем первого Давыдовского Совета — А.В.

82. Соловьев Дмитрий Кузьмич, 1924. Сержант. Погиб 4 авг. 1943, похоронен в д. Ольховец, Орловского р-на, Орловской обл. Отцу — Соловьеву Кузьме Васильевичу.³⁹

83. Соловьев Николай Кузьмич, 1922. Призван 2 марта 1943, пропал без вести 6 апр. 1942(?) у д. Черный ручей Беловского р-на Смоленской обл.⁴⁰

84. Соловьев Сергей Михайлович, 1908. Призван 1 февр. 1942-го, погиб 12 июня 1942. Похоронен в с. Петропавловское Харьковской обл., Украина. Жене — Александре Ивановне Соловьевой.

85. Спиридонов Иван Николаевич, 1912. Призван 10 июля 1941. Пропал без вести, февр. 1943. Жене — Спиридоновой Анне Павловне 20 апр. 1944.

86. Спиридонов Михаил Николаевич, 1906. Лейтенант. Погиб в бою, февр. 1944. Похоронен в д. Хобня Городокского р-на Витебской обл., Белоруссия.

87. Спиридонов Николай Иванович, 1900. Погиб 7 дек. 1943. Похоронен в Жлобинском р-не Гомельской обл., Белоруссия.

88. Спиридонов Павел Иванович, 1922. Призван 6 дек. 1941, умер от ран 8 февр. 1944. Похоронен в д. Островляне (Островична?) Городокского р-на Витебской обл., Белоруссия. Матери — Спиридоновой Анне Петровне, 7 марта 1944.

89. Сысоев Виктор Степанович, 1911. Вачский р-н (?). Рядовой. Погиб в бою 28 авг. 1942. Похоронен в д. Голубево Ленинградской обл.⁴¹

90. Федотов Николай Петрович, 1924. Призван 26 авг. 1942, пропал без вести 7 марта 1943 в р-не д. Вер. Акимовки Жиздринского р-на Орловской (?) обл. Матери — Федотовой Любви Ивановне.

91. Шмелёв-Шевяков Иван Васильевич. Погиб в бою 28 августа 1943. Похоронен в д. Кошелево Смоленской обл. Извещение вручено отцу — Шмелёву-Шевякову Василию Яковлевичу.

92. Шутов Алексей Иванович, 1908. Погиб в бою 16 сент. 1943. Похоронен в д. Дуброво Ярцевского р-на Смоленской обл.⁴²

93. Щетинин Иван Иванович, 1903. Погиб в бою 30 янв. 1944. Похоронен в с. Головка Днепровской обл., Украина.⁴³

На советско-финскую войну 1939–1940 гг. из Давыдова были призваны:

1. Вострилов Василий Петрович (Синилкин).
2. Вострилов Михаил Михайлович (Карсак), 1911 года рожд.
3. Кербенёв Василий Михайлович (Васюха Овсов), 1910 г. рожд.
4. Кербенёв Иван Григорьевич (Царёв), 1909 г. р.

³⁹ Четверо Кузьмичей, четверо сыновей Кузьмы Васильевича Соловьева — бывшего рабочего фабрики Кондратовых в Ваче (потом — завод «Труд»), избранного весной 1918-го, после убийства братьев Савельевых, председателем первого Давыдовского Совета — А.В.

⁴⁰ Четверо Кузьмичей, четверо сыновей Кузьмы Васильевича Соловьева — бывшего рабочего фабрики Кондратовых в Ваче (потом — завод «Труд»), избранного весной 1918-го, после убийства братьев Савельевых, председателем первого Давыдовского Совета — А.В.

⁴¹ Бывший учитель Давыдовской школы, муж моей первой учительницы Надежды Алексеевны Любимовой, отец Олега и Анатолия Сысоевых, моих школьных друзей — А.В.

⁴² Фамилия скорее степановская или невадьевская, чем давыдовская — А.В.

⁴³ Тоже не давыдовская фамилия — А.В.

5. Макаров Николай Петрович, 1908 г. р.

6. Овсов Василий Павлович (брат Козырного).

В.П. Вострилов и В.П. Овсов «на той войне незначимой»¹ погибли.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Старика Федоскина встретил я лет тридцать с лишним назад совершенно случайно, во время командировки в забытый Богом и начальством лесной поселок Боковой, куда и добраться-то можно было только летом и только по допотопной, давно отслужившей свой срок узкоколейке. Зимой узкоколейку чуть не до крыш вагончиков заметало снегом, а автомобильных дорог в тот отрезанный от остального мира болотными топиями медвежий угол района вообще никогда не бывало и быть не могло. И хотя вдоль всего полотна узкоколейной дороги, то тут то там до половины утопая в зеленой болотной воде, торчали из чащоб пьяно покосившиеся от времени, полусгнившие телефонные столбы, дозвониться до Бокового в любое время года было куда труднее, чем до Парижа или до Нью-Йорка. А то и чем до находящейся на околоземной орбите космической станции.

Так вот из этой-то, как бы находящейся на совершенно отдельной планете Тьмутаракани, не поддавшейся никаким потрясениям бурного звездно-атомного века, и донесся тогда к нам, в редакцию районной газеты «Заря коммунизма», душераздирающий коллективный вопль в виде многословного и малоразборчивого письма, подписанного едва ли не всеми жителями поселка. В письме рассказывалось о том, как вот уже второй год погибают в отгороженном от всего света зыбучими болотами поселке Боковом от голода и холода два беспомощных, больных старика, брошенных на произвол судьбы собственными детьми, давно уже разлетевшимися из родного родительского гнезда по городским комфортабельным квартирам.

Ни фамилий и ни имен этих погибающих от старости и людского равнодушия стариков в письме названо не было. Говорилось только, что живут они даже не в самом поселке, а на отшибе, в бывшей лесной сторожке. Что вместе им теперь уже побольше полутора сотен лет — ни дров для печки наколоть, ни принести от колодца ведро воды они не в состоянии. Так не может ли редакция районной газеты определить этих всеми позабытых, заслуженных людей в дом престарелых или отыскать их паршивцев-детей и заставить их спасти и без того достаточно повидавших в жизни горя стариков от неминуемо ожидающей их недалекой уже зимой мученической смерти?

Не буду описывать здесь тех мытарств, с которыми сначала на попутных машинах до узкоколейки, а потом и по самой давно дышавшей на ладан «чугунке» больше суток добирался я до этого злополучного поселка Бокового, находящегося всего-то в каких-то полустах километрах от районного центра — кабы не болота, так пешком бы скорее дошел! Скажу только сразу, что получилась бесполезной эта моя героическая поездка — потому как, оказывается, буквально накануне моего появления в Боковом забрали оттуда описанных в коллективном письме стариканов не то родственники, не то просто сердобольные

---

¹ Строка из стихотворения А.Т. Твардовского

люди из районного центра. Вот так взяли — и забрали: приехали в Боковой обычным рейсом узкоколейного состава, покидали все стариковские пожитки (вплоть до козы с козлятами и кур) в специально отведенный для этого железнодорожным начальством вагончик и увезли погибавшую в болотах пару на благоустроенные городские асфальты.

Как позднее выяснилось, сделали это члены одной из полузапрещенных религиозных сект, полулегально действовавших в райцентре. Но я здесь продолжать историю этих стариков, оказавшихся сектантами, не буду, потому что дело не в них, а в том, что уехать из Бокового я теперь мог только к концу дня: поезд узкоколейки, доставлявший туда по утрам рабочих-лесорубов, отправлялся обратно только вечером. И кроме списанного вагончика в тупике, служившего одновременно конторкой лесоучастка, железнодорожной диспетчерской, медпунктом и магазином, никаких других официально-производственных заведений в поселке не было.

А поскольку уж залетел я в вольный поселок Боковой, и в этот универсальный вагончик, огромный и косматый, как медведь, мастер лесоучастка Дормидонтов посоветовал мне, пользуясь случаем, навестить и другую стариковскую пару — Федоскиных, проживающих в ничуть не лучших условиях, чем только что увезенные в райцентр супруги Бирюковы. А годков этим Федоскиным пожалуй, будет еще побольше, чем сектантам Бирюкам. Да притом, в отличие от никогда не употреблявшего ни вина, ни табака праведного богомольца Бирюкова, этот бывший путевский бригадир Федоскин еще на фронте потерял ногу и, как и многие из нас, грешных, в свое время неплохо попил. А теперь, несмотря на хватающую его каждую минуту за горло астму, днем и ночью дымит самосадом, как ширококолейный паровоз.

— Третий год также наполовину парализована его старуха, сама, без посторонней помощи, вряд ли и на двор-то ходит! — разяснял мне обстановку Дормидонтов. — Вот уж, действительно, инвалиды так инвалиды! Может быть, Вы хоть статью напишете об них в газету и этим как-то подсобите им. Тем более, что другого-то выбора у Вас сегодня и нет: обратно поезд пойдет не раньше полчетвертого!

Выбора и в самом деле не было. Уже через каких-то пять минут подходил я к глубоко осевшему в землю, неказистому домику Федоскиных, жизнерадостно смотревшему на окружающий его мир чисто вымытыми стеклами трех своих окошек, обрамленных затейливыми зелеными наличниками. Хозяин домика, высокий, худой старик с белой, как лен, копной волос на голове и орлиным носом, сидел за столом в переднем правом углу избы, под иконами. А из незакрытой другой половины домика слышен был кашель его старухи, лежавшей там на высокой железной кровати с пружинным матрацем и светлыми металлическими шарами на передней и задней стенках, под толстым одеялом, на обычный деревенский манер аккуратно расшитым снаружи разноцветными лоскутами материи.

В больших и жилистых руках старика была какая-то замысловатая черная штукавина, напоминавшая знаменитую сталинскую курительную трубку или древне-русский княжеский рог, предназначенный для пиршественных застолий. То и дело вдыхая из этой штуковины воздух, почти непрерывно кашляя и задыхаясь, хозяин со многими остановками, в несколько приемов, разяснил мне, что мало-мальски сносно дышать ему, хроническому астматику с большим

сердцем, можно только через такой вот особый мундштук, научно именуемый ингалятором. Вот бы еще, мол, кислородную подушку — да где там!

— А уж когда по ночам до без передыху прижмет, так я вместо этого ингалятора по старинке самокрутку заворачиваю — как последнее средство! — с озорными искорками в глазах закончил он свой рассказ. — Потому как перевозжу махорку с восьми годков, вот уже шесть десятков лет! И если разом, в одночасье, брошу, то, как на полном ходу остановленный поезд, сразу же из колеи выскочу! И тогда уж никакая аварийная бригада снова на рельсы меня не поставит!

Однако, несмотря на эту явно натужную его бодрость, вид у старика был совершенно измученный, болезненный. А когда я прочитал ему привезенное с собой из редакции коллективное письмо и спросил его, не о нем ли с его женой было оно написано, Федоскин от волнения даже выскочил из-за стола и нервно заходил по жалобно закряхтевшей от его шагов, явно не по великанскому росту хозяина когда-то построенной избушке.

— Да что Вы — разве у меня такие были дети, разве бы они бросили нас? — испуганно воскликнул он.

И на какое-то время перестав кашлять и задыхаться, тотчас же принялся рассказывать мне, как во время Великой Отечественной почти целый год служили они с сыном на одном фронте и даже в соседних частях, но оба не знали об этом. Сын офицером был, а сам старик — рядовым. За всю войну сын один только раз прислал письмо домой, да и то наказал родным больше не писать ему, пока не сообщит новый адрес. И после этого замолчал окончательно, потом пришла на него похоронка. Потом и война окончилась, уже и мать с отцом не сомневались в том, что он давно убит.

А тут вдруг во время молотьбы (старик был тогда бригадиром еще не на железной дороге, а в колхозе) на току подходит к нему механик Сапожников и говорит:

— Федоскин, сегодня утром звонили в контору с железнодорожной станции широкой колеи: ваш сын домой едет!

Старик остановился, сделал несколько сильных вдохов из мелко дрожавшего в его костлявых руках ингалятора. Потом, видимо, справившись с волнением, и через несколько лет после того давнего невероятного известия снова охватившего его, как бы с сомнением и затаенной надеждой покачал головой.

— Не может, — говорю, — этого быть: мой сын погиб, дома возле божницы лежит похоронка!

— Ну вот не знаю, — отвечает, — а только звонили утром, когда Вы были в поле у жнецов! У меня как раз шел на элеватор грузовик с зерном, так он обратным рейсом на нем должен приехать!

— Да, иду домой. И даже в мыслях нет, что правда: убит ведь — и место захоронения указано! А тут догнал меня сосед на подводе, пригласил вместе подъехать. Я не вытерпел, сказал ему насчет сына, так он тоже согласился, что, наверное, какая-нибудь ошибка. И специально, чтобы зря не волноваться, слез я с подводы пораньше, возле магазина, а не около своего дома. Но когда стал к дому на костыле своем подходить, действительно увидел под своими окошками народ, услышал шум какой-то. И вдруг узнал в этом шуме Дуняшкин, дочерин, голос:

— Давай, — говорит, — братка, чемодан-то я понесу!

Гляжу, а рядом с ней возле палисадника и в самом деле сын стоит — в военной офицерской форме, только без фуражки. Тут упал я с костыля. А сын увидел, уже сам ко мне подскочил:

— Отец! Отец!

Старик на минуту замолчал, дыша часто и прерывисто, как рыба на берегу. И я ясно представил себе, как на глазах всего народа молча, по-мужски, встретились эти два солдата. А Федоскин, переборов подступившую к горлу слабость, продолжал:

— Ну и пошли, конечно, сразу в дом, вместе с ним и со всем народом. Мать, как только опомнилась от такой нежданной встречи, сразу к печке метнулась. Я сына отозвал немного в сторону, тихонько говорю ему, что нечем нам угостить столько людей. А он — тоже негромко — успокаивает меня, что есть у него в вещмешке фляжка спирту и две банки тушенки. Тихо мы между собой разговаривали, шепотом — но все-таки, видимо, наш разговор расслышали нагрянувшие вместе с нами соседи.

— И вдруг смотрю, все, как по команде, из избы — шашть! Что такое наговорил на свою голову, думаю? А они минут через десять опять один за другим в дом возвращаться стали. Только уже не с пустыми расспросами, а кто с четверкой самогонки, кто с банкой огурцов, кто с краюхой хлеба...

И вот, когда уселись мы да выпили, даже заплакал я:

— Сколько, — говорю, — сынок, прошли рядом со смертью мы, вот искалечили меня всего, а все ж таки остались живы!

А сын отвечает:

— Ничего, отец, ничего — мы хорошо пожили! Повоевали и с Победой домой вернулись! Только ты прости меня за то, что я вот курить без твоего разрешения стал — помогало на фронте!

И тут уж весь народ, который был в избе, заплакал. Подумать только: сам офицер, а у меня, солдата, прощения просит!

До слез взволновал и меня этот рассказ еще вчера незнакомого со мной, изувеченного войной старика, так напомнившего мне несгибаемого Андрея Соколова из знаменитого шолоховского рассказа «Судьба человека». И ведь даже в послевоенной судьбе этих двух людей и их детей оказалось много общего: сын Федоскина вскоре после своего возвращения с войны нелепо погиб, ударившись обо что-то головой при купании в речке, а дочь, едва выйдя замуж, умерла от белокровия. И теперь вот, искалеченный на фронте и терзаемый неизлечимым недугом, всеми покинутый, задыхается он от недостатка кислорода вместе со своей полупарализованной старухой у черта на куличиках, посреди многокилометрового болота.

А я даже и газетной статьей не могу ему помочь, потому как, во-первых, не знаю даже, к кому ее обращать, эту статью-то: в отличие от только что увезенных из Бокового Богом спасенных Бирюков, нет у него со старухой ни в райцентре, ни где-либо еще ни дальних родственников, ни таких чутких к чужой беде единоверцев. А во-вторых (и это, наверное, самое главное) — не желает он никаких переездов из проклятого Богом и чертом поселка Бокового, в котором прожил всю свою нелегкую жизнь:

— Здесь когда-то отец мой первым поселился, по его имени поселок вначале и назвать-то хотели Володиным почином, да он сам не согласился: хорошо, говорит, как пойдет тут нормальная жизнь, а если плохая? И будут тогда люди вовеки меня проклинять! Вот, скажут, какой-то бродяга Володя забрел в

эту глухомань, а мы теперь в ней мучайся! Оно, конечно, верно, что глухомань, но ведь и я тоже всю войну мечтал сюда к старухе живым вернуться! А теперь куда мы от могил отцов и детей своих отсюда стронемся, кто нас где ждет? — шагая по комнате и как бы размышляя вслух, спрашивал он не то меня, не то себя.

Потом помолчал, жадно припав к ингалятору. И подавая мне на прощание по-старчески худую, костистую, но твердую руку, совсем уже успокоившись, негромко сказал:

— У каждого — свой окоп, своя судьбина. И никуда ты от этой судьбы, от самого себя не убежишь. А если и убежишь, так она тебя, как шальная пуля, все равно догонит... Так что, до новой встречи в Боковом, счастливого Вам пути!

ДАВЫДОВО В ВАЧСКОЙ ГАЗЕТЕ «БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПУТЬ»

1942 год

18 марта:

«Колхозники Давыдовского колхоза «Передовик» решили послать из артельного хозяйства в подарок дорогим жителям Ленинграда, героически отстаивающим свой город, 500 килограммов зерна, 200 килограммов мяса и 100 литров молока, переработав его на масло. Кроме того, подарки организуют также и все колхозники Давыдовского колхоза. Для приема подарков от колхозников избрана комиссия. В.Петров»

20 марта:

«Семья престарелого конюха Давыдовского колхоза Самохвалова Федора Семеновича причитающийся военный налог в сумме 1400 рублей внесла за весь год полностью. Примеру тов. Самохвалова последовала колхозница-красноармейка Чеванинского колхоза Савина Анастасия Егоровна. Досрочно уплатили военный налог завхоз Давыдовского колхоза Полюлюева З.И., Громова А.В. и другие.

В.Романов, председатель исполкома Давыдовского сельсовета».

29 марта:

«За последнее время в нашем районе развелось много спекулянтов-«табачников», которые ездят в другие районы за сто и двести километров, покупают там по дешевой цене табак и продают здесь по спекулятивным ценам — 25-30 рублей за стакан. А также меняют табак на мясо, муку, горох, картофель. К таким злостным спекулянтам относятся Турутин П.С. из деревни Солнцево, Половиков Н.М. из Давыдова, которые недавно предстали перед судом и осуждены на 5 лет лишения свободы каждый».

22 апреля:

«Колхозы Березовского сельсовета — Н.-Березовский, В.-Березовский и Ганинский — обучают крупнорогатый скот для пополнения тягловой силы. На обученных быках производят внутривоспроизводительные работы в колхозах: возят воду, ездят на мельницу».

26 апреля:

В газете опубликовано письмо из Действующей Армии красноармейцев Самохвалова В.Ф. и Спиридонова П.И. замлякам-колхозникам Давыдовского колхоза.

27 мая:

В заметке зав. педкабинетом Вачского РОНО М. Николаевой «Давыдовская школа в дни проверки знаний» отмечаются хорошие знания по арифметике и русскому языку учеников 4 класса В. и Ф. Кербеневых, П. Вострилова, а также учащих старших классов — седьмого и девятого (?).

1 июля:

«В фонд обороны и помощи освобожденным районам Давыдовский колхоз «Передовик» засеял 2 га овса. Председатель колхоза — т. Шекалина».

2 сентября:

«Парикмахеры. Проживающие в поселке Вача Хилова и Шоронова учинили стрижку колосьев ржи в Вачском колхозе. При задержании у каждой из них было обнаружено по 3 килограмма настриженных колосьев. Нарсуд 2-го участка, рассмотрев дело Хиловой и Шороновой, признал их виновными в хищении общественной собственности и приговорил к лишению свободы на 3 года каждую».

20 сентября:

На районной Доске Почета — жницы Давыдовского колхоза Макарова М.Д. (нормы выполняет на 208 проц.) и Спиридонова А.М. (266 проц.), бороновальщица Петрова Е.М. (180 проц.), возчица снопов Раменева А.И. (150 проц.).

20 ноября:

«Юные патриоты. В Давыдовской средней школе идет сбор средств на приобретение теплых вещей для доблестных защитников Родины. Восьмой (?) класс уже внес 162 рубля, седьмой — 130 рублей, шестой — 159 рублей, пятый «В» идет впереди — у него внесено 195 рублей. Не отстают и малыши: первоклассники внесли 100 рублей, второй класс — 102 рубля, четвертый — 111 рублей. Всего учащиеся школы собрали на покупку теплых вещей нашим дорогим бойцам 1000 рублей. Кроме того, собрано 2,5 кг шерсти, 9 овчин, 18 кисетов с табаком, носовые платки и другие вещи.

Не забывают наши школьники и пионеры и оказать посильную помощь семьям красноармейцев-фронтовиков. Особую заботу о них проявляют пионерки Орлова В., Климова М., Кузьмина М., Самохвалова Е., Аникина Т., Вострилова А., Спиридонова В.

Е.А. Палицкая, заслуженный учитель РСФСР, орденосеца.

19 декабря:

«Взнос давыдовцев. Драмкружок молодежи с. Давыдово дважды ставил в избе-читальне пьесу Островского «Гроза». Сбор средств от постановок целиком сдан на строительство эскадрильи самолетов «Валерий Чкалов». Заведующая библиотекой с. Давыдова Спиридонова Евдокия Яковлевна отчислила на постройку эскадрильи самолетов свой 10-дневный заработок и 4 кг хлеба. Всего трудящимися Давыдовского сельсовета собрано на строительство эскадрильи самолетов «Валерий Чкалов» 48 тыс. рублей и 1900 кг хлеба».

1943 год

12 февраля:

«Готовясь к весеннему севу, колхозники Давыдовского колхоза вывозят навоз не только на лошадях, но и вручную — на салазках. Первыми инициаторами такой вывозки явились колхозницы Кирбенева А.Я. — 55 лет, Кирбенева Н.А., Громова О.И., Самохвалова Н.И. и другие».

1944 год

8 мая:

На районной Доске Почета — пахари Давыдовского колхоза Самохвалова Л.И., Кербенев М.М., Иванов А.П., Овсова М.А., Климова М.И., бороновальщица Ключева М.Н. (на быке при норме 1 га заборонивает 1,60 га), севцы Петрова А.П. и Волчонкова М.И.

27 июля:

«**Победитель в соревновании.** Рассмотрев итоги областного социалистического соревнования сельсоветов за июнь 1944 года, исполком облсовета решил признать его победителем Давыдовский сельсовет Вачского района (председатель — В.И. Романов). Давыдовскому сельсовету вручается переходящее Красное знамя облисполкома, а его председатель тов. Романов премируется денежной премией в 1000 рублей. Кроме этого, сельсовету выдается 5000 рублей для премирования депутатов и активистов».

17 августа:

На Доске Почета — жнеи Давыдовского колхоза Киселева А.М., Борисова А.Ф., Кирбенева А.И.

1945 год

1 марта:

«**Думают ли в Давыдове проводить сев?** В Давыдове не готовятся к севу. Председатель колхоза Солдатов уверяет, что семена сортировались, но райсемлабораторией они признаны некондиционными по засоренности. В колхозе считают, что все плуги, которых насчитывается 51, отремонтированы, а при проверке оказалось, что ни одним плугом пахать нельзя, так как у них лемеха установлены неправильно и их надо оттачивать. Не приступали в Давыдовском колхозе и к ремонту телег, хотя в колхозе имеются три плотника. Но они работают поденно, потому и не торопятся с ремонтом транспорта, зная, что им все равно запишут полтора трудодня каждому за день. До сих пор в колхозе не созданы звенья. Спрашивается, думает ли тов. Солдатов проводить весенний сев?»

5 апреля:

«На заседании бюро райкома ВКП(б) отмечено, что в результате преступно-безответственного отношения к делу за январь-март в Давыдовском колхозе пали 1 теленок, 1 жеребенок и 4 ягненок; в Чеваниском колхозе задохнулись в дыму 5 телят, пали 6 поросят и 1 ягненок. Бюро поручило прокурору т. Фроловой привлечь к уголовной ответственности конкретных виновников падежа скота в колхозах Давыдовского сельсовета. За халатное руководство делом развития общественного животноводства председателю сельсовета т. Романову и секретарю парторганизации т. Солдатову бюро объявило выговоры».

10 мая:

Опубликована сводка соревнования тракторных бригад Вачской МТС. Всего их 16, в числе лучших среди них — бригады В.М. Кербенева, М.М. Вострилова и И.Г. Кербенева.

29 сентября:

В числе многодетных матерей, награжденных медалью материнства 2-й степени — колхозница колхоза «Передовик» Спиридонова Екатерина Ивановна.

18 октября:

«Заслуженное наказание. Председатель Давыдовского колхоза коммунист Солдатов исключительно безответственно относится к выполнению графика хлебозаготовок, в результате чего колхоз из 938 центнеров сдал государству всего 332,3 центнера. Одно время этот горе-руководитель пытался доказать, что у них нет намолоченного зерна, тогда как в складе лежало до 20 тонн ржи. Ее не сдавали потому, что считали выгодней сдать другими культурами, а рожь оставить на свои нужды. Под всякими предложениями оттягивалось строительство зерносушилки. Часть зерна можно сдавать на Муромском пункте Заготзерно без подсушки, но и этого не делается. Вместо напряженной работы Солдатов в разгар уборочных работ по несколько дней не бывал в колхозе, занимаясь своими личными делами.

На днях райком ВКП(б), обсуждая факты недостойного поведения коммуниста Солдатова, объявил ему строгий выговор с занесением в партийные документы и потребовал от него немедленно улучшить руководство колхозом».

23 октября:

На первой полосе, в большой статье Н. Комарова «На поводу отсталых настроений» (под рубрикой «Партийная жизнь»): «В Давыдовском колхозе (где сорваны хлебозаготовки) в поле не убрано еще 43 гектара картошки. Виноваты в этом председатель колхоза Солдатов, секретарь первичной парторганизации Давыдовского сельсовета т. Макарова, которая не поправляет его. Да и многие другие члены ВКП(б) страдают «гнилыми настроениями». Так, член ВКП(б) т. Кочнёва доказывала на одном из партсобраний, что сроки выполнения хлебопоставок непродуманны и нереальны, а коммунист тов. Никонов настаивал на том, чтобы предоставить возможность колхозникам вырыть картофель сначала со своих усадеб, а затем уже приступить к уборке его с полей колхоза».

9 ноября:

Опубликовано письмо уроженца Давыдова, гвардии старшего лейтенанта М.Д. Вострилова (Малова — А.В.) к своим землякам.

10 декабря:

Давыдовский избирательный участок № 197 по выборам в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года: с. Давыдово, Красная Рамень, кордон Быково (в то время там еще жили люди! — А.В.).

18 декабря:

Состав Давыдовской участковой избирательной комиссии: председатель — Аникин Андрей Васильевич (от коммунистической организации Давыдовского сельсовета), заместитель председателя — Солдатов Григорий Михайлович (от колхозников Давыдовского колхоза), секретарь — Макарова Валентина Сергеевна (от колхозников). Члены комиссии: Вострилов Дмитрий Григорьевич (от колхозников Давыдовского колхоза),

Спиридонов Петр Николаевич (от колхозников Давыдовского колхоза), Подольский Алексей Владимирович (от учителей Давыдовской школы), Клюев Петр Григорьевич (будущий ганинский председатель, отец Вали Ключевой, учившейся со мной в Ваче? — А.В.) — от работников Давыдовского сельпо.

1946 год

29 декабря:

Состав участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР по Давыдовскому избирательному участку № 72: председатель комиссии — Романов Василий Иванович (от коммунистической организации Давыдовского сельсовета), зам. председателя — Соловьев Иван Алексеевич (от коммунистической организации Давыдовского колхоза), секретарь — Подольский Алексей Владимирович (от собрания учителей Давыдовской неполной средней школы). Члены комиссии: Баранов Александр Васильевич, Петрова Анастасия Сергеевна, Вострилов Дмитрий Григорьевич (от общего собрания колхозников сельхозартели «Передовик»), Клещевникова Валентина Ивановна (от собрания учителей Давыдовской неполной средней школы), Федотов Александр Иванович (председатель Чеванинского колхоза).

1947 год

14 августа:

Опубликован фельетон «Лесная владыка» — об объездчице Давыдовского лесничества А.А.Фирсовой, захватившей у райлесхоза 25 гектаров лугов и пользующейся ими как своими собственными.

26 октября:

Избирательная комиссия по выборам Давыдовского сельского Совета: председатель — Вострилов Михаил Дмитриевич (от работников потребкооперации), секретарь — Подольская Антонина Алексеевна (от союза работников начальных и средних школ), члены комиссии: Самохвалова Антонина Семеновна и Вострилов Петр Павлович (от колхоза «Передовик»).

31 октября:

Окружная избирательная комиссия: председатель — Романов Василий Иванович (от коммунистической организации при Давыдовском сельсовете), зам. председателя — Климов Петр Андреевич (от колхоза «Передовик»), секретарь — Петров Дмитрий Петрович (от комсомольской организации). Члены: Бобкова Александра Алексеевна (от собрания учителей Давыдовской НСШ), Вострилов Михаил Михайлович (от собрания членов сельхозартели «Передовик»).

5 ноября:

Участковая избирательная комиссия по выборам в областной Совет: председатель комиссии — Петров Василий Павлович (от работников потребкооперации), зам. председателя — Крутов Михаил Поликарпович (от работников Давыдовского лесничества), секретарь — А.В. Подольский (от работников школы). Члены комиссии: Кербенев Михаил Николаевич (от работников Давыдовского лесничества), Баранов Александр Васильевич, Петрова Анастасия Сергеевна (от колхоза «Передовик»).

1948 год

12 февраля:

Призыв: «Переселяйтесь в Калининградскую область!» (Кулаковы тогда уехали и еще какие-то одна или две семьи из Давыдова — А.В.).

28 октября:

«Досрочно выполним план лесозаготовок. Для заготовки и вывозки леса выслали в Мухтолово четырех конных возчиков во главе с опытным возчиком П.А. Климовым и 6 пеших лесорубов под руководством И.А. Сысуева. При себе они имеют топоры, веревки, фонарь, два ведра. Выделены упитанные лошади, исправная сбруя. На лицевой счет каждого колхозника дано по 80 рублей. 10 ноября будут высланы дополнительно 14 человек и две лошади. Ставим задачу — выполнить план заготовок к 4 декабря, план вывозки — к Дню Советской Армии, 23 февраля.

В. Петров, председатель Давыдовского колхоза

А. Баранов, секретарь колхозной парторганизации».

1949 год

21 января:

«В нашем районе электрифицированы 81 населенный пункт, 8591 хозяйство колхозников, 154 тока, 81 животноводческая ферма и 14 мельниц».

17 марта:

«Взяв на себя обязательства по сплошной радиофикации района, все колхозы Давыдовского сельсовета выполнили план заготовки и вывозки столбов. Вывезено 163 кубометра лесоматериалов.

А. Кербенев, председатель Давыдовского сельсовета».

12 мая:

Среди награжденных учителей — Подольская Антонина Алексеевна (орденом «Знак Почета»).

10 ноября:

Опубликована заметка Н.Н. Волкова «Радиослушание доклада тов. Маленкова» (приводится в главе «Как Давыдово светом воссияло»).

КАК ДАВЫДОВО СВЕТОМ ВОССИЯЛО

В годы моего военного детства даже трехлинейные керосиновые лампы считались в деревне роскошью. А в большинстве изб села Дальнего Давыдова Вачского района чадили долгими зимними ночами даже не лампы, а самодельные керосиновые коптилки. Собирались вечерами по очереди то в одной, то в другой избе. Это для того, чтобы зря не жечь керосин. С целью экономии огонь для растопки печей по утрам добывали с помощью кремниевого огнива: «гребешковые» серные спички были тогда на вес золота.

Но вот ровно полвека назад, в конце 1948-го, когда уже учился я в пятом классе, разнесся по селу слух: нынешней зимой будут проводить в село электричество! Перед окнами домов жителям села было приказано копать ямы для будущих столбов. А как только выпал снег, к этим ямам стали подвозить на подводах из леса гладко ошкуренные строевые сосновые бревна.

Нечего и говорить, что мы, тогдашние мальчишки, оставшиеся после войны без отцов, были не только свидетелями, но и активными участниками всего, что делалось по электрификации села: вместе со взрослыми ставили столбы в ямы и закапывали их, подавали монтерам, на железных «кошках» лававшим на столбы, металлические крючья с навинченными на них фарфоровыми чашечками-изоляторами, тянули провода от столбов к своим избам, ввинчивали лампочки в патроны.

А какими новыми, как бы заново появившимися на свет увидели мы и село, и свою школу, и собственные избы, и самих себя при электрическом освещении. Вот уж действительно - весь окружавший нас мир предстал тогда перед нами в совершенно ином свете!

Особый восторг и у взрослых, и у детей вызывало то, что почти одновременно с появлением электричества село также было и радиофицировано: на тех же столбах, только чуть ниже электрических, были натянуты радиопровода. А на высоком столбе, стоявшем на церковном бугре, между церковью и магазином, радиомонтеры установили большой громкоговоритель.

10 ноября 1949 года вачская районная газета «Ленинский путь» сообщала: **«В колхозы Давыдовского и Березовского сельсоветов дан электросвет»**. В этом же номере была напечатана заметка тогдашнего многолетнего директора Давыдовской школы (и одновременно секретаря партийной организации Давыдовского колхоза «Передовик»), ныне уже покойного Н. Н. Волкова «Радиослушание доклада тов. Маленкова», в которой говорилось:

«6 ноября колхозники давыдовского колхоза «Передовик» впервые стали слушать голос Москвы.

С чувством великой гордости за нашу страну прослушали они доклад товарища Маленкова, и особенно, когда он заявил: **«Мы имеем все основания считать, что первая послевоенная пятилетка будет выполнена досрочно»**. Восторженно были встречены слова товарища Маленкова: **«Мы не хотим войны и сделаем все возможное, чтобы предотвратить ее»**.

На радиослушание доклада товарища Маленкова собралось более 150 человек.

Н. Волков».

ДЕТСТВО В ДАВЫДОВЕ

...Иисус: «Кто не войдет в царство небесное, как дитя, то не войдет в него вообще». (И почему мы так охотно возвращаемся в детство, потому что возвращаемся к самим себе, настоящим). В детстве живут сердцем, а не рассудком, еще не умеют хитрить, искренне. Поэтому я снова мысленно в Давыдове. Хотя: ну чего там было хорошего? Сталинская колхозная каторга, голодное и холодное (безотцовское) детство. И это тоже доказывает, что возвращается человек не к тому, что было в детстве (не к окружению), а к себе — тогдашнему.

...В детстве все мы безгрешны. (о. Евгений)

Игрушки из леса: сколько Гришиным принесли по березе из Березовки. Две недели вытесывали топором, строгали рубанком, долбили отверстия для ремней, парили в печках и гнули, а потом на Провальную яму (за колхозным садом — и ух!) сами делали: самострелы, рогатки, тряпичные мячи для лапты.

Из дневника А.В. Вострилова. Декабрь 2000 года.

Потребовалась бы немалая отдельная книга для того, чтобы подробно описать, как жили мы с бабушкой Степанидой и матерью лихой военной порой и в послевоенные годы в Давыдове. Но здесь-то я вынужден говорить об этом очень коротко. И как не начать этот мой совсем краткий рассказ с того, что так же, как и мы, согнанные войной из разных прежних мест, собрались той первой военной зимой под широкой, гостеприимной крышей дома деда Егора и бабки Пелагеи, кроме их самих и нас, прибывших из Электростали, еще две снохи с детьми, незамужняя сестра отца тетка Анастасия, тогда еще не призванный на фронт самый младший брат отца — Дмитрий, да два подростка, эвакуированных из Ленинграда (их имена я забыл). А всего — почти полтора десятка человек!

Суп на стол, за который утром, днем и по вечерам садилась вся эта орава подавали даже не в блюде, а в большом эмалированном тазу. Спали вповалку не только на полатах или на полу, в основной избе и в «задней» горнице, но порою и в сенях на стоявшей там широкой лавке. Не то что мало-мальски приличной одежды и обуви, а и безотказных дедовских лаптей на всех не хватало — хотя он и плел их с утра до вечера. Ночью свет не зажигали, берегли керосин. Да и достать его было не так-то просто.

А единственным, настоящим кормильцем всех этих новоявленных нахлебников стал теперь дед Егор Григорьевич, по возрасту уже не подлежавший призыву в армию (и без того, как уже говорилось выше, отпахавший всю первую мировую во Франции и тяжело раненый там). Но не страшился дед этой своей участи «коренника» ставшей такой громоздкой семейной упряжки, не раз прилюдно гордо заявлял, что у Егора Гринина на всех шеи хватит.

Старик не случайно так крепко надеялся на свою шею. Дело в том, что война обезмужичила Давыдово, где крестьянин испокон веков кормился не столько землей, сколько лесом, вернее — ручной пилой теса с помощью дольной пилы (ведь лесопилка тогда еще не было). Издавна чуть ли не под каждым давыдовским окном можно было видеть высокие козлы, на которые вкатывались по наклонным следам тяжеленные сосновые бревна. Один из пильщиков поднимался наверх, на бревно, другой, осыпая опилками, тянул на себя дольную пилу снизу, под станком.

Внизу требовалась только сила, а стоявшему наверху надо было иметь твердые руки. А еще важнее рук для него был верный глаз, так как ему полагалось следить за прямоотой реза. И как ни ловки были наши давыдовские бабы, как ни сильны и догадливы — не сразу переделали они высокие мужские козлы под свой рост; ни в один день приспособились вкатывать кряжи на козлы; не десятки, а сотни бревен испортили, прежде, чем наловчились разделявать их на ровные, гладкие доски.

Дед Егор, еще задолго до войны обучивший этому, не бабьему ремеслу свою незамужнюю дочь, уже упоминавшуюся тетку Анастасию, и младшего сына-подростка Дмитрия, был теперь вместе с ними нарасхват. Из тех мест, где пилили они для колхозов и других организаций тес, то и дело привозили в дом

целыми мешками и даже подводами ставшую теперь такой драгоценной пшеницу. А впридачу к ней приносил дед домой небрежно завернутые в тряпицы пачки розоватых червонцев.

Все это неслыханное богатство поступало в безраздельное распоряжение бабки моей по отцу Пелагеи Алексеевны. А ей, крайне безалаберной и жалостливой к людям с малых лет, никогда и в голову не приходило вести счет привозимому добру. Небывалыми дедовыми заработками пользовались тогда в Давыдове не только многочисленные родственники, но и соседи.

Так что, в конце-то концов, вполне можно было бы моей матери с бабушкой Степанидой без особых хлопот довольно сносно прожить до конца войны за широкой дедовой спиной, как у Христа за пазухой. Тем более, что нечаянно вроде бы и заманчивая перспектива для нее подвернулась: вскоре после приезда (а точнее — прихода) в Давыдово предложили ей поступить на работу в Давыдовский магазин. Кажется, взамен ушедшего на фронт продавца-мужчины.

Но стать продавцом моя мать, не окончившая в детстве и одного класса, категорически отказалась. Разгневанная этим отказом свекровь ее, бабушка Пелагея, просто слушать не хотела ссылок матери на свою малограмотность, на боязнь «насидеть» в магазине прогулку в те края, куда Макар телят не гонял.

— Который до тебя-то в этом магазине человек сидел, тоже окромя как на пальцах не умел считать! — кричала она. — А нажил в этой лавчонке два агромадных дома! И ты думаешь, охотников на его место в Давыдове не нашлось бы? Нет, больно ты счастлива, что тебе, как новому человеку, предлагают!

Передразнивая непривычный для Давыдова орловский говор моей матери, бабушка Пелагея исступленно повторяла:

— Не дюже грамотная, в Сибирь угонять... Э, ты, колода черноземная!

И все-таки уговоры и скандалы ни к чему не привели. А тут еще оказалось, что вовсе не случайно другая моя бабушка, Степанида, даже в эвакуационной суматохе ухитрилась вывезти в Давыдово из Электростали свою старую, чуть ли не дореволюционную прялку, с которой она вообще не расставалась всю жизнь. И поскольку в отцовских краях традиционное орловское умение прясть шерсть, а потом вязать из нее всякие теплые вещи было мало кому известно, а довоенных нарядов далеко не каждому надолго хватило, вскоре наша только что прибывшая в Давыдово семья была завалена заказами на разные там джемперы, варежки, носки и прочие вязаные премудрости. К тому времени мы уже ушли из многошумного дедовского дома на частную квартиру.

С наступлением темноты, когда мать возвращалась домой с колхозной работы, за дело принимались все члены нашей семьи. Бабушка Степанида, нажимая ногой на педаль прялки, крутила веретено. Моя мать, с детства ужасно близорукая, но никогда не носившая очков (ведь она была не профессор и даже не бухгалтер, а всего-навсего рядовая колхозница сталинского колхоза, крепостная крестьянка!), придвинувшись со спицами к самому пламени керосиновой коптилки, вязала. Мне они доверяли раздергивать свалявшуюся в грязные ключья шерсть. Через пару лет, наверное, не было во всем Давыдове дома, где бы не пользовались нашими изделиями.

Это сразу облегчило наше положение, изменило все планы матери. Объявив свекрови и деду, что, несмотря на войну, новая семья намерена строиться, обзаводиться собственным домом и хозяйством, мать еще первой военной осенью подала заявление о вступлении в Давыдовский колхоз «Передовик». И хотя там уже, как нарочно, был произведен расчет на трудодни, матери выдали в ви-

де аванса под будущие заработки (и как главе эвакуированной семьи) полузаброшенную ригу, которая и стала основой нашего будущего дома.

Дед Егор Григорьевич, сразу же горячо поддерживавший неожиданную для других идею прочного «врастания» семьи своего старшего «блудного» сына, моего отца, в давыдовскую землю, сам вместе с теткой Анастасией и Дмитрием напили досок для пола и потолка. Его родной младший брат Василий Григорьевич, до войны не раз бывавший у нас в Электростали (о нем я подробно рассказывал в предыдущих главах), не пожалел для нашего будущего дома разных деревянных строительных материалов и кирпичей, оставшихся у него от строительства погреба. Другую часть необходимых для печки кирпичей мы наносили с матерью из завалов почти разрушенной к тому времени бывшей монастырской стены.

Так что на последнем году войны (или вскоре после нее), незадолго до смерти бабушки Степаниды, наша семья перебралась-таки в собственный дом, в отличие от прочих давыдовских строений обмазанный на орловский манер внутри и снаружи смешанной с соломой и побеленной глиной. И, наконец-то, даже и в этом отношении, в том, что занимала она, как и все остальные, собственное жилье, сравнялась моя мать с другими солдатками и солдатскими вдовами, еще до войны проживавшими в Давыдове.

МАТЕРИ НАШИ – СОЛДАТКИ

(Запоздавшая исповедь)

Это был настоящий подвиг, совершенный моей матерью в годы войны — другого слова для истории строительства ею нашей мазанки, по-моему, просто найти невозможно. Подвиг рядовой солдатской вдовы, крепостной крестьянки Давыдовского колхоза «Передовик». Одной из обыкновенных давыдовских колхозниц-солдаток, на плечах и спинах которых бесконечные четыре года полыхала Великая Война.

Солдатки...

Да, в годину бед несладкую

Не зря — такое зря не говорят! —

Назвали наших матерей солдатками,

Достойными своих мужей солдат!

И что там спорят,

Чем трудна война была,

Когда второй бы фронт открыть должны?

Он матерями, нашей русской бабою,

Открыт был в самый первый час войны!

Не день один,

Не месяц и не два они

В тревогах, в напряженьи, как в бою, —

Годами жили, сдав без колебания

В фонд обороны молодость свою!

Им не пришлось
Ходить в нарядах модных,
Им хлеб поры военной привелось
Делить, как драгоценность, в год голодный,
Чтоб мы, их сыновья, могли сегодня
Писать поэмы и взлетать до звезд.

Это они
Снопы в полях вязали,
Дрова рубили средь лесных чапыг,
Весною землю на себе пахали
И о себе с усмешкой распевали:
«Я — бык и лошадь, баба и мужик»...

Это они
Великими заботами
Спасали то, чем мир сегодня жив.
И столько лет за «палочки» работали,
За трудовень свой, что скорей для счета был,
Ни пенсий, ни наград не заслужив.

И в День Победы,
Под оркестры медные,
Пришлось им чашу горя пить до дна:
Нет, не пришли мужья их в час заветный к ним,
И в мае сорок пятого, победного,
Для матерей не кончилась война!

Зачем я это все рассказываю, кому все это нужно? Ведь все меньше остается среди нас наших матерей, солдаток и солдатских вдов периода Великой Отечественной, ведь не теплей и не холодней не будет им в их могилах от наших запоздавших исповедей и воспоминаний. И даже тем из них, которые доживают свой трудный век, не облегчат наши благодарственные слова и раскаяния ни одну бессонную ночь, ни одну спазму уставшего, честно отработавшего свое сердца.

Они и умирают также, как жили — по-солдатски спокойно, без жалоб и слез, больше всего на свете страшась обременить кого бы то ни было своими старческими немощами и страданиями. И где бы не встречали они свой неотвратимый смертный час — в непривычной ли и чужой для них городской коммунальной квартире — клетке со всеми удобствами (у навсегда покинувших края своего детства сыновей и дочерей) или в пустынном одиночестве, в той самой покосившейся деревенской избушке, в которой когда-то пережили они войну, — везде их последний вздох и последняя мысль — о нас, своих давно выросших детях и внуках.

И даже из безвозвратной могильной бездны незримо и неслышно приходят они к нам по ночам, строго смотрят на нас с портретов на стенах, разговаривают с нами теперь уже голосами наших собственных детей. Чтобы и оттуда, из небытия, помочь нам в любых положениях оставаться людьми.

Нет, не матерям нужны наши покаяния, наши тайные слезы у их могил и наши горькие, как военный хлеб из лебеды, воспоминания! Они нужны прежде всего нам самим: когда-то получившим от них жизнь и поныне живущим. Нужны тем, кто приходит в мир после нас, кто и сегодня, как мы когда-то, пользуясь великим счастьем жить рядом с матерью, пока еще не научился ценить этого счастья. Как не ценим мы воздух, которым дышим, как не ценим и уже не чувствуем сквозь асфальт и подошвы ботинок покрытую травой землю, по которой когда-то в детстве так любили ходить босиком...

Ведь все лучшее в нас — все это от них, от наших матерей, а в том, что есть в нас плохого, в том, за что нам так стыдно порой бывало потом — разве они виноваты? Ведь не учили нас наши матери ни лицемерию, ни неискренним речам с трибун, ни вероломству по отношению к друзьям и подругам, ни беспросветному, тупому пьянству, ни халтурной, никудышной работе! И тащить через проходную то, что тебе не принадлежит. И анонимки на соседа писать, и разводиться через месяц-другой после женитьбы или замужества — тоже не учили... Да они и представить себе такое не могли!

Всему этому мы научились сами, научились потом, когда оставляли их, одиноких и беспомощных, в «неперспективных», умирающих деревнях один на один с их грошовой колхозной пенсией и надвигающимися болезнями и недугами. Когда забывали им не только посылку к празднику, а и трехкопеечную поздравительную открытку послать. А разве могли они не то что в открытую попросить, но хотя бы даже намекнуть нам о том, как они в этом нуждались? О том, что наши такие редкие письма и приезды всегда были высшей наградой для них?

При жизни не баловали наших матерей ни орденами, ни медалями. Как сказал поэт: «Орден не дождался они — сразу памятники получают». Чаше всего очень скромные памятники — из дешевого листового железа или даже из обыкновенной фанеры. И почему-то обычно с традиционными крестами и распятиями, а не с красными звездочками, которые горят на могилах наших отцов-фронтовиков (когда эти могилы известны). И юные следопыты тоже почему-то обычно собирают материалы только о своих дедах и прадедах, ходивших в штыковые атаки, а не об их женах и вдовах — наших матерях, державших второй фронт в тылу в растивших нас, отцов и дедов этих юных следопытов. Неужели только потому, что не носили наши матери военной формы и умирали не мгновенно, от вражеских выстрелов, а на протяжении многих лет после начала войны, от великих потрясений и лишений, принесенных ею?

В нашей памяти и в памяти всех грядущих поколений они все равно навсегда останутся солдатками Великой Отечественной!

Бессмертны матери.
Жизнь вечно первозданна.
Как прежде, шар земной своим путем
Летит в весеннем звоне неустанном,

В цвету, с незаживающей раной —
Могилой моей матери на нем.

Настанет время
Лечь и мне в могилу.
Но я б хотел, чтоб для моих детей,
Для всех людей то, что свершу я, было
Такой же красотой полно и силой,
Как для меня - жизнь матери моей!

Чтоб каждому сквозь жизнь,
Сквозь мрак холодный,
Сквозь все, что испытать нам суждено,
И впредь, от власти времени свободно,
Негаснувшей звездой путевой
Светило материнское окно!

ПОГЛЯДЕЛИ БЫ МОНАШКИ...

...Действительно, все мы хорошо знаем, когда началась Великая Отечественная война — 22 июня 1941 года. Можно даже еще точнее — около четырех часов утра. А вот когда она, война, для нас, вступивших в ту пору в жизнь, и для наших матерей, окончилась — сказать не могу. Знаю только, что не 9 мая 1945 года, когда перестали греметь на фронтах пушки (да ведь и не везде перестали-то, были еще недобиты японские самураи и разные там бандеровцы). А что перестали приходить в село похоронки — так ведь и некому уж их стало получать, все, кому следовало, давно получили (на 93 человек в одном только нашем селе)!

Или разве легче кому стало в Давыдове жить после того победного 9 мая 1945 года? Да нет, мне думается, что так называемые послевоенные-то годы были даже потяжелее собственно военных, особенно в моральном отношении: не стало хоть как-то оправдывающих невероятную нужду и лишения объяснений и ссылок на смертельную угрозу стране.

Так что лично в моем, например, сознании все эти непредставимо страшные и непонятные для сегодняшней молодежи военные и послевоенные годы (вплоть до смерти И.В. Сталина) слились в один бесконечный, неразделимый на части, кошмарный сон. Можно было бы написать о нем не одну книгу.

Первые детские впечатления несравнимо ярче и надежнее любых даже самых точных и беспристрастных архивов. И особенно это видно, когда сравниваешь тогдашнее житье наших матерей-солдаток и солдатских вдов — с образом земного бытия не без помощи человеколюбивой советской власти давно уже перешедших в лучший мир дореволюционных давыдовских монашек.

В их судьбах было немало общего. Точно так же, как и их дореволюционные «сестры во Христе», почти поголовно в годы Великой войны наши давыдовские женщины остались без мужей, ушедших на фронт. Как и монахини, бесплатно (за колхозные палочки-трудодни!) выполняли любую самую тяжелую работу. Недаром они пели о себе: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик. Я и

сею, и пашу, на себе дрова вожу!» Причем, в отличие от давыдовских колхозниц военных лет, их предшественницам-монашкам все-таки не приходилось пахать огороды на себе. Да и вообще, главным для них был труд не столько физический (для которого нередко нанимали крестьян из села), а духовный, боре-ние с собственными греховными страстями и молитвы.

Точно так же, как и порвавшие с грешным миром послушницы-монашки (а также предки давыдовских крестьян во времена крепостного права), не имели наши солдатские вдовы-колхозницы ни паспортов, ни денег и, следовательно, были лишены возможности выйти за невидимые (вернее, уже разрушенные к тому времени) монастырско-колхозные стены, сменить место своего жительства. Только в отличие от чернорясных своих предшественниц, оказывавшихся в этих монастырских стенах в основном добровольно, полностью бесправных и бессловесных тружениц теперь уже колхозно-советского «женского монастыря» никто и никогда не спрашивал об их согласии на такую крестную ношу.

Были в их жизни и другие отличия от житья-бытья богомольных своих предшественниц — и все не в пользу новых, мирских «сестер»-колхозниц. Об этом предметно можно судить, например, листая в читальном зале Нижегородского областного государственного архива прекрасно сохранившуюся до наших дней многостраничную «Книгу для записи прихода и расхода общинных сумм Дальне-Давыдовской женской общины за 1869 год», которую с точностью до единой копейки вела первая настоятельница Дальне-Давыдовского женского монастыря Вера Ивановна Соколова.

Как и у колхоза «Передовик», у Дальне-Давыдовской женской общины были не только закрепленные за ней пашни, леса и луга, но и собственный скотный двор, кузница, огородное хозяйство, а также собственная швейная и иконописная мастерские, пасека и мельница (которые колхоз к началу войны уже успел погубить). Даже в дни Великого поста в перечнях используемых в монастыре (своих и приобретаемых) продуктов питания называются сахар, мед, самые разнообразные сорта рыбы и круп, всякие соленья и варенья, о которых не только для себя, но и для своих малолетних детей мечтать не смели давыдовские вдовы-колхозницы.

Не только в военную пору, а и много лет после войны питались наши матери лепешками из лебеды и мха, щавелем да гнилой мороженой картошкой, подобранной весной, после таяния снегов, с колхозных полей. А ходили они, как и мы, их дети, в такой одежде и обуви, по сравнению с которыми черные монашеские рясы и клобуки показались бы роскошными царскими нарядами.

Не висела над прежними затворницами монастырских келий и постоянная угроза быть вызванными за 18 километров от дома в Вачский районный «народный суд» за неуплату многочисленных налогов и недоимок, а также за невыработку минимума трудодней, то есть за неотработку той же самой барщины, только называемой теперь по-новому.

В Нижегородском областном архиве автор этих строк нашел немало документально точных протоколов заседаний различных комиссий, которые не только беспощадно отбирали у давыдовских вдов-колхозниц любые «излишки» приусадебной земли, но нередко и полностью лишали усадов семьи, в которых кто-то работал не в колхозе за «палочки», а на стороне за деньги (например, в лесничестве или в соседней Березовской промартели), а также и у тех, кто просто не вырабатывал в колхозе положенного годового минимума трудодней.

Как и поныне водится, все лучшее наши матери стремились отдать нам, своим детям. Но что они могли нам дать? Когда в 1944 году пришло мне время идти в первый класс нашей Давыдовской школы-семилетки, то мать даже не хотела меня пускать, потому что не в чем было мне идти в школу: ни рубашки незаплатанной, ни обуви (а ведь я был единственным у матери!).

КУСОК ХЛЕБА С МАСЛОМ

Несмотря на то, что семь лет мне исполнилось еще в марте, мать с бабушкой Степанидой 1 сентября 1944 года вопреки закону не пустили меня в первый класс.

И вовсе не потому, что подобно многим другим моим одноклассникам из многодетных семей, не в чем было мне идти в школу. Я был у матери и бабушки Степаниды один, и хоть, конечно, не новые и не магазинные, а сшитые матерью из разных обносков одежонка и обувь у меня были.

И холщовая сумка для книжек и тетрадок с веревкой через плечо и вшитыми посредине кармашками для стеклянной чернильницы-непроливайки и деревянной ручки со стальным пером тоже имелась. Все не хуже, а, может, даже лучше, чем у многих других, пошедших в тот день в первый класс.

А я-то, с самой весны, с тех пор, как исполнилось мне семь лет, считавший каждый день, остававшийся до моего поступления школу, и от волнения уснувший накануне него далеко за полночь, вскочил с кровати только тогда, когда солнце уже поднялось выше колодца, стоявшего перед нашими окнами, и еще по-летнему жаркими лучами уперлось мне прямо в лицо.

Мать давно уже ушла на колхозную работу, а бабушка Степанида, устанавливая ухватом чугуны в разгоревшуюся печь, только безмятежно улыбалась, глядя на мое пробуждение.

— Вот и хорошо, что сам поднялся, досыта выспался! Не стали мы тебя будить, пожалели! Отдохнешь еще годочек дома, повзрослеешь, поумнееешь! Успеешь намыкаться с учебой-то, песня эта надолго!

Что тут было делать? Мои запоздалые попреки и слезы только забавляли да смешили бабушку Степаниду, ничего уже нельзя было исправить. Тем более, что вскоре, уже через какой-то час-полтора ушедшие с утра в школу шумными стайками стали возвращаться по домам.

Они рассказывали, что никаких занятий в этот первый день в школе не было. После звонка учеников просто развели по классам и рассадили по партам, записали их фамилии и имена в классные журналы, проверили, у кого есть какие книги, тетради, ручки, чернила и карандаши. Объявили, как зовут директора, завуча и учителей, рассказали, как надо вести себя в школе на занятиях и на переменах. Фуражки и шапки было велено снимать с головы еще при входе в школьное здание.

Но самое главное произошло по окончании этого короткого первого дня: не только первоклассникам, но и всем пришедшим в этот день в школу, включая самых старших учеников-семиклассников, выдали по большому, в поперечный разрез буханки, куску настоящего «магазинного» хлеба, густо намазанного толстым слоем сливочного масла!

Не знаю, как насчет сливочного масла (все-таки кое у кого из родителей на селе и в войну были коровы, а не только козы), а вот хлеб, ноздреватый, душистый, испеченный в школьной столовой из настоящей ржаной муки, а не из картофельных жмыхов пополам с лебедой и истолченной древесной корой или высушенным мхом, все пришедшие в тот день в школу наверняка держали в руках впервые.

До этого мы, дети войны, видели такой хлеб только на картинках в книжках, а питались, как и взрослые, «живопырными», «опарышами», испеченными нашими матерями из гнилой, неочищенной и вонючей картошки, нами же подобранной весной, после таяния снегов, с раскисших от талой воды колхозных полей. За подобранную осенью нормальную, не гнилую картошку (как и за каждый украдкой сорванный с поля ржаной колосок) в войну могли «припаять» лагерный срок не только взрослому, но и подростку.

А тут сразу такое неслыханное богатство! Никто из получивших это поистине сказочное лакомство даже кончиком языка не притронулся к нему. На вытянутой правой руке счастливцы несли настоящий хлеб с настоящим маслом домой, наслаждаясь одним только запахом драгоценного душистого яства.

А были и такие, которые чуть не на целый день растянули любование царским школьным подарком, носились с ним по селу. И я, глядя на них и вспоминая запоздалое свое утреннее пробуждение, готов был по-волчьи завывать от горя и обиды.

Все это прекрасно видела любившая меня больше родной матери бабушка Степанида. Она, как могла, утешала меня:

— Не горюй и не завидуй! В следующем году, как пойдешь в школу, хлеба этого, может, до отвала будут давать. Война-то, видать, и в самом деле к концу идет! И я еще вместе с тобой такого настоящего хлеба перед смертью попробую!..

Все-таки дело было не в куске хлеба с маслом, а в том, что теперь я сразу на целый год отстал от сверстников, стал как бы на голову ниже своих одноклассников, превратившихся в учеников. Этого допустить было никак нельзя.

Поэтому на другое утро я с первыми звуками пастушьего рожка был на ногах. Наскоро умылся; несмотря ни на какие уговоры матери и бабушки, надел приготовленные с вечера «школьные» штаны и рубашку, снял с гвоздя на стене холщовую школьную сумку, в которой все тоже со вчерашнего дня было готово.

— Куда ж ты в такую рань пойдешь? — спрашивали мать и бабушка Степанида. — Сейчас только полпятого утра, а школа-то открывается в начале восьмого!

Но я шел пока что не в школу, а к своему хорошему другу Толяну Баринovu, жившему с матерью и младшим братишкой Леонидкой через десяток домов от нас. Толян был старше меня на целый год и вчера уже был записан в школе. Кроме того, мы с ним были двойными тезками, а может, даже и дальними родственниками: он Анатолий, и я Анатолий, он Вострилов, и я Вострилов.

Но никто нас в селе с ним не путал, потому что я и мои двоюродные братья по-деревенски (по матери своих отцов бабушке Пелагее, которую за необыкновенную полноту на селе звали Кибиткой) были Кибиткиными, а Анатолий со своим братом Леонидкой — Бариновыми (уж не знаю почему).

С Толяном Бариновым идти мне в школу было куда смелее, чем одному. Да к тому же оказалось, что сидит он на самой задней парте крайнего ряда за круглой железной печкой один — как самый длинный во всем классе.

Мне тоже хотелось сесть рядом с ним, но, когда прозвенел звонок и в класс вошла учительница, оказалось, что есть еще один претендент на это понравившееся мне место на «Камчатке». Рядом с нашей партией стоял еще более длинный, чем Толян, подросток, тоже, как и я, пришедший в класс только сегодня.

Заметив беспорядок, учительница подошла к нам, всему остальному классу велела сесть, а продолжавшего стоять возле меня «третьего лишнего» стала расспрашивать о том, кто он такой и откуда взялся. Новичок отвечал, что он тоже, как и мы с Толяном, Вострилов, только не Анатолий, а Виктор.

В селе тогда чуть не половина домов была Востриловых, но уж мы-то с Толяном Бариновым прекрасно знали, что по-деревенски он не просто Вострилов, а Ганькин, Виктор Ганькин. Ганькиными их звали по давно умершему деду Гавриле Васильевичу. А вот отец Виктора, Алексей Гаврилович Вострилов-Ганькин, еще в самом начале войны пришел с фронта без одной ноги, ходил по селу на самодельной деревяшке.

В том-то и была вся загвоздка. Отец Виктора деревяшку освоил не за один год (первое время прыгал на костылях, а по дому-то даже и ползал). Мать у них тоже с кровати почти не вставала, ни в огороде, ни по дому практически ничего делать не могла. А ребятишек, кроме Виктора, оказавшегося за хозяина в девять или в десять лет, было еще трое или четверо. До школы ли было Виктору в сорок первом, когда пошли в первый класс его ровесники?

Теперь Виктор Ганькин был ростом чуть не с учительницу — самое место ему было рядом с великовозрастным Толяном Бариновым на задней парте сидеть!

Что касается меня, то учительница, видимо, краем глаза заметила, как во время ее разговора с Виктором я пытался разглядеть не виданные мною раньше часики на ее руке, лежавшей передо мною на парте. Велел мне выйти из-за парты, за которой остались теперь только Виктор с Толяном, она сделала мне знак продолжать стоять возле них, а сама подошла к классной доске и что-то нарисовала на ней мелом.

— Что я нарисовала? — громко, на весь класс спросила она меня, не отходя от доски.

— Дом это, изба с окошками и трубой! — пронесся по классу шепоток. Но я даже и самого дома-то не видел, не то что трубы или окошек.

Тогда учительница велела мне подойти поближе, почти к первым партам, быстро стерла мокрой тряпкой прежний рисунок и снова что-то нарисовала.

— А это что? — снова спросила она меня. — Остальным молчать!

— Дерево это, дерево! — несмотря на запрет учительницы, почти в полный голос прокричал с задней парты Толян Баринов, но я и это самое дерево не мог на доске как следует разглядеть. Да и не хотел, как попугай, повторять за Толяном его подказку.

— Все ясно! — решила учительница, стирая тряпкой свой рисунок и окончательно отходя от доски. — Ты будешь сидеть на первой парте у окна, рядом с моим сыном Олегом Сысоевым. Проходи, познакомьтесь, садитесь рядом. Как твоя фамилия, как тебя звать?

— Натолька Кибиткин! — без долгих размышлений ответил я на первый в моей жизни вопрос первой учительницы.

В классе засмеялись. Но учительница, не обратив на этот смех никакого внимания, строго сказала мне:

— Запомни: зовут тебя на Натолькой и не Кибиткиным, а Анатолием Востриловым! А поскольку теперь в классе у нас Анатолиев Востриловых два, то пришедший в школу еще вчера и сидящий теперь на задней парте Анатолий Вострилов будет первым, а ты Анатолием Востриловым вторым. И скажи от моего имени матери, что тебя надо обязательно свозить в райцентр к главному врачу, выписать тебе рецепт на очки!

Многое еще можно было бы рассказать о происходившем в моей жизни после того незабываемого дня первой встречи со школой. Но ведь нельзя же объять необъятное, и потому я скажу только о главном.

С Олегом Сысоевым, старшим сыном моей первой учительницы Надежды Алексеевны Любимовой (у нее с сыновьями были разные фамилии — так же, впрочем, как и у нас с моей матерью, тоже не пожелавшей менять свою девичью фамилию), мы просидели за одной партой не только первые четыре года учебы (за которые двое из класса получили похвальные грамоты), но и все десять школьных лет, проходивших у разных учителей, и не только в Давыдовской семилетке.

А потом еще жили в одной комнате студенческого общежития Горьковского государственного университета, в котором учились одновременно: Олег — на радиофизическом, а я — на филологическом факультете. Вместе подрабатывали к стипендии, разгружая вагоны на Московском вокзале и баржи на волжских пристанях.

Вместе с Олегом последней моей студенческой зимой 1958/59 года ездили мы в Давыдово хоронить Надежду Алексеевну, когда она одной из первых давыдовских вдов-солдаток умерла в возрасте 48 лет.

Догоняя упущенное в детстве, Виктор Ганькин, как когда-то Ломоносов (во всяком случае, единственный за всю историю Давыдова), каждый год сдавал экзамены сразу за два класса и окончил Давыдовскую школу-семилетку гораздо раньше нас, почти вровень со своими ровесниками. К тому времени ему уже исполнилось 16 лет, и, наверное, как единственный кормилец многодетной семьи своего отца, беспомощного инвалида-фронтовика, он сумел вырвать в колхозе справку для получения паспорта и устроиться на работу в райцентр, на вачский завод «Труд». Там платили «живыми» деньгами, а не колхозными «палочками», а самое главное — по вечерам, после работы, там можно было учиться в вечерней школе.

Через три года, поставив на ноги младших братьев и сестер, Виктор уходил из райцентра на военную службу с аттестатом об окончании Вачской полной средней школы рабочей молодежи в кармане. А в еще более поздние годы, пока были живы родители, время от времени приезжая в отпуск на свою малую родину с собственной семьей, Виктор Алексеевич не больно-то охотно, но все-таки рассказывал иногда, что работает директором большого завода где-то далеко от Давыдова, кажется, в Астрахани.

Так же, как Виктор Ганькин и мы с Олегом Сысоевым, после учебы в вузах-техникумах или после службы в армии поразлетелись по дальним и ближним городам некоторые другие наши одноклассники.

Впрочем, немало оказалось и таких, которые, подобно моему тезке и другу Толяну Баринovu, когда-то нареченному покойной Надеждой Алексеевной Анатолием Востриловым первым, не окончив даже Давыдовской семилетки, всю жизнь прожили в Давыдове, вкалывая за гроши в колхозе-совхозе или в лесничестве.

Жизнь сызмальства заставляла всех нас зарабатывать себе на хлеб, а в школе насильно никто никого не удерживал: закона об обязательном среднем образовании тогда еще не было.

Никто из нас ни в городе, ни в селе не понастроил каменных теремов с золотыми куполами, не заимел миллионных счетов в заморских банках. А вот безвременных «несчастных случаев», вызываемых лошадиной работой и поисками «отдушин» от нее, на коротких путях моих одноклассников всегда хватало.

Не потому ли так не «по-мирному» быстро и отправлялось вслед за не возвратившимися с фронта отцами в мир иной наше поколение «детей войны»?

А кто мог предвидеть, что тем из нас, кому каким-то чудом придется дожить до «заслуженного отдыха», будет уготована нынешняя наша нищенская старость, вполне сравнимая с тогдашним голодным и холодным безотцовским детством?

Впрочем, не зря ведь сказано, что «времена не выбирают, в них живут и умирают». В утешение своим еще живым ровесникам (да и самому себе) могу только напомнить, что многим предшественникам «детей войны» в нашей «стране чудес» бывало и похуже.

Вот, например, бабушка Степанида, уверявшая меня в первый, пропущенный мной день учебы в первом классе, что скоро окончится война и всего будет вдоволь, умершая в ноябре 1948 года в возрасте 60 лет от водянки, так и не попробовала перед смертью «настоящего», без примесей лебеды и мякины, магазинного хлеба. Ни простого, ни тем более со сливочным маслом!

ФАИНА ВЛАДИМИРОВНА

Небольшого роста, худенькая, смешливая, сама похожая на модно подстриженного подростка, Фаина Владимировна гораздо охотнее проводила время с нами, чем в учительской, да, пожалуй, и была всем своим поведением ближе к нам, чем к учителям. Ей, не стесняясь, можно было сказать все, что мы думали о порядках в школе или об учителях. Ее можно было окружить плотным кольцом в дальнем углу коридора или в раздевалке и, под общий веселый хохот, поиграть с ней в «фантики» или попугать ее щекоткой (щекотки она не выносила).

К сожалению, этой хохотушке и всеобщей любимице школы выпала незавидная судьба. Еще в Давыдово, в дом бывшей монахини, бабушки Акулины, у которой квартировала Фаина Владимировна, приезжал к ней по выходным из райцентра ее будущий муж — бывший моряк, баянист, директор районного дома культуры. Еще позднее, уже женившись на Фаине Владимировне, стал он

моим коллегой — заместителем редактора районной газеты. Регулярно встречаясь на разных совещаниях и семинарах, мы были с ним хорошо знакомы. Он постоянно передавал мне приветы от бывшей моей учительницы — своей жены, я отвечал тем же.

А потом вдруг выяснилось, что все это — только внешние приличия, а живут они неважно. Муж Фаины Владимировны оказался склонным к чрезмерным выпивкам и к молодецким походам «на сторону», подстать разудалому отцу подрастал в семье и сын. В результате постоянных нервных потрясений Фаина Владимировна уже к тридцати пяти стала инвалидом второй группы, а потом, тяжело проболев еще немалое время, и умерла, как говорится, во цвете лет. Муж тоже вскоре последовал за ней. Впрочем, разве они первые или последние?

КАРАНДАШНЫЙ ГЕНЕРАЛ

...В Давыдове на 1 января 1941 в 229 хозяйствах проживали 956 человек, это считая грудных младенцев и стариков. На 1 января 1947 года в селе в 241 хозяйстве проживало 1396 человек, из них лиц мужского пола всех возрастов — 497 человек, лиц женского пола — 899 человек. Мужчин в возрасте от 16 до 59 лет было 227, женщин же в этом возрасте — 555 человек, то есть ровно вдвое больше.

Из дневника А.В.Вострилова.

Уже начиная с третьего или четвертого класса, я читал в газетах бодрые рапорты великому вождю народов товарищу Сталину о цветущих колхозных садах и нивах, участвовал в школе в инсценировке «Кавалера Золотой Звезды», придуманного С. Бабаевским, видел на только что заговорившем тогда нашем клубном киноэкране роскошную жизнь послевоенных «Кубанских казаков». Хорошо знал из прочитанных мною в нашей сельской библиотеке книг (ею всю свою сознательную жизнь заведовала у нас в Давыдове Мария Иванова Кербенева — Гришина), что только в отдельных местах нашей радостно шагающей в светлую даль военной и послевоенной деревни еще имелись тогда отдельные недостатки, очень, впрочем, похожие на достижения.

Вот только вся беда заключалась в том, что наш Давыдовский колхоз «Передовик», приютивший в первый год войны после приезда (прихода) из Москвы мою мать с семьей, как раз и принадлежал к числу этих самых «отдельных», не отражаемых в расхваленных романах и кинокартинах. Все в Давыдове было не как у людей, изо всего села жили описанной в «образцовых» романах жизнью разве только семьи беспрерывно менявшихся председателей колхоза, председателей сельсовета и сельпо, двух-трех мужчин-трактористов да еще пары «придурков» с портфелями и с бронью, даже в условиях войны оставленных на селе с бабами, по выражению моей покойной, острой на язык тетки Анастасии Егоровны, «для разводу людей на племя».

Обычно каждый из таких освобожденных от фронта «незаменимых работников», вступив на должность, начинал свою бурную деятельность с возведения собственных хоромин, стараясь при этом бразды правления вверенной

ему конторы держать в своих руках столь же крепко, как и вожжи впрягавшихся в его «персональную» коляску колхозных рысаков Барина и Мальчика (теперь уж не помню точно, который из этих рысаков был первым, который вторым).

Особенно всем запомнился в Давыдове один из таких колхозных председателей, державшийся в своем кресле и разъезжавший по селу на казенных рысаках дольше других, притом в наиболее трудный период военного лихолетия. Ну, назовем его хотя бы Михаилом Петровичем Перепелкиным — только потому, что ни тогда, ни до сих пор в Давыдове вообще не было и нет такой фамилии. А чтобы читатель не подумал, что делаю я это по причине давности лет и своей плохой памяти, сразу же скажу: ничего и никого не забыл, как говорится, никто не забыт и ничто не забыто. Очень даже хорошо помню до сих пор не только подлинные фамилии таких «деятелей», но и данные им народом (иногда прямо-таки убийственно-меткие, хотя и далеко не всегда печатные) прозвища.

Но, с другой стороны, дело-то ведь не только в них, в этих поныне здравствующих тогдашних номенклатурных «героях тыла». Дело-то еще и в том, что у всех у них (в том числе и у тех, которые поныне живут в Давыдове) есть вполне нормальные дети и внуки, не только не имеющие никакого отношения к былым «подвигам» своих отцов и дедов, но порой даже ничего и не знающие об этих «подвигах». Они-то, эти дети и внуки, здесь при чем, их-то зачем ставить в неудобное, неловкое положение? Ведь в этом случае дедовская или отцовская тень может пасть и на них. Ведь еще давным-давно, до войны, было сказано, что сын за отца — не ответчик (другой вопрос — зачем было сказано). Так что пусть уж простят меня нынешние ревнители стопроцентной гласности: не поворачивается у меня язык называть некоторые подлинные фамилии и имена.

Да так можно сказать: кто захочет — сам узнает себя или своих знакомых в этом рассказе. А тому, кто никого и ничего не желает узнавать и признавать, бесполезно и напоминать о чем-либо...

Так вот, вернемся к человеку, названному мною Михаилом Петровичем Перепелкиным. Нет, не напрасно о несокрушимой твердости да хватке этого самого Перепелкина ходили тогда далеко за пределами давыдовской округи настоящие легенды! Всегда первым в районе рапортовал давыдовский председатель о выполнении, а то и перевыполнении планов хлебопоставок, сам садился за трактор, если тракторист (скажем, по причине родства) отказывался отпахать у не выработавшей положенный минимум «палочек» колхозницы в общественный фонд приусадебный участок.

А в первые годы после войны чаще всего случалось и по-другому, в те годы нередко пробивались к руководящему креслу уже совсем иного склада люди. Сколько перебивало в то время в председателях и бригадирах Давыдовского колхоза «Передовик» разных балабонов, прощелыг и пьяниц, порой пропивавших и прогуливавших со своими прихлебателями хомут с того же Мальчика!

Потом, когда наставала пора отчетного колхозного собрания (как правило, затягивались такие собрания от утра и до утра, бывали на них и мы, мальчишки — как на спектакли ходили!), обычно выйдет такой временщик-председатель с отчетом на трибуну, начнет расписывать, как да почему получи-

лось у колхоза столько убытков да долгов: и погода-то не баловала, и дисциплина-то среди колхозников вконец расшаталась, и международное-то положение сами знаете какое. Председательские подхалимы, по списку выходящие вслед за ним для обсуждения отчетного доклада, в один голос вторят ему: все точно, все правильно, были и международные осложнения, и проливные дожди, и засуха! А поди-ка, возрази, попробуй — завтра ведь к тому же председателю и к его подручным придется выпрашивать подводу, чтобы хворостувалежнику из лесу привезти. Да и выписывать-то валежник он будет!

Но все-таки потом, уже к утру, когда собрание окончательно обалдеет от бесконечных споров и разговоров, вдруг не выдержит какая-нибудь бабенка (все равно ведь больше-то «вышки» не присудят, дальше фермы не пошлют), вскочит где-то в дальнем углу переполненного народом клубного зала и прямо с места начнет надрываться: «Да что же это вы, бабы, разве не знаете, куда кровные наши денежки пошли? Не видели вы, что ли, как Парамона-то Андреевича после поездки в район замертво из коляски-то выносят? Не знаете вы разве о том, как нынешним летом жена его Капитолина окна в Замчаловке тамошней фельдшерице молотила? Так что же это вы тень-то на плетень городите?»

А Парамону-то Андреевичу эти ее безумные выкрики — как слону дробина. В конце собрания снова взгромоздится он для заключительного слова на трибуну, краем глаза покосится на дремлющего за столом президиума «представителя» из района (стол для него в колхозной конторе уже накрыт), подробно, по пунктам ответит на все вопросы и записки. А в самом конце выступления, как о чем-то совсем уж несерьезном, скажет:

— Ну, тут вот еще выступала сегодня Наталья Кораблева, не с трибуны, правда, как положено, а с места выкрикивала. Так ведь вы все ее сызмальства знаете. И покойного ее отца, и деда тоже, наверное, знали. И какая она работница — тоже ни для кого не секрет...

— Знаем Кораблевых, как облупленных! — хором кричат из первых рядов подхалимы и прихлебатели.

— Ну, так я тогда и отвечать на ее злобные личные выпады в мой адрес не буду...

А то вот еще был у нас в Давыдове один налоговый агент, ставший таким еще на первом году войны, сразу же после того, как одним из первых и немногих из всего села с простреленной правой рукой вернулся он с фронта. Назовем его, скажем, Козелковым. Так себе, плюгавенький, невзрачный мужичонка, еще до ухода в армию заработавший себе на селе уничтожающе-презрительную кличку за свой великий гонор и непомерно бойкий, «кудрявый» язык. Никто в селе и за человека-то его не считал, девчонки по вечерам пройти под ручку с ним стеснялись.

А тут вдруг, после ухода настоящих мужиков на фронт, вместе с огромным желтым портфелем налогового агента (с которым он наверняка даже и на двор-то, выбегая по нужде, не расставался) получил этот сморчок болотный нешуточную власть над людьми. И как же этот самый Козелков упивался ею, как куражился над беззащитными давыдовскими бабенками — солдатскими вдовами, с утра до ночи вкалывавшими на колхозных полях за «палочки»!

Нагрывает, бывало, в наш неказистый, обмазанный снаружи глиной домишко, а мать моя, не успевшая вовремя его заметить и спрятаться в огороде, так и побелеет вся. (И это — несмотря на то, что кто только в жизни над ней не «выпендривался», кто только не топал ногами и не кричал на нее! До сих пор не пойму, как вообще могла она — физически не по-деревенски слабая, безграмотная, почти до полной слепоты близорукая — вообще выжить, не озлобиться и не озвереть в этом беспощадном, яростном мире?!).

Тихо так, вежливо говорит налоговый агент, а у матери моей по враз побелевшему, худощавому лицу красные пятна проступают.

— Здравствуйте, Федосья Уваровна! Не забыли Вы еще о том, что перед государством Вы в большом долгу, что в нынешнем году еще ни килограмма мяса из Вашего хозяйства не поступало?! А полагается с Вас, как с семьи погибшего фронтовика... так, минуточку, минуточку... вот нашел! Совсем немного полагается — сорок килограммов. Да за прошлый год недоимочки осталось двадцать девять с половиной кг, итого — без малого семьдесят! Показать Вам разнарядочку? У меня записано-с!

— Да я и без записи все помню, Николай Михайлович, погодите только еще маленько, дайте с овцой вывернуться! Как только вот чуток подрастет, так сразу же повезу на заготпункт!

— Ну, смотрите, смотрите, уважаемая Федосья Уваровна! По-соседски и по-дружески Вам говорю: у меня все вы такие, злостные недоимщики, находитесь на карандаше!

А сам так и ходит по избенке с портфелем, так и сверкает блудливыми своими глазенками, так и дрожит весь от восторга, от сознания своего небывалого могущества.

Таким же оставался он и потом, после войны, когда его все-таки выгнали из налоговых агентов, и когда уже был он в колхозе техником по искусственному осеменению коров (или, как говаривала покойная моя тетка Анастасия, работал колхозным быком-производителем). Только теперь уже «брал на карандаш» Козелков не людей, а необгулянных телок да коров. Да, впрочем, самому-то ему, как видно, все равно было, кого брать — только бы чувствовать себя начальством!

Особенно незаменим был давыдовский «карандашный генерал», когда требовалось вместе с разными районными да сельсоветовскими комиссиями пройтись по дворам, чтобы «обеспечить» подписку на очередной заем или вытряхнуть из сундуков у недоимщиков чудом сохранившиеся дореволюционные самовары или довоенные сапоги, «описать» еще не съеденную до весны картошку или свести за неуплату военного налога козу-кормилицу со двора. Всегда мог сказать ретивый учетчик чужого добра, кто действительно гол, как сокол, а кто бесприменно должен иметь в заглазнике деньжата, потому как лишь на прошлой неделе продал на базаре в Новоселках луку полмешка. Так что теперь, мол, скорее всего, навесив снаружи на входную дверь замок, скрывается от комиссии где-то в доме. Не уходить надо, а как следует в окна и в щели на дворе посмотреть, все запоры проверить!

Но никакие, даже самые зоркие и дотошные комиссии не могли обнаружить в расцветавшем под мудрым водительством Отца Народов военном и послевоенном Давыдове того, чего так много водилось в тогдашних увенчанных лауреатскими почестями романах вроде «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского или переполненных безудержным весельем кинофильмах типа «Богатой

невесты» или «Кубанских казаков». Более того, сегодняшней нашей молодежи (и поныне охмуряемой со страниц газет и телеэкранов пока еще не вымершими до конца вдохновенными певцами нашего «светлого прошлого»), наверное, даже и представить себе невозможно, что могли увидеть члены высоких комиссий в переполненных голопузыми ребятишками избах давыдовских солдатских вдов.

Да, впрочем, тут и представлять-то нечего, ничего в них и не было, кроме самодельного деревянного стола, двух–трех лавок, ухватов возле печки да голых стен. Единственная настоящая ценность — овца с ягнятами или кормилица-коза, которых по зимам, после того, как они объегнились, обычно брали вместе с приплодом в избу, чтобы не застудить и не погубить молодняк. Почти все холода проживая вместе с хозяевами в доме, были эти козлята да ягнята такими же, как и люди, полноправными членами семьи — разве только словами не способными сказать о своей привязанности к дому и его обитателям.

Так что когда, например, в 1943 году тот же «карандашный генерал» Козелков вместе с командовавшим всю войну давыдовскими бабами председателем сельсовета Василием Романовым и участковым милиционером Борькой Софроновым увели у нас со двора за недоимки белоснежную красавицу козу Зинку, то не только для меня, тогда шестилетнего, окружающий мир в один миг почернел, а и мать моя с бабкой Степанидой на все село в голос кричали по изо всех сил упиравшейся и не хотевшей уходить со двора Зинке, как по покойнику.

Еще большим потрясением для всей нашей семьи стала принудительная отправка в район в счет выполнения задания по мясопоставкам лучшего друга моего детства ягненка Кирюшки, «организованная» все тем же Козелковым с очередной комиссией года через три или четыре после «конфискации» козы Зинки. Мы с этим лохматым, звонкоголосым коlobком Кирюшкой с самого дня его рождения и спали вместе на лежанке возле печи. Возвращаясь вечером из стада, он еще за полкилометра от села безошибочно различал меня или бабушку Степаниду в толпе ребятишек и старух, встречавших скот «на пригоне», и напрямиком, без дороги, бросался к нам.

Когда-нибудь я напишу об этом Кирюшке и о горьком дне расставания с ним особый рассказ. А пока могу только определенно сказать, что наверняка эта его насильственная отправка в «Заготоскот» и мое безутешное горе по этому поводу послужили одной из причин того, что вскоре после нашего расставания с Кирюшкой парализовало бабушку Степаниду. И не прошло даже года после этого, как в ноябре 1948-го уже стояли мы с матерью возле разинувшей свою черную пасть свежей могилы бабушки Степаниды, дороже и ближе которой уже никогда и никого не было у меня в жизни.

Наконец, уже перед самым вознесением Лучшего Друга Колхозного Крестьянства на небеса и последовавшим затем хрущевско-«оттепельным» укоротом налогового террора на селе таких его неистовых, верных псов, каким был наш давыдовский Козелков (когда уже учился я в восьмом классе Вачской средней школы и, подобно герою знаменитого распутинского автобиографического рассказа «Уроки французского», жил на частной квартире в райцентре, за 18 километров от Давыдова), сами мы с матерью отвезли на салазках и под расписку сдали в Вачскую районную чайную в счет все тех же налоговых мясопоставок годовалого поросенка Борьку. И наверное, месяца два или три после этого не мог я даже зайти в эту самую чайную — не то что съесть в ней что-

нибудь мясное. Да, впрочем, и денег на мясные блюда все три года моей учебы в Ваче у меня, конечно, не бывало.

Можно также не сомневаться в том, что именно он, наш грозный, давыдовский «карандашный генерал» Козелков, составлял списки, по которым тогда же, на переломе между крутыми сталинскими временами и более либеральными хрущевскими, однажды «за уклонение от обязательных яйцепоставок» в Вачский районный суд в один день были вызваны из Давыдова сразу тридцать две домохозяйки. В основном вдовы погибших на фронте, у которых и кур-то с довоенных времен на дворах не водилось. Поток яйцепродукции от этой блестящей операции властей, конечно же, не увеличился — откуда им было взяться, яйцам? Но и поныне живет в Давыдове свидетельствующая о несгибаемом оптимизме наших давыдовских баб теперь уже непонятная молодежи частушка:

Привели меня на суд,
А я вся трясуся.
Присудили сто яиц,
А я не несуся!

А впрочем, от пока еще остающихся в живых давыдовских женщин той развеселой поры и по сей день можно слышать также и другую (на мой взгляд, еще более выразительную) частушку военных лет — о налоге за бездетность. В ней было сказано:

Дорогие бабоньки,
До чего мы дожили:
Что хранили — берегли,
На то налог наложили!

Конечно, сегодня всякий грамотный человек легко заметит, что ударение на «о» в последнем слове частушки с литературно-грамматической точки зрения совершенно неправильно. И все-таки охотно пели ее оставшиеся в войну без мужей, безграмотные наши давыдовские бабы — может быть, потому, что со стороны горькой правды жизни все в ней было на месте?

Да и кто мог бы признать сам тот до слез смешной налог на «то, что хранили-берегли», более правильным, чем частушка о нем?

КОЧЕТКИ

Впрочем, основной арсенал остроумия наших давыдовских женщин бесследно сгинул в вечность, оставшись не зафиксированным даже в судебных протокольных записях. Это потому, что проявлялся он в основном устно, по утрам, когда наш старейший бригадир дядя Ваня Дронов шел по давыдовской Новой линии, «наряжая» колхозниц на работу...

Здесь надо сделать еще два небольших отступления. Во-первых, о самом дяде Ване. Бригадиром он стал сразу же после войны, когда совсем седым вернулся с фронта, где попал он в плен к белофиннам. И, видно, настолько солоно пришлось ему там, в плену, что не только на торжественных собраниях по слу-

чаю Дня Победы, а и возле дома, на завалине, никогда до самой смерти не мог он рассказывать о войне — слезы душили.

Во-вторых, настоящая его фамилия — Иван Павлович Вострилов, а Дронов — это деревенское прозвище, каковые и поныне имеются почти у каждого жителя села Давыдова. Ничего обидного или зазорного в этих деревенских вторых фамилиях-прозвищах нет, просто так удобнее различать между собой многочисленных давыдовских однофамильцев.

Так вот, когда бригадир дядя Ваня Дронов шел по порядку, назначая еще не проспавшихся женщин на работу, то вслед за неумелым бабьим матом обычно из окон последовательно показывались ему кукиши, фи́ги и даже более смешные фигуры. А то и плескали оттуда будто бы ненароком помоями или вчерашней похлебкой. Но дядя Ваня, опытный в своем деле и спокойный человек, близко к окну не подступал, напрасными пререканиями женщин не расстраивал, терпеливо дожидаясь, пока не охолонут они. И только отходя к следующему дому, миролюбиво повторял разъяренной собеседнице:

— Так, значит, у Лисева оврага, Настасья, ноне сенокос-то. Смотри же, не возись долго со своими блинами!

Дядя Ваня никогда не ошибался: бабы все-таки приходили работать и в поле, и на луга за свои пустозвонные «палочки». Да еще как работали-то! Никогда не забуду, как, бывало, в летнюю уборочную пору, когда надо было жать (серпами!) рожь, еще затемно, чуть забрезжит заря, не топя печь, прибегала к нам в дом наша соседка и материна подруга Дуняшка Синилкина (настоящая фамилия — Вострилова):

— Феня, да что же это ты вытягиваешься до сих пор? Ведь жатва!

— Так ведь и бригадир еще не проходил!

— Да что нам ждать бригадира-то? Сами ведь знаем, где надо жать. Пойдем!

Помню, премировали в то лето тетю Дуню по окончании жатвы кринкой меда — целое богатство! Но только, уж если говорить по справедливости, не за премии старались тогда трудиться наши деревенские бабы, и даже не за знаменитые «палочки». Да и не за пенсии тоже: о них они тогда вообще не думали. Как потом оказалось, им даже и пенсии-то за тот бесплатный военный и послевоенный труд было не положено: при преобразовании колхозов в совхозы колхозный трудовой стаж у большинства из них вообще бесследно пропал.

— Видно, на Америку мы тогда работали! — говаривала потом по этому поводу другая наша соседка и материна подруга, тетка Анна Гришина — Кербенева.

Нет, работали наши матери не за льготы, пенсии или премии, а по врожденной своей совестливости — хотя бы перед тем же дядей Ваней Дроновым. Да еще за «усад», за несчастные свои приусадебные двадцать пять соток, с которых хоть картошки можно было на зиму накопать. Что же касается хлеба, мыла, керосина и всего прочего, то их приобретали помимо колхоза всякими способами, возможными и невозможными — от воровства до полунелегального участия во всяких «запрещенных» промыслах.

У нас в Давыдове было особенно распространено нечто среднее между этими двумя крайностями — снаряжение «кочетков». А собирались они, эти самые «кочетки», так. Поздно вечером, когда после очередного перепоя окончательно сваливался лесной объездчик дядя Костя (точно не помню его имени-отчества и фамилии), шли бабенки с сыновьями-подростками в лес и готовили

там «шабашки» — отесанные от сучков бревна. («Шабаш дело, если поймаю кого с шабашками!» — говорил в трезвом виде дядя Костя). Потом перетащив «шабашки» из леса к дому, их ночью же в укромном месте (например, на дворе) разделявали на дрова: чтобы незаметно было с первого взгляда, что больше стало поленьев возле двора. И каждый день, нагружая этими дровами обыкновенные салазки, бабы на себе возили их из лесного нашего края в безлесную Вачу (Городищи, Новоселки и т.д.) на продажу.

По утрам скрип салазочных полозьев разносился в селе на морозце задолго до первых петухов. Так что прозвище «кочеткам» не случайно было придумано. Поднимались по этому скрипу, а не по петушиным голосам. Каждый старался пораньше других поспеть на вачский или новосельский церковный бугор, где шла дровяная торговля. А опоздавшие, пропотевшие в пути до последней нитки бедолаги иногда по три–четыре часа выстаивали под свирепыми ветрами на бугре, прежде чем получить за свои дрова считанные рубли, равнозначные трем кускам мыла.

«Кочетки»

Так смеха ради санки называли
Во дни войны в селе моем лесном.
Их с вечера дровами нагружали
И оставляли на ночь под окном.
А утром их полозья запевали,
Когда взаправдашние кочета,
Пригревшись возле кур на сеновале,
Еще во сне не слышат ни черта.
А утром против снега, против ветра,
Бабенки в одиночку и гурьбой
В район, за восемнадцать километров,
Тащили эти санки за собой.
И было видеть хуже всякой пытки,
Как бабы, продавая санки дров,
Стояли, пропотевшие до нитки,
Открытые любому из ветров.
Как после шли они, ссутулив плечи,
Через поля пустынные назад
И вваливались все-таки под вечер
В свои избушки, полные ребят...

Катаются вовсю на санках дети,
Так слова «кочетки» и не узнав,
Не ведая о том, что санки эти
Не каждому служили для забав!

Да, помогали своим матерям возить в Вачу «кочетки» и мы, тогдашние подростки и дети. И вот ведь что надо сказать: при всей непосильной для наших лет тяжести этого недетского труда, было в нем все-таки для нас что-то по-молодому забавное, веселое.

Никогда не забуду, например, как однажды шедший в своей упряжке где-то в середине нашего длиннущего «кочетковского» обоза рослый, длинный, как столб, Борис Кряжов вдруг поскользнулся на обледеневшей мартовской дороге да как грохнется! Впечатление было такое, что у нас над головами небо расколосось. Минут десять Борис не мог встать на ноги, так и лежал на дороге, может, даже и сознание на какое-то время потерял. А мы-то, обступив его со всех сторон и узнав в чем дело, мы-то, дураки, ржали! Как настоящие, взрослые жеребцы с колхозной конюшни! Уж больно он при падении ногами резво да высоко взбрыкнул!

И уж раз зашла речь об обозных да «кочетковых» делах, о тягловой силе военной и послевоенной поры, хотелось бы ко всему этому добавить еще вот что. Всегда, когда я вижу в кинохрониках тех далеких лет отправлявшиеся из колхозов фронтовые (так они тогда назывались) конные обозы с хлебом, я пытаюсь и все никак не могу припомнить, были ли тогда вообще в Давыдове лошади, кроме уже упоминавшихся выше колхозных рысаков Барина, Мальчика да двух-трех полудохлых кляч, признанных негодными для отправки в армию. И на колхозной пахоте, и на разных других работах в основном использовались быки. Наверное, не было во всем Давыдове ни одной женщины и ни одного подростка, который бы не имел дела с ними.

И только тот, кто работал на быках, хорошо знает, до чего же упряма и своенравна эта рогатая скотина. И все ведь понимает, как человек, только ничего не скажет! Один раз в летнюю жару запряженный в телегу бык, вдруг захотевший пить, за огородом дяди Вани Дронова завез мою мать в пруд — она не успела спрыгнуть с телеги вовремя, а потом уже было поздно. А бык, не обращая никакого внимания на материны крики, слезы и угрозы стоял по горло в воде, в приятной прохладе и в безопасности от оводов, чуть ли не полдня.

В другой раз, зимой, когда я уже учился в девятом классе Вачской средней школы, везли мы с матерью в Вачу на быке дрова для моей квартирной хозяйки — больше платить за квартиру было нечем. А проклятый бык на самой середине пути, возле Митинских кустов, вдруг как рванет сани из раската да и... вышел из оглобель, словно и не был запряжен. А ни мать, ни я загнать его обратно в упряжку, а тем более запрячь не умели: это потрудней, чем запрячь лошадь. Попробуй-ка, например, надеть на него хомут — при его-то рожищах!

А тут еще, как назло, и дело-то под вечер да на холоду. Да ведь и бык не стоит на месте, дальше прет — уже без саней!

Просто не знаю, что бы и было с нами, если бы, на наше счастье, не набрел в тот момент на нас один полупьяный спаситель, направляющийся из Вачи со свадьбы навстречу нам — не то в Ганино, не то в Березовку. Правда, сам он запрягать уже не мог, пальцы у него не гнулись. Но советы матери насчет того, как это надо делать, подавал толковые. Да и обнаглевший было бык, слышав настоящий мужской мат, сразу же понял, что саботаж не пройдет, сам зашел в оглобли.

А уж как их били, этих несчастных быков, за упрямство и самодурство, господи, как их били! И не какой-нибудь там хворостиной или плеткой, а ог-

лоблей или подвернувшейся под горячую руку железиной. Так, что кожа вместе с шерстью клочьями с боков летела!

Один раз возле школы в Дубянке видел я, как попробовал закапризничать один бык прямо на ровном месте и с пустой телегой, ни с того, ни с сего. Когда я подошел, вся морда у него была в крови, губы изорваны на лоскутья, глаза стали кроваво-красными. Но с места сдвигаться он и не думал, только глухо, как человек под невыносимыми пытками, стонал — словно слезами плакал! А его все охаживали да охаживали по вспотевшим, мелко дрожавшим бокам оглоблей... В жизни не забуду!

Мать моя особенно на выносила таких сцен — для нее все животные были поистине одушевленными, почти ничем от людей не отличавшимися «живыми тварями», разве только еще более беззащитными и ранимыми. Позднее, прочитав у С.Есенина пронзительные строки о том, что он в жизни «зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове», я подивился тому, как похоже было отношение «последнего поэта деревни» и моей матери ко всему живущему на земле.

Как-то незаметно мать привила эту свою беззаветную любовь ко всякому зверью и мне. Был у меня в детстве котенок, похоронив которого я плакал навзрыд, был ягненок Кирюша — настоящий друг детства, только не умевший говорить! Когда его увели у нас со двора в счет уплаты недоимки по мясоставкам (все тот же «карандашный генерал» увел!), я был близок к самоубийству.

А еще была у нас с матерью кошка (без имени), пользовавшаяся всеми правами члена семьи и, в отличие от всех других деревенских кошек, употреблявшая в пищу свежие огурцы с грядок. Когда ей было надо, сама ходила на огород, выбирала и ела. Было это уже в то время, когда я учился в Горьковском университете и, подыскав матери место уборщицы в одной из горьковских школ, собирался забрать ее к себе в город.

Так кошка не пропустила этот момент: увидев, что в доме нашем остались одни голые стены да узлы на лавках, она поняла, что хозяйка уезжает насовсем. Гналась за матерью четыре километра до самого Ганина, где матери кое-как все-таки удалось заманить ее к себе на руки и, что называется, со слезами на глазах отдать одной ганинской женщине (тогда еще Ганино не было «мертвой» деревней, как сейчас, в нем еще жили люди).

А как, бывало, всякий раз плакала мать, побывав весной на колхозной ферме и увидев там до предела истощенных, подвешенных на веревках коров, для которых уже и «макаронов» (ржаной соломы) больше не осталось, услышав так похожий на человеческий плач голодный рев животных! Да, впрочем, для того, чтобы его услышать, и на ферму ходить не надо было: разносился он по селу и днем, и ночью. И мать, бывало, даже не пытаясь уснуть, в бессильной тоске ходит перед образами:

— Господи, мы-то, люди, ладно, нам по грехам нашим дадено. А скотина то бедная за что мучается?! Ведь она все равно что невинный ребенок...

О ЛЮБВИ

Да кто его знает, кому тогда было трудней — людям или животным! Ведь вот, например, те же огороды-то у нас в Давыдове пахали на себе вплоть до начала пятидесятых. Уже в 1952 году как-то «подгулял» прямо в магазине брат моего деда Василий Григорьевич — видно, деньжонки откуда-то появились. А на другой день надо было боронить на себе огород, помощи было ждать неоткуда: жили Василий Григорьевич и шумная, крикливая бабка Анастасия вдвоем, детей у них не было (вернее, имелась приемная дочь Катерина, но она еще совсем маленькой была).

Вот Василий Григорьевич (уже под семьдесят ему было, да после вчерашней-то выпивки!), впрягся в борону, раз протащил ее по огороду, другой. А жена его Анастасия сзади идет, подправляет борону, когда она в сторону съезжает. Потом остановился Василий Григорьевич, сел на борозду в самом конце огорода, пот вытер:

— Больше, Настасья, не могу!

— Ах, не можешь, поганья глотка, а вчера возле магазина мог? Ну, погоди, я тебе сейчас помогу!

Не поленилась бабка Анастасия, сбегала в дом за плеткой, протянула ею один раз вдоль спины мужа, так и сидевшего на борозде, уронившего голову на колени. А он повалился на соседнюю межу и затих. Совсем затих, навечно.

И в течение всех трех или четырех лет, которые еще прожила после смерти Василия Григорьевича бабка Анастасия, чуть ли не каждый день (а порой, может, и не по одному разу на день!) ходила она на его могилу и, не стеснясь никого, в голос кричала там, просила прощения. Благо, и ходить ей далеко не надо было, огород-то их прямо примыкал к кладбищу, был от него только отгорожен забором. Василия Григорьевича похоронили по другую сторону этого забора, в двух шагах от того места, где он упал. А потом рядом с ним — и саму бабку Анастасию.

Вот и подошли мы к разговору о любви и верности наших матерей, о том, что, несмотря ни на какие лишения и ни на какой голод, жили они не только хлебом единым...

Уже через много лет после войны, и совсем не в Давыдове, а в другом месте (к Давыдову этот тип, в сущности, не имеет никакого отношения), один из бывших «незаменимых» деятелей военной и послевоенной поры с самодовольной, сытой ухмылкой рассказывал мне:

— Бывал я в войну у вас в Давыдове, как же! Посылали меня туда командовать лесозаготовками, там и жили в лесу, возле этого самого вашего озера Кутюрева, в зимницах и бараках. И все в руках у меня было: и хлебные карточки, и транспорт, и сами девчонки, согнанные из деревень на лесоповал. Зайду, бывало, к ним вечерком в барак, напоят они меня самогоном, уложат на кровать. Утром проснусь — их уже нет, не помню, с которой и спал!

Между прочим, имеет этот «деятель» медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и много еще других орденов и медалей, полученных уже после войны. Живет в Горьком, до сих пор выступает перед школьниками с воспоминаниями о пролитых им в годы войны крови и поте, о былых своих великих страданиях. Да только врет он все, сволочь, не могло быть с нашими матерями и старшими сестрами того, о чем он рассказывает

(не школьникам, конечно!). Даже и за драгоценный тогда кусок хлеба быть не могло!

Ну, конечно, как и во всякое другое время, было тогда у нас на всю округу несколько лахудр, которые путались со всяким встречным и поперечным, лишь бы он только в брюках был (женщины тогда еще брюк не носили). И странное, загадочное дело: чуть ли не у каждой из них (тех, которые трепались) живыми и невредимыми вернулись потом с фронта мужья. А уж в непрошенных добровольных рассказчиках, «расписывавших» этим мужьям славные «подвиги» их жен в тылу, недостатка, конечно, не оказалось. Сколько пьянства-то, сколько скандалов да драк потом (даже спустя многие годы после войны) по поводу оказанных этими женщинами во время отсутствия их мужей «боевых услуг» было!

Но все это — так, к слову. А подавляющее-то большинство наших так рано оставшихся без мужей матерей хранили верность нашим погибшим на фронте отцам до самой собственной смерти. Просто не могу сейчас вспомнить хотя бы даже один только случай, чтобы кто-то из подруг моей матери, давыдовских солдатских вдов (а погибло-то из села, как уже было сказано выше, более девяти человек!), после войны, потеряв всякую надежду на возвращение мужа домой, вторично вышел бы замуж, начал «устраивать личную жизнь». И не только потому, что обвешаны они были малыми детьми, что туговато тогда было с женихами и мало имелось шансов на такое дело. Все равно ведь порой появлялись такие шансы у некоторых из них, в том числе и у моей матери! Но думали наши матери не о себе, а о нас, своих детях.

А ведь даже в сорок пятом, в год окончания войны, было некоторым из них (как, например, тете Лизе Востриловой, оставшейся 22 июня сорок первого с двумя почти грудными детьми, моими двоюродными братьями, на руках) всего-то двадцать три — двадцать пять. По моим сегодняшним понятиям (да и по всяким другим тоже!) — совсем еще девчонки. И, наверное, требовали у них своего и душа, и тело...

ТЕРКИН НА СТАНЦИИ СТЕПУРИНО

На первом году войны, глубокой осенью 41-го, как-то отправилась моя мать вместе с другими давыдовскими женщинами на находившуюся от нас в двадцати пяти, а то и тридцати километрах, ближайшую от Давыдова железнодорожную станцию Степурино (Московско-Казанской железной дороги). Понесли туда бабы продавать самодельные пирожки из картошки — надо было хотя бы на спички, на соль да керосин раздобыть деньжонок.

И вот только открыли они на перроне корзины со своими «живопырными» пирожками — подошел с востока воинский эшелон, направлявшийся к Москве. Видимо, у него тут была очень короткая остановка, солдаты сидели в широко раскрытых дверях товарных вагонов, даже и не пытаясь соскочить на землю. И как только увидели их наши женщины, так, позабыв про всякие деньги, сразу же кинулись к ним, начали совать им в руки пирожки: ешьте, родимые, ешьте, наши-то ведь тоже где-то там!

А какая-то несдержанная бабенка вдруг как резанет всех по сердцу своим криком:

— На убой ведь везут вас, ребяташки, на убо-о-ой! Не увидим вас больше, не уви-и-ди-им!

А следом за ней и все остальные заголосили. Стоят бабы на перроне напротив сидящих в вагоне солдат и в три реки слезы льют:

— Не увидим, не уви-и-ди-им!

И вот ведь нашелся в такой момент какой-то Теркин среди новобранцев! Растолкав всех других, встал он на самом краю вагона в полный рост, рывком спустил с себя брюки вместе с подштанниками и громко, на весь перрон, крикнул:

— Да, поглядите, женщины, поглядите в останний разок! Больше уж долго не увидите! До Победы!

— Мы все враз и рассмеялись! — рассказывала вечером мать, уже вернувшись из Степурина в Давыдово, в дедовой избе, переполненной народом. — Мы сквозь слезу смеемся, солдаты вовсю хохочут! А тут как раз и двинулся ихний состав. Да так весело расстались, еще руками друг другу махали! А то прямо как на похоронах было! Вот ведь какой смелый, находчивый оказался человек!

А дедов брат Василий Григорьевич, в свое время израненный еще на первой мировой и гражданской, а теперь, как один из немногих в селе людей, получавших газеты и постоянно растолковывавший женщинам смысл происходивших на фронте и в тылу событий, с не по-стариковски озорной улыбкой добавлял к рассказу моей матери:

— Одной смелости, Федосья, для такого дела маловато! Тут, кроме смелости да находчивости, надо еще иметь что показать! Чтобы было на что посмотреть!

И, раскуривая очередную самокрутку, безо всякой видимой связи с только что сказанным, делал неожиданный вывод:

— Нет, и на этот раз не побьет нас немец, никогда не побьет! Не помогут ему никакие ни танки, ни еропланы!

А вообще редко, очень редко в жизни видел я свою мать улыбающейся, молодой, а тем более — счастливой. Помню, был один раз такой случай на Шумиловском лугу, расположенном километрах в полутора от Давыдова и с трех сторон окаймленном красивым молодым березняком и дубняком. Мы там с матерью сгребали сено в копны и, конечно, видели, как с востока надвигалась на нас огромная, пузырившаяся багрово-черными нарывами туча. Да уж больно хотелось нам до начала небесного «светопреставления» спасти от дождя еще не собранные в копны валки сена!

И успели мы их подобрать, все до единой травиночки! А вот добежать до начала дождя до могучих, раскидистых дубов, стоявших на краю леса, уже не смогли. За какую-то одну минуту прохлестало нас тогда насквозь, до последней нитки! А когда, наконец, оказались мы с ней под спасительным дубом, мать, вся дрожа от охватившего ее озноба, прижала меня к себе и, не обращая внимания на полыхавшие вокруг нас молнии и надрывавшееся громом небо, широко и радостно улыбалась. Она была счастлива!

Потом еще несколько раз я видел ее такой же счастливой в те ранние весенние дни, когда (еще по снегу!) запевали возле нашего дома первые скворцы, когда распускались на березах первые клейкие листочки...

В другой раз, поздней солнечной осенью, сидели мы на завалинке дедовского дома — старики, старухи да ребяташки. Я знал, что мать моя пошла в колхозную контору за годовым «расчетом», там в тот день «отоваривали» заработанные за год трудовни. И вот, как сейчас вижу, подходит к нам моя совсем еще молодая, до невозможности исхудавшая мать в еще довоенном, не по ее росту сшитом мужском пиджаке, болтающемся на ней, как на вешалке. И показывает своей свекрови, бабке Пелагее, на карманы пиджака, наполненные просом. Вот, мол, он, весь мой годовой заработок — целых два переполненных просом кармана!

А сама улыбается, виновато и грустно так улыбается: что же, мол, еще-то я могу? Хорошо, что хоть должна в колхозную кассу не осталась! Тогда и такое случалось сплошь да рядом.

Да, негусто было насчет улыбок и других внешних проявлений любви и нежности! Но вот что касается подлинной порядочности, совестливости и отзывчивости на чужую беду, то тут у наших тогдашних неграмотных, задавленных беспросветной, неоплатной работой давыдовских женщин и нынче не грех бы кое-кому поучиться.

Помню я, например, как привезли к нам в Давыдово подростков и детей из блокадного Ленинграда. Возле колхозной конторы, где их высадили, мгновенно собралась толпа баб. А с какими вздохами, охами и слезами разводили и разносили они на руках ребяташек по своим домам!

ДЕЗЕРТИР

Конечно, война полыхала где-то далеко от нас, за полями и лесами. Но порой ее искры залетали и к нам в село, падали и на наши доверчиво обнаженные детские души. Никогда не забуду, как где-то уже к концу военной грозы в лесу возле Горкина пруда, неподалеку от Давыдова, поймали и привели в сельсовет дезертира. Своего, местного, из соседней деревни, его сын в нашей школе учился (фамилию я, конечно, помню, но называть не буду):

Его в лесу поймали летом,
И дезертир, как зверь лесной,
Вдруг из приемной сельсовета
Махнул в раскрытое окно.

И сразу с ближнего пригорка,
В руке сжимая револьвер,
К нему метнулся Рощин Борька,
Наш сельский милиционер.

А вслед за Борькой мы, мальчишки,
Помчались грозною гурьбой,
Мы, как при играх в кошки-мышки,

Кричали дезертиру:
— Сто-о-ой!

— Сто-о-ой!
И когда под пенье пули
Упал, как дуб он на ветру,
Мы Борьку чуть не упрекнули:
Зачем нарушил, мол, игру?

И только, подбежав поближе,
Поверили: убит всерьез...
Там на траве, от крови рыжей,
Лежал оборван он и бос.

А мы терзались:
— Что ж за это,
Что будет Рощину? Конец!
Но подоспевший предсовета
Тряс Борьке руку:
— Молодец!

Потом, заметив вдруг, как вытер
Один — другой из нас глаза,
Добавил:
— Видели? Учитесь!
Все против фрицев! Он был — за!

То было в трудном сорок третьем,
Так жизнь учила нас, юнцов,
Лишь начинавших жить на свете,
Жестокостью твердости отцов.

И пусть десятки лет минули —
Я вновь нет-нет да вспомню вдруг
Про ту оборванную пулей,
Про ту недетскую игру.

И, словно снова возвращаться
Мне в год тот самый, непростой,
За кем-то я готов помчаться
И закричать, как в детстве:
— Сто-о-ой!

Как тогда жалели наши матери мальчонку, сына дезертира, на которого на всю жизнь ложилось теперь черное, несмываемое пятно. Ему-то это за что, он-то чем виноват?

ПЕНСИЯ

Еще запомнилось: война уже окончилась, мать возвратилась из Москвы, куда она ездила на прием аж к самому Калинин у насчет пенсии за моего отца. К Калинин у она, конечно, не попала и попасть не могла, его к тому времени уже не было в живых. Но, прожив несколько дней у бывших наших соседей по электростальской квартире Садыковых, мать все-таки добилась того, что делу был дан ход. Ведь всю войну об отце ничего известно не было, числился он среди пропавших без вести. Ну и, естественно, никакой пенсии нам за него не полагалось.

Уже вскоре (после возвращения матери из Электростали) в Вачский райвоенкомат пришла из Центрального Архива Министерства Обороны СССР официальная бумага такого содержания:

«По документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат Красной Армии установлено, что рядовой Вострилов Василий Егорович, 1910 года рождения, уроженец села Давыдово Вачского района Горьковской области, призванный в РККА в октябре 1941 года Электростальским райвоенкоматом Московской области, пропал без вести в марте 1942 года. Учтен в 1946 году по материалам обращения в Вачский райвоенкомат Горьковской области жены пропавшего без вести Наумовой Федосьи Уваровны, проживающей по месту рождения учтенного. Сведений о Вострилове В.Е. из воинской части не поступало».

Вот, оказывается, когда только хватило армейское начальство моего отца — в марте 1942-го, через четыре месяца после того, как он подал последнюю весть о себе! При этом надо отметить, что процитировал я здесь более поздний вариант ответа из Центрального Архива Министерства Обороны — уже не на материн, а на мой запрос. Та первая бумага, полученная моей матерью из Архива Министерства Обороны в 1946 году, конечно же, у нас не сохранилась. Но в детской моей памяти очень ясно отпечаталось, что был назван в ней и конкретный день, в который мой отец якобы пропал без вести (или в который впервые заметили его пропажу): **6 марта 1942 года**. Помню, как тогда поразила меня эта дата: ведь 6 марта — это мой день рождения, 6 марта 1942-го мне исполнилось ровно 5 лет.

Теперь уже не могу точно сказать, сколько времени прошло. Но в конце-то концов (скорее всего уже в 1947-м) произошло и другое событие, ставшее еще одним результатом поездки матери в Москву и Электросталь: пришел на Давыдовскую почту на ее имя перевод сразу на шесть с половиной тысяч рублей — вся сумма пенсии за отца, не выплачивавшейся на меня в годы войны. Именно в такую сумму была оценена голова моего отца, безвестно (и скорее всего — безмогильно) сгинувшего под Москвой в сорок первом. Для справки: буханка чистого, без подмесей хлеба стоила тогда на базаре восемьсот рублей. В магазинах хлеб отпускался только по карточкам.

И произошли с этой небывалой суммой деньжищ две необыкновенные вещи. Во-первых, принесся их домой с почты и не один раз тщательно пересчитав, мать вдруг обнаружила, что заведующий Давыдовской почтой, добрейший старичок (кажется, его фамилия была Спиридонов, а имени и отчества совсем не помню), выдал ей сверх положенного целую тысячу рублей. И близорук он был не меньше, чем она сама, да и рассеян.

Обнаружилось это к вечеру, когда почта уже была закрыта. Разумеется, всю эту ночь моя мать не спала. Но утром она все-таки безо всяких колебаний взяла все деньги, как они были выданы, и отнесла лишнюю тысячу обратно. Не приняв никакого «вознаграждения за честность» от растроганного до слез старичка Спиридонова (для которого эта тысяча была тоже целым состоянием!), она вернулась домой в явно приподнятом, «облегченном» состоянии. И впредь меня всегда учила: никогда не бери ни одной чужой копейки!

Второе ЧП с полученными за отца деньгами произошло тоже вскоре после их получения — в декабре все того же 1947 года, когда была объявлена денежная реформа. За один день только что полученные матерью 6500 рублей превратились в 650. Они тут же были отданы плотнику, который строил нашу глиняную мазанку. А уж на установленную с этого времени ежемесячную пенсию за отца в 112 рублей мы с матерью и бабушкой Степанидой жили и платили налоги. Потом, после смерти бабушки Степаниды и моего поступления в Вачскую среднюю школу, я учился на эту пенсию.

УРОКИ «ПОЛИТГРАМОТЫ»

По-разному обходилась война с разными людьми. Были ведь и такие, которые не только благополучно, живыми и невредимыми, на тройках с ординарцами (персональных автомашин тогда еще было мало) вернулись с нее к нам в Давыдово, но еще и привезли с собой целые горы чемоданов с никогда не виданными в селе чужеземными суконными и бархатными отрезами, с тогда еще вообще редкими ручными часами и прочими диковинами. Это не считая таких мелочей, как новенькие офицерские фуражки с кокардами и бинокли, сверкающие перламутром банки с леденцами или губные гармошки, с которыми носились теперь от дома к дому радостные дети удачливых счастливых, сразу же, за один день как бы переросшие нас, безотцовщину, на целую голову.

Но мать моя, заметив в моем рассказе об их торжестве нотки обиды и горечи, не дав мне договорить, резко оборвала меня:

— Не завидуй, нечему тут завидовать! У таких же, как мы, голодранцев отнято, только не у русских, а у немецких! Дошло?

Это был первый в моей жизни урок подлинно пролетарского, небумажного интернационализма...

Впрочем, порой преподносили наши безграмотные матери такие «уроки политграмоты» не только нам, своим несмышленным детям, но и своему дипломированному и титулованному начальству.

Уже в пятидесятых годах, когда с пресловутыми «палочками» вроде бы было покончено (но колхозная касса по-прежнему оставалась пустой), как-то застал один из председателей Давыдовского колхоза женщин — доярок и скотниц (мать тогда некоторое время работала на ферме, кого-то подменяла), мирно беседовавших в проходе посреди скотного двора, рядом с не очищенными от навоза стойлами коров. Ну, и, естественно, заметив такое равнодушие, начал их

председатель ругать да стыдить. И несознательные-то они, и лодыри, и еще там не знаю уж какие.

Вот слушали все это бабенки, слушали, а потом одна из них вышла вперед и говорит пылающему благородным гневом председателю:

— Ну, ты, это, насчет сознательности-то, знаешь... это мы слышали. А ты вот лучше отгадай-ка загадку! Скажи нам, как ты сам думаешь: сколько времени человек с семьей может без зарплаты жить?

— Ну, если речь обо мне, — ответил состоявший на «твердом окладе» и еще не подозревавший подвоха председатель, — то сами вы должны знать: ни своего огорода, ни скотины нет у меня! Больше двух или трех месяцев без зарплаты не проживу я!

— А мы вот живем без нее уже девятый месяц, — спокойно, без крика было сказано ему на это. — А на работу все равно ходим, каждый день! Так кто же из нас здесь более сознательный — ты или мы?

ВАЧА — ПЕРВАЯ ЮНОСТЬ

Дорога на Вачу, Филинское — малая Дорога жизни.

В главе о малой Давыдовской Дороге жизни сказать вообще о российских дорогах (две вечные беды России — дураки и дороги).

Я тогда был еще не членом Союза журналистов А.В. Востриловым, а восьмиклассником Натолькой Кибиткиным, каждый выходной приходящим за 18 километров из райцентра к матери в Давыдово.

Вача от «вече»?

Вачская дорога с гудящими столбами (огни на вачском бугре), районная библиотека по вечерам (после школы), Клавдия Михайловна (на квартире), первое стихотворение в районной газете, учителя Б. Гуцин и А. Кочетков.

Из дневника. А.В.Вострилова. 1999 год, сентябрь.

Да, Великая Отечественная не окончилась для наших матерей 9 мая 1945 года, и после где-то в городах радостно отпразднованного Дня Победы мало что изменилось в Давыдове. Но еще один великий подвиг совершила моя мать уже после войны: работая в тогдашнем Давыдовском колхозе «Передовик» за колхозные «палочки», изнемогая под непомерной тяжестью живодерских налогов, она дала мне возможность первым из Давыдова окончить Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Произошло это невиданное и неслыханное для Давыдова чудо прежде всего потому, что, в отличие от многих других давыдовских детей, я был у нее единственным, и, как она сама говорила, не совсем нормальным, не похожим на своих сверстников-одногодков. Уже к пятому классу Давыдовской семилетней школы прочитал я все книги, имевшиеся в Давыдовской сельской библиотеке, и ее заведующая, покойная тетя Маша Гришина (Кербенева), ломала голову в поисках еще не прочитанной мною книги. Учение давалось мне легко: ни-

когда не готовясь специально к урокам, я по любому предмету (кроме математики) мог отвечать на вопросы учителей без запинки. Так что в официальном свидетельстве об окончании Давыдовской семилетней школы (за исключением двух «четверок» все по той же математике) оказались у меня одни только отличные оценки.

А дня через два или три после торжественного вручения нам этих свидетельств в нашу с матерью неказистую, снаружи и изнутри обмазанную глиной избенку, стоявшую почти на самом краю Новой линии, на выходе из Давыдова в Чеванино, будто бы случайно заглянул сам директор Давыдовской семилетней школы Николай Николаевич Волков.

— Что Вы думаете дальше делать со своим сыном, Федосья Уваровна? — спросил он у моей матери.

— Да ведь что делать, Николай Николаевич, — ответила мать. — Колхозные мои доходы хорошо известны Вам. И о том, сколько у меня недоимок и долгов по мясopоставкам и другим налогам, Вы, как секретарь партийной организации колхоза и депутат сельсовета, тоже, наверное, знаете не хуже меня! Так что придется ему вместе со мной идти работать в бригаду или наниматься в пастухи. Может, как-нибудь потом пошлет его колхоз хоть на курсы трактористов что ли?

— Да, о Ваших доходах и недоимках я действительно хорошо знаю, — как всегда, не торопясь, после довольно продолжительного молчания сказал Николай Николаевич. А потом все так же, не спеша, четко отделяя долгими паузами одно слово от другого, твердо добавил:

— И все-таки я считаю, что Вашему сыну, Федосья Уваровна, надо учиться дальше. Дорога в пастухи или трактористы — не для него!

Позднее я узнал, что точно такие же разговоры вел Николай Николаевич с матерью раньше меня окончившей Давыдовскую семилетнюю школу Тамары Никитиной (ставшей впоследствии известной по всей Горьковской области исполнительницей русских народных песен, лауреатом XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, состоявшегося в 1957 году в Москве), а также с родителями других как-либо выделявшихся из общей массы своих учеников. Очень мудрыми и совершенно правильными с педагогической точки зрения были эти беседы нашего директора. Жаль только, что не мог он в каждом конкретном случае конкретно сказать, как надо было выводить сельские таланты в большую жизнь в условиях послевоенной сталинской деревни.

Главная трудность заключалась в том, что прежде, чем взлетать из Давыдова на грядущие высокие жизненные орбиты, будущим давыдовским Ломоносовым и Максима́м Горьким надо было получить аттестат о полном среднем образовании. Причем, в отличие от городских своих сверстников, кончавших не только обыкновенную среднюю школу, а и институты без отрыва от пап и мам, сделать это можно было только в Ваче — нашем районном центре, находившемся в полутора десятках километров от Давыдова. Там, в Ваче, все три года учебы с 8-го по 10-й класс нужно было жить за свой счет на частной квартире. Да еще при этом каждый год платить за свое обучение: обязательной тогда была только школа-семилетка, от платы за учебу в старших классах освобождались только дети погибших фронтовиков. Но и при этом послаблении многим ли в Давыдове была по силам такая роскошь?

Все-таки моя мать решилась на это новое многолетнее испытание. Вместе с сыном тогдашнего председателя Давыдовского колхоза Николаем Петровым

(ныне работающим главой Давыдовской сельской администрации) и сыном моей первой учительницы Олегом Сысоевым (с которым мы все семь лет учебы в Давыдовской школе просидели за одной партой) мы пешком отнесли свои документы в Вачскую среднюю школу, где и проучились потом три года. Домой в Давыдово приходили только по субботам на выходные — и, конечно же, тоже пешком: о покупке велосипеда мне, например, в то время нельзя было и мечтать.

Вообще, эти три года моей учебы в Ваче были самыми трудными в нашей с матерью жизни. Настолько трудными, что даже последовавшие потом тоже не очень-то сладкие пять лет учебы в Горьковском государственном университете, когда я получал стипендию и жил в студенческом общежитии, уже казались мне чуть ли не настоящим раем. Тем более, что нам, студентам, тогда безо всяких проблем в любое время можно было подрабатывать к стипендии на хлеб разгрузкой барж на пристанях и железнодорожных вагонов на вокзалах. Чем почти все проживавшие в общежитии студенты регулярно и занимались все пять лет университетской учебы.

А там, в расположенной на высоком холме, открытой всем холодным зимним ветрам, безлесной Ваче, мы платили за проживание на частных квартирах в основном не деньгами, а дровами, которые мы с матерью (еще на оставшихся от военных времен колхозных быках, а то и на себе, на салазках!) доставляли хозяевам квартир из Давыдова. На санках же каждую неделю привозили себе из дома картошку, капусту, свеклу и соленые огурцы. Что же касается хотя бы самых необходимых денежных расходов, то единственным их источником была мизерная пенсия за погибшего на фронте отца, которой как раз хватало мне в Ваче на хлеб и сахар.

Первый чистый, без подмесей, «магазинный» хлеб и первое мороженое я съел уже во время учебы в восьмом классе в Ваче, первый раз надел фабричные, не матерью сшитые брюки перед тем, как ехать на вступительные экзамены в Горьковский университет. В первый раз прибыл в Горький (а потом и в приемную комиссию университета) в старых дедовских сапогах, с холщевым мешком за плечами, на котором от былых поездок на мельницу еще сохранилась надпись углем: «Вострилов, 50 кг». С полной, так сказать, выкладкой и точным обратным адресом!

Через много-много лет, когда привелось мне прочитать рассказ своего знаменитого ровесника Валентина Распутина «Уроки французского» (и даже посмотреть снятый по нему кинофильм), я был просто потрясен почти детальной схожестью нашего с ним пути из деревенской глубинки к сверкающим вершинам знаний. Запоздалая досада обожгла мне сердце: почему же не я, а он первый догадался рассказать об этом? Да наверняка не только мы с ним, а многие тысячи наших оставшихся без отцов одноклассников, учившихся на вдовьи материнские медные гроши, прошли после войны этот путь. Наверное, это было последнее поколение, вместе со своими ровесниками Юрием Гагариным и Владимиром Высоцким мечтавшее о космических полетах и бессмертии сделанного человеком на земле, а не об упавших с неба долларах и подержанных иностранных «тачках».

Многое мог бы я и добавить к поразившему меня рассказу Валентина Распутина. Ведь, в отличие от героя этого рассказа, учился я в своем райцентре, вдали от дома, не с пятого, а с восьмого класса. Меня интересовали уже не игра в бабки или катание на салазках с гор, а читальный зал Вачской районной биб-

лиотеки, в котором просиживал я над подшивками прекрасного научно-популярного журнала «Техника — молодежи» все свободное от уроков время. То были годы, когда (с моей-то близорукостью и нелюбовью к математике!) всерьез собирался я стать профессиональным астрономом и куда больше времени думал о звездах, чем об унылой, погрязшей в закоренелых грехах земле.

Эти три года учебы в Ваче были не только самыми трудными, но и самыми счастливыми в моей жизни. По понедельникам, когда в четвертом–пятом часу непроглядно-темного и холодного зимнего утра по скрипучему снегу шагал я из Давыдова тогда еще довольно большим, не покинутым волками Ганинским лесом, мне даже в голову не приходило, чем может обернуться для меня встреча с ними. А потом, после Митинских кустов, лес кончался, далеко за горизонтом, на самом краю многокилометровой белоснежной равнины, открывалось передо мной электрическое зарево над ночной Вачей. И монотонное гудение телеграфных столбов, по которым ориентировался я в переметенной частыми буранами дороге, начинало казаться мне самой лучшей музыкой на свете. Как будто вставал перед моим взором не вчера еще считавшийся селом рабочий поселок Вача, а расцвеченный волшебными огнями огромный сказочный город — куда больше Москвы.

А по субботам, когда вместе с Олегом Сысоевым и Николаем Петровым, а также Валей Ключевой и Алей Голубевой из Ганина, Виктором Беззубовым и Валей Скачковой из Березовки и Валей Васильевой из Чеванина (всем было по пути) возвращались мы после окончания учебной недели снова на выходной по домам, никто даже из этих верных моих друзей-попутчиков не задумывался о том, почему это я, внешне участвуя в общих разговорах и шутках, все норовил вырваться вперед, прибавить шагу. И не просто шагал порой, а как бы летел на крыльях.

Только мать моя и знала о причинах таких стремительных полетов, о том, что, кроме нее самой, с нетерпением ждала моих субботних приходов в Давыдово еще одна живая душа. Та, с которой сегодня вечером, после того, как закончатся обычные танцы в клубе, по негласному и нерушимому уговору снова встретимся мы возле «нашего» заветного вяза, неподалеку от ее дома, в самом центре мироздания. И, согреваясь поцелуями, долго еще будем доставать с неба и дарить друг другу звезды. В неполные 16 лет, когда не только вся жизнь, а и молодость еще впереди, это делается так легко и просто...

Первая любовь

Шестнадцать — к тому ж неполных — лет,
Совсем еще неопытным мальчонкой
Я встретился в родном своем селе
С ней — самой лучшей на земле девчонкой.

Тогда-то мир открылся предо мной:
С апрельской предрассветной тишиною.
С ручьями и с капелями. С луной,
Повисшею над самой головою.

Тогда-то понял я, что все легко:
Добыть Жар-птицу. В Антарктиду съездить.
С крыльца рукой достать до облаков.
До самых дальних от Земли созвездий.

Тогда я первый раз заговорил.
О, как я каждый вечер вдохновлялся,
И как я горевал, и как смеялся,
И как я ненавидел и любил!

Теперь я так, конечно, не горю:
Закрыта та далекая страница.
Но как же я свой путь благодарю
За то, что ей вовеки не забыться!

За то, что сердце тот огонь хранит,
За то, что женщина одна — совсем чужая! —
При встречах неизменно говорит,
Что и она об этом вспоминает.

Я слушаю ее. Но я молчу.
И ухожу, прощаясь раньше срока,
Не рассказав о том, как я хочу
Хотя б на час опять туда, к истокам!

Я ухожу.
Мне надо уходить.
Чтоб не будить, чтоб не тревожить слишком
Того, что невозможно вернуть,
Как невозможно снова стать мальчишкой...

ВЕСНА 1953 ГОДА

В те, пока еще трескучие лунные вечера и ночи, мы с моей первой любовью обычно встречались в самом центре родного села, на церковном бугре, где, укрывшись от посторонних глаз, среди облепивших этот бугор частных сараев, можно было чуть не до утра согревать друг друга своим дыханием и путешествовать в мечтах по звездному небу. А также слушать радиопередачи, разносившиеся по всему селу и окрестным лесам из мощного уличного репродуктора, висевшего на верхушке телеграфного столба здесь же, возле самой церкви и магазина.

И вот в один из первых мартовских вечеров все наши звездные мечты вдруг отодвинулись куда-то на самый край Вселенной, а весь окружавший нас унылый, будничный деревенский мирок вдруг заполнили неправдоподобно фантастические, небывалые слова официального сообщения ЦК ВКП(б), Совета Министров и Верховного Совета СССР о резком обострении болезни Великого Вождя и Учителя, Вдохновителя, Организатора и Знаменосца всех наших

побед, Генералиссимуса И.В.Сталина. Бюллетени и о все ухудшающемся состоянии здоровья всегда казавшегося бессмертным Земного Бога передавались также на другой и третий день, пока, наконец, 5 марта суровый голос Левитана из репродуктора не произнес: «Партия и правительство извещают советский народ, все прогрессивное человечество...» — и дальше опять эти неправдоподобно страшные, вызывающие то холод, то жар в крови слова и траурные мелодии...

Это была необыкновенная весна, небывалое время, которое, казалось бы, еще и за месяц до него никому еще и присниться не могло. Едва отгремели в Москве медью литавров и надгробных речей многотысячные похороны (унесшие куда больше несчастных жертв, чем знаменитая царская Ходынка), едва уложили на Красной площади в Мавзолей грузное тело Генералиссимуса, казавшееся особенно большим рядом со щупленькой, ссохшейся за предыдущие 30 лет фигуркой В.И.Ленина, как из того же репродуктора на церковном бугре посыпались все более и более диковинные вести: о «разоблачении» еще вчера всесильного «верного сталинца» Л.П. Берия, о прекращении следственного дела в отношении незадолго перед этим арестованных кремлевских врачей и тому подобные вещи.

Еще стояла в райцентре (и тоже на церковном бугре, рядом с высоченной колокольной, не поддавшейся в конце 30-х годов разрушителям церкви) исполнинская статуя Отца Народов. Еще на уроках истории в девятом классе районной средней школы (где я тогда учился) преподаватель говорил нам о необходимости изучать в подлинниках бесценное сталинское наследие (и особенно непревзойденное военное искусство Генералиссимуса, гениально усеявшего трупами наших дедов и отцов сначала огромную страну от Соловков до Магадана, а потом и всю Европу).

Но уже один из лучших друзей моего детства, мой 16-летний сосед по родному селу Колька Гришин, с которым как-то заскочили мы перекусить в районную чайную за каких-то полчаса до ее закрытия, мог без привычной опаски на весь переполненный обеденный зал вопрошать раздатчицу блюд, уверявшую нас, что ничего съестного на кухне уже не осталось:

— Нет, вы скажите: Лаврентия-то Палыча (то есть только что арестованного сталинского сатрапа Л.П. Берия) кормят, да? А нас, выходит, и кормить не надо?

Уже другого моего соседа, Паньку Олина, с которым росли мы в родном селе через два дома друг от друга и который был всего на два года моложе меня (было ему тогда 14), перестали чуть ли не каждую неделю вызывать с матерью или старшей сестрой в райцентр к особисту «за политику». Великий озорник был этот Панька. Как-то баловался он в нашем сельском клубе с обыкновенной резиновой рогаткой в руках во время танцев взрослых и снарядом, сделанным из алюминиевой проволоки, нечаянно насквозь пробил Сталину лоб на бумажном портрете, висевшем в глубине клубной сцены.

А уж желающих сообщить об этом святотатстве куда следует и даже в свидетели пойти оказалось больше, чем требовалось. Так что за милую душу загреметь бы наш Панька в детскую колонию, если бы не поторопился оскорбленный Панькиным святотатством Гениальный Зодчий Коммунизма сразу же после этого прискорбного случая вознестись на небеса.

А впрочем, какое там вознестись! Нечего было ему, только что отошедшему в мир иной Рукотворному Культур, и делать на небесах: там, если верить

Библии, своих любителей фимиама вполне хватает. Так что, скорее, не вознесся, а грохнулся он в ночь своего упокоения, Всенародный Большой Культ, с уготованных ему еще при жизни заоблачных высот снова на грешную землю. Да не просто грохнулся, а раскололся при этом на многие тысячи живых осколков — средних и мелких «культов» и «культиков».

Живые и на редкость здоровые, в обожаемых ими полувоенных «сталинских» френчах, с такими же, как у их кумира, партбилетами в карманах и «сталинскими» трубками в зубах, верные сталинцы часами пережевывали воздух на заседаниях в разных больших и малых конторах, разглагольствовали о бодро шагающей в светлую даль осчастливленной Сталиным колхозной деревне. Как метко сказал В. Маяковский, «в ручках сплошь и в значках нагрудных» важно шествовали они в родном моем селе по избенкам беспаспортных и бесправных солдатских вдов, «описывая» и отбирая в счет уплаты недоимок и займов все, что еще оставалось там, кроме голопузой ребятни-безотцовщины; чуть не под наганом выгоняли несчастных бабенок в поле, на колхозную работу.

А в добротных, заботливо обустроенных домах наследников Сталина, как и в прежние времена, висели на стенах (порой по соседству с обыкновенными иконами, задернутыми занавесками от постороннего глаза) огромные, хорошо ухоженные его портреты в парадной форме. И пока что не собирались так хорошо умеющие цитировать Сталина титулованные идолопоклонники — хозяева этих портретов — в ближайшем будущем убирать их со стен в кладовки или в сараи...

Еще только начинались «волюнтаристские» эксперименты Н.С.Хрущева по распространению посевов «королевы полей» — кукурузы — до Северного Полярного круга. Еще впереди были 20-летняя полоса брежневского застольного «застоя», многоглагольная горбачевская «перестройка». Потом грянул ельцинский скоропостижный развал великой сверхдержавы, более тысячи лет создававшейся кровью, потом и слезами многих поколений наших предков. Снова наступило время повсеместного возврата к работе без заработной платы, за опробованные еще при Сталине незаменимые «палочки» или лагерную баланду. Все снова и снова возвращается на круги своя, так что впору было бы назвать эту главу словами: «Полвека без Сталина — по-сталинскому пути» или «Дело Сталина живет и побеждает».

Таковы законы созданной им Тоталитарной Системы, умеющей оборачиваться то «коммунистическим будущим человечества», то царством вот-вот наступающей капиталистической справедливости. И просто удивительно, что миллионы вроде бы грамотных людей при каждом новом повороте ее истории не могут разглядеть в ней зримые сталинские черты. Лично я, например, такую свою близорукость могу объяснить только тем, что буквально на другой день после смерти И.В.Сталина, 6 марта 1953 года, мне исполнилось всего лишь 16 лет.

Вачская газета «Ленинский путь», 1952 год, 1 мая:

Родина

Широко раскинулась Советская земля —

Свободная, привольная, любимая моя.

Не окинешь взором нивы и поля.

Стройками народными покрылася она.

**Жизнь кипит повсюду на земле родной —
На горах, в долинах, реках, под водой.
Где пески недавно были, там шумят поля,
Где долины — там поплыли по морям суда.**

**Из руин и пепла встали снова города.
Купол неба голубого над страной труда.
Радостно живут народы на родной земле.
Звезды счастья и свободы светят на Кремле.**

**А. Вострилов,
ученик 8-го класса Вачской средней школы.**

«Ленинский путь», 22 мая 1952 года:

Летняя ночь

**Покрылся лес зеленою листвою,
Шумит она прохладою ночной.
И хорошо после труда дневного
Побывать в лесу вечернею порой.**

**Вдали заря погасла золотая,
Оттуда песня звонкая слышна.
Стоит над лесом тишина ночная,
Льет с высоты на землю свет луна.**

**Зажглись вдали огни села родного,
Всю ночь не смолкнут песни за селом.
И после трудового дня большого
Чуть слышен говор тихий под окном.**

**Бегут быстрее тучки золотые,
А на востоке уж встает заря.
Звучат все тише песни молодые,
Восходит солнце трудового дня.**

**Чтобы светило солнце ярким светом,
Чтоб на земле не допустить войну,
И днем, и ночью памятуя это,
Народ трудом спешит крепить страну.**

**А.Вострилов,
ученик 8-го класса.**

ВАЧА — 1997 ГОД

...Был в Ваче. В редакции — Михайло Иванович Морозов (46 лет). На вопрос о том, как живут: «От путча до путча все лутча да лутча!»

В целом в Ваче все (почти) так же, как было в 1951 году. Только тогда все было впереди (все было «при нем в том добром часе — его Варшава и Берлин»).

...Да светили огни материнской мазанки за (почти вертикальными) буграми! (В пронизанной всеми ветрами Ваче).

Из дневника А.В.Вострилова.

КАК Я НА НИЖЕГОРОДЧИНЕ НЕКРАСОВА ИСКАЛ

В детстве и ранней юности вовсе не из книжек, а по рассказам своих земляков знал я о том, что наш край как-то связан с жизнью и творчеством Н.А. Некрасова. Уже во время учебы в Горьковском государственном университете им. Н. Лобачевского узнал из краеведческих статей о поездках великого поэта в Муром и об его переправах через Оку из доставшейся ему по наследству от отца небольшой деревеньки Алешунина¹ Муромского уезда Владимирской губернии в большое торговое село Клин того же уезда. А что, если заядлый охотник Н.А. Некрасов добирался из Клина² и до наших мест? Во всяком случае, название моего родного села, оказывается, было ему знакомо!

На всю жизнь запомнил я, как памятной весной 1953 года, готовясь к экзамену по литературе за девятый класс, впервые встретил я в каком-то из крупных поэтических произведений Н.А. Некрасова название своего села, напечатанное книжным шрифтом. Врезалось в память и то, что, с детства слышавшись о причастности соседнего с нами Клина к Некрасовской судьбе, не очень-то тогда и удивился я такому подтверждению устных преданий о несомненном знакомстве прославленного поэта с нашими краями.

Потом из памяти выветрилось, в каком именно некрасовском произведении встречал я упоминание о селе Давыдово. Так что когда однажды, через много лет, потребовалось мне сослаться на этот факт, мог я только припомнить, что было то не обычное, рядовое стихотворение, а какая-то крупная, многоплановая вещь. Едва ли не та же самая поэма «Кому на Руси жить хорошо?», в которой говорится и о Клине.

Однако тщательно, чуть ли не по букве (и в первый раз, и во второй, и в третий!) просмотрев текст знаменитой некрасовской поэмы, теперь уже не нашел я в ней никакого упоминания ни о каком Давыдове. Потом чуть ли не по абзацам и отдельным строчкам перелистал другие длинные поэтические вещи и даже некоторые из прозаических сочинений Н.А. Некрасова. И только в поэме «Коробейники» вдруг снова засверкала передо мной негасимым блеском та ска-

¹ Бывшее имение великого русского поэта Алешунино находится верст на тридцать по течению Оки ниже Мурома. Уже в советское время муромские краеведы установили, что Н.А. Некрасов приезжал в свое Алешунино в 1853, 1858, 1860 и 1861-м годах.

² Как и Алешунино, Клин испокон веков относился к Муромскому уезду бывшей Владимирской губернии и только в самом начале 30-х годов только что окончившегося столетия уже при Советской власти вошел в состав создавшегося тогда Вачского района Нижегородской области.

зочная золотая рыбка, которую какое-то мгновение уже посчастливилось мне поддержать в руках в моей безвозвратно улетевшей за синее море юности.

Как, наверное, помнит читатель, поэма «Коробейники» — самое многоцветное и многозвучное, «самое народное» из всех произведений Н.А. Некрасова. Она и начинается-то живой вот уже полтора столетия разудало-лирической песней «Располным полна коробушка», которую народ давно считает своей. В сотканной «по словечку» из фольклора, пронизанной высоким трагизмом и горьким народным юмором поэме этой повествуется о том, как при возвращении домой после долгих летних странствий с товарами по деревням, с богатой выручкой были убиты в глухом лесу два коробейника (бродячих торговца) — старый и молодой.

А перед тем, как совершиться злодейству, старший из коробейников, Тихонич, желая образумить и предостеречь явно задумавшего недоброе случайно-своего попутчика, похожего на высушенный сморчок лесника-охотника, напоминает своему будущему убийце о том, что нынче не только настоящих преступников, а бывает, даже и невинных людей «упекают» в тюрьму. Тихонич приводит конкретный пример такого судебно-чиновничьего произвола:

Надо было из Свиридова
Вызвать Тита Кузьмича.
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку — ткача!

Тогда, много лет назад, при первой встрече с этими опалившими мою душу строчками мне и в голову не приходило, что речь в них может идти о каком-то другом, не нашем Давыдове. Уж больно все совпадало: и то, что по ошибке «упеченный» в острог житель Давыдова Титушка был ткачом (много раз слышал я о том, что в старину в нашем селе чуть не в каждом доме ткали холсты), и обещание младшего из коробейников Ванюшки своей зазнобушке Катерине вернуться домой с деньгами к Покрову: Покров испокон веков был в нашем селе самым главным, престольным праздником. Перед ним кончалась летняя страда, с него начинались осенние свадьбы.

Все так просто и понятно в шестнадцать лет! Однако с годами, конечно же, такая моя уверенность несколько поуменьшилась. Да и история с безусловно знакомым Н.А. Некрасову Клином, оказавшимся в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» аж возле самой Костромы, наводила на многие сомнения. А что если и от нашего Давыдова попало в «Коробейники» одно только название? А то и, чего доброго, совсем оно там не «наше», не «то»?

Ко времени возникновения таких сомнений уже совершенно точно было мне известно, что в одном только бывшем Горбатовском уезде Нижегородской губернии было три населенных пункта с почти одинаковым названием: Большое (или Ближнее) Давыдово, практически ныне слившееся с городом Павлово; наше Дальнее Давыдово, перешедшее с начала тридцатых в Вачский район; село Давыдково, относящееся теперь к Сосновскому району.

О количестве же населенных пунктов с таким названием в целом по России вполне документально свидетельствует обыкновенный справочник почтовых индексов. Так вот, оказывается, населенные пункты с названием Давыдово имеются нынче в Архангельской, Владимирской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Рязанской и Тверской областях.

А какое из этих селений с таким дорогим для меня и моих земляков названием Давыдово было ближе всего самому Н.А. Некрасову, какое конкретно из них упоминается в «Коробейниках»? Ну, конечно же, одно из тех, которые находились на родной для поэта Ярославской (а, может, и Костромской) земле.

Сегодня, когда начинаешь читать «Коробейники» не так, как я их в юности к экзаменам читал, а спокойно и внимательно, всякие, даже малейшие, сомнения в том, какое именно Давыдово там упоминается, сразу отпадают. В тексте поэмы не один раз говорится о том, что описанные там события происходят неподалеку от Костромы, посвящена поэма «другу-приятелю» и постоянному спутнику Н.А. Некрасова по охотничьим странствиям, крестьянину деревни Шоды Костромской губернии Гавриле Яковлевичу Захарову. Вероятно, Г.Я. Захаров же и подсказал поэту сюжет «Коробейников», основанный на действительном происшествии, случившемся в окрестностях Костромы.

Наконец, отыскал я в комментариях к академическому изданию полного собрания сочинений Н.А. Некрасова и конкретную справку о селах, упоминаемых в «Коробейниках»:

«Свиридово — село Красносельской волости Костромского уезда,
Давыдово — село Шуненской волости Костромского уезда».

А то, что нет в сегодняшнем справочнике почтовых индексов того увековеченного в «Коробейниках» села Давыдово из-под Костромы, еще ни о чем не говорит. Может, вошло оно в городскую черту Костромы, а может, и сгнуло давно с лица русской земли — как сгнули только за последние полвека тысячи сел и деревень по всей России!

Вот, собственно, и вся история моих путешествий по страницам некрасовских книг, моих попыток отыскать во времени и пространстве и поныне живущие в памяти народной хрупкие нити родства между моей «малой родиной» и творчеством великого Н.А. Некрасова. Как и когда-то снова выскользнула из моих рук и уплыла в синее море золотая рыбка юности — только теперь уже безвозвратно, навсегда. В последний раз озарило мне душу неземным, дивным светом и погасло еще одно самоуверенное заблуждение далекой молодости — которое по счету?

И все-таки, не считаю я, что время и силы, потраченные на эти многолетние заблуждения и поиски, были напрасными: ведь и отрицательный результат — это тоже результат. Разве мог бы я прожить жизнь, не сделав даже попытки лично проверить то, о чем не раз слышал с раннего детства? Или разве лучше было бы, если бы так и отправился я в свой срок в мир иной в счастливом, но ошибочном убеждении по поводу того, чего не было на самом деле? Наконец, разве стал для меня менее дорог великий поэт России из-за того, что в Клину он, скорее всего, действительно бывал, а вот до моего Давыдова почему-то не добрался?

Что же касается практической бесполезности всех моих изысканий — так ведь разве я первый или последний? Сказал же полтора века назад в минуту душевной усталости и сомнений Н.А. Некрасов:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером.
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем!

ЗВЕЗДА ТАМАРЫ НИКИТИНОЙ

...Должна быть отдельная глава обо всех знаменитостях, побывавших в Ваче (В.Г. Короленко, К.Г. Паустовский, поэт В. Половинкин, поэт Иван Морозов, первая женищина - профессор медицины Н.П. Сулова, член южного общества декабристов Бестужев-Рюмин, герой СССР генерал-майор Константин Ракутин, известная певица Тамара Никитина — серебряный призер 11 Всемирного фестиваля молодежи).

Из дневника А.В.Вострилова.

Ее яркая, не похожая ни на какие другие звезда взошла на небосклон так называемого самодеятельного искусства стремительно и неожиданно — неожиданно не только для окружавших ее людей, но, пожалуй, и для нее самой. И так же внезапно и непредвиденно, как зазвучал, вдруг оборвался и умолк когда-то покорявший весь мир незабываемый, раздольно-русский голос простой чертежницы Горьковского автозавода Тамары Никитиной.

Все было против того, чтобы так много людей услышали этот голос: и суровое время Великой Отечественной войны, на которое пришлось детство и ранняя юность Тамары Никитиной, вместе со старшей сестрой Валентиной и братом Виктором оставшейся без погибшего на фронте отца, и безрадостная послевоенная жизнь семьи в оторванном ото всех культурных центров, родном нашем с ней Давыдове. Мне с матерью и одному-то несладко в те годы приходилось, а их у Тамариной матери трое было!

Так что, когда на 17-м году (благодаря стараниям тогдашнего директора Давыдовской школы-семилетки, ныне-то давно уже покойного Николая Николаевича Волкова, раньше других заметившего ее необыкновенный талант) удалось Тамаре Никитиной получить паспорт и устроиться шлифовщицей металлоизделий на Вачский завод «Труд», где платили «живые», настоящие деньги, то это казалось неслыханным счастьем и ей самой, и ее подругам — ровесницам, обреченным на пустопорожние колхозные «палочки».

Ну, а главная удача была все-таки не в деньгах: там, в Вачском районном Доме культуры, после трудовой смены, проведенной возле шлифовального станка, можно было участвовать в занятиях и выступлениях заводского самодеятельного коллектива, выезжать в составе агитбригады с концертами на предприятия и в колхозы. И хотя уже не привелось Тамаре Никитиной продолжить свое образование, многое дали ей вечерние репетиции в Вачском районном ДК под мудрым взглядом его тогдашнего руководителя, профессионального знатока и ценителя вокального искусства Константина Петровича Ремизова.

Потом, уже после переезда в областной центр, были многолетние репетиции и выступления в качестве солистки народного хора Дворца культуры Горьковского автозавода, где совершенствовала она свое мастерство под руководством заслуженного работника культуры РСФСР Анатолия Петровича Леванова. В разные периоды разными были отношения между А.П.Левановым и Тамарой Никитиной, но и через годы после ранней смерти Тамары Анатолий

Петрович неизменно считал ее одним из самых ярких самородков, встретившихся ему на большом и сложном его творческом пути.

И еще один мудрый, незаменимый наставник всегда был у Тамары Никитиной — родной народ, единственное в мире Давыдово. С детства знакомые давыдовские женщины-колхозницы, материны подруги, в любую минуту привыкшие выплакивать и выплясывать свое вековечное горе-кручину и возле праздничного стола, и на сенокосе или жатве-молотьбе. А также их сыновья, деревенские парни — одногодки, никогда не знавшие нотной грамоты, но всегда умевшие заставить оставшуюся после убитого на фронте отца гармошку говорить человеческим голосом. Это они-то, деревенские соловьи-гармонисты, и были первыми аккомпаниаторами Тамары.

Конечно, так же, как, скажем, в выборе С.П.Королевым Юрия Гагарина для первого полета в космос, была, наверное, и доля везения в том, что на шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов, состоявшемся летом 1957 года в Москве, из более чем полутора тысяч участников конкурса именно наша Тамара Никитина была отмечена серебряной медалью за лучшее исполнение народных песен. Но, во-первых, так же, как и у первого космонавта Земли, вся ее предыдущая жизнь была хорошо сознаваемой подготовкой к этому «звездному часу». А во-вторых, так же, как и через четыре года после нее Юрий Гагарин, сразу же после своего взлета на столь недостижимую для простых смертных орбиту Тамара Никитина с истинно крестьянским достоинством и талантом показала, что выбор высокого жюри Всемирного фестиваля не был случайным.

В то время в шутку и всерьез люди частенько говаривали, что все лучшее, появляющееся в нашей стране, принято у нас вывозить на экспорт. Своего рода таким «экспортным товаром» стало после небывалого триумфа на шестом Всемирном фестивале и необыкновенное дарование Тамары Никитиной. Диплом, полученный на этом высоком форуме, открыл ей дорогу не только на многие лучшие сцены своей страны, но и в огромный зарубежный мир. В составе самых известных самодеятельных творческих коллективов с неизменным триумфом выступала она на Кубе, в Индии, Таиланде, Японии, Индонезии, Норвегии, ГДР и многих других странах.

Но этот оглушительный успех не вскружил голову Тамаре Никитиной. Даже став всемирно известной знаменитостью, не бросила она свою работу чертежницы-копировщицы отдела главного механика Горьковского автозавода, не изменила родной своей нижегородской земле — хотя и не раз получала настойчивые приглашения на профессиональную работу в Омский, Куйбышевский (то бишь, Самарский) и другие народные хоры. Да, наверное, именно то, что не покинула она заводского цеха и не стала профессиональной певицей, и являлось главной причиной того, что всегда чужды были Тамаре зависть и интриги по отношению к коллегам по искусству, деляческий подход к своему таланту, уже и тогда не такой редкий среди людей этой сферы.

Никогда не гнушалась она во время своих ежегодных отпускных поездок на «малую родину» и выйти перед земляками на скрипучие подмостки тогдашнего Давыдовского сельского клуба, всегда бывавшего до отказа переполненным в такие долгожданные для ее односельчан вечера.

Вот, например, как писала об одной из таких встреч вачская районная газета «Ленинский путь» 29 июля 1960 года:

«У своих земляков. 24 июля в Давыдовском клубе было многолюдно и весело. Исполком сельсовета и общественность села организовали вечер

встречи со своей землячкой — участницей VI Всемирного фестиваля молодежи Тамарой Никитиной. Все население пришло послушать песни в исполнении своей землячки.

Вечер открыл член исполкома сельского Совета тов. Кербенев (тогдашний заведующий клубом Иван Михайлович — А.В.). Много говорить ему о Тамаре не пришлось, так как ее знают здесь и старый, и малый, а о своей работе и поездках с концертами в ряд стран она рассказала сама. После выступления Тамара исполнила несколько песен под аккомпанемент местного баяниста Валентина Петрова.

Всем присутствовавшим особенно понравились в исполнении Тамары песни «Вниз по Волге-реке», «Меж высоких хлебов затерялся», «Белым снегом», а также один куплет песни на японском языке. Собравшиеся горячо благодарили землячку за хорошо исполненные песни. Они гордятся тем, что их бывшая односельчанка, простая девушка-колхозница, добилась таких успехов.

М. Прохорова, председатель Давыдовского сельсовета».

Нынешнему молодому зрителю или слушателю, который приходит в животный экстаз от выступлений то и дело сменяющих друг друга, как бабочки-однодневки, «великих» эстрадных «звезд», старательно возмещающих недостаток голоса и таланта оглушительными звуковыми и умопомрачительными световыми эффектами, откровенным кривлянием и раздеванием на сцене, навверное, просто представить себе невозможно, как эпически раздолбно и проникновенно звучали в том же Давыдовском сельском клубе в исполнении Тамары Никитиной «Вниз по Волге-реке», «Утушка ты моя луговая», «Уж вы ветры, ветерочки», «По небу по синему», «Как у нас на лугу», «Расцвела под окошком белоснежная вишня...», «Липа вековая», «Тихий омут», «Вечор ко мне, девице, соловейко прилетел...», «Есть у меня друг, друг тайный...», «Ты воспой, ты воспой, в саду соловейко...», «Посеяли лебеду», «Тополя, тополя» и другие старинные и современные народные песни.

Тамара исполняла их так, как будто сама же она их и сочинила, а слушатели были непоколебимо убеждены в том, что поет она именно о них — и ни о ком больше. Для каждой песни она находила свой особый тон, в каждой музыкальной истории сама была главным действующим лицом, а не посторонней свидетельницей. Во время ее выступлений невольно вспоминались на всю жизнь врезавшиеся мне в память слова, которые еще в детстве слышал я от одного из давыдовских стариков:

— В старинных-то песнях ведь слов немного: одно и то же слово туда и обратно по двадцать раз гоняют. А никому оно, это обкатанное дедами и отцами слово, не надоедает, всех оно за душу берет!

Наверное, это хорошо знала и сама Тамара. Например, некрасовскую «Меж высоких хлебов затерялся...», симоновскую балладу «Как служил солдат» или «Называют меня некрасивою» она обычно исполняла вообще без всякого музыкального сопровождения, как будто просто рассказывала их содержание со сцены. И в то же время это была песня, а не просто рассказ, голос певички звучал в жуткой тишине зала по законам рвущейся из груди песни, а не бесстрастного повествования. А уж слушатели сами мысленно «подставляли» в этот ее рассказ-песню вместо «меж высоких хлебов затерявшегося» незнакомо-го некрасовского села затерявшееся «меж высоких лесов» родное Давыдово,

вместе с Тамарой горевали о погибшем на фронте отце, переживали ее девичьи сомнения по поводу своей внешности.

Кстати, ни красавицей, ни дурнушкой Тамара Никитина не была. Была обыкновенной деревенской девушкой, каких тогда еще, в 60-х, в Давыдове было много. Преображалась она только во время своих выступлений. И уж тут становилась наша Тамара настоящей королевой зала, царевной Лебедью и Еленой Прекрасной! Недаром один из нередко выступавших вместе с ней в составе концертной агитбригады Горьковского автомобильного завода таких же, как сама она, поэтов посвятил ей такие стихи:

Сарафан по-русски ярок,
А коса — пшеничный колос.
Пой, Тамара, пой, Тамара,
Пусть сильнее звучит твой голос!

Замуж Тамара Никитина вышла поздновато, в 27 лет — хотя перед тем «дружили» они с ее будущим мужем не один год. В Ваче, где Тамара работала тогда шлифовщицей на заводе «Труд», Владимир Васильевич Чумаков тоже был на виду: отслужив положенный срок во флоте, некоторое время возглавлял он Вачский районный спортивный союз, сам был хорошим спортсменом, активным участником художественной самодеятельности. Скорее всего, и познакомились они на репетициях в районном Доме культуры.

А когда к Тамаре Никитиной пришла большая известность, перебрались супруги Чумаковы на Горьковский автозавод, где и жили вплоть до мучительной болезни, а потом и преждевременной кончины Тамары — более тридцати лет. Тамарины родные рассказывали мне, что ее неожиданная болезнь и смерть так поразили Владимира Васильевича, что он, как говорится, «выбился из колеи»: после похорон то и дело слушал магнитофонные записи песен Тамары, поставил перед собой на столе ее портрет и целыми часами разговаривал с ней, как с живой, беспрерывно повторяя:

— Когда же ты, золотая моя, меня к себе возьмешь?

Пережил Владимир Васильевич Чумаков свою горячо любимую жену меньше, чем на три месяца, и по его собственному желанию был похоронен в одной ограде с Тамарой в совершенно чужом для него Давыдове.

Своих детей у супругов Чумаковых не было, и весь нерастраченный жар своих душ Владимир Васильевич и Тамара отдавали дочерям старшей сестры Тамары, Валентины Васильевны (кстати сказать, также много лет выступавшей в Давыдовском сельском клубе с исполнением русских народных песен). Так вот, одна из дочерей Валентины Васильевны, Светлана Курылева, в свое время привезенная Тамарой из Давыдова на Горьковский автозавод и ею же устроенная копировальщицей в тот же цех, где работала сама Тамара, фактически и выросла в семье супругов Чумаковых.

Здесь, на Горьковском автозаводе, Светлана Владимировна вышла замуж, родила сына и дочь. Как видно, не без влияния тети Тамары Никитиной, дочь этой племянницы, Ира, тоже всерьез увлеклась музыкой, окончила музыкальную школу. Уже вскоре после смерти Тамары Никитиной семья Светланы Владимировны Курылевой получила прекрасную трехкомнатную квартиру в одном из многоэтажных домов центральной части Автозаводского района Нижнего Новгорода.

Всем, чем могла, помогала Тамара Никитина не только своим племянникам Свете и Тане, но и многим другим людям, особенно землякам. Например, в немалой степени благодаря ее стараниям пришла в мир профессионального песенного искусства ее многолетняя ученица и младшая подруга Раиса Ивановна Маркова из соседнего с Давыдовым села Березовки. При этом Тамару не пугало то, что и репертуар, и манера исполнения Р.И.Марковой многих народных песен были довольно сходны с ее собственными, ей просто в голову не приходило, что со временем эта способная ученица может составить ей конкуренцию на сцене.

Уже после смерти Тамары Никитиной Раиса Ивановна Маркова-Новикова стала известной в нашей области исполнительницей народных песен, достойной продолжательницей ее дела...

Теперь уже в бесконечно далекие годы Великой Отечественной войны и после нее вместе с Тамарой Никитиной росли мы без отцов в Давыдове, частенько встречались в ранней юности в Ваче во время моей учебы в старших классах Вачской средней школы и ее работы на заводе «Труд». Но Тамара была старше меня почти на семь лет. При старшинстве женщины (да еще в раннюю юношескую пору) это большая разница: общих друзей и подруг у нас с Тамарой не было, на гулянки вместе с ней мы не ходили. Тем не менее, две встречи с Тамарой особенно запомнились мне.

Первая из этих встреч произошла, наверное, летом 1952 или 1953-го года, я тогда заканчивал в Ваче восьмой или девятый класс, и в районной газете только что начали печатать мои стихи. Солнечным летним субботним днем возвращался я из Вачи в Давыдово на выходной. И как раз на середине пути, возле Митинских кустов, догнала меня на велосипеде Тамара Никитина, тоже спешившая к матери на выходной после окончания рабочей недели.

Ей тогда было двадцать два года, мне — шестнадцать. Но, узнав меня, она сошла с велосипеда (у меня-то велосипеда не было — не на что было купить!) и уже почти весь остальной путь (километров семь или восемь!) шагала вместе со мной пешком. О многом мы успели с ней за это время поговорить — о моей учебе, стихах, общих вачских знакомых, давыдовских учителях и разных деревенских новостях. Но запомнилось мне, что это был разговор на равных, говорила она со мной, тогда еще мальчишкой, как со взрослым человеком. Притом, человеком своего круга — так же, как и она, поднявшимся над общим давыдовским уровнем и каким-то боком причастным к миру искусства.

А вторая памятная наша встреча с ней случилась уже через 35 лет, дождливым, пасмурным днем 15 сентября 1988 года — меньше, чем за два года до смерти Тамары. В своем дневнике я тогда записал, что вместе с Тамарой Никитиной и ее мужем Владимиром Васильевичем Чумаковым ехали мы в тот ненастный холодный день на рейсовом автобусе из Давыдова в Вачу. Народу в автобусе было немного, мы сели с Тамарой на совершенно свободные задние сидения, и она, не сдерживая слез, всю дорогу рассказывала мне о том, как в 1947 году, уже после того, как она стала лауреатом районного смотра художественной самодеятельности, и с завода «Труд» пришел на нее в Давыдово официальный вызов, тогдашний председатель Давыдовского сельсовета В.И. Романов и председатель колхоза Г.М. Солдатов (большой мастак по женской части!) не давали ей справку для получения паспорта, не хотели отпускать из колхоза.

Как я уже говорил выше, только вмешательство директора Давыдовской семилетней школы Н.Н. Волкова, который был в то время также секретарем

колхозной парторганизации и первым заметил талант Тамары, помогло ей тогда вырваться из колхоза и поначалу устроиться уборщицей в Вачский районный Дом культуры (а уж потом и шлифовщицей на Вачский завод «Труд»).

— Какое это было счастье — днем убирать сцену и зал, а вечером на этой же сцене участвовать в репетициях! — рассказывала теперь Тамара. А я, слушая этот горестный ее рассказ, невольно сравнивал ее судьбу с судьбой знаменитой крепостной актрисы Паши Жемчуговой, ставшей потом официальной женой одного из графов Шереметевых. Только что замуж вышла Тамара не за графа. А во всем остальном их с Пашей Жемчуговой необыкновенные, рано оборвавшиеся жизни были очень похожи. Хотя и жили они в разные времена.

В тот сентябрьский день последней нашей с ней встречи Тамара Никитина с мужем ехала из Давыдова в Вачскую районную больницу, где ей незадолго перед тем была сделана операция. Уже было известно, что у нее был рак молочной железы, в одном месте его вырезали — он дал метастазу в одну из рук, которую во время нашей поездки Тамара держала на привязи. Рука была распухшей, как бревно. Даже голос у Тамары изменился — стал низким, осипшим.

Как все раковые больные, умирала Тамара Никитина мучительно трудно — умирала, не дожив и до шестидесяти лет. В последние дни перед смертью не раз просила свою племянницу Свету Курылеву спеть ей что-нибудь. Сама продиктовала Свете стихотворную надпись для памятника на свою могилу. Похоронить себя завещала в Давыдове.

Расположенные в одной ограде могилы Тамары Никитиной и Владимира Васильевича Чумакова находятся на самом краю Давыдовского сельского кладбища, почти возле деревянного забора, отделяющего кладбище от хозяйственных построек бывшего Давыдовского отделения совхоза «Филинский». Не знаю, есть ли там еще могилы других Задóвых (так в Давыдове называют Никитиных): ведь на сельских кладбищах гораздо больше обыкновенных деревянных крестов, чем металлических памятников. А на деревянных крестах редко помещают портреты и пишут фамилии усопших.

Как и многие другие сельские кладбища, давыдовский «город мертвых» расположен на высоком бугре. Южная его сторона, та, на краю которой находится могила Тамары Никитиной, обращена к околице, Огнixe и к более чем тридцатикilометровому лесному океану, раскинуvшемуся в низине между Давыдовым и главной магистралью России — железнодорожной линией Москва—Казань—Владивосток.

Могилы Тамары Никитиной и ее мужа, от которых открывается незабываемый вид на эти вечно волнующиеся лесные дали, обложены по краям черными мраморными досками. На памятнике Тамары — надпись: «Чумакова-Никитина Тамара Васильевна. 1 декабря 1930 г. — 14 июня 1990 г.». Чуть пониже написаны стихи, продиктованные Тамарой перед смертью Свете Курылевой:

**О, песня русская, родная!
Как ты нежна и глубока.
Горит в тебе, не угасая,
Моя любовь, моя звезда!**

По-моему, Тамара сама сочинила эти стихи.

1954–1957 ГОДЫ...

...Придя после университета, высоких газетных статей и диспутов к Богу, поднялся до того, что знала уже бабушка Степанида, учившая меня: «Богородице дево, радуйся!»

Из дневника А.В.Вострилова.

Вачскую среднюю школу окончил я в 1954-м, на выпускном экзамене по истории мы уже говорили об «отдельных искривлениях генеральной линии партии, связанных с культом личности Сталина». А летом 1956-го, к концу моей учебы на втором курсе Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, когда Н.С. Хрущев уже разрешил выдавать колхозникам паспорта, как-то увидел я на трамвайной остановке объявление о том, что средней школе № 123 города Горького требуются уборщицы. Кончалось объявление четырьмя ошеломительными словами: «Предоставляются городская прописка и жилплощадь».

Побывав в школе № 123 и выяснив все подробности необычного набора уборщиц, я тотчас же поехал к матери в Давыдово и рассказал ей об этом. Несмотря на то, что после своего бегства из Электростали в 1941-м году, мать зарекалась впредь жить в городах, теперь она, не колеблясь, согласилась. Продав за жалкие гроши доставшуюся ей в войну такой ценой нашу глиняную мазанку в Давыдове, переехала в Горький, поближе ко мне. Я и после этого остался в общежитии, но теперь мог уже не заботиться о стирке и починке белья, да и тарелка горячего супа для меня теперь у нее всегда имелась.

Вместе с другой уборщицей, тетей Зиной Якимовой — такой же деревенской бедолагой (а вернее — оставшейся без квартиры вдовой бывшего речника), тоже переселившейся в город поближе к дочери-студентке, поселили мою мать в школе № 123 в крохотной двухкомнатной квартирешке, получившейся из бывшей школьной уборной. Одна из комнатшек была проходной, а дверь из квартирki открывалась прямо в школьный коридор.

Занятия в школе шли тогда в две или даже в три смены. Так что, независимо от официально установленных часов своего дежурства, весь день-деньской жили уборщицы в оглушительном шуме и громе, который затихал только поздно ночью. И зарплату они за свой «безразмерный» рабочий день получали грошовую. Потому-то никто из городских и не шел на эту адскую работу. Но деревенским-то женщинам, подобно моей матери, прибывшим в этот ад кромешный прямо с колхозных великих заработков, он казался чуть ли не раем земным.

А еще через три года, когда по назначению государственной распределительной комиссии пришло мне время ехать на работу в районную газету села Тоншаева, расположенного на самом севере Горьковской — Нижегородской области (там тогда еще и электросвет-то бывал только с восьми до одиннадцати часов вечера, от колхозного движка, а в остальное время пользовались керосиновыми лампами), мать безо всяких раздумий отправилась вместе со мной в тоншаевскую Тьмутаракань. Отправилась, хотя прекрасно знала, что и сам я не собирался там задерживаться дольше положенного молодым специалистам срока. И несмотря на то, что к тому времени появилась у нее реальная возможность получить в городе настоящую, а не пришкольную жилплощадь. Как раз

тогда вышло постановление райисполкома о выселении уборщиц из здания школы в коммунальный жилищный фонд. И уже вскоре после ее отъезда со мной в Тоншаево (мы с ней очень скоро стали называть его Тошняевым) все проживавшие в школе № 123 технические работницы были «рассованы» по коммуналкам. После давыдовской глиняной-то мазанки и школьного ада и это было бы великое благо!

А когда окончательно поселился я на Бору и обзавелся собственной семьей, все заботы матери были направлены только на то, чтобы сохранить мир между нами и вырастить наших детей. Во многих ли семьях в наше время уживаются свекровь со снохой? И если это удалось нам на протяжении почти полутора десятка лет (до смерти матери), то главная заслуга в этом принадлежала прежде всего ей. И с нашими детьми, своими внуками, мать водилась чуть ли не до последнего вздоха, пока оставались у нее хоть какие-то силы...

В 1957-м году, когда мы с другом моей студенческой юности Володи Зыковым во время летних каникул больше недели жили в Москве, целыми днями знакомясь со столицей, я специально съездил в Электросталь. По рассказам тогда еще живой матери нашел дом, в котором когда-то проживали мы до войны, ночевал у наших бывших соседей Садыковых, сидел на нашей общей с ними коммунальной кухне. Побывал и в комнате, где когда-то рос до четырех с половиной лет. Мне даже показалось, что за 15 минут, в течение которых я разговаривал с новыми жильцами этой комнаты о погоде, газетных новостях и прочих ничего не значащих пустяках, мне удалось вспомнить, где в пору моего детства стояли там стол, кровать и другие предметы обстановки.

А вот побывать на заводе, где в то время еще наверняка могли оставаться люди, работавшие до войны, а может быть и воевавшие вместе с моим отцом, у меня тогда почему-то не хватило времени. Вернее, даже не времени, а понимания того, что жизнь безостановочно меняется — и то, что доступно сегодня, завтра невозвратно канет в вечность. Очень даже может быть, что вполне реальную возможность узнать конкретные обстоятельства гибели своего отца безвозвратно упустил я тогда по молодому своему легкомыслию.

А спохватился я об этом только через 40 лет после той первой своей поездки в Электросталь и даже после развала Советского Союза — когда в стране началась широко рекламируемая подготовка к 50-летию Победы и изданию Книги Памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны. Но в результате довольно долгой и хлопотной переписки удалось мне лишь установить, что и поныне в Электростальском горвоенкомате сохранились старые книги учета призывников, в одной из которых есть запись и о призыве 22 октября 1941 года моего отца в действующую Армию: дело № 36, том 1-й, порядковый номер В-62.

На мои попытки выяснить, существует ли в настоящее время и как называется теперь предприятие, на котором до войны работали мои родители, один явно не страдавший недостатком политической и всякой иной бдительности «товарищ» из Электростали тогда ответил мне:

«Уважаемый т. Вострилов!

Как Вам дорога память об отце, погибшем во время войны, так и нам дорога память о предприятии, находившемся до войны и во время ее на месте, где мы сейчас работаем. Это было предприятие «Почтовый ящик № 3». Поэтому занесите, пожалуйста, в Книгу Памяти и предприятие п/я № 3 с почтовым адресом: г. Электросталь Московской области.

С уважением, зав. канцелярией Мокеев Ф.А.

18.02.92г.»

ПОЕЗДКА В ЭЛЕКТРОСТАЛЬ, 1998 ГОД

Летом 1998 года снова оказался я в Электростали. Побывал возле здания бывшего Электростальского военкомата, откуда в 1941-м забирали в армию моего отца — оно стоит в двух шагах от вокзала. Там же, в привокзальном скверике, где установлен памятник-часовенка с негасимым огнем, обошел гранитные плиты с именами электростальцев, погибших в годы войны. Фамилии моего отца среди них не было. Не оказалось ее и в Книге Памяти воинов Ногинского района Московской области (в который до войны входила Электросталь), хранящейся в бывшем городском музее боевой и трудовой славы, громко именуемом теперь Пропагандистским центром (уж не знаю — города или завода).

Впрочем, я уже и до этого знал, что и не могло ее там быть, фамилии моего отца, после того, как в 1946-м году по запросу моей покойной матери все призывные документы отца были пересланы в Вачский райвоенкомат. Потому и включен он был потом не в число павших на фронтах электростальцев, а в Книгу Памяти погибших Вачского района Нижегородской области. Не по месту призыва, а по месту своего рождения.

Совсем просто оказалось найти и бывший номерной завод, на котором до войны работали мои родители: он там, в Электростали, всегда был, по существу, единственным — как теперь говорят, градообразующим. Несмотря на всегда окружавшую его великую секретность, все в городе от мала до велика во все времена знали, что был тот завод снаряжательным, то есть специализировался на снаряжении металлических корпусов снарядов, мин, авиабомб и прочих боеприпасов соответствующими взрывчатыми веществами.

В годы моего детства в Давыдове мать не раз рассказывала мне, что работала она на заводе в Электростали на конвейере, по которому всю смену проходили перед ней пустые корпуса снарядов. А она и ее напарницы по работе вручную насыпали в эти снаряды порох или какую-то другую взрывчатую смесь. Не то что лишний раз отлучиться в туалет — даже в ночь под 8 марта 1941 года, когда дома метался в предсмертном жару мой трехлетний братишка Юрочка, мастер не отпустил ее с этого конвейера к умирающему ребенку. То ли действительно в ту смену некому было ее заменить, то ли требовалось для такой замены письменно заявлять об ее необходимости заранее.

Знали женщины, работавшие на конвейере, только свой конкретный участок, так как строгости тогда на заводе были необыкновенные: чтобы хоть на минуту зайти в другой цех, надо было получить специальное разрешение. Вот у моего отца был постоянный пропуск на посещение сразу нескольких участков производства, так как был он слесарем по ремонту внутризаводских водопро-

водных сетей и системы парового отопления и по роду своей деятельности должен был бывать в разных цехах. Разумеется, получил он такой пропуск только после того, как до седьмого колена была проверена вся его давидовская родня, а сам он подписал соответствующее обязательство о неразглашении военной тайны.

Нынешнее официальное название завода — ОАО «Электростальский машиностроительный завод» (или «Элемаш»). За прошедшие с довоенной поры десятилетия характер производства на нем, по существу, не изменился. Только снаряжаются (или наполняются начинкой) теперь на нем не артиллерийские снаряды и авиабомбы, а ядерные котлы атомных электростанций (и атомные бомбы?). Ну и, конечно, уже не порохом или динамитом, а соответствующей новым изделиям начинкой. Об этом совершенно открыто, со многими цветными фотографиями, рассказывается в заводских рекламных проспектах.

Спрос на продукцию «Элемаша» и сегодня, в эпоху всеобщего финансово-экономического кризиса, огромен: работает он не только на нашу атомную промышленность, но и по заказам стран СНГ и еще более дальнего зарубежья. На зависть работникам всех других окрестных предприятий на «Элемаше» и сегодня довольно высокая зарплата, а главное — выплачивается она безо всяких задержек, вовремя. Об этом рассказал мне один из работников заводоуправления, за одним столом с которым я совершенно свободно, безо всяких пропусков, пообедал в главной заводской столовой.

Несмотря на то, что адрес после поездки 1957 года давно уже был утерян (осталось только у меня в памяти название улицы — Рабочая), довольно скоро отыскал я и дом, в котором мы жили до войны. Как мне и помнилось по первому посещению Электростали, оказался он на самой окраине города, да и от завода за тридевять земель. Собственно, почти уже и не в самом городе, а возле следующей после Электростальского вокзала железнодорожной станции «Машиностроитель», расположенной между Электросталью и Ногинском.

Не зря, значит, моя покойная мать много раз говорила мне, что железнодорожная станция была у них прямо перед домом. Она и сейчас находится там же, только, если уж говорить точно, не перед домом, а «наискосок» от него. Как раз в этом месте идущая из центра города автомагистраль пересекается с железнодорожной веткой Электросталь–Ногинск. В одном углу образовавшегося при этом четырехугольного перекрестка (впритык к шоссе) находится железнодорожная платформа станции «Машиностроитель», а в противоположном ему — бывший наш дом. Кажется, в геометрии такие расположенные друг против друга углы (в отличие от смежных) называются вертикальными.

Все там же находится станция — только, конечно, вряд ли бы теперь мои отец и мать сразу узнали ее. Не было тут до войны ни этой высоченной посадочной платформы, ни огромных пирамидальных тополей вдоль всей железнодорожной линии и возле самого бывшего нашего дома. Вместо дымивших тогда на весь белый свет допотопных паровозов и деревянных, простеньких вагонов (в которые легко можно было заскочить на ходу) подкатывают теперь к платформе современные электрички, в которые не зайдешь, как бывало, прямо с земли. Да ведь и люди, ожидающие поездов на платформе, тогда, наверное, выглядели совсем по-другому.

А вот дом № 3 по улице Рабочей, в котором жил я примерно с годовалого возраста до четырех с половиной лет (родился-то, конечно, в бараке, который давно снесли!), сегодня, в век космических ракет и атомных электростанций,

выглядит как бы перенесенным сюда из того, бесконечно далекого довоенного времени. Как будто бы слепленный из одного лишь бетона двухэтажный монолит с пожарной лестницей на чердак с одного из торцов и с окнами первого этажа, поставленными чуть ли не на уровне земли (мы-то, по-моему, как раз и жили на первом этаже), он, наверное, с той довоенной поры всегда и окрашивался одной и той же грязно-желтой краской. И крохотный дворик возле него, как когда-то, забит до отказа. Только теперь уже не только деревянными сараями жильцов, а еще и какими-то складскими помещениями одной из коммунальных контор, занимающейся благоустройством города (об этом гласит надпись возле входа в нее).

Несмотря на отсутствие хорошего обзора из-за деревьев, разросшихся между станцией и домом, все-таки сфотографировал я его прямо с платформы, походил вокруг монолита, в котором я когда-то делал свои первые шаги, до прибытия моего поезда. Но в сам дом я на этот раз так и не зашел: кого я там мог бы увидеть?

Ровесница моей матери тетя Надя Садыкова наверняка уже давно в мире ином. Две ее дочери, с которыми я когда-то играл в детстве, а в 1957 году всего лишь один вечер посидел за одним столом, поди-ка, еще тогда, после первого моего приезда в Электросталь, повыходили из родительского дома замуж и давно уже стали бабушками. А их более поздним потомкам (а тем более какой-то другой семье, въехавшей в их квартиру) в наше-то криминальное время вполне могу я показаться каким-нибудь аферистом, пытающимся с корыстной целью втереться к ним в доверие. Еще вызовут милицию, начнут справки наводить!

Да и вообще, что я хотел найти в Электростали? По рассказам матери я представлял себе свою довоенную «малую родину» как место, где были сплошные бараки да болота. Почему-то я думал, что там все так и осталось по сей день. А увидел вполне современный, многошумный город ничуть не хуже самой Москвы (только, конечно, размерами поменьше). Или как наш нижегородский Дзержинск, тоже ведь выросший на месте дремучего соснового леса на берегу Оки и тоже, как и Электросталь, на протяжении всего своего существования работавший на номерных химических и военных заводах. И внешне похожи они, как две капли воды.

Еще не так давно Министерство обороны СССР было одним из самых богатых в стране ведомств. И стоит ли удивляться тому, что как в Электростали, так и в Дзержинске давно уже выросли на месте бараков и болот многоэтажные, благоустроенные здания, сияющие огнями неоновых реклам? Что там, где когда-то наши отцы и матери в фуфайках и кирзовых сапогах спешили по непролазной грязи на завод, сегодня широким, обсаженным зеленью проспектам катят комфортабельные троллейбусы и трамваи, наполненные празднично одетыми, совсем другими людьми?

Даже по сравнению с тем, что я видел в Электростали в 1957 году, здесь все неузнаваемо изменилось.

Да и разве в таких только крупных промышленных центрах, как Электросталь, с каждым годом необратимо меняется жизнь? Изменения происходят в любом рабочем поселке и даже в селах — хотя, конечно, и не так стремительно, как в городах. Вот, скажем, еще во времена моей учебы в Вачской средней школе стоял в Ваче, через дорогу от здания Госбанка, деревянный военкомат, из которого под неистовый рев гармошек уходил в 1932 году на действитель-

ную военную службу мой отец, а в военные годы — давыдовские мужики на фронт. А теперь там на месте того бывшего деревянного военкомата — частный огород.

А кто в Давыдове нынче помнит, что еще во времена моего детства и ранней юности находилось в самом центре села, на берегу пруда, по дороге от церковного бугра и магазина на Бобылки, старинное деревянное здание, в котором до революции была церковно-приходская школа, а в советское время — сначала народом, а потом — клуб и библиотека? Сколько поколений молодых людей сходились по вечерам на танцы в этот клуб! А теперь там тоже сплошные высоченные заборы да огороды.

А сам я разве всегда оставался неизменным? Как будто бы вчера было мне четыре с половиной года, и вот с этой станции провожал нас с бабушкой Степанидой из Электростали в Давыдово отец. И вот уже я, разменявший седьмой десяток седой ветеран брожу по совершенно незнакомой для меня Электростали, тщетно отыскивая в ней следы безвозвратно канувшей в вечность довоенной поры. Целая жизнь со скоростью электрички пронеслась между двумя этими веками, а я ее словно бы и не заметил. Как мудро сказал тридцатилетний Сергей Есенин:

Жизнь моя,
Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Да что там брать начало и уже приближающийся конец жизни? Даже на протяжении значительно более коротких отрезков времени и сами мы, и окружающий нас мир становятся совсем другими. Еще только каких-то полтора десятка лет назад, к 40-летию Победы, написал я поэму «Отцовский узелок», которая и самому мне казалась неплохой удачей. А сегодня перечитываю ее заключительные строки — и уже прекрасно чувствую, как они газетны и риторичны, как наивно звучит их казенный оптимизм в новое время.

Все-таки приведу их здесь — так, как они были тогда написаны:

Только став отцом,
С любовью к жизни прочною
Прошагав по тысячам дорог,
Понял я: нет, не забыл — нарочно ты
Мне, отец, оставил узелок!

Что ж, все верно!
Мчит сквозь тучи грозные
Век наш, не жалея скоростей.
Открываем мы дороги звездные,
Пашем землю и растим детей.

А грядет гроза —
Ее встречаем мы
Как бойцы — с винтовкою в руке.
И в наследство детям оставляем мы

Шар земной в отцовском узелке!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Послесловие

Ну, вот и побывали мы, дорогой читатель, на том свете — все, о ком я рассказывал, давно уже в мире ином. А для чего ездят на тот свет, встречаются с тенями мертвых, перекапывают горы пыльных архивов? Не лучше ли по достоинству ценить каждый миг настоящего и вовремя помогать тем, которые пока еще живы?

Видишь ли, друг, на свете вообще довольно много вещей и явлений, которые не поддаются объяснению с точки зрения их практической целесообраз-

ности. Зачем, например, внуку или даже правнуку, родившемуся через много лет после Великой Отечественной войны, десятилетиями разыскивать место гибели своего деда или прадеда, тратить на это время, силы да и деньги тоже? Чтобы в конце этих многолетних поисков посидеть десять-пятнадцать минут там, где и могилы-то нет как таковой, а в лучшем случае стоит простенький, покрытый ржавчиной обелиск — один на все неузнаваемо изменившееся, огромное поле боя?

Почему человека неудержимо тянет к тому месту, где он когда-то родился — хотя там даже и малых признаков этого главного события его жизни давно уже не осталось? Зачем снова и снова вызывать в памяти нестареющие образы давно отживших, отработавших и отгоревавших свое отца и матери, если сам ты давно уже дед и вот-вот отправишься вслед за ними?

А тем более — какой смысл воскрешать и описывать зыбкие облики тех своих земляков, которые жили за двести и за триста лет до нас, чьи и кости-то, поди-ка, в земле совсем уже истлели? Ведь оно, то никому из живших незнакомое, книжно-архивное Давыдово, которое впервые за всю историю села первому открылось мне сегодня, пожалуй, еще дальше от нас, чем какая-нибудь расположенная за тысячи световых лет от Земли туманность Андромеды!

Давно уже нет того Давыдова, в котором когда-то прошли мое детство и отрочество: взорвана и растащена тракторами простоявшая полтора столетия сельская церковь; даже и пней не осталось от еще шумевшего в наше время прекрасного монастырского дубняка возле школы; болотной зеленой ряской затянулись бывшие монастырские пруды. По дороге на Кочнёву Слободу там, где когда-то стоял наш деревянный сельский клуб (до нас бывавший еще и народом), теперь раскинулись огороды, обнесенные высокими заборами. На месте бывшей нашей мазанки — огромный домик вроде бы и знакомых, да совсем посторонних, равнодушных к прошлому новых хозяев. А могучая, необхватная ветла, когда-то посаженная перед нашими окнами покойной бабушкой Степанидой, чужой холодной рукой обрублена до того, что кажется воткнутой вершиной в землю, а толстенными, уродливыми корнями — вверх.

Давно не осталось в селе ни близких родственников, ни одноклассников, так же, как и я, разлетевшихся по большим и малым городам, по всему свету. Куда ни пойдешь по как будто бы ставшим ниже ростом, чуть не до пояса тебе, обезлюдевшим, обветшавшим улицам — повсюду встречается все новое, другое, незнакомое племя. И только на плывущем сквозь время, покрытом березами кладбищенском бугре, где догнивающие деревянные кресты все чаще заменяются вполне современными металлическими обелисками и оградами, то и дело попадаются на нержавеющей табличках и керамических портретах до боли знакомые фамилии и лица. Стоят посреди молодой буйной зелени, как живые — и только, что не поздороваются, не спросят: «А помнишь?»

И Огниха с Романовкой тоже давно уже не те — насквозь проломаны и покалечены они гусеничными лапами стальных чудовищ, протоптаны сапогами и колесами, перемазаны-пропитаны насквозь соляркой, мазутом и бензином, сведены до голых пней беспощадным топором и бензопилой. Задыхаются от все наглее наступающего из лесной чащи дикого кустарника когда-то зеленые, как майский березовый лист, Поповы луга, Селянка и Шумилово, заросли щетиистой желтой осокой Попова яма и Горкин пруд. Совсем пересох Тросклеи, мутным от переполнивших его минеральных удобрений и ядовитых стоков со скотных дворов стал когда-то чистый, как детская слеза, Илимдик. Того и гля-

ди, все обветшавшее и обезлюдевшее, доживающее свой трудный век село и окружающие его поля превратятся в одно большое, безмолвное кладбище.

Так какой же сказочной богатырской силой должна была переполниться за прожитые здесь людьми века моя главная «малая родина», если и сегодня, когда давно уже стала она не моей, лучшим лекарством ото всех моих недугов и невзгод остается для меня ежегодная отпускная поездка в неотвратимо меняющее свой повседневный облик, а, может быть, и умирающее Давыдово? Хоть на один только день в году, на одну короткую, как прожитая жизнь, летнюю ночь! Как будто кто-то и в самом деле ждет меня там, как будто кому-то я там и сегодня нужен.

Не потому ли это, что на любых своих дорогах поныне чувствую я ничем не измеримую и не искупимую вину перед давно покинутыми родными могилами и неотвратимо уходящими в небытие живыми? Перед не вернувшимся к дедовскому тополю отцом, перед без остатка отдавшей мне все свои силы матерью, перед без меня состарившейся первой любовью. Перед ребятишками Давыдовской школы, которым не я рассказываю на уроках о наших общих предках, когда-то расчищавших в непроходимой чащобе место для нашего Давыдова. Перед сведенными теперь на нет родными давыдовскими лесами, в которых не посадил я ни одного, даже самого малого деревца.

Чем ближе подходим мы к закату жизни, тем дороже нам ее истоки. Тем лучше виден нам из любого конца Земли никогда не гаснущий свет в окошках давно не существующего материнского дома. Тем слышнее сквозь годы голоса друзей детства и голос собственной юности. И тем больше хочется, как когда-то в ночной Огнixe, доставать руками до звезд!

Никакая, даже самая расчудесная, машина времени не поможет нам хоть на миг снова вернуться в то Давыдово — как нельзя возвратиться во вчерашний день. Да и ни к чему в него возвращаться. А вот сохранить наши документальные свидетельства и воспоминания о времени нашей молодости для наших детей и внуков не только можно, но и необходимо. Как жалел я, работая над этой книгой, о том, что не догадался в свое время порасспросить деда Егора — о Франции, тетку Анастасию — о внешнем облике и характере первых давыдовских коммунистов и «кулаков», свою мать — о подробностях ее короткой жизни с отцом в Электростали!

Человек должен помнить о своих корнях, знать, по чьим могилам он ходит. Ведь человек без корней — это перекасти-поле, Иван, не помнящий родства. Кстати, люди, никогда не имевшие дела с архивами, поди-ка, и не догадываются о том, что на протяжении многих веков называли себя таковыми наши крепостные предки не по своей воле, а в силу суровых обстоятельств, заставлявших их скрывать свое настоящее имя и происхождение. Бежал в старину крепостной мужик от невыносимых притеснений своего кровопивца — помещика, через какое-то время ловили его, начинали наводить следствие — вот он и прикидывался дурачком, не помнящим, откуда и кто он такой. Так и писали в соответствующих официальных бумагах: «бродяга, не помнящий родства». А самое главное — имени и названия вотчины того помещика, от которого он бежал и насильственное возвращение к которому было для него хуже смерти.

Не считали полноценными людьми свою «крещеную собственность» и сами «просвещенные» дворяне, безраздельно владевшие телами и душами крепостных рабов. На конном заводе графов Шереметевых в селе Юрине, например, велись поименные родословные книги племенных кобыл и жеребцов, подобный же строгий учет породности был заведен и на псарнях, где содержались охотничьи собаки. А в ревизских сказках тех же Шереметевых, составлявшихся старостами в селе Дальнем Давыдове, у многих предков и односельчан вплоть до середины девятнадцатого века (когда официально было отменено крепостное право) даже не все главы крестьянских семейств назывались по фамилии. Чаще всего их именовали просто по собственному имени с прибавлением имени отца: Василий Михайлов сын, Гликерия Иванова дочь — и так далее.

Это — в главном официальном документе, предназначенном для распределения подушной подати. В более же обыденных бумагах Павловской и Панинской вотчинных контор, независимо от пола и возраста, сплошь и рядом упоминаются то вдовец Прошка Астафьев, то девка Февронья Афонасьева (опять-таки по именам отцов, а не по фамилии). Собственные же имена младенцам, родившимся в крепостных семьях, как известно, давали не родители, а священник (при обряде крещения). Отец выбирал сыну невесту, а дочери — жениха. И его воля была не менее обязательной для исполнения, чем воля барина или священника.

Самодержавно-крепостнический, сословный и семейный гнет всегда неразрывно переплетался на Руси с гнетом национальным. Кто только ни управлял несчастной Россией на протяжении всех столетий ее существования: и гордые залетные варяги, и глубоко чуждые русскому народу по вере, языку и образу жизни татаро-монгольские ханы, и увенчанные российской короной чванливые немцы и полунемцы. Это не могло не оказывать постоянного негативного воздействия на образ мысли и уклад жизни не только безграмотных и бесправных «низов», но и приближенных к престолу привилегированных «верхов», постоянно искавших покровительства и дружбы титулованных чужеземцев, открыто превозносивших все иностранное и поносивших свое, исконно русское.

О каком национальном самосознании, уважении к своему народу и обыкновенном человеческом достоинстве можно было говорить, если даже в обыденной, повседневной жизни «высшего света» первым признаком хорошего тона было умение изъясняться не на родном своем, а на французском языке?

Но, как родительский дом греет только до времени, как первая любовь далеко не всегда становится законной женой и спутницей жизни, так и отчий край с годами нередко бывает нам тесным.

Вот и я всю жизнь прожил в двух измерениях: физически — в Нижнем Новгороде и на Бору, а душой — в Давыдове. Давно уже нет там не только матери, тетки Анастасии или дяди Дмитрия, но даже и дальних родственников. Давно нельзя стало ночевать в готовом в любую минуту обрушиться бывшем дедовском доме. А я все каждый год, как к особому, ни с каким другим не сравнимому празднику, готовлюсь к поездке на свою «малую родину». Хоть на один день отправляюсь на встречу со своим детством и юностью, с самим собой. Всего-то до четырнадцати с половиной лет, до ухода на учебу в Вачу, прожил я

в Давыдове, а наполненные неповторимым ароматом давыдовских трав и лесов, непонятные для других слова «Пекса», «Илимдик», «Огниха», «Романовка» все волнуют меня до слез, все звенят в моем сердце неувядающими песнями молодости.

Нет, я не призываю всех ушедших когда-то снова переезжать из комфортабельного уюта современных городов на места стертых с лица земли сел и деревень, в ставшие пустыми, мертвыми саркофагами бывшие дедовские избы. Жизнь нельзя остановить или «переиграть» снова — как нельзя возвратиться в собственную молодость. Вот и эту особую для меня книгу о земле своих предков писал я не в Давыдове, а посреди многоэтажных каменных громад, под грохот металла и беснование доносившихся из открытых окон дикарских джазов, а не под утренние переливы жаворонка, парящего над пробудившимся от зимней спячки отцовским полем. Писал не тогда, когда хотел, а после утомительной многочасовой газетной службы за кусок хлеба, по вечерам и по ночам — «во вторую смену». Как наши матери-солдатки работали когда-то по ночам на своем спасителе — «усаде» после дневной каторги на колхозном поле за печально знаменитые «палочки».

Возрождение страны должно начинаться не с фантастического возвращения в невозвратимый вчерашний день, а с сегодняшнего обновления наших исковерканных душ, с нашего преображения из вековечных крепостных рабов и бездумных «винтиков» Тоталитарной Системы в свободных людей. Всю жизнь шел я к этой заветной книге, вынашивал ее десятилетиями с тайной надеждой на то, что когда-нибудь да послужит она хотя бы частичным искуплением вольных и невольных моих грехов перед землей моих предков и перед всем остальным. Но пока я, всю жизнь раздваиваясь между тем реальным миром, в котором жил, и тем, который носил в своей душе, писал эту книгу, опустела моя «малая родина», вымер читатель, который знал то Давыдово, в котором мы когда-то с ним жили. А сам я за это время превратился из переполненного великими планами «юноши бледного со взором горящим» в больного старика, всю жизнь прожившего не на своем месте, игравшего не свою роль в жизни.

Так, может быть, хотя бы завтрашний читатель этой книги, наши дети, внуки и будущие жители села Давыдова, как из беспристрастного архивного документа, узнают из нее о том, что и в наше небывало трудное время великих потрясений и великих невзгод носили мы в глубине своих сердец что-то неподвластное повседневной суете, не оцениваемое ни в какой валюте?

Я знаю, что есть такое несравнимое ни с какими другими ценностями, такое единственное место на Земле, каким является для меня Давыдово, в душе любого человека. Для кого-то такой неприметной «малой родиной» было не отдельное, имеющее длинную историю село, а, скажем, похожий на глубокий каменный колодец двор многоэтажного городского квартала, оживающая только летом пристань на реке или состоящий всего из трех домов железнодорожный разъезд посреди непроходимой тайги. Независимо от того, где эта «малая родина» находится и какая она, для тех, кто с рождения носит ее в душе, она бесценна и бездонна — как бесценен и бездонен любой отдельный человек. А все вместе эти не подлежащие никакому сравнению с другими места, эти пока еще живые клеточки России и называются нашей огромной, общей для всех великой Родиной.

Все мы виноваты в ее нынешних бедах, в том, что разорвали невидимые нити, веками связывавшие нас с нашими отцами и дедами, разлетелись друг от

друга дальше, чем звезды во Вселенной. И от того, сумеем ли мы снова обрести эти не подлежащие никаким разрывам родовые корни, найти дорогу к живущему рядом ближнему и к самим себе, зависит наше будущее, завтрашний день тех, кто будет жить на нашей земле после нас.

Либо мы станем, наконец, единым и могучим народом свободных людей, либо мы погибнем!

Есть на земле
Таинственная сила,
Что заставляет нас порой прийти
К тропинкам детства, к дедовским могилам,
К истокам давним своего пути.

Понятней формул
Атомного века,
Больнее всех сверхсовременных гроз,
Та сила где-то в сердце человека
Шумит листвой родительских берез.

Она пьянит
Куда сильнее, чем водка,
Когда в родном, покинутом краю
Встречаешь ты знакомых одногодков,
Сквозь жизнь пронесших молодость твою.

И только им
Признаешься ты честно,
Что прожил жизнь с мечтою голубой
Об этой встрече, как о лучшей песне,
Что до нее ты не был сам собой!

А. Вострилов, 1987 год.

«Вачская газета», 30 августа 2000 года:

ВОССТАНАВЛИВАЮТ ЦЕРКОВЬ

Еще прошлой зимой в с. Давыдове состоялся сход граждан, на котором сельчане решили «всем миром» восстановить здание некогда разрушенной церкви и начать в нем богослужение. Председателем приходского совета избрали уважаемого на селе ветерана Федора Васильевича Прохорова, председателя местного совета ветеранов войны и труда. Вместе со своим заместителем Н.В. Петровым он и взялся за организацию, как говорится, святого дела.

Уже весной начались в здании бывшей церкви первые ремонтные работы, на Пасху состоялось богослужение. Сейчас утвержден Устав церкви, у приходского совета имеется своя печать, в Вачском универсальном филиале Навашинского отделения Сбербанка открыт расчетный счет, на который все желающие могут перечислить деньги для поддержки начатого дела. И пожертвования уже поступают.

Председатель приходского совета Ф.В. Прохоров рассказывает: «Помогают нам не только отдельные граждане, но и организации, предприниматели. Например, Вачское лесничество выделило пиломатериал на ремонт здания и крыши, изготовило новые рамы. Металлурги из Выксы обещали помочь с железом, а вот сейчас ищем стекло (как минимум его нужно 35 квадратных метров). Конечно, приходится ездить, просить — и у земляков, и у людей порой незнакомых. Много времени этому уделяет мой заместитель Н.В. Петров, да и другие. Дело с места тронулось. И надеемся, не приостановится, вроде и у нас в районе много есть людей отзывчивых».

Мечтают давыдовцы о том, чтобы к зиме начать в здании постоянное богослужение. Главное сейчас для них — решить ряд хозяйственных вопросов, в том числе и с отоплением: видимо, печи придется восстанавливать.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Г. Чеботарев. Третья встреча

ЗАЧИН. Из дневника А.В.Вострилова

Часть первая
СРЕДИ МУРОМСКИХ ЛЕСОВ

Давыдово – село старинное
Озарение отца Серафима
Блаженная Неонилла, мать двух обителей
    В родном Давыдове
    В далекой Кутузовке
    Взгляд через века
Необыкновенная Вера Соколова, прероначальница монастыря
    Из столицы – в Муромскую глушь
    Начальник – это тот, кто начинается
    Не духом святым единым
    Соборный храм и сборные книги
    От Шипки до Кубанок
Ревизские сказки и метрические книги
Отец Иоаким, паcтырь душ человеческих
Община становится монастырем
От копилки до компьютера
Епископ Модест в Давыдове
Лесничество

Чему граф Шереметьев крестьян учил
И так попадали в солдаты
По чужому жребию
Монастырь в 1907 году
Зверское покушение на жизнь священника
25-летие служения игумении Августы
Кабы не кайзер Вильгельм
Как дед Егор Францию спасал
Несчастье от ливня

Часть вторая
КОГДА БОГИ СОШЛИ НА ЗЕМЛЮ

Так начиналось в Москве
Так продолжалось в Нижнем
1917 год в Давыдове
Амос - мудрец деревенский
Когда боги сошли на землю
    Как церкви от золота освободили
    Воспитание «нового» священника
    Так смолкли на Руси колокола
Не стало бога - отлучили и от земли
    Как хлеб у крестьян добывали
    Газетной строчкой и ночным арестом
    Брат на брата, сын на отца. Коллективизация совести
«Черное воронье» – в «черные воронки»
Все вокруг колхозное
Великий исход
Деревянная зыбка

Часть третья
ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ

Отцовский узелок
Письмо из сорок первого
За ценой не постояли
Последний выстрел Виктора Зуева
Не вернулись с Великой Отечественной
Через годы после войны
Давыдово в Вачской газете «Большевитский путь»
Как Давыдово светом воссияло
Детство в Давыдове
Матери наши – солдатки
Поглядели бы монашки...
Кусок хлеба с маслом
Фаина Владимировна
Карандашный генерал

Кочетки
О любви
Теркин на станции Степурино
Дезертир
Пенсия
Уроки «политграмоты»
Вача – первая юность
Весна 1953 года
Как я на Нижегородчине Некрасова искал
Звезда Тамары Никитиной
1954 – 1957 годы
Поездка в Электросталь, 1998 год

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ. Послесловие

Примечания

С о д е р ж а н и е

На заднюю обложку:

Наверное, вам знакомо чувство, которое возникает в поезде дальнего следования, когда вы оказываетесь на день-два в одном купе с добрым пожилым соседом-попутчиком. Под тихий монотонный стук колес он начинает рассказывать о своей жизни и людях, с которыми сводила его судьба, о друзьях и врагах, о любви и ненависти. А вы, поджав под себя ноги и отхлебывая из стакана в подстаканнике черный от добавленной соды железнодорожный чай, слушаете его и думаете сразу обо всем – и о том, что он говорит, и о своем. Вы знаете, что рассказ его предназначен не столько для вас, сколько для него самого. Вы знаете, что все, что он говорит – правда, потому что он сойдет с поезда, а вы поедете дальше и больше никогда его не увидите, так зачем лгать?

И оттого ли, что встреча произошла случайно, оттого ли, что она была короткой, оттого ли, что поверили каждому слову, а может, оттого, что поезд идет все дальше и дальше, и соседа уже нет рядом, вы начинаете думать о *своей* жизни. Иногда с жалостью, иногда с гордостью, но чаще – с тревогой.

Такое же чувство возникло у меня, когда я читал книгу

А.В. Вострилова. Бережно собранная его детьми из лоскутов разрозненных, иногда неочевидно связанных между собой мыслей и чувств, доверенных дневникам, а порой являющая образцы по-настоящему высокой художественной прозы, книга эта не учит, не воспитывает и не развлекает. Она просто подталкивает к размышлениям.

Придирчивый читатель, конечно, найдет в ней немало неточностей и стилистических погрешностей. Но тот, для кого важнее искренность и честность автора, его стремление обдумать и понять историю и судьбу своей страны, своего народа, определить свое место и время, прочтя эту книгу, непременно задумается о своей жизни.

Он, автор, сошел с поезда. Мы продолжаем ехать – каждый до своей станции - и думать о своей жизни. Иногда с жалостью, иногда с гордостью, но скорее всего, с тревогой.

ский,

Алексей Скуль-
журналист

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Нижегородские епархиальные ведомости» № 9, 1903 г., с. 335-341.

(сноска на с. 12)

² См. ксерокопию записи о рождении Неониллы Борисовны Захаровой в метрической книге Дальне-Давыдовской сельской церкви за 1814 год (ГАНО, ф.570-й, оп. 4-я, ед.хр. 2597, с.39) – на стр.270?

(сноска на с. 14)

³ Березовка и поныне располагается в полуверсте от Давыдова, за бугром, разделявшим тогда Горбатовский уезд Нижегородской губернии, в который входило Дальнее Давыдово, и Муромский уезд Владимирской губернии, в который входила она.

Что же касается деревни Якунихи (далее называемой также Якуниным), то селения с таким названием ни вблизи, ни вдалеке от Давыдова никогда не было и нет. Скорее всего, им могла быть исчезнувшая в советские годы с лица земли небольшая деревенька Яковлево, входившая в те времена в приход Мещерской церкви и в состав соседней с Давыдовым Новосельской волости Муромского уезда Владимирской губернии. Или и поныне живое село Яковцево, расположенное в полутора-двух десятках верст от Давыдова, на берегу Оки. И тоже входившее тогда в Муромский уезд Владимирской губернии — А.В.

(сноска на с. 16)

⁴ Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), ф. 570-й, оп.557, ед.хр. 170.

(сноска на с. 17)

⁵ ГАНО, фонд 570-й, оп. 557, ед.хр. 65.

(сноска на с. 17)

⁶ Переселение Неониллы Борисовны Захаровой и ее сподвижниц на Кряжеву Сечь произошло с разрешения помещицы Авдотьи Ивановны Суровцовой, владевшей Кряжевой Сечью. — А.В.

(сноска на с. 19)

⁷ См. главу вторую «Озарение отца Серафима»

(сноска на с.20)

⁸ Ближайшее от Давыдова селение с таким названием находится в современном Городецком, ещё одно – в Варнавинском районах Нижегородской области, за полторы-две сотни верст от Давыдова. — А.В.

(сноска на с. 21)

⁹ Между прочим, единственная дворянка, постоянно проживавшая в Давыдове в первой половине XIX века. Замуж не выходила, умерла, видимо, в 1862 году в возрасте 61 года. — А.В.

(сноска на с. 21)

¹⁰ Оформление дарственной монастырю на эту землю заняло более полутора десятка лет и закончилось только в 1867 году. Официальная переписка, связанная с этим делом, занимает в Нижегородском областном архиве 240 листов (А.В.). ГАНО, ф. 570-й, оп. 558, ед.хр. 161.

(сноска на с. 23)

¹¹ Эта хорошо известная всей Москве (да, пожалуй, и России) незаурядная женщина ещё не раз встретится нам на страницах нашего повествования. Почему-то летопись Дальне-Давыдовского женского монастыря называет её Аглаидой, хотя в мире она была Прасковьей, а

в монашестве (как только что сказано выше в тексте, к которому относится эта сноска) – Алексией. Или у неё было несколько имен? – А.В.

(сноска на с. 23)

¹² ГАНО, ф. 570, оп. 558, ед.хр.129.

(сноска на с. 25)

¹³ Достаточно напомнить, что официально на его имя в своё время была приобретена земля для создававшейся Неониллой Борисовной Захаровой Дальне-Давыдовской женской общины, под его руководством возводились первые постройки для неё. – А.В.

(сноска на с. 25)

---

⁶ ГАНО, ф. 570, оп.559, ед.хр. 32 (листы 90-92) – Отчеты и ведомости о благосостоянии монастырей Нижегородской епархии за 1873 год (январь 1874 года)

(сноска на с. 48)

⁷ ГАНО, ф. 570, оп. 558, ед.хр. 160

(сноска на с. 49)

⁸ ГАНО, ф. 570-й, оп. 559, № 32 (1873 г.)

(сноска на с. 52)

⁹ ГАНО, ф. 570-й, оп. 558, ед.хр. 213 (1864 г.)

(сноска на с. 53)

¹⁰ Поскромничал Иван Ефимович: фактически он был уже купцом, а не мещанином! – А.В.

(сноска на с. 53)

¹¹ ГАНО, ф. 570, оп. 558, ед.хр. 199 (1864 г.)

(сноска на с. 53)

¹² ГАНО, ф. 570-й, оп. 558, ед.хр. 250.

(сноска на с. 55)

¹³ Москва, изд-во «Юридическая литература», 1985 год. Речи известных русских юристов. С. 352.

(сноска на с. 62)

¹⁴ ГАНО, ф.570, оп. 559, ед.хр. 46 (1874 г.)

(сноска на с. 62)

¹⁵ Через 30 лет, в подобной же «Ведомости» за 1889 год (ГАНО, ф. 570, оп. 559, ед.хр. 105) отец Иоаким повторяет этот пункт с точностью до знаков препинания, добавляя в него только одно слово: «Содержание их самое скудное».

(сноска на с. 68)

¹⁶ ГАНО, ф. 570, оп.4, ед.хр. 2599.

(сноска на с. 69)

¹⁷ В июльском номере «Нижегородских епархиальных ведомостей» за 1904 год была напечатана большая заметка о жизни и похоронах Луки Ивановича Хвощева, написанная его коллегой - священником с. Колпенского отцом Леонидом Делекторским – А.В.

(сноска на с. 69)

¹⁸ ГАНО, ф. 570, оп. 558, ед.хр. 436.

(сноска на с. 70)

¹⁹ «Нижегородские епархиальные ведомости», 1882 г., № 13.

(сноска на с.72)

²⁰ «Нижегородские епархиальные ведомости», 1886 г., № 18.

(сноска на с.73)

²¹ Там же – 1890 г., № 7.

(сноска на с. 73)

²² Там же – 1892 г., № 14.

(сноска на с. 74)

²³ ГАНО, ф. 570, оп. 559, ед.хр. 124 (1891 г.)

(сноска на с. 74)

---

²⁴ Заметим: автор летописи – женщина. Так оно и должно было быть. Кому же еще и писать историю женского монастыря, как не женщине? – А.В.

(сноска на с. 78)

²⁵ См. главку 13-ю главы «Необыкновенная вера Соколова».

Так вот где она доживала свой век, бывшая фрейлина императорского двора, бывшая знаменитая баронесса П.Г. Розен – в Дальне-Давыдовском женском монастыре! К моменту этого приезда Епископа Модеста в Давыдово ей было 63 года. 13 лет прошло со времени суда над ней в Москве и шесть с лишним лет – со дня кончины Веры Ивановны Соколовой на чужбине – А.В.

(сноска на с. 80)

²⁶ Вот кто, оказывается, главный автор «Летописи Дальне-Давыдовского женского монастыря» – бывшая игуменья Митрофания (она же – бывшая баронесса П.Г. Розен, сама называющая себя в этой «Летописи» «близкой к Вере Ивановне Соколовой особой, проживавшей в Москве»)!

Но, конечно, Прасковья (или Аглайда?) Григорьевна только свела воедино и отредактировала то, что было начато еще Верой Соколовой (об этом говорится несколькими строками выше), а также сохранившиеся в народных преданиях красочные устные рассказы Неониллы Борисовны Захаровой об явлениях ей Божией Матери, живые свидетельства бывшего жителя села Натальина

Дубова и старицы Марфы Артемьевны об их разговорах с Серафимом Саровским и другие материалы. – А.В.

(сноска на с.80)

²⁷ ГАНО, ф. 581, оп. 2, ед. хр. 14

(сноска на с. 85)
